

Правительство Республики Калмыкия
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

**ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА ЮГА РОССИИ:
МЕЖДУНАРОДНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

Материалы II Международной научной конференции
(г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.)

Элиста
2016

УДК 80 + 93 + 316
ББК 80 + 63.3 + 60.5
Г 945

Международная научная конференция проводится при поддержке
Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова, Правительства Республики Калмыкия, СПК
ПЗ «Первомайский», Кетченеровского РМО, Лаганского РМО, Черноземельского РМО,
Яшкульского РМО, ООО «ЕвроСибОйл», КРОО КО «Родной край»

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Редколлегия:

д-р ист. наук Э. П. Бакаева, канд. филол. наук Е. В. Бембеев,
канд. юрид. наук Е. А. Гунаев, канд. филол. наук В. В. Куканова,
канд. ист. наук И. В. Лиджиева, канд. филол. наук Э. У. Омакаева

Г 945 **Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие.** Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 288 с.

Данная книга представляет собой доклады и сообщения Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие», посвященной 75-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. В них освещается широкий круг проблем, связанных с развитием науки в южнороссийском регионе, с исследованием языка, литературы, фольклора, современной и традиционной культуры народов России и Центральной Азии, с которыми калмыцкий народ связан этногенетическими истоками и этнокультурными контактами. В сборнике также отражены исследования по социально-экономическим и экологическим проблемам современного общества.

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

ISBN 978-5-906881-01-4

ISBN 978-5-906881-01-4

© ФГБУН Калмыцкий институт
гуманитарных исследований РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «История народов Юга России: методологические и теоретические аспекты исследования»

Айтберов Т. М. Монгольские народы и вопросы истории Дагестана с привлечением арабоязычных и местных текстов	9
Ахмадов Я. З. От Гражданской войны до коллективизации и «большого террора»: судьбы горцев и терских казаков	10
Байтенов Э. М. Следы джунгарской истории в Тарбагатае	15
Бадмаева Е. Н. Органы власти и управления сельским хозяйством в Калмыкии в период НЭПа	16
Белоусов С. С. Православное духовенство Калмыкии. 1964–1991 гг. (социодемографическая характеристика)	18
Буратаев Е. Г. Каменное средневековое изваяние из курганной группы Восточный Маньч	19
Джунджужов С. В. Отчет А. М. Позднеева как исторический источник о конфессиональной жизни калмыков-буддистов Уральского казачьего войска	20
Иноземцева Е. И. Средневековый Дербент — важный узел крупномасштабной транзитной торговли двух континентов	21
Иноуэ Т. Востоковедение и управление в Российской империи (на примере взаимоотношений между калмыцкими нойонами Тюменями и царским правительством в XIX в.)	23
Каманджаев Н. А. Социально-экономическое развитие постсоветской Калмыкии в 90-е годы XX века	23
Кекеев Э. А. Статистический и пространственный анализ курганной группы Восточный Маньч	24
Китинов Б. У. Ламы и ханы: к специфике взаимодействия институтов власти у ойратов (калмыков)	25
Кольцов П. М., Ашкаев М. С., Эльтеева Г. В. ГИС-технологии в археологических исследованиях	26
Команджаев А.Н. Политика российской администрации в Калмыкии в начале XX в.	27
Комаров С.Г. Тюркские кочевники Восточной Европы домонгольского времени по данным краниологии: основные итоги исследований	31
Кульганек И. В. История и культура монгольских народов в российских политико-административных и научных архивах	32
Лиджиева И. В. Институционализация системы местного самоуправления Калмыцкой степи в рамках имперского законодательства	33
Максимов К. Н. Историческая наука Калмыкии: достижения и проблемы	37
Мининков Н. А. Федор Калинич Траилин — исследователь донских калмыков	39
Наранжаргал Н. Социализмын үеийн монгол-халимагийн шинжлэх ухаан, соёлын салбарын харилцаанд холбогдох зарим мэдээнүүд (1957–1989 он)	39
Natsagdorj B. The torgud Gomang lama Dondub Gyatso (?–1710)	40
Оконова Л.В. Отчеты Управления калмыцким народом: из опыта выявления источника	41
Очиров У. Б. Республиканские Книги Памяти Калмыкии как источник по истории Великой Отечественной войны	43
Очиров У. В. Великая Отечественная война и нормы международного гуманитарного права	47
Очир-Горяева М. А. Актуальные проблемы изучения археологических памятников Республики Калмыкия	48

Попова И. Ф. Классическое востоковедение на современном этапе: проблемы и перспективы	49
Ряжев А. С. Австрийские миссионеры-католики на южных территориях России в 30-х – начале 60-х гг. XVIII в.	54
Сивков С. М. Кубанское казачество в поиске своего пути в годы Гражданской войны ..	55
Тапкина А.О. Источники о трудовом устройстве спецпереселенцев-калмыков в местах спецпоселений	55
Тихонов А. К. Религиозная ситуация во Владимирской области на современном этапе	62
Цуцулаева С.С. Роль традиций и обычаев в жизни чеченского народа в период депортации	63
Четыррова Л.Б. Калмыцкий Базар как место торговли и аккультурации	64
Шалак М. Е. Свидетельства иностранцев о военном деле в Крымском ханстве (конец XVI – нач. XVII вв.)	65
Эмгенов С. Н. 51-я армия в боях на территории Калмыкии: краткий обзор отечественной историографии	66

Секции «Этнология и этнография: методология и материалы исследований»

Астафурова Т. Н. Этнокультурная специфика дискурса ландшафтного дизайна	67
Бакаева Э. П. К вопросу о символике женского платья калмыков	68
Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н. Гора Цамбагарав в культуре олётгов Монголии	71
Батыров В.В. Малая моногамная семья у калмыков во второй половине XIX в.	73
Батырева С. Г. Современное искусство в музее КИГИ РАН: от этнографизма к этничности	74
Баширов С. Э. Удины Юга России: история, миграция и современное бытие	76
Белозёрова М. В. Некоторые тенденции билингвизма и перспективы развития национальных языков у коренных народов Российской Федерации	78
Бурыкин А. А. Сочинение Т.Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. и проблемы истории и этнографии калмыков по печатным источникам второй половины XVIII века	80
Бурыкин А. А., Басангова Т. Г. Этнографический комментарий к тексту «Путешествия в Арзрум»	83
Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М. Из истории основания родового села Тевзана этнического общества Элистанжой	87
Данакари Р. А. Этническая группа удины в мультикультурном пространстве Юга России	91
Джамирзаев С. М. К вопросу развития этнотуризма в Чечне как важного культурно-экономического ресурса (ценности и перспективы)	95
Кидирнязов Д. С. Взаимовлияние народов Северного Кавказа в материальной сфере в XVIII – первой половине XIX в.	97
Марзаева М. Б. К проблеме формирования позитивной этнической идентичности студенческой молодежи Калмыкии	100
Мошулдаев Б. В. Кидани и цзубу	102
Мошулдаев Б. В. Сякюсн-сюме — первый буддийский храм Калмыкии новейшего времени	104
Огнева Е. Д. Сакральное изобразительное искусство Калмыкии в Украине (танки в собрании Национального музея изобразительных искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, Киев, Украина)	106
Орлова К. В., Бакаева Э. П., Музраева Д. Н. О пяти божествах-покровителях олётгов сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии	107

Пахолова И. В. От «чужого» к «другому»: трансформация восприятия калмыков в российском обществе в XVII–XIX вв.	109
Садовой А. Н. Черноморское побережье Кавказа: к проблеме исследования ассимиляционных процессов	109
Таркова Р. А. Установление Советской власти в Астраханской губернии: завершение процесса аккультурации калмыков	111
Тюхтенева С. П. Этноним «ойрот» как вид «критической» этнокультурной идентичности у современных алтайцев	112
Ушницкий В. В. Об ойратско-бурятском компоненте в этногенезе саха	113
Шараева Т. И. Этническая идентичность сквозь призму художественного произведения (на примере произведений Б. Дорджиева)	114

Секция «Современные этносоциальные и этнокультурные трансформации на Юге России»

Андреева А. А. Юг России в контексте фронтальной методологии и типологии	115
Ануфриева Е. В., Дулина Н. В., Петрунева Р. М. Межкультурная коммуникация студентов Юга России в условиях глобализации (из опыта проведения научных конференций с участием студентов)	115
Бадгаева Д. Н. Наукометрический анализ кросс-цитирования в научных периодических изданиях: к проблеме измерения «влиятельности» журнала	116
Бадмаева Н. В. Роль этнической идентичности в миграционном процессе	118
Гунаев Е. А. Пенсионеры в Республике Калмыкия как социально-демографическая группа: основные характеристики	119
Гунаев Е. А. Проблема возрождения национального языка в Республике Калмыкия: современная ситуация и пути решения	122
Дулина Н. В. Студенты Юга России в процессах социальной трансформации	124
Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Динамика социальной роли молодежи в условиях трансформации: гендерный аспект	125
Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Жить единым человеческим общежитием? (или студенты о своих взаимоотношениях с представителями других национальностей)	125
Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Штрихи к картине этнокультурной трансформации Юга России	126
Дулина Н. В., Овчар Н. А. Религия в повседневных практиках студенческой молодежи Юга России	127
Енчинов Э. В. Государственная национальная политика в Республике Алтай в начале XXI в.	128
Кадаева А. Г. Динамика засоленности воды в озере Маныч-Гудило	129
Каргаполова Е. В., Дулина Н. В. Образование как один из факторов социальной трансформации Юга России	131
Ким И. А. Корейское население Юга России (по данным советских переписей населения)	132
Колесников В. А. Феномен этнонации в России	132
Костин М. В. Создание долговечных лесных культур лиственных пород на автоморфных степных почвах	133
Кулик К. Н. Социально-экономические последствия опустынивания в Калмыкии	134
Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В. Проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах ЮФО (обзор научных исследований)	134
Лиджи-Горяева С. Э., Авджаева И. С. О независимой оценке качества предоставления услуг в сфере культуры	138

Лиджи-Горяева С. Э., Оконов Б. А. Коррупция в бизнес секторе Республики Калмыкия (по материалам социологического исследования)	139
Лиджи-Горяева С. Э., Бурлыков Д. А. Независимая оценка оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания	140
Магомедова М. З. Конфессиональная картина Северного Кавказа	141
Маштыков К. В. Мониторинг растительного покрова пастбищ пустынной зоны	145
Наднеева К. А. О культуре монгольских народов	147
Намруева Л. В. Сельская жизнь в Калмыкии: традиции и новации	149
Намруева Л. В. Сельский образ жизни в современной Калмыкии	151
Нусхаева Б. Б. Досуг элистинских подростков (на материалах социологического опроса)	152
Осинский И. И., Тензин Ч.М-Х. Социальная структура тувинской национальной интеллигенции в годы советской власти	153
Осмаев А. Г. Духовное наследие чеченцев (героический эпос «Илли») в воспитании молодежи	157
Подковыров И. Ю., Семенова Е. С. Культурное наследие В. И. Вернадского в формировании экологического императива молодых ученых	158
Садовой А. Н. К исследованию этносоциальных последствий создания горного кластера Зимней Олимпиады 2014 г.	159
Спиридонова Л. Ю., Лиджи-Горяева С. Э., Ункуров Э. Ю. Об исследовании удовлетворенности населения Республики Калмыкия муниципальными услугами (на основе социологических опросов)	159
Ташнинова А. А. Характеристика основных типов почв юга Ергеней	160
Ташнинова Л. Н. Основные этапы развития экологических исследований в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН	162
Уланова С. С. Экологическая паспортизация водных объектов Республики Калмыкия	165
Хашаева А. Б., Лиджи-Горяева С. Э., Сангаева Л. Н. Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия	167
Хлыщева Е. В. Современные этнокультурные тенденции в Нижневолжском пространстве	168
Хныкин А. С., Костин М. В. Население пауков Аршань-Зельменского стационара Института лесоведения РАН	171
Церенов С. В. Проблемы демографии и экономики Калмыкии в 2010–2015 годах	172
Шарманджиев Д. А. О состоянии института семьи и семейных ценностях в средствах массовой информации Республики Калмыкия (2012–2015 гг.)	173
Юсупова Г. И. К проблеме трансформации этнической структуры населения Дагестана в постсоветский период	174

Секция « Национальные языки как основа сохранения и развития культурного многообразия России»

Асаналиева К.А., Трофимова С.М. Место пословиц и поговорок с зоонимами в системе паремиологических единиц киргизского и русского языков	178
Баранова В.В. Отрицание <i>эс</i> в калмыцком языке	179
Бачаева С.Е. Лексикографические источники Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: обзор и анализ	180
Бачаева С.Е. Сочетаемость прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности (на материале калмыцкого языка)	182
Баянова А. Т., Куканова В. В. Безэквивалентная лексика калмыцкого языка и способы ее передачи в немецком языке	183
Бембеев Е.В., Лиджиев А.Б. О научной экспедиции к шира югурам	185

Бембеев Е.В. Устаревшая лексика калмыцкого языка (на материале письменного памятника XIX века «Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши»)	187
Валиева М. Р. К вопросу этимологии лексемы <i>бурзай</i>	188
Голубева Е. В. Устойчивые сравнения в калмыцком языке	190
Дамбуева П. П. Двучленные страдательные конструкции в «Алтан Тобчи»	191
Дыбо А. В. Хронология разделения монгольских языков по данным тюркских заимствований	193
Дякиева Р. Б. Речевой этикет — универсальное средство отражения лингвокультурных традиций калмыцкого народа	193
Карасик В. И. Оценочные векторы иронической афористики	194
Корнеев Г. Б. О буддийских сочинениях класса «Ламрим»	197
Красавский Н.А. Лингвоконцептология: состояние и перспективы развития	197
Крылов С. А. О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков	198
Кулманов С. К. Принципы работы лексического и морфологического анализаторов автоматического анализа словоформ казахского языка	199
Лиджиева Л. А. Происхождение служебных слов и проблема грамматикализации в калмыцком языке	202
Лиджиев А.Б., Бембеев Е.В. Краткое сообщение о современном состоянии шира югуров	203
Магомедов М. И. Язык как хранитель и способ существования национальной культуры	204
Магомедов Д. М. Актуальные проблемы функционирования дагестанских языков	205
Манджиева Е. К., Менглинова Д. Эргонимы коммерческих объектов города Элисты	206
Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных <i>тəрг</i> ‘круглый’, <i>утулң</i> ‘овальный’	207
Муратова Р. Т. Значения цветообозначения ‘красный’ в тюркских языках Урало-Поволжья	209
Мушаев В. Н. К вопросу о синтаксической омонимии в калмыцком языке	210
Олянич А. В., Боваева Г. М. Паремология калмыцкой глуттонии как образная и ценностная семиотизация народных пищевых предпочтений	211
Омакаева Э. У. Гендерный аспект изучения калмыцких личных имен	214
Очирова В.С. Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком героическом эпосе «Джангар»	216
Псянчин Ю. В., Раемгужина З. М. Ф. Г. Хисамитдинова — известный российский диалектолог, лексиколог и этнограф (штрихи к портрету ученого-тюрколога в связи с юбилеем)	218
Рыкин П. О. Расщепление аффрикат в монгольском диалекте словаря <i>Дада юй/Бэйлу шой</i> (конец XVI – начало XVII в.)	220
Салыкова В.В. Бытовые реалии в калмыцком героическом эпосе «Джангар»	225
Д. Сувданцэцэг Выделительная функция запятой при обособленном определении в русской и монгольской пунктуации	226
Сулейманова Р.А. Отражение древних верований в мусульманских личных именах	227
Трегубова Д. Д. Бурятский язык: пять плюс один рецепт спасения	229
Убушаев Н. Н. Вопросы орфографии и орфоэпии калмыцкого языка	230
Хакимьянова А. М. Понятие красоты в песенной поэзии башкир	231
Хонинов В.Н. Семантическая и звуковая символика имени собственного (на материале калмыцкого и тувинского языков)	233
Яхонтова Н.С. Переводческий метод Зая-пандиты: имена собственные (на материале «Сутры Золотого Блеска»)	235

Секция «Духовное наследие как живая традиция и источник национальной художественной литературы народов России»

Ачинова Г. А., Саряева Р. Г. Трансформация регионального детского журнала «Байр»	237
Басангова Т. Г. Бытовые сказки в «Своде калмыцкого фольклора»	238
Берберов Б. А., Кучукова З. А. Элементы вагантской поэтики в творчестве Аппы Джанибекова	239
Болдырева И. М. Калмыцкие народные сказки в фонограммархиве КИГИ РАН	243
Борлыкова Б.Х. Музыкальный инструмент домбра в этнографии и фольклоре калмыков	244
Ван Е. Символика образа орла в лирике китайского периода Валерия Перелешина	247
Галимеева М. В. Женщина в калмыцкой семье (на примере калмыцких пословиц и поговорок)	247
Горяева Б. Б., Куканова В. В. Традиционные формулы сказочного текста (на материале записей Г. Й. Рамстедта)	248
Горяева Б. Б. Путешествие героя в нижний мир в калмыцких народных сказках	250
Екеев Н. В. Этнокультурное наследие народов Республики Алтай — основа устойчивого развития региона: об исследованиях НИИ алтаистики имени С. С. Суразакова (2012–2016 годы)	251
Есенова Т. С., Горяева В. В., Есенова Г. Б. Влияние гендера на особенности лингвокультуры калмыков	253
Ишегулова А. М. Концепты <i>тыуган төйжк</i> ‘родной край’, <i>табигат</i> ‘природа’ в индивидуальной языковой картине мира (на материале художественных текстов Яныбая Хамматова)	256
Кокшаева Н. О. О книге монгольского ученого Б. Катуу «Монгол туульсын судалгаа»	257
Кучукова З. А. «Все познается в сравнении»: проект спецкурса по литературной компаративистике	259
Манджиева Б.Б. Героический эпос «Джангар» и сказочная традиция калмыков в Своде калмыцкого фольклора	260
Маргушина Д. В. Калмыцкая тема в лирике Ярослава Смелякова	263
Меняев Б. В. Калмыцкая рукописная книга как сакральный объект и источник религиозных знаний	264
Музраева Д. Н. О передаче тибетских имен и эпитетов буддийских божеств в переводе Тугмюд-Гавджи	266
Обоюкова В. В. Локальная специфика эпических песен	267
Омакаева Э. У. Актуальные проблемы изучения аутентичного искусства монгольских кочевников	268
Очирова Н. Ч. Национально-художественные традиции в калмыцкой поэзии (на материале произведений Б. Басангова)	270
Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Шамсутдинова Г. Г., Ишмухаметова А. Ш., Каримова Р. Н. О корпусе башкирского фольклора	272
Селеева Ц. Б. Роль сохранения культурного наследия в самоидентификации личности и этноса	274
Топалова Д. Ю. К вопросу изучения литературной деятельности калмыцкой эмиграции	277
Убушиева Д. В. Археографическое описание текстов песен багацохуровского цикла XIX века	280
Ханинова Р. М. Военное детство в рассказе Михаила Хонинова «На берегу Ухлясти»	281
Сведения об авторах	282

Т. М. Айтберов
(г. Махачкала, Россия)

**Монгольские народы и вопросы истории Дагестана,
с привлечением арабоязычных и местных текстов**

Контакты между дагестаноязычным «миром» Восточного Кавказа и носителями монгольских языков начинаются в эпоху Средневековья, когда выходит на арену истории центральноазиатское племя *авар/абар*. В пределах Восточного Кавказа фиксируется сирийцами 1-й половины VI в. н. э. термин *авар*. Последний отмечается на землях Терско-Сулакского междуречья, большинство населения которого представлено дагестаноязычными аварцами; самоназвание членов аварской элитарной общины — *хунз* «хунзахцы», при том, что в арабографических текстах обозначаются они *авар* в соответствии с концепцией, которую пропагандировала грузинская средневековая историография в лице Леонтия Мровели (XI в. н. э.). Именно дагестаноязычные этносы, чьим общественно-политическим центром обозначен (в X–XI вв.) аварский населенный пункт Хунзах, являются древнейшими (со II тыс. до н.э.) обитателями названного междуречья и прилегающих территорий.

Другое упоминание термина *авар* относится к рубежу IX–X вв. (Ибн Руста, самое начало X в.). Указывается, что «царство» *Сарир* называют также и «Авар». Отождествление этих терминов присутствует в тексте персоязычного поэта XV в. Бадр Ширвани, который пишет, что южнодагестанский Табасаран всегда служит «вратами для Сарира-Авара».

Этноним «авар» проник на Восточный Кавказ — первоначально в Закавказье, а позднее в Нагорный Дагестан — через эфталитов, прорвавшихся в V в. на территорию Ирана. Часть последних могла сохраниться к началу VI в. в Закавказье, а затем могла быть переселена в пределы Дагестана иранскими шахами для защиты (VI в. н. э.) от сабиров и «голубых» тюрок. Данное переселение, результатом которого было привнесение в дагестанские горы этнонима *авар*, можно рассматривать в качестве древнейшего контакта между носителями дагестанских языков и монгольским языковым и военно-политическим миром.

Письменные источники упоминают при описании ситуации в дагестанской части Западного Прикаспия VI–VIII вв. топонимы, которые ориенталист 1-й половины XX в. З. В. Тоган увязывал с монгольским языковым миром «послегуннской» (V–VI вв.) эпохи и озвучивал их как *Балунгар // Барунгар* (в арабографической традиции «Беленджер») и как *Чунгар*. Локализируются указанные прикаспийские топонимы в двух военно-стратегических местностях.

Данная часть монгольского этноса была переселена «голубыми» тюрками с Северного Кавказа в захваченные иранские крепости (VI в.). Обе крепости, имевшие в составе своих гарнизонов этнических монголов, видимо, исчезли в эпоху арабо-хазарских войн (в VIII в.), но при этом допустимо предполагать, что какая-то часть тех монголов (?) укрылась в горах, среди этнических дагестанцев.

Следующий контакт между этническими дагестанцами и монголами произошел в XIII в. В дагестанских источниках того времени монголы зафиксированы как «татары» (подлинная надпись XIII в, вырезанная на камне) и как «тюрки».

В 50-е годы XIII в., в рамках борьбы между золотоордынцами и иранскими монголами, двинулись золотоордынские монголы в направлении Поволжья (?) с территории Закавказского Аваристана (ныне Белоканский район АР) через Главный Кавказский хребет, через Нагорный Дагестан мимо Хунзаха (?) в пределы Западного Прикаспия и дальше.

Данное событие XIII в. отложилось в памяти населения Приалазанья (РА). Дело в том, что одного из монгольских полководцев XIII в. звали Ала-Тимур, а одно из тюркоязычных поселений указанной зоны, построенных в начале XIX в. на земле авароязычных аристократов-елисуйцев (*илуса*), называется Ала-Тимур.

Через некоторое время иранским монголам удалось включить западную часть Горного Аваристана в состав Гуржистанского *вилаята* своей великой империи. Факты позволяют предполагать при этом, что в верховьях Сулака, а также в исконно авароязычной зоне Присамурья были построены тогда монгольские укрепленные пункты. В них были рассажены воины с самоназванием *монгол* (по-аварски *мугьал*). После падения Хулагуидов часть этих «монголов» осталась в дагестанских горах под названием *мугал*. Они поддерживали в бою «чистокровных» воинов, которых называли *лезгинами* (*лезгиял*). Когда горные аварцы, изгнав грузинских феодалов из восточного Приалязанья (АР), расселились в XVII в. в названной благодатной зоне, пришли они туда как единый этнос, состоявший из «лезгинов», их «рабов» и авароязычных «мугалов».

Как результат этнических процессов русскими фиксировались на территории Приалязанья две группы европеоидных «мугалов». Первые — авароязычные, приведенные туда из гор Дагестана в пределах XVI–XVII вв. Вторые — тюркоязычные, приведенные аварскими войсками в XVIII в. из-под Тбилиси, где стояли при Хулагуидах монгольские отряды.

Авароязычные «мугалы» еще в 60–70-е гг. XX в. именовали себя в Баку *лезги-мугьал*. Они показали и показывают себя более преданными аварской идее, чем авароязычные переселенцы советской эпохи.

Калмыцкий фактор получил отражение в топонимии Терско-Сулакского междуречья и в преданиях, которые записали в XIX в. Согласно названным преданиям, в числе врагов арванийцев был этнос по названию *гармук* (*гьармухь*), т. е. калмыки. Сохранились подлинные арабоязычные послания дагестанцев XVIII в. с упоминанием калмыков. Например, есть письмо от правителей кумыкского «города» Эндирея, направленное правителю Аварии, которое датируется началом XVIII в. В нем сообщается, что эндиреевцы находятся в опасности по причине вторжения калмыков на их территорию и выражается надежда, что аварское войско им поможет.

Я. З. Ахмадов
(г. Грозный, Россия)

От Гражданской войны до коллективизации и «большого террора»: судьбы горцев и терских казаков

В трагические годы Гражданской войны 1918–1921 гг. главные события в северокавказском регионе оказались связаны с деятельностью большевиков и казачьих верхов, которые по противоположным причинам развязали здесь классовую и межнациональную смуту. Коренные горские народы в массе своей поддержали русских большевиков, а значительная часть казачества — главным образом, их противников.

Во исполнение своих обещаний перед горцами и вследствие вопиющей несправедливости в земельном вопросе советские власти в 1920 г. действительно выселили (из первоначально намеченных 18 станиц старой Терской области) в Чечне 4 станицы по Сунже (Ермоловская, Закан-Юртовская (Романовская), Михайловская и Самашкинская) и 3 — в Ингушетии (Сунженская, Воронцово-Дашковская, Тарская и плюс Камбилеевские хутора). Практически все они были построены в ходе Кавказской войны на месте захваченных и сожженных горских аулов [Берже 1859: 20]. Новые власти также пытались ввести давно назревшее уравнильное землепользование в том числе за счет разукрупнения земельных наделов некоторых станиц Сунженского казачьего округа (округ был вначале в составе Горской советской республики, а в 1926–1929 гг. возвращен Чечне).

На левом берегу р. Терека выселению и даже к сожжению была предназначена станица Калиновская, входившая теперь, как и прочие станицы по Тереку, в советскую Терскую губернию с центром в Ставрополе. Общее число выселенных казаков (по большей части в район Кавминвод) по уточненным данным составило до 25 тыс. человек (а «не 70 тысяч казаков, как

считают А. Петрович, А. Ливер, И.В. Яблочкина, И. Пыхалов, и не 45 тысяч, как считает П. Полян») [Жушикова 2005]. Как бы то ни было, выселение сунженских казаков носило массовый характер, проводилось по сословному признаку и являлось тяжким военным преступлением советской власти, тем более что уравнильное перераспределение земли вполне могло решить конкретные горско-казачьи противоречия.

После установления советской власти на Тереке действительно произошли грабежи казаков со стороны горцев, носившие, впрочем, инспирированный характер. Дело в том, что ожидалось (а позже и действительно произошло) новое восстание белоказаков Терека и Сунжи в связи с наступлением Врангеля из Крыма. Поэтому по замыслу советских вождей казаков следовало «отвлечь». Так, Г. К. Орджоникидзе еще в мае 1920 г. публично подтвердил намерение советской власти переселить за Терек все без исключения сунженские станицы. Даже Чеченская кавалерийская бригада создавалась прежде всего для подавления сопротивления казаков. Так, в листовках, распространяемых от имени советского командования по Чечне летом 1920 г., говорилось, что станицы, восставшие против советской власти и захваченные бригадой, со всеми их землями будут переданы «...в распоряжение Чеченского окружного исполкома».

Поэтому, как только началось антисоветское восстание на Сунже и в Нагорном Дагестане, экстренно собранным в Грозном представителям Чечни было объявлено о передаче им части старых чеченских земель Малой Чечни, отнятых в ходе Кавказской войны — станиц Ермоловской, Закан-Юртовской, Самашкинской и Михайловской со всеми их землями, домами и личным имуществом казаков (кстати, казачье имущество и скот чеченцам не достались, они были присвоены Кавказской Трудовой армией). Хуже того, чеченские мародеры специально были «поощрены» командованием Трудовой Армии, в целях, как указывается в одном из чекистских документов, исключения всякой возможности **«установить точное количество полученного Кавтрудармией в действительности живого и мертвого инвентаря, свалив все на голову чеченцев»** (выделено нами. — Я. А.)» [ГА РФ (а)].

Только ценой таких обещаний и некоторых «прочеченских» решений советской власти удалось предотвратить в зародыше назревание антисоветского восстания собственно в самой Чечне и подавить восстание казаков Терека и Сунжи. Рядовые чеченцы не только поддержали все мероприятия советской власти, но также укрыли остатки красноармейских гарнизонов, разгромленных в 1921 г. в Нагорном Дагестане и оттесненных в Чечню. Вместе с тем, выселением нескольких станиц советские органы объективно спасли от атак чеченцев основную часть сунженских станиц, расположенных на захваченных в свое время западных землях Малой Чечни (Сунженский казачий округ).

Депортированная часть сунженских казаков была размещена в этнически «братских» казачьих станицах среди русского населения Ставрополя (Кавминводы). Но надежда, что, уйдя от соседства «диких» горцев, сунженцы обретут здесь спокойствие, оказалась напрасной. Местные советские власти не хотели им помогать и вообще оказались озабочены одним только обстоятельством — не должны ли быть сунженские казаки «предоставлены собственной своей участи и обречены на естественное умирание» [ГА РФ (б); Ахмадов 2005: 684–687].

Казачество как сословие было по определению обречено в Советской России — вне зависимости от наличия или отсутствия рядом горского «элемента», как — об этом свидетельствуют материалы о судьбе других групп русского казачества. Логика гражданской войны и классовой борьбы диктовала большевикам самые жесткие и решительные действия в отношении казачества и естественно, в интересах прежде всего своей диктатуры [Краснов 1990; Мамонтов 1992; Кислицын 1996; Футорянский 2003; Рыжкова 2008].

В целях сравнительно-сопоставительного анализа проблемы депортации части сунженских казаков в Чечне приведем и такие данные. С конца 1932 г – начала 1933 г. советские органы провели выселение свыше 61 тыс. кубанских казаков, главным образом, из станиц Армавирского района (выселяли, правда, не в Ессентуки, а на Европейский Север). В считанные месяцы на их место переселили 50 тыс. русских крестьянских хозяйств, включая 20 тыс. бывших красноармейцев. К 10 апреля 1934 г. в Азовско-Черноморском крае насчитывалось

уже 48 тыс. красноармейцев-переселенцев с членами семей. Конечно, возникло протестное движение: в ряде районов Кубани были выявлены и ликвидированы «контрреволюционные группировки», ставившие целью убийства переселенцев и вытеснение их с Кубани [Скорик, Бондарев 2008: 100–102]. Но никаких громких сентенций по этому поводу, сходных с оценками выселения сунженских казаков (да еще сопровождаемых упреками в адрес горцев), мы в трудах заинтересованных историков не обнаружим [Виноградов и др. 2012; Клычников 2015].

Что же касается числа грабежей и других преступлений на Тереке и в Чечне в годы гражданской войны и непосредственно после нее, то они не отличались количеством, характером или направленностью от остальных районов бывшей Российской империи. Единственно, массовые крестьянские движения против молодой советской власти в русских, украинских и прочих областях были и куда чаще, и куда масштабнее¹

Но оказалось, если горцев вначале можно было обвинить в поддержке советской власти и войне с белоказаками, то теперь с той же легкостью им можно было вменить в преступление выступления против советской власти в 20–30-х гг. XX в. Читаем: «Осенью 1920 г. в Дагестане и Чечне начались мятежи, возглавляемые Нури-пашою, Узуном-Хаджи, Казим-беком и Али-Гаджи Акушинским» [Виноградов и др. 2012: 162; Клычников 2015: 210–214, 216–224]. Скажем сразу: восстание началось в Нагорном (Западном) Дагестане (не в Чечне!), основным организатором был шейх и имам Нажмудин Гоцинский; «... после подавления восстания в мае 1921 г. он бежал в Горную Чечню, откуда пытался делать незначительные вылазки. Второе — Али-Хаджи Акушинский — выдающийся дагестанский богослов, один из инициаторов антиденикинского движения в Дагестане 1919 г., антисоветское восстание 1920–1921 г. не поддерживал и к представителям советской власти вплоть до конца 1926 г. относился позитивно и лояльно. Третье — Узун-Хаджи — правитель Северо-Кавказского эмирата, умер от старости 30 марта 1920 г. и поднять восстание мог единственно как дух святой — на том свете. А в остальном (у историков-фразеологов Б. В. Виноградова, В. Б. Виноградова и Ю. Ю. Клычкова. — Я.А.) — все правда!» [Абдурахманов, Ахмадов 2015].

В литературе часто обращается внимание на движения против советской власти в горских районах и в Чечне в годы коллективизации без сравнительно-сопоставительного анализа. Но известно ли подобным авторам, что на территории СССР против обобществления крестьянских хозяйств в общей сложности только с оружием в руках выступило по меньшей мере 700 тыс. человек. По данным ОГПУ, 300 тыс. человек состояло в антисоветской Крестьянской трудовой партии [Отечественная история 2002: 173].

Насильственная коллективизация, начавшаяся зимой 1930 г., встретила по всей стране ожесточенное сопротивление. По данным ОГПУ, в одном только 1930 г. в СССР произошло 13 453 массовых крестьянских выступлений (в том числе 176 повстанческих) и 55 вооруженных восстаний. В выступлениях участвовали почти 2,5 млн человек. Чекисты зарегистрировали за год 13 794 «низовых» теракта и 5156 случаев распространения контрреволюционных листовок. Жертвами одиночных терактов и покушений стали более 10 тыс. партийных, советских и колхозных активистов. Сотрудники ОГПУ арестовали 331 544 человека (в том числе 266 679 — за «контрреволюционные преступления»), из них были осуждены — 208 069 (в том числе приговорены к расстрелу — 20 201)².

Кстати, в результате искусственно развязанного голодомора против потенциально «опасных» областей и районов в 1933 г. сильный голод охватил 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов. Особо неблагоприятными оказались 11 кубанских

¹ Такие как: Махновщина (1918–1921); восстание форта «Красная горка» (1919), Верхне-Донское восстание (1919), Осиповский мятеж (1920), Гянджинское восстание (1920), Вернинский мятеж (1920), Слуцкое восстание (1921), Чапанское восстание (1921), Восстание в Нагорном Дагестане (1920–1921), Тамбовское восстание (1920—1921), Кронштадтское восстание (1921), восстание сванов (1921), Западно-Сибирское восстание (1921—1922), Якутский мятеж (1921–1923), Геокчайское восстание (1924), Зазейское восстание (1924) и т.д.

² Справки спецотдела МВД СССР, 11 дек. 1953 // История сталинского ГУЛАГА. Т. I. М., 2004. С. 609. Цит. по: Зубов Андрей. Голодный сытому не товарищ. Для массового мора 1933 года не было объективных причин. Была необходимость // Новая газета. 14.08.2013.

районов (Армавирский, Ейский, Каневский, Краснодарский, Курганинский, Кореновский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Старо-Минский, Тимашевский), Шовгенковский р-н Адыгейской АО и Курсавский на Ставрополье. Потому неудивительно, что советская власть на тот момент «...готовилась к восстанию в казачьих областях. Более того, явно провоцировала его — массовое выступление позволило бы вновь открыто истреблять казачество. Но восставать, в общем-то, было уже некому — ни оружия, ни вождей. Хотя были, конечно, и примеры сопротивления, в том числе и вооруженного (например, массовые волнения в феврале 1930 г. в селах и станицах Барашковское, Весело-Вознесенское, Константиновская, Новый Егорлык, Ново-Манычское), а для подавления их на Кубани использовалась даже авиация; небольшие же группы казаков продолжали борьбу вплоть до прихода немцев в 1942 г.». Известно также, что в 1933 г. в станице Полтавской чекисты провели тщательную зачистку и, помимо спрятанного хлеба, нашли 200 винтовок, 700 револьверов, 1280 сабель (видимо шашки), 50 пик, десятки ящиков патронов. 2250 семейств или 12 500 человек населения указанной станицы советская власть немедленно выслала на Соловки, многих казаков расстреляли [Краснов 1959; Крестная ноша 1994; Макаренко 2008].

Излишне говорить, что по масштабам на «душу населения» повстанческая энергетика в той же Чечне по сравнению с средними цифрами по стране была невысокой, несмотря на несколько кровопролитных вооруженных выступлений в горах и даже на плоскогорье.

1937 год относят к началу «большого террора» в СССР. Явление неплохо изучено, а трагические факты частично приобрели уже хрестоматийный характер. Проистекало данное явление не в силу каких-либо жизненно важных социально-экономических или общественно-политических причин глобального характера, а из хищнической, антигуманной природы крепнущего сталинского режима народодубийства. Но в отличие от всего громадного СССР, исключительно в Чечне в 1937 г., если верить виноградным и клычниковым, проводится не террор, а: **«широкомасштабная акция по задержанию антисоветских элементов»** и изоляция **«части беспокойного населения, которое по-прежнему предпочитало войну созидательному труду»** (выделено нами. — Я. А.). В республике, по мнению тогдашних чекистов и сегодняшних историков-фразеологов, «действовало 80 террористических (это в 1937 смертном-то году?! — Я. А.) группировок», было арестовано 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъято тысячи единиц оружия, и т. д., и т. п. [Виноградов и др. 2012: 166; Клычников 2015: 225–226].

Мы не можем утверждать, что эти цифры отвечают реальной ситуации в республике с бандитским подпольем (хотя они относятся ко всем группам населения тогдашней Чечено-Ингушской АССР без различия национальностей). Главное заключается в том, что на тот момент шел массовый сталинский террор против всего населения СССР. В той же Чечено-Ингушской АССР, согласно последним данным, в течение репрессий 30-х гг. пострадали в той или иной мере (исключение из партии и лишение работы, задержания, аресты, ссылка, раскулачивание, заключение в лагерь, расстрелы, иные меры гражданского и государственного наказания и давления) до 70–80 тыс. человек, из которых не менее половины составляли чеченцы и ингуши. Так практически и уничтожены первая волна партийно-советских управленцев из горцев и молодая творческая интеллигенция [Ахмадов, Хасмагомадов 2005: 722–727; История Чечни 2008: 456–460].

Однако, как не парадоксально, цифры чекистских жертв по Чечено-Ингушетии с учетом масштабов репрессий по всей стране (включая и Европейскую часть) в период Большого террора соотнесительно малы. В любой из областей Европейской части страны они были выше. С 1921 г. по 1954 г. мы имеем в СССР свыше 600–700 тыс. одних только смертных приговоров (они часто были групповые и достигли своего пика в 1937–1938 гг.) по «врагам народа», шпионам и изменникам Родины (реально от 800 тыс. до 1 млн официально расстрелянных, не считая забитых на допросах, а также убитых без суда и следствия). По данным того же верного сталиниста И. Пыхалова (заинтересованного в уменьшении численности репрессированных при «великом Сталине»), на 1 января 1941 г. общее число заключенных в стране, не считая осужденных внесудебными органами, ссыльных и спецпереселенцев, составляло по самым

скромным масштабам 2 400 422 человек (и это после массовых расстрелов и бериевской «амнистии» 1938–1939 гг.!). Из них не менее 1/3 составляли осужденные за контрреволюционные преступления (в т. ч. **шпионаж, измена Родине, вредительство, антисоветская агитация и т. д.**) [Пыхалов: 2, 8–9].

Следовательно, с учетом не только осужденных контрреволюционеров, шпионов и вредителей, но и членов их семей («пособники») речь идет, согласно документам того времени и логике неостаалинских историков, не об одном миллионе советских граждан для которых подобные занятия составляли их «жизненный промысел». Следуя логике виноградовых и клычниковых здесь можно говорить о соответствии некоей стадиальности, укладности измненническим доблестям.

Попытки противопоставления русских (в первую очередь казаков) как представителей российского порядка и прогресса и горцев, якобы цивилизационно неспособных к модернизации, едва ли не стали модными в среде отдельных маргинальных политиков и ученых-ксенофобов с ограниченным уровнем мышления. Но наше время порой жестоко разбивает подобные воззрения, оборачивая их против самих авторов.

Литература

Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню: «война историографий», или информационная война. Грозный, 2015. С. 246–247.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Виноградов Б. В., Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII–начале XXI века / [под ред. Б. В. Виноградова]. Славянск-на-Кубани, 2012.

ГА РФ (а). Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517. Л. 25, 28–об. (Здесь и далее документы ГАРФ предоставлены Э. Х. Хасмагоматовым).

ГА РФ (б). Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517. Л. 9, 28–28 об., 32, 78–79, 93; Р-1318. Оп. 1. Д. 51. Л. 182; Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 270. Л. 21, 76–76 об. Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 января 1923 г. М., 1992. С. 188; Я.З. Ахмадов, Э. Х. Хасмагоматов История Чечни в XIX–XX годах. М., 2005. С. 684–687; и др.

Жутикова Е. Ф. К вопросу о депортации Терского казачества в 1918–1920 гг. // Альманах «Белая гвардия», № 8. М., 2005. С. 130–153.

История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т.2 (История Чечни XX–XXI веков). Грозный, 2008. С. 456–460.

Кислицын С. А. Государство и расказачивание, 1917–1945 гг.: учебное пособие. Ростов на-Дону, 1996.

Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII–начало XXI вв.). Исторические очерки. М., 2015.

Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. М. 1990.

Краснов Н. Незабываемое. 1945–1956. Материалы по трагедии казачества накануне, во время и по окончании Второй мировой войны. Сан-Франциско, 1959

Крестная ноша / Сост. В. Сидоров // Трагедия казачества. М., 1994.

Макаренко П. Смерть зовется 33-год. Краснодар, 2008. С. 57.

Мамонов В. Ф. и др. История казачества Урала. Оренбург-Челябинск, 1992.

Отечественная история (1917–2001). Учебник / Отв. ред. проф. И. М. Узнародов. М., 2002. С. 173.

Пыхалов И. Каковы масштабы «сталинских репрессий» - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Интернет: www.whiteworld.ru. – С. 2, 8–9.

Рыжкова Н. В. Донское казачество в войнах начала XX века. Изд. «Вече». 2008; и др.

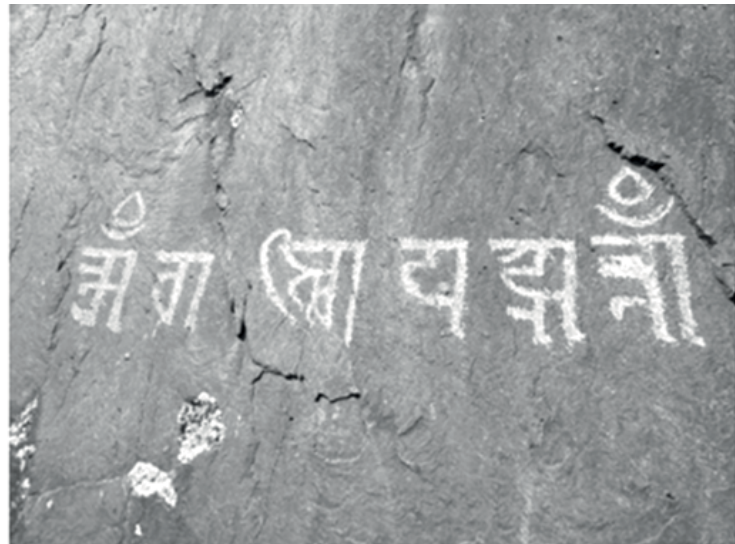
Скорик А.П., Бондарев В.А. Расказачивание на Юге России в 1930-х годах: исторические мифы и реальность //Отечественная история. №5, 2008. С. 100–102.

Футорянский Л. И. Казачество в огне гражданской войны в России (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003.

Следы джунгарской истории в Тарбагатае

Как отмечал еще Л. Н. Гумилев, Джунгарское ханство было последним мощным кочевым объединением на территории Евразии, при этом в восемнадцатом веке хозяйственно-экономической базой для процветания и сопротивления Китаю были горные хребты Алтая, Заилийского и Джунгарского Алатау. История казахов и джунгаров неразрывно сплетена, особенно это характерно для территории Восточного Казахстана, где, пожалуй, самым известным памятником середины XVII в. является буддийский храм Аблайкит. Хребет Тарбагатай и его окрестности также сохранили следы джунгарской культуры в виде топонимов, надписей, надгробий, сохранившихся до последнего времени преданий...

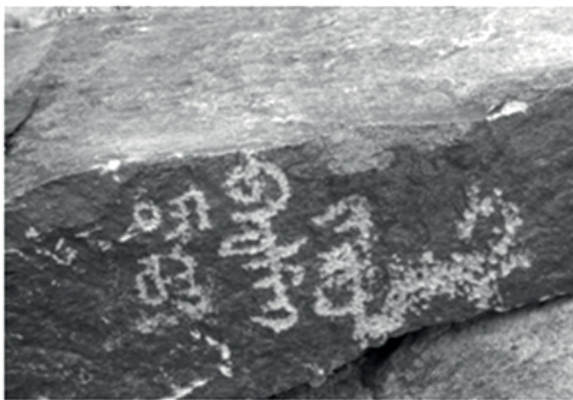
Приводимые надписи представлены молитвенной формулой — мантрой бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары “Ом Мани Падме Хум” (автор приносит благодарность К. В. Орловой за их прочтение). Две из них, в урочище Окей и горах Доланкара, были известны, но не приводились в научной литературе, третья же, к югу от райцентра Аксуат (участок Ускенбай), была обнаружена автором в 2012 г. и публикуется впервые. Кроме того, есть сведения и о других надписях в окрестностях горы Туат (Алтуайт) и в местности Сулушат, возможно, также ойратских.

Буддийские надписи в урочище Окей (фото автора, 2012 г.) и в горном массиве Доланкара (интернет-ресурс).

Надпись в урочище Окей находится на южном скалистом склоне возвышенности в соседстве с петроглифами разных эпох. Знаки расположены на патинированной поверхности вертикально, длина надписи 56 см, максимальная ширина — 6 см, буквы шлифованы, ширина линии около 1 см. Надпись под Аксуатом находится на каменном блоке осадочной горной породы, лежащем на южном склоне холма. Все изображение нанесено точечной выбивкой, включает помимо надписи рисунок горного козла, при этом сама надпись выполнена более аккуратно, чем рисунок. Размеры плоскости камня — 62 x 20 см, надпись укладывается в прямоугольник 13 x 16 см, ширина линии — около 0,5 см, глубина выбивки — около 1 мм.

Значительное число преданий и памятных мест Тарбагатай связано со знаменитым джунгарским батыром Шаганом и его сыном Кергеном, в частности, монументальное каменное сооружение Шаган-оба (на китайской территории), которое запечатлено на дореволюционной фотографии. В окрестностях этого памятника, примыкающих к южной части Шиликтинской долины, местность пестрит одноименными топонимами: название Чаган-обо носят река, населенный пункт, перевал и т. д.

Ойратская надпись к югу от Аксуата, в бассейне р. Каргоба (фото автора). Памятник батыру Шагану «Шаган-оба» (фото представлено Зайсанским историко-краеведческим музеем).

Джунгарским памятникам, на наш взгляд, уделялось недостаточное внимание (в настоящее время начаты раскопки на Аблайките). Между тем, ойраты оставили неизгладимый след в казахской истории и культуре. Как известно из биологической эволюции, межвидовая конкуренция — самая жесткая. Конечно же, двум этносам с одинаковым типом хозяйства было трудно мирно уживаться на одной территории. Тем не менее, известны и мирные периоды, военные же столкновения приводили также к взаимному пополнению генофонда и взаимопроникновению культур. Изучение этого феномена, помимо восполнения пробелов в казахстанской истории, поможет правильно ориентироваться в современном мире, полном драматических столкновений и противостояний культур.

Е. Н. Бадмаева
(г. Элиста, Россия)

Органы власти и управления сельским хозяйством в Калмыкии в период НЭПа

Развитие сельского хозяйства Калмыцкой автономной области в период новой экономической политики является одной из самых малоизученных проблем отечественной историографии, хотя исследованию различных аспектов развития народного хозяйства этого времени посвящен значительный пласт литературы. Следует отметить, что калмыцкие ученые [Максимов 2000, 2002, 1995; Оглаев 1987] в большинстве случаев уделяли пристальное внимание проведению и результатам нэпа, не касаясь самого механизма разработки новой экономической политики на уровне органов управления своего региона. Принимая во внимание новейшие разработки [Виноградов 2015; Булюлина 2012; Бадмаева 2016] и собранные источники периода нэпа, нами предпринята попытка рассмотреть историческую картину функционирования органов управления сельским хозяйством в Калмыцкой автономной области в 1921–1928 гг.

С переходом к новой экономической политике кардинально меняются формы и методы руководства органами народного хозяйства. Одним из основных и первых органов власти являлся Наркомзем РСФСР, который с введением нэпа активно проводил политику замены продразверстки натуральным налогом по 18 основным видам продукции. Важнейшую роль в осуществлении этого важнейшего политического решения и новой хозяйственной политики сыграло радикальное изменение в 1921 г. структуры Наркомзема. За Наркомземом остались общее планирование и регулирование сельского хозяйства, оперативное же управление стали осуществлять земельные органы на местах [СУ РСФСР. 1923. № 9. Ст. 904-905]. С этого времени начался новый виток в работе данного органа государственной власти, определивший неуклонный подъем сельскохозяйственного производства.

В 1922 г. были ликвидированы волостные земельные отделы, все вопросы сельского хозяйства стали осуществлять волысполкомы [СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92]. В этом же году для решения земельных споров были созданы губернские, уездные и волостные комиссии при местных земельных органах. Высшей инстанцией по земельным спорам была особая коллегия высшего контроля по земельным вопросам при Наркомназе РСФСР [СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 428].

В ноябре 1923 г. Наркомзем принял новое положение о местных земельных органах [СУ РСФСР. 1923. № 9. Ст. 904-905]. Группой местной отчетности Организационного отдела Наркомзема на основе тщательного и повсеместного анализа была составлена «Сводка о недочетах и достижениях в работе местных органов». К недостаткам были отнесены следующие моменты: слабая связь центра с местами; отсутствие единого плана работы различных органов и учреждений, занимающихся сельским хозяйством; недостаточное финансирование; недостаточное координирование работы специалистов земельных органов (агронома, лесничего, животновода, ветеринара и т.п.); недостаток квалифицированных специалистов на местах. В области землеустроительной деятельности одним из главных направлений работы местных земорганов было обозначено проведение государственной регистрации землепользования.

Земельные органы Калмыцкой автономной области в своей деятельности в начальный период проведения нэпа столкнулись с определенными трудностями, связанными в первую очередь с природными катаклизмами. В 1924 г. Калмыкию поразила сильная засуха. Урожай целиком погиб на 11% посевных площадях. Засуха охватила территорию в 6338 тыс. дес. [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 551. Л. 24.]. В этих условиях земельным органам региона необходимо было провести работу, направленную и на количественное восстановление сельского хозяйства, и на качественное его улучшение. Прежде всего, надо было оказать продовольственную помощь населению, сохранить посевные площади и животноводство, занять людей на производстве.

Для сохранения посевных площадей распределялась семенная ссуда между крестьянами, выделенная центром: целевая ссуда в размере 1081077 руб. и 165013 пуд. семенной ссуды [Бадмаева 2006: 137]. Были организованы, насколько это было возможно, общественные мелиоративные работы для населения. Земельные органы, помимо финансовой поддержки крестьянских хозяйств, снабжения их семенами, сельхозинвентарем, организовывали машинную обработку земли в крестьянских хозяйствах, хотя она была минимальной. Принятые меры и благоприятные погодные условия 1925 г. позволили в целом преодолеть кризисные явления в сельском хозяйстве.

Система местных земельных органов не претерпела существенных изменений до введения нового административно-территориального деления в 1928 г. До этого времени местные органы управления сельским хозяйством Калмыкии выступали как непосредственный организатор всех преобразований в своей отрасли. Органам управления сельским хозяйством региона были присущи все недостатки центрального государственного аппарата: усиление централизации управления и исполнительных органов, рост управленческого аппарата при его низком профессиональном уровне и недостатке специалистов. Тем не менее, местные земельные органы пытались активно и своевременно реагировать на все потребности сельского хозяйства, обусловленные действием объективных экономических законов и уровнем развития техники и технологии, поэтому автономная область смогла достичь определенных успехов в организации сельскохозяйственного производства.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия Ф.Р.-3. Оп.2. Д. 551. Л.24.

Литература

Бадмаева Е.Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 182 с.

Бадмаева Е.Н. Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства: опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии): Элиста: КИГИ РАН, 2016. 296 с.

Булюлина Е.В. Местные органы управления сельским хозяйством в Нижнем Поволжье (1917–1927 гг.). // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России», 2012. № 4(84). С. 110–119.

Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. Изд. 2-ое, расшир. и допол. Астрахань: изд. «Р.В. Сорокин», 2015. 148 с.

Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII в.–XX в.). М.: инф.- изд. дом «Профиздат», 2000. 311 с.

Максимов К.Н. Калмыкия — субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII в. – XX в.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Оглаев Ю.О. Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917 – 1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.

С. С. Белоусов
(г. Элиста, Россия)

Православное духовенство Калмыкии. 1964–1991 гг. (социодемографическая характеристика)

В постсоветский период заметно вырос интерес ученых к изучению истории Русской православной церкви, как в целом, так и к деятельности ее организаций в регионах. Историками исследуются различные аспекты истории РПЦ, в т. ч. и социодемографические, что позволяет значительно расширить наши познания и лучше понять прошлую жизнь самой многочисленной конфессии в России.

Изучение прошлого Русской православной церкви в Калмыкии долгое время ограничивалось в основном миссионерским аспектом и досоветским периодом; исследования, посвященные советскому периоду, начали появляться только с середины 1990-х гг. В 1999 г. вышла в свет небольшая по объему брошюра историка И. В. Борисенко [1999], в которой были приведены интересные факты из истории РПЦ в Калмыкии, в 2015 г. историком С. С. Белоусовым была издана в электронном виде монография по истории РПЦ в Калмыкии в первой половине XX в. [2015], в 1990-е–2015 гг. им также по данной тематике был издан ряд статей. Тема истории Русской православной церкви в Калмыкии в 1920-е–1930-е гг. затрагивалась в работах Е. Н. Бадмаевой [2015], постсоветского периода — в трудах Л. В. Намруевой [2012] и М. Б. Марзаевой [2011].

В предлагаемом докладе предпринята первая в историографии попытка на основе архивных документов исследовать социодемографические параметры православного духовенства Калмыкии в последний период существования советского государства.

За период с 1964 г. по 1991 г. в Калмыкии настоятелями двух зарегистрированных органами государственной власти молитвенных домов (в г. Элисте и с. Приютном) были 18 православных священников, каждый из которых оставил свой след в истории русского православия в республике. В указанные годы завершился процесс смены поколений православного духовенства: вследствие возраста и репрессий 1920–1930 гг. ушло поколение священников, получивших духовное образование и воспитание в дореволюционную эпоху, а ему на смену пришли священнослужители, чья социализация пришлась на годы советской власти, когда в стране активно проводилась антирелигиозная политика. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на социодемографический облик православного духовенства второй половины 1960-х–начала 1990-х гг.

Новое поколение духовенства Калмыкии в целом имело крестьянско-рабочее происхождение: из 18 священников только 1 родился в семье священника, большинство священнослужителей закончили среднюю школу или профессионально-технические учебные заведения, а трое представителей духовенства имели за плечами только начальную школу. Из 18 священников Калмыкии 11 человек получили высшее церковное образование (в основном — в Ставропольской духовной семинарии), а пятеро не имели никакого духовного образования,

в отношении еще двух священников установить наличие или отсутствие духовного образования не удалось. Большинство священников являлись уроженцами областей, краев и республик Юга России (11 чел.), при этом двое из них родились в Калмыкии. Средний возраст настоятелей двух молитвенных домов на момент их вступления в должность составлял 42, 7 года [Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2159. Л. 1, 9, 22об, 48, 92 об., 112, 124, 125, 158, 159, 161, 162, 182].

Литература

Бадмаева Е. Н. Государственная политика и религиозная ситуация в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося калмыцкого религиозного деятеля Геше Вагьяла. Элиста, 2012. С. 25–31.

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианских вероисповеданий в первой половине XX в. (1900-1956 гг.) ». (электронная публикация). Элиста, 2015. 236 с.

Борисенко И. В. Православие в Калмыкии. М., 1999. 72 с.

Марзаева М.Б. Русская православная церковь Калмыкии (1990–2010 гг.). // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. С. 56–59.

Намруева Л. В. Конфессиональная идентичность молодежи Калмыкии (по итогам анкетного опроса) // Методология, теория и история социологии, материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2012. С. 37–83.

Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2159. Л. 1, 9, 22об, 48, 92 об., 112, 124, 125, 158, 159, 161, 162, 182.

Е. Г. Буратаев
(г. Элиста, Россия)

Каменное средневековое изваяние из курганной группы Восточный Маныч

Во время раскопок курганов группы Восточный Маныч в 1965 г. в насыпи кургана 21 было найдено каменное антропоморфное изваяние с отбитыми в древности головой и руками. Следов ритуальных действий и жертвоприношений в виде костей животных вокруг изваяния найдено не было.

Диаметр кургана составил 3 метра, диаметр — 35 метров. Основное погребение кургана датировалось эпохой среднего бронзового века и относилось к ямной культуре. В яме глубиной 2,5 м на спине, головой на восток, лежал скелет женщины. Ноги костяка слегка согнуты коленями вверх, руки сильно прижаты к туловищу и кистями положены на таз. Из инвентаря найдены костяное кольцо и бронзовое шило. Всего в кургане 21 исследовано четыре погребения, из них два погребения относятся к типу ямной культуры, одно погребение катакомбной культуры и ещё одно савроматского времени. Получается, каменное изваяние не имеет отношения ни к одному захоронению из этого кургана, так как было сооружено во времена средневековых кочевников. Традиция изготовления и сооружения каменных баб приходится на расцвет половецкой культуры и датируется второй половиной XI в. вплоть до вторжения монголов в Восточную Европу в первой трети XII в.

Рассматриваемая статуя представляет собой фигуру человека в сидячей позе. Изваяние расколото в древности, линия раскола проходит по талии статуи, отделяя часть торса от бедер с опущенными вниз ногами. Голова и правое плечо изваяния отбиты в древности и при дальнейшем обследовании кургана обнаружены не были. Сохранившиеся ниже локтей руки статуи соединены на животе и держат сосуд цилиндрической формы. Как указывалось выше, каменное изваяние было найдено поставленным вертикально в юго-восточном секторе насыпи большого кургана бронзового века. Основание статуи находилось на глубине 2 м от вершины кургана, а верхняя часть фигуры — на глубине 0,20 м от поверхности насыпи. Общая высота изваяния — 1,42 м, ширина в области груди — 0,44 м. По стилю оформления, характеру позы

и пола данную статую можно отнести к типу 2 — «сидящие», подтип «В — Мужские» по классификации А. Г. Федорова – Давыдова [Федоров-Давыдов 1965: 167].

Антропоморфные каменные изваяния, известные как «каменные бабы», являются наиболее ярким следом пребывания половецких племен. Русские летописи называли их истуканами, позднее за ними закрепилось их нынешнее название — «баба» (от тюркского слова *бабай* ‘предок’). Уцелевшие половецкие изваяния являются ценными источниками изучения культуры степных кочевников эпохи средневековья и нуждаются в более углубленном изучении [Очир-Горяева 2009: 61].

Литература

Очир-Горяева М. А. «Каменные бабы» — память о половцах // Сокровища культуры Калмыкии. Москва: Наследие, 2009. 448 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // М.: Изд-во МГУ, 1965. 273 с.

С.В. Джунджузов
(г. Оренбург, Россия)

Отчет А. М. Позднеева как исторический источник о конфессиональной жизни калмыков-буддистов Уральского казачьего войска

Конфессиональное устройство буддистской общины в Уральском казачьем войске в поздней имперский период не нашло отражение в источниках, что, возможно, объясняется утратой войскового архива в период Гражданской войны. Единственным исключением является Отчет члена Совета министра народного просвещения, профессора Санкт-Петербургского университета Алексея Матвеевича Позднеева «По поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам в 1911 году», хранящийся в Архиве востоковедов ИВР РАН [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60]. Экспедиция Позднеева была предпринята с целью изучения религиозного быта местного калмыцкого населения. Собранный материал должен был послужить основой для выработки законопроекта «Об управлении духовными делами буддистов-ламаистов» в рамках либерализации религиозной политики, начатой указом Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.

Об объективности, компетентности и осознании высокой ответственности А.М. Позднеева свидетельствует принципиальный подход, которым он руководствовался в своих рекомендациях: *«Всякие положения русского правительства о ламаитах только тогда будут действительно выполняемы, когда они будут находиться в возможно более строгом соответствии с канонами ламаизма, и, наоборот, несогласованность наших постановлений с требованиями, предъявляемыми ламайским вероучением, всегда являлась и будет являться одной из основных причин для нарушения русских установлений, которые мы встречаем теперь в жизненной практике ламаистов»* [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л.57].

Экспертное заключение А. М. Позднеева предваряет обширная характеристика хозяйственного состояния местных калмыков, особенностей устройства их религиозных общин, организации конфессионального образования и богослужебной практики. Источниками для написания отчета послужили личные впечатления ученого, свидетельства самих уральских калмыков и выписки из дел войскового архива.

Сложившаяся в Уральском казачьем войске этноконфессиональная группа калмыков-буддистов представляла собой наиболее малочисленную часть войскового населения — 0,36% (согласно вероисповедальной переписи 1909 г. 948 чел., проживавших во всех трех отделах) [Памятная 1910: 103].

В соответствии с утвержденными в 1835 г. Войсковой канцелярией «Правилами» священнослужители, состоявшие при молитвенных домах, избирались на вакантную должность на-

селением и затем утверждались Уральским областным правлением. Непременным условием для утверждения в должности штатного священнослужителя областные власти определили представление специальной грамоты о посвящении в духовное звание, выписанной в канцелярии верховного ламы калмыцкого народа.

В силу неравномерности распределения калмыков по населенным пунктам у уральских буддистов практиковались две системы обучения основам вероучения: при больших приходах открывались конфессиональные школы, в приходах с небольшим числом прихожан за гелюнами закреплялись один-два ученика и обучение велось индивидуально.

В отличие от буддийского духовенства астраханских и донских калмыков, с обретением официального статуса гецюла или гелюнга уральские священнослужители не становились монахами и не предавались затворничеству. Они продолжали вести светский образ жизни, исполняли семейные обязанности, воспитывали детей, занимались хозяйственными и полевыми работами. На штатных священников возлагалась лишь обязанность участвовать в богослужениях в установленные дни и отправлять разного рода моления по требованию прихожан.

Профессор Позднеев занимал непримиримую позицию в отношении передачи уральских калмыков под начало назначенного извне духовного лица. Он справедливо предположил, что, руководствуясь религиозными догматами, любой гелюнг, прибывший из калмыцкой или забайкальской степи, потребует от местных священнослужителей соблюдения celibата, отлучит их от семей, займется основанием общественных хурулов, учредит празднование дополнительных хурулов. В итоге духовные лица перестанут заниматься сельскохозяйственным трудом, а обязанности по своему содержанию переложат на малочисленную паству.

А. М. Позднеев советовал не присоединять уральских калмыков-буддистов к существующим религиозным центрам и сохранить привычный для их духовенства светский образ жизни. Изменения должны были коснуться непосредственно религиозной организации, которая прежде состояла из независимых друг от друга территориальных общин. Предлагалось создать в Кармановской станице один малый хурул со штатом из 9 гелюнгов, 5 гецюлей и 4 манжиков — всего 18 человек, из них 5 гелюнгов, 1 гецюл и 3 манжика должны были командироваться для служения в те войсковые станицы и поселки, где местное калмыцкое население содержит молитвенные дома [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 58-59 об.].

Краткий обзор отчета профессора Позднеева позволяет судить о нем как об источнике, имеющем важное значение как для изучения религиозного быта уральских калмыков-казаков, так и конфессиональной политики России в позднеимперский период.

Источники

АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.

Литература

Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 год. Уральск, 1910.

Е. И. Иноземцева
(г. Махачкала, Россия)

Средневековый Дербент — важный узел крупномасштабной транзитной торговли двух континентов

Выгодное географическое положение Дагестана на перекрестке сухопутного и Велиководного путей по Волге и Каспийскому морю предопределило ему на протяжении тысячелетий историческую роль «моста», связывавшего два континента, два мира, своего рода «перекрестка цивилизаций», зоны активных и разносторонних связей Европы и Азии, Востока и Запада, Севера и Юга. Здесь на западном побережье Каспийского моря, в Дербенте, на протяжении столетий перекрещивались важнейшие международные магистрали Евразии, и Прикаспийский путь был столь же известен, как и знаменитый «Шелковый транзит». Через

торговые связи, осуществлявшиеся еще в древности по этой международной коммерческой артерии, не только шел обмен необходимыми товарами, но и происходил важный процесс широкого заимствования культурных, хозяйственно-технических достижений, знаний, традиций, идей [Гаджиев 1997: 3].

В средневековье на протяжении длительного периода важнейшим торгово-экономическим центром Кавказа и всего Ближнего Востока, крупнейшим узлом международной транзитной торговли, а также одним из самых крупных портов на Каспии, центром морской транзитной торговли продолжал выступать древний Дербент, расположенный на стыке Азии и Европы [Кудрявцев 1988: 85].

Данные средневековых источников позволяют утверждать, что в товарообмен со странами Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и др. были вовлечены не только собственно жители Дербента, но и жители предгорного и нагорного Дагестана. И хотя ряд причин политического характера привел к резкому снижению роли Дербента как крупнейшего транзитного узла и «складского места» для товаров «севера и юга», широкие сдвиги в экономической жизни Дагестана, образование крупных населенных пунктов, ремесленных центров способствовали тому, что город на «вечном перекрестке» оставался одним из важнейших рынков сбыта продукции основных районов Дагестана и главным «окном» для экспорта местных товаров, что подтверждается не только дошедшими до нас памятниками, но и богатейшими археологическими материалами, обнаруженными дагестанскими учеными [Кудрявцев 1980: 113–114].

В историографии русской внешней торговли XVI век является временем большого стремления Русского государства к рынкам Востока. Присоединение Казани и Астрахани отдало в распоряжение Московского государства основные центры торговли (Казань, Астрахань) с государствами Средней Азии и Ираном. Торговые связи Москвы с Персией по Волжско-Каспийскому пути приобретают постоянный характер, отличаются большой интенсивностью товарообмена и играют в общем внешнем товарообороте Русского государства первенствующую роль [Фехнер 1862: 110]. Этим целям способствовало создание во второй половине XVI в. русского торгового флота на Каспийском море. Исходным пунктом морского пути по Каспию являлась Астрахань, стоявшая на выходе торгового пути в Каспийское море как важный торгово-административный центр юга Русского государства. Товары астраханского рынка, как и дербентского, были столь же разнообразны, как разнообразен был состав купцов, торговавших на базарной площади. Как и Дербент, Астрахань была не просто местом торговых контактов. Здесь на протяжении многих столетий осуществлялись культурные связи, шел диалог цивилизаций Европы и Азии.

Дагестан всегда отличался исключительной даже для Кавказа этнической мозаичностью, этнолингвистической и этноконфессиональной пестротой. Данное обстоятельство как нельзя нагляднее было представлено в Дербенте. Здесь на протяжении веков складывался и уживался удивительный конгломерат «племен и народов», взаимодействуя и взаимообогащая друг друга. Особую роль в этом процессе играла торговля, являясь не только одной из прибыльных сфер хозяйственной деятельности, но и формой образа жизни и культуры людей. Иноземные купцы в основном занимались посреднической торговлей между народами Северо-Восточного Кавказа, Ираном и Россией, а через Россию — с Европой. Переговоры о ввозе шелка-сырца в Россию и его транзите в западные государства (Персия – Астрахань, Архангельск – «немецкие земли») велись издавна. Важная роль в осуществлении крупномасштабного товарооборота по этой международной коммерческой артерии отводилась предприимчивому армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции, а также российскому торговому флоту на Каспии. В XVII в. русская торговля с Западом сосредотачивалась в Архангельске, откуда пролегал водный путь через Северную Двину, Сухонь, Волгу, Каспийское море в Сефевидское государство.

Участие большого количества индийских купцов в реэкспорте восточных товаров через Дербент в Астрахань, а оттуда в центральные районы России и далее в Европу отмечается на рубеже XVII–XVIII вв. Индусы, жившие в Дербенте, Терках и Астрахани, держали в своих руках в изучаемое время, пожалуй, всю восточную торговлю [Ашурбейли 1990: 35].

В XVII–XVIII вв. в экономике шелк отчасти напоминал нынешнюю нефть: так войны крупнейших морских держав — Франции и Англии — вызывали скачок цен на шелк. В обеспечении «шелкового транзита» из Персии в Россию и далее в Европу огромную роль сыграл Дербент, чему способствовали его удачное географическое и геополитическое положение, а также наличие морского порта. Средневековый Дербент представлял собой полиэтничный и поликонфессиональный конгломерат представителей торговых кругов различных государственных образований Прикаспия, в частности, Дагестана, а также Русского государства и индусов, объединенных общими экономическими интересами и потребностями, многообразными формами сотрудничества. Важным обстоятельством бытования такой межэтнической и межконфессиональной толерантности и являлась торговля. Древний город, расположенный на «вечном перекрестке», на протяжении столетий являл собой важный узел крупномасштабной обоюдовыгодной торговли двух континентов, воплощая в жизнь азиатско-европейский «шелковый транзит» всемирного значения по Волжско-Каспийскому пути.

Литература

- Ашурбейли С.* Экономически и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. Баку: Элм, 1990. 151 с.
- Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей в албано-сарматский период. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. 156 с.
- Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 144 с.
- Кудрявцев А.А.* Развитие торговли в Дербенте в VI–первой половине XIII в. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 108–116.
- Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд., доп. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 122 с.

Т. Иноуэ
(г. Сэндай, Япония)

Востоковедение и управление в Российской империи (на примере взаимоотношений между калмыцкими нойонами Тюменями и царским правительством в XIX в.)

Настоящий доклад посвящен рассмотрению политического влияния востоковедения в Российской империи на примере взаимоотношений между калмыцкими нойонами Тюменями и российским правительством в XIX в. Главное внимание уделяется вопросу применения востоковедческих знаний в практике управления калмыками. В более широком контексте рассматривается применение способа управления разными народами в конкурентных империях. Например, некоторые должностные лица центрального правительства пользовались трудами монголоведов, которые занимались исследованием монголов в Цинской империи, для выработки политики в отношении калмыков. В данном докладе анализируются архивные материалы, в частности, о наследовании нойонского звания Тюменей в середине XIX в.

Н. А. Каманджаев
(г. Элиста, Россия)

Социально-экономическое развитие постсоветской Калмыкии в 90-е годы XX века

В докладе на основе анализа материалов будут представлены данные, свидетельствующие о том, что в рассматриваемый период (конец 1991–1999 гг.):

- экономика Калмыкии имела худшую по сравнению со среднероссийской динамику развития, что подтверждается анализом соответствующих макроэкономических показателей;
- наблюдается спад почти всех показателей по промышленности, фактически перестают существовать такие ее отрасли, как машиностроение и легкая промышленность;

- происходит заметный спад основных показателей по сельскому хозяйству, вместе с тем в значительной степени эти показатели не в полной мере учитывались как статистическими, так и фискальными органами.

Вследствие этого некоторые показатели, оценивающие уровень жизни населения, слабо коррелируются друг с другом, однако большая их часть все равно указывает на худшее состояние удовлетворения материальных и духовных потребностей людей в республике по сравнению со среднероссийским показателем, в особенности к концу рассматриваемого периода.

В целом республика перед крушением СССР хоть и имела аграрную, ориентированную на животноводство экономику, все же вследствие своей дотационности располагала достаточно большими объемами производства (в особенности сельскохозяйственного) и обеспечивала весьма достойный уровень жизни населения, однако с крушением СССР в условиях рыночной экономики, в ситуации отсутствия необходимого количества как частных, так и государственных инвестиций не смогла поддерживать ни прежних производственных объемов, ни прежнего уровня жизни населения.

Вопрос о причинах недостаточного внешнего инвестирования в экономику постсоветской Калмыкии до сих пор остается открытым. Бесспорно, здесь имеет место влияние как объективных, так и субъективных факторов, однако если с первой группой все более-менее ясно (неблагоприятные природно-климатические условия в сочетании с низкой по качеству нефтяной ресурсной базой, низкая плотность населения и слаборазвитая инфраструктура), то воздействие на ход данного процесса второй группы факторов требует отдельного исследования.

Э. А. Кекеев
(г. Элиста, Россия)

Статистический и пространственный анализ курганной группы Восточный Маныч

В 1965–1967 гг. были проведены масштабные спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч в зоне строительства Чограйского водохранилища.

Курганная группа Восточный Маныч состояла из семи могильников, расположенных на обоих берегах р. Восточный Маныч. Результаты работ начали публиковаться в 1978 г. (спустя 13 лет с первых раскопок в долине р. Восточный Маныч) и завершились в 1991 г., то есть спустя четверть века после раскопок, в виде двух монографий и семи статей [Синицын 1978; Синицын, Эрдниев 1979, 1981, 1982, 1985, 1987а, 1987б, 1991; Эрдниев 1982]. Публикации материалов сопровождалась вводными текстами, в которых коротко рассматривались особенности курганов. Общий анализ всей курганной группы Восточный Маныч как крупнейшего памятника в регионе, позволяющего выявлять закономерности на базе сотен погребений, никогда не проводился. В связи с этим с 2014 г. была начата работа по созданию электронной базы данных по всем семи группам могильника Восточный Маныч [Кекеев, Буратаев 2015]. В базу данных введены сведения о 1541 погребениях из 329 курганов по 45 позициям, включая описание погребального инвентаря.

Статистический подсчет выявил, что большинство курганов были насыпаны носителями ямной культуры (3400–2300 лет до н.э.). — 185 курганов, что составляет 56,2 % от общего числа. В 185 курганах было устроено 454 погребений. Пространственный анализ показал, что ориентация и порядок расположения курганов в цепочках, общей протяженностью до нескольких километров, были установлены в ямное время. Носители следующей по хронологии катакомбной культуры насыпали в 2,4 два раза меньше курганных насыпей (77 курганов), хотя количество погребений в 1,9 превышает количество погребений ямной культуры и составляет 863 погребения. Курганы катакомбной культуры не нарушали планиграфию ямных могильников и пристраивались к цепочкам в одну и ту же линию, в то время как курганы кочевников скифо-сарматского времени располагались с южной стороны цепочек курганов бронзового века в виде небольших скоплений.

Таким образом, уже на самом первом уровне анализа выявляются новые закономерности культурно-хронологического плана. Созданная электронная база данных предоставляет новые возможности анализа и интерпретации древних курганных некрополей.

Литература

Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. База данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С.73–76.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Издательство Сар. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 1978. 117 с.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1979. С. 25–94.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1981. С. 29–66.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1982. С. 59–62.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 43–78.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1987. С. 83–98.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1987. 173 с.

Синицын И.В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.

Эрдниева У.Э. Курганный могильник Восточного Маныча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1982. С. 6–52.

Б. У. Китинов
(г. Москва, Россия)

Ламы и ханы: к специфике взаимодействия институтов власти у ойратов (калмыков)

В науке устоялось мнение, что у ойратов (калмыков) ламы практически безоговорочно подчинялись ханам, они были ограничены в полномочиях, и потому у этих кочевников ламы не обладали той властью и влиянием, которой они обладали у монголов. Это в целом верное утверждение нуждается в определенных уточнениях.

Во-первых, ламами становились представители отдельных, конкретных родов, что сказывалось на их субординации в пределах как этих родов, так и всего ойратского (калмыцкого) сообщества.

Во-вторых, ханы использовали все возможные средства для укрепления своей личной власти, иногда в ущерб сложившимся обычаям и представлениям.

В третьих, у ойратов (калмыков) союзнические политические отношения (как внутри ойратского сообщества, так и в части других народов и государств), если они входили в конфликт с буддийскими религиозными предписаниями, становились более приоритетными.

В четвертых, получение ханами своего звания от Далай-ламы не получило должного развития, а репрезентация высшего тибетского иерарха ламами (главным ламой) была в скором времени сменена институтом главного ламы калмыцкого народа, утверждаемого русскими властями.

Среди ойратов (калмыков) не было установившейся традиции (правил) передачи власти как у светской, так и у духовной власти. Имевшиеся примеры не обладали устоявшимся церемониалом и авторитетом.

ГИС-технологии в археологических исследованиях

Полученные в ходе археологических исследований материалы с каждым годом увеличиваются, и обрабатывать их традиционными способами становится затруднительно. Одним из факторов, осложняющих эту задачу, является большая пространственная разбросанность археологических памятников. Карта является универсальным средством передачи пространственного распространения археологических объектов разных культур и типов, позволяет установить закономерности в их размещении, динамики развития.

При решении задач пространственно-временного анализа археологических данных исследователи все чаще используют геоинформационные системы (ГИС), т. е. фактически ведутся междисциплинарные исследования на стыке как минимум трех наук: информатики, географии и истории [Рыгалова 2014].

Построенные на технической базе геоинформационных систем электронные (или цифровые) карты состоят из слоев, каждый из которых несет определенную смысловую нагрузку и является эффективным средством хранения пространственной информации. Например, цифровая карта может состоять из слоя почв, слоя растительности, слоя гидрографии, слоя административно-территориального деления исследуемого региона. Такие карты допускают единовременный обзор пространства в любых пределах; создают пространственный образ отображаемых явлений; содержат их количественные и качественные характеристики; позволяют определить координаты, длину, площади и объемы нанесенных объектов; показывают их взаимосвязи, особенности и закономерности расположения. В этих свойствах заключаются значение и ценность цифровых карт [Холушкин 1989].

ГИС-технологии позволяют не только объединять данные, но и делать новые научные выводы, а не просто отображать уже известные сведения. Таким образом, может быть сформулирована прямая задача ГИС в археологических исследованиях — рациональное представление имеющейся информации о территории, разработка и применение к этой информации ГИС-инструментов анализа, позволяющих получить новые знания о данной территории [Коробов 2011].

Данные дистанционного зондирования являются важным источником информации для специализированных археолого-информационных систем. Такие системы могут оказаться основой для глобальной систематизации материалов, которая могла бы облегчить поисковую работу исследователей.

На сегодняшний день наибольшую востребованность в археологических исследованиях ГИС получили на региональном уровне.

На территории Республики Калмыкия археологические исследования с применением ГИС и ДЗЗ впервые были предприняты ГУ «Археологическая лаборатория», однако в дальнейшем работы в данном направлении были свернуты.

Работа по созданию Археологической карты Республики Калмыкия (книжного и электронного вариантов) была продолжена Прикаспийским научно-образовательным археологическим центром Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в двух направлениях: первое — составление книжного (бумажного) варианта; второе — формирование баз данных археологического наследия в цифровом и графическом режимах с использованием возможностей современных ГИС. Это позволило осуществить перевод картографической информации в цифровую форму и создать тематическую электронную базу данных, которая имеет свойства уточнять информацию по известным уже памятникам и вносить в реестр новые объекты археологии.

Книжный вариант «Археологической карты Калмыкии» состоит из двух частей. Первая часть содержит «Предисловие», главы «Физико-географическая характеристика», «История археологического изучения», «Археологические культуры Калмыкии» и «Реестр археологи-

ческих источников», где в обобщенном виде представлены важные сведения об археологических памятниках Республики Калмыкия. Во вторую часть вынесено приложение, где приводятся более подробные сведения о каждом памятнике в отдельности [Археологическая карта 2016].

Одной из основных идей создания электронной версии археологической карты РК была общедоступность контента для всех онлайн и оффлайн картографических сервисов, а также доступность в большинстве устройств глобального позиционирования. Для этого использовались файлы с расширением .kml (.kmz) и .gpx. В данных файлах была использована система координат WGS 84, которая получила широкое распространение в приборах глобального позиционирования и картографических сервисах благодаря минимальной погрешности. В ходе полевых и кабинетных работ вырабатывались необходимые методики для последующего выявления и внесения памятников археологии в электронную базу археологической карты.

Литература

Рыгалова М. В. Зарубежный опыт применения ГИС в исторических исследованиях: основные направления // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Вып. 4(1). С. 199–203.

Холушкин Ю. П. Предисловие // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–4.

Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: учебное пособие. М.: Издательство МГУ, 2011. 224 с.

Археологическая карта Республики Калмыкия. Часть 1. / Под ред. проф. Кольцова П.М. Элиста: Изд-во ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. 300 с.

А. Н. Команджаев
(г. Элиста, Россия)

Политика российской администрации в Калмыкии в начале XX века

Политика российского правительства в Калмыкии в рассматриваемый период велась по нескольким направлениям. Первое — это очередные шаги правительства по распространению на Калмыкию общего для России административно-территориального деления, что было связано с общей направленностью политики по отношению к нерусским народам. Даже при том, что калмыки были разделены между Астраханской, Ставропольской губерниями, Терской и Войска Донского областями (кроме того, отдельные группы калмыков проживали в Оренбургской губ. и Уральской обл.), все-таки основная их часть была сосредоточена в так называемой Калмыцкой степи Астраханской губернии и сохраняла свое административное (улусы, аймаки, хотоны, зачастую роды) деление и национальные особенности, проявлявшиеся не только в культуре и быту, но и в хозяйстве и социальных отношениях.

Естественно, что в законодательных инстанциях царизма проводилась активная работа по ликвидации этого, на их взгляд, анахронизма. 23 декабря 1902 г. был принят закон о передаче управления калмыками из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение земского отдела Министерства внутренних дел [ПСЗ-III), Т. XXII, №24747]. Одновременно стали разрабатываться проекты о преобразовании Калмыцкой степи в уезд с центром в пос. Яшкуль или с. Элиста (с переименованием его в г. Павловск) [НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.219. Л.339]. Был также выработан в Министерстве внутренних дел и рассмотрен в 1904 г. проект преобразования Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в 6-й земский участок Медвежинского уезда с введением здесь общего для сельского населения России административного деления (волости, села) и общих крестьянских установлений [РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.177. Л.10 об.]. Не без основания правительством это связывалось с завершившимся процессом перехода большедербетовских калмыков к оседлости.

В этом же духе был принятый еще ранее, 2 июня 1897 г., закон, согласно которому по отношению к донским калмыкам было применено «Положение об общественном управлении

станци казачьих войск» 1891 г. Единственная же, по мнению правительства, специфическая особенность у донских калмыков, зафиксированная в законе, была та, что сотенный сбор при рассмотрении различных дел заменялся собранием стариков – отцов семейств, избираемых ежегодно станичным сбором в числе 15 человек, с приглашением, для убеждения совести, депутата от местного ламайского духовенства [ПСЗ-III. Т. XVII. №14240].

Другое направление – это традиционная двойственная политика правительства по отношению к калмыцкой знати. В частности, в принятом 10 июня 1900 г. законе «О замене у калмыков Астраханской губернии кибиточной подати сбором с принадлежащего им скота» [ПСЗ-III. Т. XX. №18791] было оговорено, что новый налог (с одной головы: верблюда — 75 коп., лошади и крупного рогатого скота — 40 коп., мелкого скота — 5 коп.) были обязаны платить все скотовладельцы “без различия сословий”. Правда, здесь надо учитывать то, что правительство, принимая этот, по сути, “бессловный” закон, было вынуждено признать происходившие социально-экономические процессы в Калмыкии. Во-первых, равный кибиточный сбор не отражал действительного экономического состояния хозяев, во-вторых, расслоение крестьянства, обеднение и разорение его большинства не позволяло этому большинству уплачивать годовой налог, и, естественно, что правительство было озабочено, прежде всего, уменьшением доходов казны.

В связи с этим, представители знати, ранее не уплачивавшие никаких налогов и имевшие целый ряд привилегий, теперь уже частично были приравнены к податному населению. Одним из промежуточных звеньев этого перехода было принятие Положения “О привлечении привилегированных сословий калмыцкого народа к платежу уравнительного сбора на содержание вольнонаемной стражи в Калмыцкой степи” 11 июня 1893 г. [ПСЗ-III. Т. XIII. №9794]. Интересно отметить, что законом 10 июня 1900 г. был также нанесен удар по круговой поруке, поскольку теперь налог собирался только со скотовладельцев, а не с кибиток и в целом аймачного общества. В целом, принятие этого закона, как и некоторых других, было прогрессивным явлением в том смысле, что происходил процесс, хотя и медленный, разрушения сословности.

Третье – это характерное в этот период для многих регионов России, в том числе и для Калмыкии, становление и дальнейшее оформление полицейской службы и надзора. Согласно “Временному положению о полицейской страже в Калмыцкой степи”, принятому 19 декабря 1886 г., здесь ввели вольнонаемную полицию взамен казачьих команд [ПСЗ-III. Т. VI. №4110]. 12 ноября 1893 г. было предоставлено право назначения надзирателей на астраханских рыбных и тюленьих промыслах [ПСЗ-III. Т. XIII. №10041], по закону 12 марта 1901 г. полиция была учреждена и у инородцев Ставропольской губ., в том числе у калмыков Большедербетовского улуса [ПСЗ-III. Т. XXI. №19796].

Наконец, в 1906 г. была утверждена министром внутренних дел “Инструкция полицейским стражникам Калмыцкой степи” [РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.43]. Можно отметить также и общие для этого региона указы, в частности, “Об объявлении в исключительном положении некоторых местностей Ставропольской губернии” и другие [ПСЗ-III. Т. XXVI. №28229; Там же. Т. XXX. №33596]. Помимо этого, продолжала проявляться унификаторская направленность политики российской власти по отношению к “инородцам”, в том числе и к калмыцкому народу. Например, законом 3 февраля 1897 г. были упразднены должности представителей от калмыков в составе Астраханского управления государственных имуществ и при следственных органах уездных городов Енотаевска и Черного Яра [ПСЗ-III. Т. XVII. №13696].

На исходе XIX и в начале XX века центральным вопросом был аграрный. Естественно, что к этому периоду в связи с обострением аграрного вопроса в России относится начало проведения столыпинского аграрного законодательства в Калмыкии.

Правительство, в значительной мере обеспокоенное конфликтами калмыцкого населения и переселенческого крестьянства, пыталось разрешить остроту земельного вопроса. Но при этом оно оставалось верно своим традициям: переселенческая политика, вопрос о земле разрешались за счет сокращения земельных угодий коренного населения.

Когда в начале XX в. рассматривался вопрос об учреждении комиссии для обсуждения проекта преобразования Калмыцкой степи, в проекте было зафиксировано следующее: “Точный смысл изданных о землепользовании калмыков узаконений, действующий до настоящего времени, приводит к несомненному выводу о принадлежности государству всех занятых кочевьями калмыков земель, что калмыки на эти земли имеют право лишь бессрочного общественного пользования”. И далее указывалось на необходимость отметить это в будущем законе [НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.219. Л.46]. Таким образом, правительство стремилось найти юридическое оправдание своим и предыдущим, и последующим действиям.

В 1906 г. создается особая комиссия под председательством члена губернского правления Петрова для выяснения фактического землепользования калмыков и переселенцев в пределах 10-верстной полосы [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1655. Л.6-76.], главной задачей которой было найти резерв в калмыцкой земле для населения ею последних. В этом шаге правительство видело возможность “притупления” аграрного движения в Нижнем Поволжье, не желая замечать того, что этим вызывалась ответная реакция со стороны калмыцкого населения. Сам факт принятия закона о совместном пользовании переселенцев, казачьего населения с калмыками 10-верстной полосой уже нарушил земельные права последних. Теперь же речь шла о дальнейшем шаге: отчуждении 10-верстной полосы из пользования калмыков, с чем комиссия Петрова успешно справилась. По распоряжению министра внутренних дел от 27 ноября 1907 г. было предложено сдать в аренду половину из 14 прогонов, установленных с 1830 г. для прохождения калмыцкого скота к Волге. Другая половина этих прогонов (17 тыс. дес.) уже была сдана в аренду за десятки лет перед этим [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1655. Л.76.].

Помимо прямого выделения участков из пользования калмыцких обществ, правительство видело возможность в эксплуатации их земель переселенческой богатой верхушкой и зажиточными калмыками в арендной системе и выпасе “постороннего скота”. В Калмыцкой степи Астраханской губ. сдавались в аренду свыше 665 тыс. дес. так называемых “родовых” (общинных) земель, не считая сданных под рыболовство водных участков [НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.201. Л.203; РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.47. Л.42], то есть здесь сдавались администрацией в аренду около 11–12 % от всей площади калмыцких улусов. В Большедербетовском улусе Ставропольской губ. в начале XX в. были сданы в аренду почти 50% “родовых” земель – около 100 тыс. дес. [РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.383. Л.1].

Аграрная политика правительства в Калмыкии в рассматриваемый период характеризовалась не только регулированием межнациональных земельных отношений, тем более что это не могло ликвидировать аграрные противоречия в этом регионе, а порой и обостряло их. Закономерно, что правительство и в Калмыкии прибегло к аграрной реформе Столыпина, преследовавшей цель расширения своей социальной базы в деревне. Новой опорой власти должно было стать богатое крестьянство, для которого уже было многое сделано в форме аренды или выпаса скота, в ходе отмежевания калмыцких земель и теперь планировалось сделать еще больше. Проводником реформы Столыпина, в основном, среди переселенческих сел Калмыкии явилась созданная в 1907 г. Черноярско-Енотаевская уездная землеустроительная комиссия, деятельность которой развернулась в улусах после революции 1905-1907 гг. Здесь аграрная политика администрации именно в указанный период проявлялась наиболее отчетливо после основательной подготовки, длившейся не одно десятилетие. Уже в законе 16 марта 1892 г. было предусмотрено в будущем “преобразование калмыцкого общественного управления к поземельному устройству” [ПСЗ-III. Т. XII. №8429].

В целом, как приведенные в исполнение, так и предполагавшиеся законодательные акты шли в русле проектировавшегося изменения административного, общественного и поземельного устройства калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. Ускорению разработки и внедрению отдельных частей этого проекта способствовала утвердившаяся в России столыпинская линия аграрной политики.

Как уже было сказано выше в области административного устройства предполагалась из Калмыцкой степи Астраханской губ. создать Павловский уезд, с переименованием предполагаемых уездных центров – пос. Яшкуль или с. Элиста в г. Павловск. Проект положения

об управлении Павловским уездом (совместно с Алексеевским – из Внутренней киргизской орды Астраханской губ.) разрабатывался довольно продолжительное время и был утвержден в министерстве внутренних дел (МВД) в 1910 г. для последующего внесения его в законодательные инстанции. Министр внутренних дел планировал уже начать преобразование с 1 января 1911 г. [НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.339. Л.6-25]. Однако весь 1911 г. администрация была занята решением вопроса о центре уезда. Несмотря на то, что жители с. Элиста (переселенцы из бывших государственных крестьян) выдвинули ряд требований в обмен на их согласие изменить статус своего населенного пункта, главными из которых были требования о наделении землей и отведении им оброчных статей, все-таки на заседании астраханского губернского присутствия было решено остановить свой выбор на с. Элиста. Этот выбор основывался, главным образом, географически: с. Элиста находилось в центральной части Калмыцкой степи и являлось здесь наиболее относительно развитым населенным пунктом с сетью торгово-промышленных заведений (магазины, мастерские, мельницы и т.д.) и крупной для Калмыкии ярмаркой [НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.339. Л. 32-40].

Однако в силу различных причин, главным образом, из-за необходимости связать воедино административные преобразования с изменением форм общественной жизни калмыков и с их поземельным устройством, которые нуждались еще в доработке, из-за общей неподготовленности центральных и местных властей к этому делу, наконец, немалую роль здесь играло не всегда лояльное отношение к данным проектам представителей калмыцкого населения — все это вынудило администрацию ограничиться лишь административной реформой 1910 г.

Еще в 1905 г. улусные сходы приняли решение о соединении аймаков, однако, по позднему признанию администрации, «предположения эти... не получили дальнейшего развития ввиду предполагавшейся тогда общей реформы управления в Калмыцкой степи». Позднее, на съезде улусных попечителей в 1908 г. было решено ходатайствовать об изменении административного деления Калмыцкой степи вследствие трудностей управления большим количеством мелких административных единиц (аймаков и хотонов), свершившихся внутренних миграционных процессов и пр. В решении съезда утверждалось, что «аймаки сами между собою стали группироваться из кибиток, связанных общностью интересов, и состав прежних административных аймаков распался и во многих случаях представляет сейчас просто анахронизм» [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л. 1-4].

С 1 января 1910 г. после многолетней подготовки (вопрос об административной реформе в Калмыцкой степи ставился еще с 1897 г.) [РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.10. Л.278-283] 108 аймаков, в которых насчитывалось 772 хотона, в результате укрупнения аймаков и хотонов и приравненных соответственно к волостям и селам, были сведены к 34 аймакам со 180 хотонами [Материалы 1910: 27]. Количество улусов и их границы остались прежними.

На первый взгляд эта реформа была, казалось, чисто административной, и всего лишь способствовала сокращению управленческого аппарата, а отсюда – и некоторой части налогов. На 31,5 тыс. кибиток калмыков приходилось к этому периоду свыше 13 тыс. должностных лиц (аймачные старшины, хотонные старосты, заседатели зарго, поверенные по земельным делам, демчеи, выборные на сход и др.), на содержание которых с молчаливого согласия администрации периодически организовывались «темные сборы». В 1908 г. в среднем на одну семью простолюдина приходилось налогов, по сведениям администрации, 24 руб., в том числе: налоги текущего года составляли 8 руб., недоимки – 8 и темные сборы — тоже 8 руб. [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л.2.]. Однако реформа 1910 г. таила в себе более глубокие основы, присущие столыпинскому аграрному законодательству. Этой реформой была объективно подорвана социально-политическая роль зайсангов (бывших владельцев аймаками до 1892 г.), как носителей феодально-патриархальных начал: в 1910 г. к управлению аймаками в качестве аймачных старшин было допущено всего лишь 8 человек из привилегированных слоев (7 зайсангов и один, как выражалась администрация, «дворянин» — С. Л. Талтаев). Большинство же управленческого аппарата составили выходцы из среды богатых простолюдинов или служителей бюрократии и, как утверждала администрация, они «принадлежат к числу самых почетных и влиятельных в степи людей». Не случайно против введения нового

аймачного деления выступил богатейший скотовод и крупный землевладелец, зайсанг Ц.-Д. Онкоров, который на Багацохуровском улусном сходе «втихомолку агитировал не за, а против аймачных управлений» [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л.102], что было, конечно же, следствием его боязни хотя бы частично потерять свое безраздельное господство в улусе. Характерно, что впервые для Калмыкии подавляющее большинство аймачных старшин было грамотным (неграмотных — 4 чел.) [НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л.102], что свидетельствовало о позитивных тенденциях в калмыцком обществе в области просвещения.

Источники и литература

- Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание. (ПСЗ-III), Т.ХХII, №24747.
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф.9. Оп.1. Д.219. Л.339.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1291. Оп.84. Д.177. Л.10 об.
ПСЗ-III. Т.ХVII. №14240.
ПСЗ-III. Т.ХХ. №18791.
ПСЗ-III. Т.ХIII. №9794.
ПСЗ-III. Т.VI. №4110.
ПСЗ-III. Т.ХIII. №10041.
ПСЗ-III. Т.ХХI. №19796.
РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.43.
ПСЗ-III. Т.ХХVI. №28229; Там же. Т.ХХХ. №33596
ПСЗ-III. Т.ХVII. №13696
НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.219. Л.46.
НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1655. Л.6-76.
НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.201. Л.203; РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.47. Л.42.
РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.383. Л.1.
ПСЗ-III. Т.ХII. №8429.
НА РК. Ф.9. Оп.1. Д.339. Л.6-25.
НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л. 1-4.
РГИА. Ф.1291. Оп.84. Д.10. Л.278-283.
Материалы естественно-исторического и статистико-экономического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Астрахань, 1910. С. 27.
НА РК. Ф.9. Оп.4. Д.1599. Том 1. Л.2.

С. Г. Комаров
(г. Москва, Россия)

Тюркские кочевники Восточной Европы домонгольского времени по данным краниологии: основные итоги исследований

Обширные пространства степей Восточной Европы в конце I – начале II тысячелетий были заняты тремя основными кочевыми союзами тюркских племен — печенегами, торками, половцами. Несмотря на то, что погребения тюркских кочевников раскопаны в очень большом количестве, антропологический состав каждого из крупных племенных объединений остается невыясненным до сих пор. С одной стороны, это связано с малочисленностью краниологических серий, характеризующих население домонгольской эпохи. С другой стороны, большая часть кочевнических погребений носит смешанный характер. Поэтому отнесение археологических, а вслед за ними и антропологических материалов к той или иной группе кочевников бывает затруднительным или вовсе невозможным.

К середине прошлого века в отечественной науке прочно утвердилось представление о преобладании в физическом облике тюркских кочевников восточноевропейских степей монголоидных черт в южно-сибирском варианте, с четко выявляемой европеоидной примесью, которая фиксируется как в облике отдельных индивидов, так и при обобщении данных по конкретным краниологическим сериям. В ходе дальнейших исследований благодаря расши-

рению источниковой базы был выявлен гораздо больший удельный вес европеоидных элементов в антропологическом составе тюркского кочевого населения; возникло даже предположение о вероятной европеоидности значительной части домонгольских племен.

Сопоставление краниологических комплексов населения степей Восточной Европы второй половины I–середины II тысячелетий свидетельствует о том, что тюркские кочевники домонгольского времени занимают промежуточное место между наиболее европеоидными и типично монголоидными группами. Основная масса тюркских кочевников характеризовалась смешанными европеоидно-монголоидными особенностями, притом в ряде случаев с преобладанием европеоидных компонентов. В домонгольскую эпоху в южнорусских степях фиксируется присутствие отдельных групп южносибирского облика, однако эти группы составляли, по всей видимости, незначительную часть в общем объеме кочевого населения.

И. В. Кульганек
(г. Москва, Россия)

История и культура монгольских народов в российских политико-административных и научных архивах

Политико-административные и научные архивы России содержат большое количество материалов по истории и культуре монгольских народов. Первые материалы относятся к XVII в. Она касались главным образом территории и хозяйства. Постепенно пополняясь документами о жизни и различных сферах деятельности народа, они превратились в богатейшие репрезентативные коллекции по всем отраслям знаний монголов.

Документы политико-административного характера хранятся в федеральных архивах страны. Наиболее значимыми из них являются: Российский государственный архив древних актов (РГАДА; Москва), Архив внешней политики МИД Российской Федерации (АВП МИР РФ; Москва), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ; Москва), Российский государственный военный архив (РГВА; Москва), Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, новое название — РГАСПИ; Москва), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА; СПб.), Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб; СПб.), Российский государственный исторический архив (РГИА; СПб.). Региональные архивы: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток, ранее — в Томске), Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ; Улан-Удэ), Государственный архив Астраханской области (ГААО; Астрахань), Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК; Элиста), Национальный архив Татарстана (НАРТ; Казань).

Материалы раннего периода (XVI–XVIII вв.), представляют собой указы монархов (главным образом, об учреждении политического влияния воевод, ханов, князей на определенных территориях), а также «статейные списки», договоры, стратегические планы, «записки», донесения землепроходцев, послов, купцов, чиновников, служилых людей. Материалы XVIII–XIX вв. содержат сведения о распространении буддизма в Бурятии и Калмыцкой степи. Среди них преобладают указы монархов и разных департаментов, распоряжения местных органов управления, связанные с функционированием буддийской церкви и регулирующие ее положение в России (например, об учреждении монастырей, о землепользовании).

Архивы XIX в. пополнились отчетами военных экспедиций, которые возглавляли знаменитые путешественники и исследователи, посылаемые Министерством иностранных дел (позже — Российским Географическим Обществом) в Центральную Азию.

Материалы, отложившиеся после 1917 г., несут свидетельства борьбы в Советском Союзе с буддизмом, документы о закрытии хурулов и дацанов, указания на проводившуюся репрессивную политику государства по отношению к служителям религиозного культа. Более поздние документы говорят о возрождении буддизма в нашей стране и за ее пределами.

В докладе главное внимание уделено научным архивам, в которых содержатся материалы по истории и культуре монгольских народов. Более подробная характеристика дается научным архивам Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФА РАН), Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН), Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (МАЭ РАН), Российского географического Общества (РГО), Санкт-Петербургского института истории РАН (СПб ИИ РАН), Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (ранее — Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Самым большим хранилищем монгольских рукописей является Рукописный фонд ИВР РАН. Ему отводится в докладе особое место. Наибольшее количество записей, сделанных монголооведами о монгольских народах, хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН), который представлен личными, тематическими фондами, а также фотоархивом.

И. В. Лиджиева
(г. Элиста, Россия)

Институционализация системы местного самоуправления Калмыцкой степи в рамках имперского законодательства

В XVII в. калмыцкий народ добровольно вошел в состав Российского государства. Но еще до принятия российского подданства у калмыков сложились своя система государственного управления и правовые нормы, которые были перенесены ими в пределы России. Указанные институты вызвали большой интерес у ряда исследователей, в результате на протяжении XVIII–XIX вв. был собран богатейший эмпирический материал, который стал основой для дальнейшего изучения процесса институционализации системы местного самоуправления калмыков в рамках имперского законодательства [Гурлянд 1904; Леонтович 1879; Рязановский 1924; Баснин 1876].

Как показывает исторический опыт, человеческое общество на всех этапах своего развития нуждалось в особом механизме, регулировавшем социальные отношения. Таким регулятором стали обычаи, которые прошли длительный процесс развития, и их соблюдение обеспечивало необходимый порядок. Характерная особенность указанных социальных норм заключалась в том, что они создавались непосредственно обществом, выражали и защищали интересы всего коллектива, соблюдение их было добровольным.

По мере прогресса человеческого общества усложняются общественные связи, что в конечном итоге приводит к появлению новых обычаев, которые регулируют общественную жизнь. По мнению М. Н. Кулажникова, ученого, внесшего значительный вклад в разработку проблемы соотношения права, традиций и обычаев в системе социальных норм, обычаи — это «устойчивые правила поведения, возникшие на основе определенных фактических отношений как отношения повторяющихся форм связей людей конкретной социальной общности в результате многократного совершения ими одних и тех же действий, осознания и оценки общественной значимости данных правил, соблюдаемых в силу привычки и под воздействием общественного явления» [Кулажников 1972: 48].

Обычное право кочевых народов является отражением многовекового опыта регулирования общественных отношений. Н. Я. Бичурин охарактеризовал обычное право калмыков как «зеркало на поверхности коего со всею ясностью изображаются нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения у монгольского народа» [Бичурин 1834, 1991: 39].

К числу местных законов, действующих в разных частях России, принадлежат законы калмыков, кочующих в Астраханской и Ставропольской губерниях [Муллов 1863: 63]. Особенности кочевого хозяйствования, трудности и большая доля зависимости от климатических условий способствовали более тесным связям между членами общества и, соответственно, совместному решению вопросов местного значения. Как отмечал Н. Н. Пальмов, ойратские

законы – продукт самостоятельного юридического творчества калмыков XVII в. Мы имеем в нем не только документ, сообщающий драгоценные сведения о культуре народа..., но имеем дело с жизненной основой, на которой развивалось калмыцкое право в XVIII в и пыталось развиваться в первой четверти XIX в. Основа эта оказывается настолько прочной и до такой степени соответствует народному представлению, что даже в укладе современного калмыцкого быта нередко можно проследить действие юридических норм, принятых в ойратском законодательстве» [Пальмов 1992: 134].

До недавнего времени исторической науке были известны только три крупных памятника монгольского феодального права, к которым относятся Яса Чингис-хана, принятая на курултае 1206 г., «Великое Уложение» 1640 г. и сборник законов «Халха Джирум», датированный 1709 г., до принятия которых правовые отношения в монголоязычном обществе регулировались нормами обычного права «... в благоприятный день пятого числа среднего осеннего месяца года богатыря железа – дракона князя сорока и четырех... положив начало составили Великой Уложение». Отсюда следует, что в 1640 г. по европейскому летосчислению князя срока туменов Халхи и четырех туменов Джунгарии составили «Ик Цааджин бичиг» (монг. «Их Цааз»). Как указывает профессор К. Голстунский, «монголо-ойратские законы составлялись самостоятельно и имели своим источником: во-первых, устное обычное право, т. е. собрание народных обычаев; во-вторых обстоятельства политического и социального положения монголов-ойратов в период времени, предшествовавшем сейму, и в-третьих, может быть, на статьи законов 1640 г. повлияло религиозное движение вследствие распространения желтошапочной секты Зункавы» [Голстунский 1880: 10–12]. Указанного мнения придерживался и Д. Е. Лаппо, который отмечал, что «уложение «князей сорока и четырех» основано на обычном праве, развивавшемся самостоятельно, но имевшем точки соприкосновения с Ясоу Чингисхана» [Лаппо 1905: 57].

Как уже известно, первым переводчиком данного законодательного памятника стал В. М. Бакунин, назвавший свой труд «переводом с права мунгальских и калмыцких народов». В работах Иакинфа Бичурина он значится как «Степное Уложение», И. Я. Гурлянда — «Великим Степным Уложением», Н. А. Попова — «Степным уставом», Ф. И. Леонтовича — «Уставом взысканий–Цааджин Бичиг», В. А. Рязановского — «Монголо-ойратским уставом 1640 г.» и, наконец, К. Ф. Голстунского — «Монголо-ойратскими законами 1640 г.».

В тексте «Великого Уложения» не содержатся положения, непосредственно связанные с общественным управлением, но упоминаются такие понятия, как «демчи» и «шуленг». *Демчи* являлся старостой сорока дворов или семей, который занимался общей раскладкой податей и повинностей, в свою очередь, шуленга — это староста двадцати дворов. Как показывает исторический опыт, староста — это человек, имевший определенный авторитет в обществе и назначенный на эту должность с негласного одобрения коллектива. Термины *староста*, *дэмчи*, *шуленг* в традиционном смысле, который могли бы придавать этим квалификациям участник общественно-политической жизни общества того периода, означали скорее не должность, а статус. Выбор своего старосты являлся составной частью процесса самоорганизации местного населения, проявление его самостоятельности и самостоятельности.

В состав письменного памятника права «Великое Уложение» входит Указ Галдан-хана, в тексте которого присутствуют положения, указывающие на наличие выборных лиц, а также посвященные их обязанностям по осуществлению социальной защиты населения. Таким образом, анализ письменных законодательных памятников, являющихся источниками обычного права и действующих в калмыцком обществе в указанный период, позволяет сформулировать основные положения относительно норм обычного права, относящихся к пониманию местного самоуправления, которые включают три важные составляющие:

- самоорганизацию как способ управления делами коллектива группой людей, наделенных данным правом путем выборов, с их общего согласия;
- саморегуляцию как способ организации жизнедеятельности коллектива путем выработки применительно к своим условиям социальных норм и дальнейшей их реализации;
- самостоятельность как способ эффективного использования собственных ресурсов и возможностей с целью обеспечения жизнедеятельности коллектива.

Таким образом, в XIX в. многие стороны общественной жизни инородцев, к которым относились калмыки, по-прежнему регулировались обычным правом. Именно такая норма, возникшая из практических ценностей и накопленного опыта, была взята за основу и трансформирована в закон. Принимая во внимание значение добровольного вхождения кочевого народа в состав России, царизм постепенно проводил осторожную политику по введению их в общероссийскую вертикаль управления, основываясь на принципах правового плюрализма на низовом уровне. Включение традиционных структур и сложившихся обычаев в официальную систему управления и действовавшего позитивного права происходило методом санкционирования и инкорпорации, при этом традиционные системы управления на местах использовались не столько для повышения эффективности управления, сколько для укрепления административной вертикали.

Согласно «Высочайше утвержденному Положению об управлении Калмыцким народом» от 28 декабря 1835 г. Калмыцкая степь в административно-территориальном отношении была поделена на семь улусов: Багацохуровский, Эркетеновский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский и Харахусовский. Улусы находились под управлением владельцев и правителей и в свою очередь состояли из аймаков, управляемых зайсангами. Административно-территориальной единицей аймаков были хотоны, которые находились под надзором старшин, избираемых из благонадежных калмыков.

Необходимо отметить, что вместо термина «самоуправление» в законодательстве того периода использовался термин «общественное управление», под которым понималось выполнение обществом (общественными силами) препорученных ему государством задач.

Спустя 12 лет после выхода «Положения об управлении Калмыцким народом» 1834 г. с учетом реальных изменений в соответствии с потребностями народа 23 апреля 1847 г. было Высочайше утверждено новое Положение. По своей структуре документ состоит в общей сложности из трех разделов: 1-й — «О правах и обязанностях калмыков», 2-й — «Об управлении калмыцким народом», 3-й — «Наказ об обязанностях по управлению калмыцким народом», всего 28 глав и 254 статей.

№	Раздел, глава, статья	Основные положения	Комментарии
1.	Раздел I, глава II, статья 14	Калмыки имеют право составлять улусные и аймачные сходы для совещания по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности	Статья определяет личное право калмыков на общественное самоуправление в форме схода осуществляемого по территориальному признаку
2.	Глава IV, ст. 39–54	«Об улусном и аймачном сходе»	Глава содержит нормы регулирующие условия формирования, сроки проведения и предметы ведения выборных органов местного самоуправления на определенной территории.
3.	Раздел 2, глава VIII, ст. 179–184	«Об аймачных или родовых Зайсангах, старшинах, Бодокчеях и старостах»	Положения данной главы определяют правовой статус выборных должностных лиц органов местного самоуправления.
4.	Раздел 3, глава V, ст. 219	Сохранение общественного порядка, спокойствия и безопасности личной и имуществ возлагается на Зайсангов и аймачных старшин и хотонных старост. Они обязаны наблюдать, чтобы в подведомственных им аймаках и хотонах не происходило буйства, драк, насилий, воровства, отгона скота, бродяжничества и укрывательства преступников, беглых и вообще людей беспаспортных.	Статья определяет функциональные обязанности органов местного самоуправления по охране общественного порядка и общественной безопасности.

5.	Раздел 1, глава VII, ст. 83–87	«Об общественном капитале»	Положения данной главы определяют источники формирования общественного капитала, его назначение и процедуру расходования
----	--------------------------------	----------------------------	--

Таким образом, в количественном отношении статьи Положения 1847 г., регулирующие правовой статус института местного самоуправления, составляют более 10%. В основных чертах состав и компетенция волостного схода совпадали с улусным, сельского схода с аймачным. По мнению К. Н. Максимова, улусные и аймачные сходы по составу и принципам действия более всего напоминали институты сословно-представительных органов, формируемых исключительно на основе цензового представительства. В Положении 1847 г. употребляется старая, хорошо знакомая и привычная терминология для обозначения новых, на этот раз уже скорее «должностных» лиц — староста, старшина, благонадежные лица и т. д.

Указанным правовым актом в Калмыкии на законодательном уровне впервые был закреплён институт местного самоуправления в форме схода, формируемого на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения. К выборным лицам относятся аймачные старшины, управляющие аймаками, избираемые на улусном сходе, а хотонные старосты избираются на аймачном сходе и осуществляют надзор в хотонах.

Остановившись на полномочиях органов местного самоуправления, прописанных законодателем, следует отметить, что в своем большинстве это функциональные обязанности государства, но в данном случае возложенные на общественное управление. Первоочередными задачами стали те, которые ближайшим образом связаны с исполнением государственных обязанностей. При этом социально важные направления развития общества, такие как народное образование, здравоохранение, благоустройство и т.п. в Положении не прописаны. «Делегируя им новые властные полномочия, одновременно констатируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самодеятельности, центральная власть пыталась сформировать из архаичных структур адекватного партнера – соправителя» [Бовыкин 2014].

Таким образом, система местного самоуправления вновь создаваемых органов общественного управления и его структура копировали, как можно предположить, традиционную общественную самодеятельную структуру самоорганизации населения. Указанные нормативно правовые акты являются одной из первых попыток имперских властей по регулированию института местного самоуправления калмыков, ранее источником которого являлось обычное право.

Российское правительство проводило в XIX в. политику правового плюрализма, используя национальные и традиционные правовые и административные системы в интересах укрепления режима и целостности государства. В области государственного управления сочетание унификационного и плюралистического подходов являлись переходной мерой: конечная цель состояла в безболезненном включении окраин в общее административное пространство империи, поэтому плюрализм допускался на низшем уровне и сочетался с максимальной унификацией управления на уровне регионов и губерний. Между тем следует отметить, что общественное самоуправление калмыков на протяжении XIX столетия, в рамках действующего законодательства, которое при несомненном стремлении к унификации и интеграции Калмыцкой степи в единую систему законодательства, учитывало национальные особенности и достигло значительных результатов в области образования, здравоохранения и конечно социальной сфере. Несмотря на самодержавную форму правления, которая по своей природе несовместима с принципами выборности и общественного управления, можно констатировать наличие традиции самоуправления в обществе и ее эффективное проявление при благоприятных условиях. Органы местного самоуправления в пределах своего ведомства, при четком следовании общероссийским законам, решали все административные, хозяйственные, судебные (кроме уголовных) вопросы занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью. Таким образом, на протяжении XIX — начала XX вв. в Калмыцкой степи создавался уникальный опыт общественного управления.

Литература

- Баснин Н. В.* О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков). М., 1876. 8 с.
- Бичурин Н. Я.* (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834. 2-е изд. Элиста: Калмкнигоиздат, 1991. 128 с.
- Бовыкин В. В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного. Очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 432 с.
- Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан Хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.
- Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 112 с.
- Кулажников М. Н.* Право, традиции и обычаи в советском обществе. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1972. 175 с.
- Лаппо Д. Е.* Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енис. Губ. Управления, 1905. 57 с.
- Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. //Записки императорского новороссийского университета. Т. 29. Под ред. А.А. Кочубинского. Одесса: Тип. г. Уильриха, Красный переулок, д. 3, 1880. С. 1–440.
- Муллов П.* Древние калмыцкие законы //Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. 18. Кн. 10. Октябрь. С. 63–76.
- Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2 изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен (монголов, бурят, калмыков). Харбин, 1924. 114 с.

К. Н. Максимов
(г. Элиста, Россия)

Историческая наука Калмыкии: достижения и проблемы

История является, как известно, одним из важнейших факторов национальной самоидентификации. Поэтому народ без истории не существует. Потеря исторической памяти означает исчезновение творца истории. Эта мысль убедительно отражена в ряде стихотворений А. К. Толстого, посвященных исторической тематике:

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

История как созидательная идеология играет активную роль в формировании основы национального мировоззрения. В связи с этим история может выступать объединяющей национальной идеей, как это было в начале 1990-х г. Изучение пронесенных ойратами через многие века основ номадной и буддийской цивилизаций и сохраненных калмыками факторов самоидентификации стало благодатной почвой для возрастающего ощущения принадлежности к данному этносу, обращения к истокам этногенеза — к феномену «мы – ойраты». Такими исследованиями стали книги историков А. Г. Митирова, М. М. Батмаева, В. Ш. Бембеева, Э. П. Бакаевой и др.

В рамках тезисов и даже статьи невозможно охватить все проблемы, которыми занимались историки, дать полный обзор историографии истории Калмыкии. Поэтому ставится цель выделить важнейшие этапы развития исторических исследований, отметить наиболее значительные достижения, обозначить проблемы, стоящие перед нашей исторической наукой.

Зарождение исторической науки Калмыкии связано с ее новейшей историей, представленной в качестве новой исходной точки истории народа. Фактически она стала историей господствующей политической партии, у истоков которой встали руководители Калмыцкого парткома, определившие идеологический вектор историографии истории Калмыкии на весьма длительный период. Несмотря на ограниченность источников, моноидеологию историкам Калмыкии удалось в этот период создать несколько обобщающих трудов по истории Калмыкии. Заметным явлением в историографии стало появление «Очерков истории Калмыцкой АССР» в двух частях, монографии У. Э. Эрдниева по этногенезу и этнографии калмыцкого народа, где авторы попытались показать неразрывность истории народа.

В перестроечные годы и вплоть до начала 1990-х г. принципиальных изменений в историографии истории Калмыкии, хотя тематика стала обширней, не произошло, поскольку проявление плюрализма происходило в основном в рамках прежней идеологии. Концепция трудов по истории Калмыкии, появившихся в эти годы, оставалась ортодоксальной.

В 1990-е г. в историографии истории Калмыкии обозначился качественно новый этап, обусловленный разрушением господствовавшей старой идеологии, демократизацией общественной жизни, принципиальным сдвигом в общественном сознании, открытием доступа к секретным документам, изучением запретных ранее проблем, восполнением “белых пятен” на основе зарождающихся свежих взглядов на события минувшего.

В начале XXI в. историография истории Калмыкии пополнилась ценными, содержательными трудами историков третьей генерации У. Б. Очирова, Е. Н. Бадмаевой, Э. П. Бакаевой, Е. В. Сартиковой и др. В отличие от предшествовавших коллег вопросы Гражданской и Великой Отечественной войн, социалистической модернизации, этнографии, религиозной политики, межнациональных отношений им удалось раскрыть всесторонне, объективно [Очиров 2006; Бадмаева 2006, 2010; Сартикова 2008; Бакаева 2008; Тепкеев 2014].

Серьезным вкладом в развитие исторической науки Калмыкии явились издания «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в трех томах (Элиста, 2009) и «Калмыки» (М., 2010), а также труды по истории Отечественной войны 1812 г., Великой Отечественной войны. В них история Калмыкии авторами исследована в соответствии с новыми концептуальными подходами, принципами непрерывности, единства в общеисторическом пространстве России. В эти годы ученые активизировали исследования в области новейшей истории, прежде всего в области истории XX в., не ослабляя внимания к изучению ранних эпох, в том числе и ойратской. Понимая, что все эпохи заслуживают дальнейшего глубокого изучения, историки Калмыкии, располагая накопленными историческими знаниями, опытом исследовательской работы, ныне имеют возможность взять в качестве приоритета историю современной эпохи, чтобы, как выразился В. В. Путин, “не жить прошлым бесконечно..., а задавать правильные ориентиры развития”.

Литература

Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста, 2006.

Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921 – 1933 гг.). Элиста, 2010.

Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста, 2008.

Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Элиста, 2006.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста, 2008.

Тепкеев В. Т. Калмыкии в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014.

Н. А. Мининков
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Федор Калинин Траилин — исследователь донских калмыков

Общественный деятель Дона и ученый Ф. К. Траилин (1836–1919) отличался исключительным разнообразием интересов. Особый интерес к донским калмыкам был для него не случаен как для уроженца станицы Верхне-Курмоярской, вблизи которой располагались их кочевья, так и в связи со службой в 1864–1869 гг. после окончания педагогического отделения гимназии в Новочеркасске в Калмыцком окружном училище в слободе Ильинка на реке Сал, являвшейся центром Калмыцкого округа.

С этого времени Траилин стал собирать сведения о калмыках и в 1865 г. был избран действительным членом донского Статкомитета. Во второй половине 60-х годов XIX в. стали появляться его статьи, посвященные калмыкам Дона. Итогом его исследований стала, вышедшая в 1872 г., книга «Санскрин Курэ-дэ», и посвященная священному калмыцкому изобращению и дающая сведения об экономической жизни и быте донских казаков-калмыков. Им были приведены общие статистические сведения и обращено внимание на тенденции в развитии внутренней жизни калмыцкого казачьего общества. Он указывал на постепенный переход донских калмыков к оседлости.

В том же году им была издана книга о защите животных в Области войска Донского. В ней были приведены подробные сведения об особенностях быта табунщиков на Дону, значительную часть которых в степях по Салу и Манычу составляли казаки-калмыки, об условиях их найма на работу к коннозаводчикам и оплате их тяжелого труда. Как писал Траилин, коннозаводчики предпочитали нанимать табунщиками казаков-калмыков, поскольку они очень хорошо знали коневодство.

Для создававшегося в 1899 г. Донского музея Траилин передал свою коллекцию предметов быта донских калмыков, существующую до сих пор.

Наранжаргал Норовсамбуу
(г. Улан-Батор, Монголия)

Социализмын үеийн монгол-халимагийн шинжлэх ухаан, соёлын салбарын харилцаанд холбогдох зарим мэдээнүүд (1957–1989 он)

Халимагууд Ижил мөрөнд буцан ирснээс хойш Монгол Халимагийн харилцаа дахин сэргэсэн. Энэ үед улс төрийн харилцаанаас илүү соёл шинжлэх ухааны харилцаа идвэхтэй хөгжиж эхэлсэн. Соёлын харилцааны болж Монголоос 1958 онд Москва дахь залуучуудын эвлэлийн дээд сургуулийн төгсөгчид ирсэн. Тэдний Халимагт ирсэн явдал нь албан есны айлчлал байгаагүй бөгөөд сургуулиа төгссөн залуус өөрсдийн сонирголоор угсаа гарал нэгтэй ах дүү нарынхаа нутгаар зочилсон албан гэхээсээ илүү хувийн шинж чанартай айлчлал байв. Энэхүү оюутнуудын айлчлалаас хойш хэсэгтээ Халимагт монголчууд очоогүй. Энэ нь Зөвлөлт засгийн удирдагчид Монгол, Халимагуудыг хоорондоо нэгдэн нягтархаас сэрэмжилж байсантай холбоотой бололтой. Ийнхүү монголчууд халимагт очих халимагууд монголд ирэх нь хязгаарлагдмал байсан ч Монголоос ЗСБНХУ-д сурч байсан оюутнууд тэнд суралцаж байсан халимагуудтай дотно харилцаатай байжээ. Тухайлбал монголын зохиолч Цэнд, Мөнх, Жамсранжав, Пүрвээ, Гарваа, Бааст, Лхамсүрэн нар халимаг зохиолчидтой хамт суралцаж байсан тухайгаа дурссан байдаг бол 1962 онд Халимагийн зохиолч Балакан Алексей хамт суралцаж байсан Монголын зохиолч Чимэд, Гарвай, Доржпалам, Пүрэв, Жамсран нартай хамт суралцаж байснаа дурссан байдаг.

1960-иад оноос эхлэн халимагын залуучуудын төлөөлөгчид Монголд айлчлаж айлчлалынхаа тухай дурсамж тэмдэглэлийг халимагт буцаж очоод хэвлүүлж байсан нь халимагийн ард түмэнд монголын аж байдал соёлын тухай мэдээлэлийг хүргэсэн чухал явдал байв.

Улмаар 1960-иад оны сүүлээс эхлэн хоер улсын соел урлагын байгууллага, урлагын хамтлагууд харилцан бие биендээ айлчлан өөрсдийн уран бүтээлээ танилцуулах болсон нь хоер улсын хоорондох соелын харилцаанд гарсан томоохон амжилт юм. Тухайлбал Монгол улсаас Халимагт 1978 онд Нацагдоржийн нэрэмжит Монголын Үндэсний Драммын Театр, Ховд аймгийн театр, 1980 онд Монголын үндэсний ансамблийнхан очиж монголын соелын дээжээс халимагийн ард түмэнд танилцуулсан бол Халимагийн талаас Монголд: 1970 онд “Бамба цэцэг” хамтлаг, 1979 онд Яшкул районы Баяр хамтлаг, 1984 онд “Хайдрис” хамтлаг тус тус айлчлан тоглосон нь хоер улсын ард түмэн нэг нэгнийхээ соел урлагыг танин мэдэхэд ихээхэн ач холбогдолтой үйл хэрэг болжээ.

Хоер улсын соелын харилцаа ийнхүү өргөн хөгжиж эхэлсэний зэрэгцээ шинжлэх ухааны харилцаа ч хурдацтай хөгжиж байв. Энэхүү харилцаанд Халимагт 1966 оноос эхлэн Монгол Зөвлөлтийн найрамдлын сар, хоногуудыг байнга тэмдэглэх болсон нь ихээхэн нөлөөлсөн. Энэ ажлын хүрээнд Зураг, номоор үзэсгэлэн гаргаж, найрамдлын орой, хурал хийж, Улсын болон Районы сонин, Тээгийн гэрэл сэтгүүлд монголын тухай мэдээлэл хэвлэхийн зэрэгцээ Зөвлөлт монголын найрамдлын нийгэмлэгийн халимагийн анги нь “Боловсрол мэдрэл” нийгэмлэгтэй хамтран 2 улсын найрамдлын тухай лекцийг жил бүр бэлдэн районуудад илгээдэг байв. 1967, 1971, 1980 онуудад халимагт монгол зохиолчдийн бүтээлийн эмхэтгэл гарсан. Монголын тухай «Тээгийн гэрэл», «Халимаг үнэн», «Советская Калмыкия» сонинд мэдээ хэвлэж байв. Монголд Д. Н. Кугультиновын, С. Каляевин, К. Эрендженовин, Б. Сангаджиеван, А. Балакаевин, Т. Бембесвин, Х. Сайнбилиг нарын бүтээл хэвлэгдсэн. Монголын хувьсгалд оролцсон партизануудын тухай «Интернационалч даалгавартан» ном 1970 онд орос хэлээр Халимагт, 1979 онд монгол хэлээр Улаанбаатарт хэвлэгдсэн. Мөн “Найрамдлын захиагаар” гэсэн 2 дахь дэвтэр “Дайнд нэг экипаж, хөдөлмөрт нэг баригаад” гэсэн 3 дэвтэрүүд нь хэвлэгдэн гарсан бөгөөд энэнд сүүлийн 10 жил Монголд ажилласан хүмүүсийн тухай орсон. Энэ 2 хураангуй 1974 болон 1981 онд хэвлэгдсэн. 1979 онд монголд Халимагийн өдрийг Зөвлөлтийн өдрүүд болон 1980 онд Халимагт Монголын өдрүүдийг өргөн хэмжээнд тэмдэглэсэн. Хоер улсын шинжлэх ухааны академ нь халимагийн тууль судлал, хөдөө аж ахуйн чиглэлээр хамтран ажиллаж туршлага солилцож байв. Мөн ойрад монголын нэрт бичгийн хүн Зая Бандид Намхайжамц болон тод бичгийн хуралуудыг хоер улсын нийслэлд ээлжлэн хамтран зохион байгууллаж байв. Хоер улсын энэхүү харилцаанд Өвөрхангай аймаг Халимаг улс хоер харилцан туслалцах шөфийн харилцааг 1974 оноос тогтоосон явдал эергээр нөлөөлөж байв. Ийм ч учраас МАХН-аас Өвөрхангай болон Халимагийн харилцааг сайн гэж үнэлэн бусад аймгуудыг жишээ авахыг уриалж байв.

Ийнхүү Сталины бодлогын улмаас тасраад байсан монгол халимагийн харилцаа социализмын он жилүүдэд сэргэн улам өргөжин хөгжиж эхэлсэн бөгөөд энэхүү харилцаанд соел урлаг, шинжлэх ухааны харилцаа чухал байр суурь эзлэж байна. Улмаар 1980-иад оны сүүлээр болсон өөрчлөлт шинэчлэлийн улмаас социалист систем задран унасан нь хоер улсын харилцааг бүхэлд нь эргүүлэн шинэ хэлбэрээр хөгжихөд хүрэгсэн.

Tsongol B. Natsagdorj
(г. Улан-Батор, Монголия)

The torgud Gomang lama Dondub Gyatso (?–1710)

Among the holdings of the Mongolian National Central Archives related to the Kūriye amban and the Uliyasutai governor-general, there are fragmented documents, particularly correspondence between the vice-general of the Qalqa left wing Doroi efu Danzandorji and General Basai, dating from Yongzheng (YZ) 10 (1732). Their letters concern this western Qalqa Torgud banner and the nearby Oyirad banners and the Qalqa banner of the Duke Tongmok in the Jasaytu Khan Ayimay. From these documents we learn that their tayijis were relatives of the Torgud Ayuki Khan's Gomang Lama.

In the historical literature, we find hardly any information about this Gomang Lama. There are just a few written sources about him: the “Crystal Mirror” by Tugan Qutuqtu Lobsang Choiky Nyima, the Biography of I Jamyan Shadba by Gonchok Jigmed Wangbo, and the biography of the VI Dalai Lama Tsangyan Gyatso. Based on these sources, there are brief mentions of Gomang Lama in studies by Ge. Lije and L. Terbish, and from these we can sketch an outline of his life.

Dondub Gyatso was born to aristocratic family among the Volga Torguds and studied at the Dashi Gomang within the Drepung monastery in Lhasa. In 1673 he was elected as the twenty-ninth abbot of Dashi Gomang and served in this position for three years. For this reason, he was known more as Gomang Lama than as Dondub Gyatso. After retiring as abbot, Gomang Lama returned to the Volga steppe and actively spread Buddhism among the Torguds. He then came back to Tibet in 1704 and made many offerings to Lhasa monasteries, after which he was appointed abbot of Litang Monastery. In 1708 he was still residing there, preventing the deposed sixth Dalai Lama Tsangyan Gyatso from visiting there for more than three days.

After his death (his dates of birth and death are both unknown) he was reincarnated, and the residences of subsequent reincarnations of Gomang Gegen were all located among the Qarašar Torguds of Xinjiang province. The addition of further sources makes possible an even fuller picture of Gomang Lama Dondub Gyatso’s political life.

From the above, one can see that Gomang Lama Dondub Gyatso from the Volga Kalmyk khanate was a remarkable person who played an active role on the Inner Asian political scene. Once sent by his remote relative Ayuki Khan, probably, on a diplomatic mission to the Dzungar leader Galdan Bošoytu Khan, he could not normalize the relations between the two Oyirad leaders. And after the usurpation of Tsewang Rabtan and after Galdan Bošoytu Khan’s heavy defeats by the Qing army in 1690, he started to represent his own small but strong domain between the two Dzungar leaders.

After the death of Galdan Bošoytu Khan and facing the unification policy of the new Dzungar leader Tsewang Rabtan, Gomang Lama moved his šabi subjects to the northwestern region of Köke nayur. After longstanding conflicts with the Tibetan tribes of the Sino-Tibetan frontier who had submitted to the Qing, Gomang Lama, as the representative of the Dalai Lama’s government, was ultimately forced to submit to the Qing. Those of his subjects ruled by his nephew Mergen Tsorji, living relative freely in the northwestern Köke nayur region, were forced to leave that area because of the Qošud Lubsang Danjin’s uprising. Although the Qing military administration in Qalqa tried to incorporate them into one of the neighboring banners there, they were in the end organized into a separate banner ruled by a relative of Ayuki Khan on account of their silent resistance.

The organization of one more banner from the Torguds of the Kalmyk khanate in addition to the group of Arabjur, which, for several reasons, could not rejoin its brothers in the Volga region, was an excellent illustration of the special treatment shown by the Qing Empire to the Kalmyk khanate, a desirable ally against the Dzungar state. But the all-Oyirad identity of this group was stronger than the grace of the Manchu emperor, and during the Dzungar-Qing war the population of this new banner submitted to the Dzungar state, as did the other Oyirad banners of the Oyirad league in Western Qalqa. This was the main reason for late Qing official chroniclers’ ignorance of this banner, which, in fact, existed for just three years. It shows once again the importance of Manchu- and Mongol-language primary documents for the study of the history of the non-Chinese territories of the Qing Empire.

Л. В. Оконова
(г. Элиста, Россия)

Отчеты Управления калмыцким народом: из опыта выявления источника

Отчеты Управления калмыцким народом (далее — УКН) являются одним из важных исторических источников, раскрывающим региональные аспекты политического, социально-экономического и культурного развития Калмыцкой степи Астраханской губернии в составе Российской империи в XIX – нач. XX вв. Об этом свидетельствуют ряд исследований, посвященных данной проблеме [Бурчинова 1980; Лиджиева 2016].

Фонды центральных и региональных архивохранилищ содержат отчеты Главных Попечителей калмыцкого народа, составленных и поданных астраханскому губернатору. В этой связи актуальным является выяснение и изучение количественного состава представленных отчетов, наличие сопроводительных документов к ним, материалов по их рассмотрению, которые дают возможность исследователю получить более четкие ориентиры в поиске необходимых документов. Данный аспект исследования делопроизводственного комплекса необходим не только для источниковедческого изучения, но и для анализа общественно-политических и социально-экономических процессов, проистекавших в Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте единого имперского пространства.

Значительный массив отчетов УКН хранится в Национальном архиве Республике Калмыкия (далее — НА РК) в фонде И-9 «Управление калмыцким народом», в котором содержатся копии отчетов УКН за 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1903, 1906 гг. Следует отметить, что копия отчета за 1867 г. ошибочно отнесена к фонду Отделения ордынских народов АПГИ (Ф.И-6), а копия отчета за 1868 г. выявлена в 2-х экземплярах — одна хранится в фонде И-9, а другая — в фонде И-6. Кроме того, исследование подготовительных материалов и черновиков отчетов НА РК за 1874, 1875, 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1899, 1902, 1903, 1904, 1906, 1911, 1912 гг. выявило неоднородную степень их сохранности и целостности. Например, за 1874 г. имеются дополнительные материалы к кодовому отчету, а за 1897 г. годовой отчет Малодербетовского улусного управления, который был скреплен в одно дело вместе со статистическими данными по названному ведомству. Копии отчетов УКН имеются в составе не только 1-го стола, но и 2-го и бухгалтерского столов. Данные факты свидетельствуют о неточностях в определении хронологических границ фондов и систематизации документальных материалов. Копии этих отчетов имеют практически полную степень целостности и сохранности. Так, отчет за 1892 г. представлен в 2-х экземплярах — один из них является копией, другой — подлинником, причем подлинник находился в составе дела, в котором первые 125 листов отсутствуют. Анализ выявленного делопроизводственного материала НА РК показал, что копии находятся в лучшей сохранности, чем подготовительные материалы к данным отчетам. На структуру, содержание и объем отчетов влияли разные факторы, в т. ч. изменение самой формы отчета. Одним из факторов было изменение территориально-административных границ. Так, в начале 1860-х годов Большедербетовский улус был присоединен к Ставропольской губернии. Соответственно отчеты перестали поступать в Калмыцкое управление, и объем данных в сводном годовом отчете значительно сократился, т. к. Главный Попечитель Большедербетовского улуса отчитывался уже ставропольскому губернатору. Эти отчеты хранятся в Государственном архиве Ставропольского края и РГИА. А в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) хранятся отчеты-подлинники местных учреждений Калмыцкой степи Астраханской губернии. В фонде 381 имеются подлинники отчетов УКН за 1869, 1870, 1871, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1889, 1890, 1891 гг. Отчеты УКН за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882 гг. отложились в фонде Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян МГИ (ф. 385), а за 1897, 1899, 1900, 1901, 1903, 1906, 1913, 1914 гг. — в фонде Земского отдела Министерства внутренних дел (ф. 1291), которые составляют самостоятельные архивные дела.

С началом Первой Мировой войны представление отчетов прекращается, что подтверждается представлением последнего отчета Главного Попечителя калмыцкого народа за 1914 г.

На данном этапе поиск годовых отчетов УКН вряд ли может считаться завершенным. Сводные годовые отчеты УКН по ряду лет остаются не выявленными, а именно за 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1893, 1896, 1898, 1904, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 гг.

Таким образом, отчеты УКН представляют собой значительный документальный массив, сосредоточенный в различных архивохранилищах России, анализ которого позволяет сделать следующие выводы:

1) необходимость изучения отчетов УКН продиктована высоким уровнем информационной насыщенности этих исторических источников;

- 2) выявление и их изучение всех сопроводительных документов, относящихся к отчетам, позволяют рассматривать сводный годовой отчет как обширный источниковый комплекс;
- 3) критический анализ данного вида источников дает возможность проанализировать степень достоверности содержащихся в них данных, рассмотреть делопроизводственный стиль местных чиновников;
- 4) исследование позволило выявить роль отчетов УКН в процессе разработки всеподданнейшего отчета астраханского губернатора и проведение общегосударственных правительственных мероприятий;
- 5) сводные годовые отчеты отражают состояние общей земельной площади Калмыцкой степи, дают демографическую характеристику, определяют положение скотоводческого хозяйства и мн. др.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия
Российский государственный исторический архив

Литература

Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1980. 118 с.

Лиджиева И. В. Опекa и попечительство в деятельности органов местного самоуправления калмыков в XIX–начале XX вв. // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41. Is. 3. Pp. 658–665.

У. Б. Очиров
(г. Элиста, Россия)

Республиканские Книги Памяти Калмыкии как источник по истории Великой Отечественной войны

В постсоветский период в Калмыкии был опубликован ряд изданий, содержащих списки жителей региона — участников Великой Отечественной войны. Эти базы данных можно условно разделить на три группы в зависимости от уровня охвата населения: общереспубликанские (охватывающие жителей всей Калмыкии), районные (охватывающие отдельный район) [напр., Богаев 1995; Книга 2015], сельские (охватывающие отдельное село) [напр., Манджиев 2011, Артезиан 2015]. В данном докладе рассматриваются опубликованные базы данных республиканского уровня.

Самой известной из этих изданий стала Книга «Память. Санл», являющаяся составной частью Всесоюзной (ныне Всероссийской) Книги Памяти. Этот проект зародился по инициативе ветеранов и общественных организаций в 1989 г. и обрел государственный статус в феврале 1991 г. по Указу Президента СССР. Планировалось, что Всесоюзная Книга Памяти будет состоять из Книг Памяти всех регионов СССР, в которые включат списки их земляков, призванных на войну и павших на фронтах Великой Отечественной (погибших, умерших от ран и пропавших без вести). На данный момент в отделе «Книга Памяти» Центрального музея Великой Отечественной войны находится свыше 1600 томов Всесоюзной Книги Памяти (не считая иных Книг Памяти и электронного Именного каталога) [Центральный]. После развала СССР 14 января 1993 г. был принят Закон «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества», который узаконил продолжение этой работы в регионах России.

В Калмыкии редколлегия республиканской Книги Памяти и рабочая группа по ее подготовке были созданы по решению Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 24 декабря 1991 г. Первые тома книги «Память. Санл» создавались, что называется, «всем миром»: огромный объем работ был проведен Советами ветеранов, военкоматами, Национальным архивом Республики Калмыкия, Калмыцким книжным издательством, десятками добровольцев во всех районах республики. Источниками для составления первых двух томов «Санл» послужили: материалы ЦАМО (списки безвозвратных потерь, разработанные ВНИИДАД) и

НА РК, данные Военно-медицинского архива, документы Калмыцкого республиканского и районных военкоматов, информация из органов соцзащиты, семейные архивы, сведения подворного обхода населенных пунктов. Первые два тома, в которых указано свыше 20 тыс. персональных, вышли в 1995 г. Их структура в целом соответствует требованиям Всероссийской редколлегии: сведения разбиты по районам, внутри каждого из них выстроены по алфавиту, помимо полной фамилии, имени, отчества указываются сведения о годе и месте рождения, месте призыва, воинском звании и должности, времени гибели и месте захоронения. В 1-м томе опубликованы сведения о погибших, умерших от ран и пропавших без вести призванных из г. Элисты, Городовиковского, Ики-Бурульского, Лаганского районов [Память 1995, т. 1], во 2-м томе — из остальных 10 районов (Кетченеровского, Малодербетовского, Октябрьского, Приютненского, Сарпинского, Целинного, Черноземельского, Юстинского, Яшалтинского, Яшкульского) [Память 1995, т. 2].

Работа над «Книгой Памяти» на этом не закончилась. К 2005 г., когда вышел 3-й том «Память. Санл», было выявлено еще свыше 2 тыс. земляков, не вернувшихся с фронта. Одним из собирателей информации по-прежнему оставался военкомат, в который поступали сведения из ЦАМО, военкоматов других регионов, заявления родственников и списки односельчан. Другими источниками информации стали списки умерших в немецких и финских концлагерях, составленные на базе личных дел заключенных и опубликованные в 2002 г., а также поступивший в Комитет по делам архивов РК список умерших военнопленных в «Гроссалазрет» (из мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.»). В 3-м томе список новых персональных был дан по алфавиту без деления на районы. В конце к нему прилагался список поправок к сведениям, опубликованным в 1 и 2-м томах.

В 2010 г. был опубликован 4-й том «Память. Санл», составителями которого были А.В. Цюрюмов (он же отв. редактор), Л. Б. Шалданова, Е. Н. Убушаев, Л. П. Коженбаева, Э. Б. Бадма-Горяева (ученые-историки Калмыцкого госуниверситета и сотрудники отдела по делам архива и НА РК). Источником послужили материалы ЦАМО и Военно-мемориального центра ВС РФ, оцифрованные для ОБД «Мемориал», работа над созданием которого началась после выхода Указа Президента РФ от 22 января 2006 г. «Вопросы увековечивания памяти погибших при защите Отечества». Основной массив документов — это донесения частей о безвозвратных потерях, похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, карточки советских военнопленных из немецких концлагерей, паспорта воинских захоронений. Эти сведения, как в 1-м и 2-м томах, разбиты по районам (но не по современному административно-территориальному делению, как в первых томах, а по районам периода войны), внутри которых выстроены по алфавиту. Отдельным разделом представлен Калмыцкий район Ростовской области. Помимо этого, в 4-й том были включены материалы из Объединения «Саксонские мемориалы», созданного в 1999 г. Эти сведения, составленные по данным немецких архивов, были предоставлены А. Харитоновым и Р. Фюрером в 2007 г. и содержали информацию о 475 наших земляках.

Анализируя все 4 тома Книги «Память. Санл», следует заметить, что значительная часть информации (особенно относительно калмыцких имен собственных) искажена. Ошибки допускались как на стадии составления документа (писари периода войны плохо знали калмыцкие имена и села, к тому же составлять документы приходилось в перерывах между боями, в сложных окопных условиях, при плохом освещении), так и при дублировании (возможно, многократном) информации сотрудниками ЦАМО и ВМА. Все тома подвергались редактуре, но в условиях дефицита времени и при отсутствии оригиналов документов устранить большинство искажений не удалось. В 3-м томе неназванные составители прямо указали, что в тексте имеется *«много неточностей в написаниях географических названий, имен и фамилий, исправить которые не представляется возможным»* [Память 2005: 6]. Об этом же писали и составители 4-го тома: *«в этих первичных документах допущены явные искажения в написании фамилий, имен, отчеств погибших, которые невозможно устранить»* [Память 2010: 2].

Помимо искажений имен собственных, в Книге «Память. Санл» имеет место дублирование персоналий. Например, в 1-м томе указан Авляев Бадма Улейтинович (1921 г.р., призван Калмыцким РВК, лейтенант 1118-го сп, погиб 21.03.1943) [Память 2005, т.1: 25], во 2-м – Авляев Бадма Улазгинович (уроженец Алцынхуты, призван Сарпинским РВК) [Память 2005, т.2: 6], в 4-м – Авяев Бадма Улезгинович (уроженец Хошгутовского сельсовета, призван Элистинским ГВК, лейтенант, убит 21.1.1942) [Память 2010: 4]. Если посмотреть ОБД «Мемориал», то можно найти сведения о лейтенанте 1118-го сп 333-й сд Авляеве Бадме Улейтиновиче, убитом 21.1.1942, родственники которого проживали в Хачедовском сельсовете Кодненковского района Коми АССР. Очевидно, что это один и тот же человек, информация о котором в разных документах была искажена разными людьми (например, в 4-м томе — современным переписчиком, поскольку в оригинале документа – «похоронке» четко написано: «Авляев Бадма», «Хошеутовского») [ОБД «Мемориал»: Авяев]. Другой пример: во 2-м томе Очиров Долан Боктаевич, 1912 г.р., Яшкульского района, призванный Московским ГВК, указан пропавшим без вести [Память 2005, т.2: 411], а в 4-м — Огиров Долан Бактеевич, 1911 г. р., уроженец Черноземельского района, п/о Якуль, с. Чингар, призван из Москвы 5.11.1942 г., указан убитым 9.2.1945 г. [Память 2010: 388]. Здесь мы видим и ошибки писарей («Якуль», «Чингар»), и ошибку переписчика, поскольку в оригинале документа (списки потерь) ясно написано «Очиров» [ОБД «Мемориал»: Очиров Долан]. Написание «Огиров» в ОБД «Мемориал» лишь недавно было исправлено по просьбе родственников. Таких примеров можно привести немало.

Но даже если фамилии и имена не искажались, то все равно дублирование имело место, в том числе в 1-м и 2-м томах, которые выходили одновременно. Например, капитан Очиров Халга Менкенович (представленный к званию Героя Советского Союза и хорошо известный историкам, занимающимся историей участия наших земляков в Великой Отечественной войне), 1914 г.р., уроженец с. Яшкуль, погибший 2.10.1943 г., был продублирован без искажений в 1-м [Память 2005, т.1: 134] и во 2-м [Память 2005, т.2: 415] томах. Встречаются дублирование одного и того же человека и в пределах одного тома, например, Манцын Илья Суботович (сведения о котором, в целом правильные, были указаны в 1-м томе [Память 2005, т.1: 118]) в 4-м томе, на одной и той же странице оказался разделен на две персоналии: Манцын Илья Субатович и Манцын Илья Суботович [Память 2010: 19]. При этом имя И. С. Манцына, командовавшего эскадром калмыков-коллаборационистов и перешедшего к польским партизанам, тоже должно быть известно историкам-калмыковедам. Есть и другие примеры неверной информации о людях, хорошо известных историкам Калмыкии. Например, в 4-м томе встречается Улюмжиев Цибек Будасевич, уроженец Чиргирского с/с Черноземельского района Коми АССР, сержант 633-го сп 157-й сд, убитый 15.03.1942 г. [Память 2010: 393], хотя биография чилгирца Улюмджиева Цебека Будаевича, командира роты, дошедшего до Одера и награжденного двумя орденами, а после депортации являвшегося 1-м секретарем Яшкульского района КПСС, должна была быть хорошо известна составителям.

С другой стороны, утверждать, что в 4 томах Книги «Память. Санл» упомянуты все наши земляки, мы не можем. Например, в них отсутствует младший лейтенант 311-го кп 110-й ОККД Сангаджи Улазганович Мачаев, погибший в бою под Ямангоем, хотя на «Мемориале» информация о нем есть [ОБД «Мемориал»: Мочаев Сангаджи Улангович].

Таким образом, очевидно, что составителями разных томов Книги «Память. Санл» за прошедшие десятилетия была проведена титаническая работа по поиску имен наших земляков, павших на полях сражений Великой Отечественной. Однако данная работа не является окончательной, а уже полученные результаты требуется подвергнуть сличению, перепроверке и анализу.

Помимо Книги «Память. Санл» публиковались и другие региональные базы данных жителей Калмыкии–участников Великой Отечественной войны. Например, в 2007 г. вышел 2-й том книги «Солдаты Победы», в который были включены сведения о более чем 2 тыс. воинах 110-й ОККД. П. Э. Алексеева в течение многих лет собирала информацию о воинах калмыцкой дивизии путем опроса родственников, сверки литературы, привлекла большой массив

материалов, собранный в Научном архиве КИГИ РАН [Солдаты 2007]. После этого работа по сбору информации продолжалась. К проекту присоединился С. А. Заярный — внук комиссара 110-й ОККД, который в течение нескольких лет ежедневно работал с электронными базами данных, в ЦАМО РФ, разыскивая дела 110-й ОККД, рассеянные по «чужим» фондам. Благодаря его кропотливому труду удалось установить судьбы многих воинов нашей дивизии, которые ранее считались нам неизвестными, внести исправления в биографии некоторых из них, добавить дополнительно более тысячи новых имен, десятки их фотографий. Свои списки воинов 110-й ОККД предоставили Ш. М. Налаев, Т. Б. Шураев (ветераны Великой Отечественной войны), А. Б. Цобдаев (общество «Мемориал»), М. А. Лиджиев (Калмыцкий госуниверситет), У. Б. Очиров (КИГИ РАН). Проведенная работа позволила составителям выявить еще 1,5 тыс. имен наших земляков, существенно уточнить биографии и написание имен многих воинов, опубликованных в 1-м издании [Солдаты 2015]. Данную работу по качеству исполнения можно считать в определенной степени «маяком», на который следует ориентироваться исследователям при работе над такими базами данных.

Еще одна республиканская база данных жителей региона—участников Великой Отечественной войны под таким же названием («Солдаты Победы») была создана в 2010 г. под эгидой Министерства образования, культуры и науки Калмыкии. В нее вошли сведения о всех наших земляках-ветеранах, доживших до 65-летия Победы. Эти сведения собирались на основе информации военкоматов путем подворного обхода всех ветеранов, а затем были сведены редакцией газеты «Парламентский вестник Калмыкии» в единую базу данных, опубликованную к юбилею Победы [Солдаты 2010].

В 2015 г. вышла еще одна работа, которую мы можем классифицировать как региональную базу данных жителей Калмыкии—участников Великой Отечественной войны: это книга «Достоин награждения» [Манджиев 2015]. Автором ее является Н. Ц. Манджиев, который в течение долгого времени собирал информацию о тысячах наших земляков, награжденных боевыми орденами и медалями за подвиги, совершенные в 1941–1945 гг. Информация, представленная в данном труде, основывается в основном на документах ЦАМО, что безусловно повышает его ценность. К недостаткам книги (кроме немногочисленных повторов) следует отнести некоторую ее бессистемность: хотя внутри глав фамилии выстроены по алфавиту, список самих глав отсутствует, а логика их построения не всегда понятна читателю. Поскольку отсутствует и именная указатель, поиск нужной фамилии в этой базе может занять значительный объем времени. Безусловно, для работы удобней было бы выстроить фамилии наших земляков по алфавиту, что, кстати говоря, исключило бы возможность повторов.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что за прошедшие два с половиной десятилетия была проведена огромная работа по составлению различных баз данных наших земляков—участников Великой Отечественной войны (погибших, награжденных, воинов национального соединения, доживших до 65-летия Победы). С другой стороны, следует констатировать, что предстоит выполнить большой объем работ, в первую очередь, по созданию сводной базы, включающей всеобъемлющую информацию обо всех наших земляках-участниках Великой Отечественной войны.

Литература

- Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста, 2015. 168 с.
Богаев Б. А. Яшкуляне в боях за Родину. б/м, 1995. 48 с.
Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. Элиста, 2015. 460 с.
Манджиев Н. Ц. Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста, 2011. 80 с.
Манджиев Н. Ц. Достоин награждения. М., 2015. 498 с.
ОБД «Мемориал» // URL: <http://www.obd-memorial.ru/>
ОБД «Подвиг народа» // URL: <http://podvignaroda.mil.ru/>
Память. Санл. Т. I. Элиста, 1995. 416 с.
Память. Санл. Т. II. Элиста, 1995. 442 с.
Память. Санл. Т. III. Элиста, 2005. 156 с.
Память. Санл. Т. IV. Элиста, 2010. 492 с.

Солдаты Победы. Самара, 2010. 420 с.

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста, 2007. 272 с.

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста, 2015. 373 с.

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // URL: <http://www.poklonnayagora.ru/?part=43> (дата обращения 10 августа 2016 г.).

У. В. Очиров
(г. Элиста, Россия)

Великая Отечественная война и нормы международного гуманитарного права

Президент РФ Владимир Путин в своем выступлении на заседании оргкомитета «Победа» 17 марта 2015 г. заявил, что циничная ложь о победе в Великой Отечественной войне, которую распространяют некоторые международные политики — это попытка подточить силы и авторитет России и лишить ее статуса страны-победительницы. По мнению В. В. Путина, наглая ложь о победе в Великой Отечественной войне не так безобидна, как кажется. Это попытка заложить в головы миллионов молодых людей извращенное представление об истории, что задает опасные тенденции. Данный доклад как раз направлена против искажения юридических итогов Великой Победы советского народа.

Любая война по природе своей не может быть гуманной. Война — это всегда кровь, насилие, смерть. Но воюющие стороны издавна придавали исключительное значение смягчению ужасов войны и уменьшению ее разрушительного характера. Многие народы мира исправила гуманного обращения к определенным группам населения и ведения военных действий. Из истории нам известны примеры, когда в некоторых армиях запрещалось казнить пленных, применять отравляющие средства, приказывалось щадить женщин и детей. К примеру, во времена правления Чингисхана, когда жизнь человека в глазах степных кочевников мало чего стоила, в убийствах даже врагов существовали принятые ограничения: после победы женщин не убивали, а распределяли между победителями, не убивали так же детей мужского пола, рост которых был ниже оси больших колес арбы. Действовавшие во многих государствах законы и отдельные договоры, правила поведения участников военных действий были направлены на уменьшение страданий людей во время вооруженных конфликтов. Со временем эти обычаи и договоры между отдельными правителями стали основой письменных соглашений о соблюдении правил гуманного обращения с противником, т. е. оформились в нормы обычного права, которыми руководствовались противоборствующие стороны.

В 1930–1940-е гг. странами агрессивного военного союза Германии, Италии, Японии и других государств «без объявления войны», вероломно были захвачены: «в 1931 г. Маньчжурия–Японией; в 1935 г. Абиссиния –Италией; в 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию; в 1939 г. захватил Чехословакию; 1 сентября 1939 г. вторгся в Польшу также без объявления войны и др. Метод везде один. Маски сброшены. Тайная война антикоминтерновской оси против Советской России стала частью мировой войны против всех свободных народов» [Сейерс Майкл, Канн Альберт 2007: 38].

Таким образом, как свидетельствуют исторические факты, страны фашистского блока, вероломно напав на суверенные государства, нарушили действовавшие на то время основные нормы международного гуманитарного права (Статут Лиги Наций, многосторонний Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики и др.), регулирующие отношения между противоборствующими сторонами в период вооруженного конфликта, кстати, подписанные рядом государств, в том числе и Германией. В частности, в таком международном акте, известном как Пакт Бриана–Келлога, все Договаривающиеся Стороны согласились приступить к «откровенному отказу от войны как орудия национальной политики,

дабы мировые и дружественные отношения, существующие ныне между их народами, могли сделаться постоянными». Стороны признали, что «урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они не были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах» [Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога)].

Вторая мировая война выявила как эффективность тех или иных гуманитарных норм, так и недостатки, и изъяны действовавших международных правовых актов. В послевоенные годы международное сообщество в развитие норм гуманитарного права приняло Всеобщую декларацию прав человека, Пакты о правах человека, Женевскую конвенцию 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним от 1977 г. и другие правовые документы. Они содержат принципы и нормы, касающиеся прав человека в условиях мира, о защите прав человека в период вооруженных конфликтов. Эти договоры имеют универсальный характер. Так, участниками четырех Женевских конвенций на сегодняшний день являются 188 государств, Дополнительного протокола — 152 государства, Дополнительного протокола II — 144 государства.

Международное сообщество обязано принять все меры, и в первую очередь правовые, к недопущению в будущем применения военной силы в отношениях между странами или группами стран. Нормы международного гуманитарного права призваны смягчать жестокость войны, гуманизировать отношения, связанные с вооруженными конфликтами. Для обеспечения безопасности жертв войны в ходе военных столкновений необходимо выработать целостную и объективную, отвечающую потребностям современного развития общества научно-правовую концепцию защиты прав человека.

Литература

Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога) [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901786550> (дата обращения 13.03.2015).

Николаев А. В., Юрьева А. С. Против искажения юридических итогов Великой Победы над фашистской Германией. // Государство и право. 2006. № 9. С. 56–65.

Сейерс Майкл, Канн Альберт. «Пятая колонна» тайной войны против России. М., 2007. 144 с.

Статут Лиги Наций, Версаль, 28 июня 1919 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1275429> (дата обращения 13.03.2015).

М. А. Очир-Горяева
(г. Казань, Россия)

Актуальные проблемы изучения археологических памятников Республики Калмыкия

История археологических исследований на территории республики приближается к своему столетнему рубежу. Уже с первых полевых работ была установлена необычайная сохранность археологических памятников Калмыкии. Археологические исследования только на первом этапе (1929–1937 гг.) велись на бюджетные средства научных учреждений, на втором (1961–1976 гг.) и на последнем (с 1977 г.) этапах раскопки носили спасательный характер и велись в зонах строительства хозяйственных объектов. К сожалению, широкомасштабное наращивание количества археологических источников не привело к соответствующему наращиванию научных исследований в республике.

Между тем, полноценные археологические исследования невозможны без качественной публикации материалов раскопок. К настоящему времени опубликована в форме статей и нескольких монографий только малая доля раскопанных памятников. В этом плане наиболее перспективной представляется организация выпуска монографической серии «Материалы по археологии Волго-Маньчских степей».

Изучение археологического наследия Республики Калмыкия затрудняется также отсутствием точной информации о местонахождении, состоянии, качественных и количественных

характеристиках археологических находок, палеозоологических и антропологических материалов. В настоящее время составлен полный список археологической коллекции Национального музея РК, а также антропологической и палеозоологической коллекции КИГИ РАН. Однако, это только первый шаг в деле научного хранения и изучения археологического наследия. Следующими шагами должны стать подготовка и издание научных каталогов, реставрация и статистическая обработка коллекций. Цифровая (электронная) карта всех археологических памятников, раскопанных на территории Республики Калмыкия до 1998 г., с интегрированной базой данных, опубликована в виде монографии [Очир-Горяева 2008]. Необходимо продолжить составление электронной карты и базы данных по следующему периоду (с 1998 г. по настоящее время).

Продолжение исследований новых археологических памятников в рамках бюджетных проектов, таких как городища Башанта эпохи Хазарского каганата и поселения эпохи бронзы Ергенинское, представляются перспективными направлениями в археологии степей Евразии.

Литература

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929-1997 гг.). Элиста: ГУ «Изд. дом «Герел», 2008. 298 с.

И. Ф. Попова

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Классическое востоковедение на современном этапе: проблемы и перспективы

Традиция классического востоковедения, направления востоковедной науки, основанного на изучении оригинальных письменных памятников на восточных языках (главным образом на древних и средневековых), представляет собой большое преимущество российской академической науки. Предметом классического востоковедения является в первую очередь изучение традиционного общества Востока (до начала модернизации по западному образцу). Не каждое государство находило силы и возможности взрастить такое направление, поэтому сохранение и развитие его является не только нашей общей научной, но и стратегической государственной задачей.

Востоковедная наука в нашей стране, возникшая в тесной связи с практическими нуждами, развивалась с самого начала по двум направлениям — прикладному, связанному с организацией систематического преподавания, и академическому, связанному с созданием источниковой рукописной базы.

Востоковедение как научная дисциплина, направленная в первую очередь на изучение граничащих с Россией государств Азии, зародилось в нашей стране примерно на сто лет позже, чем в Европе. Это было связано, прежде всего, с тем, что Россия, лежащая между Востоком и Западом, в целом никогда не противопоставляла себя Азии, в значительной степени впитывая традиции Востока и в менталитет народа, и в повседневную практику.

Миссионерское служение русской православной церкви, рука об руку с которой шло на начальном этапе своего формирования востоковедение, также в значительной степени отличалось по своим методам и приемам от деятельности западноевропейских церковных орденов на Востоке.

В итоге наряду с восточной политикой государства важным стимулом становления академического востоковедения в нашей стране стала потребность в использовании новейших достижений мировой науки.

По именному указу от 28 января 1724 г. Петра Великого была учреждена Российская Академия наук, в которую был приглашен специалист по классическим и восточным языкам Теофил-Зигфрид Байер. С его деятельности началась история классического востоковедения в России.

К началу XVIII века в Европе оформилась восточная филология, которая опиралась на принципы, разработанные в ходе изучения европейской античности. Нам трудно удержаться от того, чтобы не привести здесь известное высказывание академика Н.А. Конрада, который дал емкий и точный комментарий этому процессу. «Научное востоковедение родилось как филология, и притом филология в своем исконном, историческом сложившемся смысле: как наука о письменных памятниках» [Конрад 1972: 7].

Стремление создать в обновленной петровской России передовой европейский центр востоковедной науки нашло выражение в проектах Восточной академии Георга-Якоба Керра (1733) и позже Ориентальной академии М.В. Ломоносова (1759). Но организационно по ряду причин регламент создания в нашей стране специализированного востоковедного учреждения был реализован только в 1818 г. с организацией по инициативе С.С. Уварова Азиатского музея РАН. Хотя с самого начала своего существования Академия наук большое внимание уделяла созданию и расширению востоковедной источниковой базы как исследовательской основы востоковедения.

Формирование академических коллекций началось в России задолго до учреждения самой Академии наук. Интерес к памятникам прошлого, книгам и документам привел к появлению монастырских, церковных и княжеских древлехранилищ в России почти тысячу лет назад. Но при этом больших собраний книг на восточных языках в русских монастырях создано не было, и систематическое собирание и объединение восточных рукописей в коллекции относится не ранее чем к началу XVIII в.

Первые уставные документы РАН, начиная с 1724 г., признавали приумножение книжных фондов и коллекций натуральных, «куриозных» вещей важнейшим направлением ее деятельности. РАН уделяла большое внимание пополнению своих коллекций, а также их хранению, каталогизации, описанию и обслуживанию. Собственно ради этой цели в январе 1759 г. было введено звание члена-корреспондента РАН («класс академических корреспондентов»). Звание это было почетным, присваивалось ученым и путешественникам, которые получали от АН ежегодное содержание. Главное предназначение членов-корреспондентов, в том числе и иностранных, состояло в том, чтобы сообщать Академии о достойных ее внимания коллекциях и содействовать их приобретению. Среди отечественных корреспондентов важную роль сыграл переводчик Иоган Иериг, приславший в АН «знатнейшее количество предметов из Китая, Тибета и Индии». (Собранные им рукописи и ксилографы хранятся сейчас в ИВР).

Именно необходимость специализированной научной работы с коллекциями привела к созданию первых отраслевых учреждений РАН, из которых наиболее ранним по времени создания стал Азиатский музей.

Азиатский музей создавался как особый фонд, «музей» для хранения восточных рукописей и монет. Это соответствовало задачам гуманитарной науки того времени, ориентированной в первую очередь на изучение «древностей», памятников прошлого.

Одним из поводов для создания АМ была покупка в 1819 и 1825 гг. более 700 уникальных арабографических рукописей от Жана-Луи Руссо, французского консула в Алеппо и родственника великого философа. Работа с этим собранием сразу же дала импульс развитию арабистики в Санкт-Петербурге и в России. Большую роль в этом деле сыграл первый директор Азиатского музея Христиан Данилович Френ (1782-1851). В дальнейшем каждое крупное приобретение АМ напрямую влияло в наше стране на развитие тех востоковедных дисциплин, которые представляли рукописи. Покупка АМ в 1836 и 1838 гг. коллекций любителя Китая и Тибета П. Л. Шиллинга фон Канштадта (1786–1837) содействовала развитию китаеведения, монголоведения и буддологии в России. СобираТЕЛЬские усилия М. И. Броссе (1802–1880) в середине XIX в. привели к прорыву в области грузиноведения и арменистики, созданию самого сильного в мире кавказоведения и уникального армяно-грузинского фонда.

В 1844 г. российское правительство вменило в обязанность всем консулам, служившим в Азии, покупать древние рукописи на восточных языках. И этот порядок неукоснительно соблюдался вплоть до 1914 г., до начала первой мировой войны.

В результате к середине XX в. на основе изучения собранных в Санкт-Петербурге рукописных коллекций возникли уникальные направления науки — дуньхуановедение, тангутика, уйгуроведение, тюркская руническая эпиграфика, курдоведение, исламоведение, буддология, изучение Древнего Востока, коптология, древнеиранское языкознание, сабеистика, которые были представлены в нашей стране в основном Санкт-Петербургской классической школой востоковедения.

Изучение памятников восточной письменности значительно содействовало лучшему пониманию особенностей общественной жизни, истории, литературы, религии и культуры народов Азии. Усилиями поколений ученых к началу XXI в. было опубликовано большое число специальных работ, критических изданий текстов, систематических каталогов и библиографий. Значительно был облегчен доступ к рукописям крупнейших мировых собраний после публикации их значительной части факсимиле и в последнее 10-летие в электронном виде в сети Интернет.

При этом выдающиеся результаты классического востоковедения в нашей стране были достигнуты, скорее, не благодаря, а вопреки государственной стратегии в отношении востоковедения. Общий остаточный принцип, доминирующий в подходе к гуманитарной культуре и ее нуждам, конъюнктурные установки, нацеливавшие исследователей на преимущественное внимание к современности, репрессии 30–40-х годов, оборвавшие многие нити преемственности в науке — составили препятствия плодотворному развитию направления.

При этом и очевидные внутридисциплинарные особенности классического востоковедения за последние 50–60 лет не раз давали повод говорить о его кризисе. В 1990 г. в 4-ом номере академического журнала «Народы Азии и Африки» были опубликованы материалы круглого стола ведущих отечественных исследователей-востоковедов под общим названием «Судьба классического востоковедения». Главным выводом, прозвучавшим со страниц основного в ту пору отечественного востоковедного издания, стали слова: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Классическое востоковедение есть факт прошлого» [Фролов 1990: 91].

Столь категоричный вывод, по нашему мнению, требует значительной корректировки. Да, бесспорно, нельзя ставить вопрос об изменении самой сути классического востоковедения как такового. Основу его по-прежнему должна составлять текстология, т. е. комплексный историко-филологический подход к тексту. Но также бесспорным является и то, что новые условия начала XXI в. требуют выработки новой актуальной методологии для изучения письменных источников и пересмотра исследовательских задач в целом.

В настоящее время перспективы классического востоковедения во всем мире связаны с проблемами фундаментальной научной обработки большого количества уже доступного материала, а также с задачами введения в оборот неопубликованной части письменного наследия народов Востока. Эта актуальнейшая задача отвечает потребностям мировой востоковедной науки и бесспорно содействует престижу отечественной школы классического востоковедения, опирающегося на обширные коллекции уникальных памятников культуры. Их огромное музейное значение говорит о том, что не разделить их с мировым исследовательским сообществом мы не имеем права. Это предоставляет широкое поле и возможность для разработки самых разнообразных конкретных исследовательских и издательских проектов в области классического востоковедения, в особенности в дисциплинах, являющихся «визитными карточками» отечественной востоковедной науки, как например, тангутика, дуньхуановедение, уйгуроведение и др. Результаты, достигнутые в отдельных специализированных областях востоковедения, делают возможным создание крупных обобщающих работ. Описания и каталоги, вышедшие в свет в XX в. в разных странах, отличавшиеся в свое время большой полнотой, сейчас требуют внесения исправлений и дополнений.

Тем не менее, предоставляя зарубежным исследователям материалы из наших коллекций, мы должны помнить и о потребностях нашей науки и готовить кадры именно в тех областях, для которых имеется обширная источниковая база. Например, около 95% имеющихся во всем мире материалов на тангутском языке и приблизительно 15–18 % материалов из Дуньхуана хранятся сейчас в Санкт-Петербурге. В наших собраниях представлено также множество уни-

кальных текстов на древнеиранских, древнетюркском, маньчжурском языках, на санскрите и др., и в этих областях мы также должны обеспечить преемственность.

За последние полвека выдающиеся результаты исследований были получены в странах Азии с применением европейской методологии. Активно развиваются историко-текстологические и источниковедческие исследования в Японии, Китае, Турции и др. странах. Отечественная школа классического востоковедения, которая всегда пользовалась высоким авторитетом в мире, обязана поддерживать свой высокий уровень и органично интегрироваться в мировую науку. Собственно говоря, в этом и состоит главная задача классического востоковедения в нашей стране на современном этапе.

Помимо адекватной современному знанию текстологической обработки материала и введения в научный оборот памятников письменности, в задачи классического востоковедения входит более активная и своевременная интеграция в общевостоковедное знание, в изучение и решение наиболее актуальных проблем современности. На нынешнем этапе классическое востоковедение все более утрачивает «былую замкнутость и строгость очертаний» [Гринцер 1990: 87] и в большей степени ориентируется на углубление знаний о процессах, формирующих современную действительность.

В настоящее время исследователи, чьи интересы лежат в области классического востоковедения, вносят значительный вклад в решение данной задачи.

(1) В частности, в условиях усиления религиозного фактора в общественной идеологии все большее значение приобретает научное изучение истории и содержания мировых религий — христианства, ислама, буддизма.

За последние годы значительное развитие получило изучение христианского Востока, в особенности такая фундаментальная научная проблема как зарождение и развитие раннего христианства. Ее разработка невозможна без привлечения оригинальных текстов религиозно-философского содержания на самых разных древних языках — коптском, сирийском, эфиопском и др. В России, в ИВР РАН, который является ведущим в нашей стране центром в области классического востоковедения, проводятся исследования восточного христианства во всем многообразии его конфессий. Изучение христианского Востока представлено целым рядом направлений: сириологией, арабо-христианскими исследованиями и эфиопистикой.

Важные результаты исследования данной проблемы достигнуты в области коптологии. В последних исследованиях признанного лидера отечественной коптологии А. Л. Хосроева было выдвинуто и убедительно доказано в жесткой дискуссии с оппонентами положение о том, что к христианству относится не только церковная его ветвь, но и различные формы внецерковного христианства, такие как манихейство и гностицизм. Детально обоснованию тезиса о христианской природе манихейства, которое нередко рассматривается как самостоятельная религия откровения, возникшая преимущественно на основе зороастризма, посвящена специальная монография: *Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena)*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 480 с., 35 п.л. С 2009 г. А. Л. Хосроев готовит работу о различных направлениях гностицизма, аргументировано показывая, почему их следует считать неотъемлемой частью раннего христианства. В современных условиях религиозной безграмотности нашего общества эти исследования о ранних конфессиях, сформировавших христианское учение, имеют большое значение для социальной консолидации.

(2) Санкт-петербургской школой классического исламоведения разработан также принципиально новый методологический подход к изучению ислама, в основе которого лежит тезис о догматическом, этническом и региональном равноправии, равноценности внутри исламского мира и признании регионального ислама как единственно объективной формы бытования этой религии.

Особое отношение к исламу в России исторически предопределили два фактора: внешний — непосредственное соседство со странами исламского мира и внутренний — значительная часть коренного населения России исповедует ислам. Этим определяется одна из актуальнейших задач отечественного исламоведения — научная информация об исламе как

шаг на пути консолидации российского общества. За последние десятилетия представители ленинградско-петербургской школы проделали значительную работу по изучению ислама и предоставлению обществу научной и непредвзятой информации об истории этой религии, духовных ценностях и ориентирах ее последователей.

Направление *региональный ислам* представлено в России на базе ИВР РАН международным проектом **Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь** (руководитель, составитель словника и ответственный редактор: С.М. Прозоров), 5-й выпуск которого подготовлен и сдан в печать в 2011 г. (предшествующие выпуски 1-4 были изданы соответственно в 1998, 1999, 2001, 2003 гг.).

(3) Перспективным (особенно для нашей страны) является исследование проблем философии и престопадной культуры буддизма. В частности, разработки классического востоковедения в этой области приобретают особую актуальность применительно к научному пониманию современного этапа формирования этнической идентичности монгольских народов, в том числе входящих в состав Российского государства. В последние годы был разработан и успешно применяется новый подход к изучению воздействия традиционной культуры и обыденного сознания народа на этнокультурные, социальные и политические процессы в современной Центральной Азии.

Использование рукописного и ксилографического наследия монгольских народов, которым располагают российские собрания, позволяет определить наиболее перспективные направления исследований внутри- и межрегиональных религиозных и литературных связей монгольских народов, в частности — буддийского (индийского по происхождению) контекста монгольской культуры и специфики её проявления в традиционных для монголов культурных стереотипах.

Работы монголоведов ИВР РАН И. В. Кульганек и Н. С. Яхонтовой позволяют установить, в какой мере современный этап формирования монгольской этнической идентичности находит опору в традиционной культуре, имеющей многовековую историю и запечатленную в многочисленных памятниках письменности и фольклорных произведениях.

(4) Еще одной актуальной проблемой, в решение которой должно вносить вклад классическое востоковедение, является вопрос самоидентификации тюркских народов на обширном пространстве Евразии. Новейшие процессы государствообразования на постсоветском пространстве неразрывно связаны с обостренным вниманием к историческому прошлому этих народов, в том числе — древнейшим этапам этнической истории и этнической культуры, а также — с пересмотром отношения к проблемам российско-тюркских связей. В последние годы на основе дешифровки, прочтения и интерпретации древнетюркских памятников и близких им древнеиранских документов, главным образом из собрания ИВР РАН, был издан ряд работ обобщающего характера по этнокультурной истории Центральной Евразии (Средней и Центральной Азии).

В ряде публикаций С. Г. Кляшторного за истекшие 20 лет на основе изучения древнетюркских рунических памятников по-новому были интерпретированы не только политические и этнокультурные структуры Центральной Азии, но также проблемы происхождения, древней и средневековой истории кочевых народов Великой Степи, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура — на востоке и до Дуная — на западе.

Рассмотрение на широком историографическом фоне сложнейших проблем генетических связей древнетюркских и других народов с современными нациями было и остается одной из важнейших задач классического востоковедения.

Этой проблематикой далеко не исчерпываются перспективные направления классического востоковедения на современном этапе.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что актуальным содержанием современного этапа развития классического востоковедения является не изменение содержания понятия или изменение его границ, а его адаптация (способность применения) к современному социальному, историческому и философскому контексту.

Для России — евразийского государства, культура которого представляет замысловатый синтез славяно-европейских корней со многими разнородными элементами византийской, тюркско-арабской и монгольской культур, знание о Востоке, о его традиции было неотъемлемой составной частью собственной культуры. В многонациональной, поликонфессиональной России востоковедение было и остается одним из крупных общественно-значимых факторов.

Литература

- Гринцер П.А.* Новое содержание старого понятия // Народы Азии и Африки. 1990. № 4.
Фролов Д.В. Время собирать камни // Народы Азии и Африки. 1990. № 4.
Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 480 с.
Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. 2-е изд. М.: «Наука», ГРВЛ, 1972.

А. С. Ряжнев
(г. Тольятти, Россия)

Австрийские миссионеры-католики на южных территориях России в 30-х – начале 60-х гг. XVIII в.

Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма» — актуальная тема политической истории XVIII в. [Ряжнев 2006: 84–86]. Одним из ее аспектов стало пребывание ордена капуцинов на Украине и в Астрахани, отмеченное историографией в связи с тогдашними русско-австрийскими коллизиями [Ряжнев 2009: 250]. Но позиция русских властей относительно присутствия австрийских миссионеров-католиков не вызывала интереса специалистов. Между тем в южных землях Российской империи во второй трети XVIII в. оно отличалось устойчивостью, и его нужно изучить.

Источником служит переписка Коллегии Иностранных дел (далее — КИД) с Синодом и административными органами Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Малороссии второй трети XVIII в. из Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), в науке практически неизвестная.

В обозначенное время австрийские выходцы из разных католических орденов оседали на южных землях России с санкции местного военно-гражданского начальства. При подобной поддержке к 40-м гг. XVIII в. иезуиты и капуцины создали сильные общины армян-католиков в Нежине и Астрахани. Из Астрахани капуцины двинулись было и на Северный Кавказ, и в кочевья калмыков. В 1755 г. активность патеров породила их ссору с астраханскими армяно-григорианами, дошедшую до Санкт-Петербурга. После вмешательства австрийского посла и КИД возник дипломатический конфликт, поставивший верховную власть России в начале 1760-х гг. перед задачей упорядочить деятельность миссионеров-европейцев и статус их религий в стране [3].

Литература

- Ряжнев А. С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.
Ряжнев А. С. Религиозные противоречия эпохи «просвещенного абсолютизма» во внешней политике Российской и Австро-Венгерской империй // Империи и империализм Нового и новейшего времени: Сб. статей. СПб: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 249–252.
АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759-1761). Л. 6, 7, 30, 32 об, 78, 79 об, 184–187.

Кубанское казачество в поиске своего пути в годы Гражданской войны

В сложной ситуации оказалось кубанское казачество накануне и в период Гражданской войны в России. Лозунги, декларируемые представителями социалистических партий «о праве наций на самоопределение», ставили казачество в тупиковую ситуацию. С одной стороны, оно рассматривалось как сословие, с другой само казачество не всегда отождествляло себя частью русского этноса.

Кубанское казачество, состоявшее из двух составляющих — черноморцев (бывших запорожских казаков) и линейцев — раскололось в понимании данной проблемы: значительная часть линейцев склонялась к сохранению «единого и неделимого» государства, а черноморцы являлись сторонниками «федерализации». Активно прослеживался «украинский» фактор с идеями федерализации. По оценке ростовского исследователя А.В. Венкова: «...и территория Украины всегда играла важную роль в истории нашей страны» [Венков 2015: 7].

После прибытия на территорию Дона и Кубани Добровольческой армии, ситуация еще более запуталась. По оценке А. Каппелера: «Кубанские и донские казаки подчеркивали самостоятельность своих войск, в которых начали выстраиваться государственные структуры» [Каппелер 2014: 59]. Подобного мнения придерживался и Д.Е. Скобцов [Скобцов 1962: 503].

К концу 1918 – началу 1919 гг. ситуация еще более обострилась. Казачество Кубани негативно рассматривало роль русского населения и русского генералитета в противостоянии большевикам, при этом несколько преувеличивая собственный вклад [Трагедия казачества 1933: 201]

Этническая неопределенность положения казачества привела к трагическому разрыву тесных отношений между кубанцами и добровольцами.

Литература

Венков А. В. Антироссийское и антисоветское движение на Украине в годы Гражданской войны. Часть 1. 1917-1918 годы. Ростов-н/Д., 2015. 238 с.

Каппелер А. Казачество. История и легенды. Монография. Ростов-н/Д., 2014. 106 с.

Трагедия казачества. Часть 1. 1917-1918 гг. Прага, 1933. 270 с.

Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. 540 с.

А. О. Тапкина
(г. Элиста, Россия)

Источники о трудовом устройстве спецпереселенцев-калмыков в местах спецпоселений

Архивные учреждения Калмыкии и Отделение Пенсионного фонда РФ по Республике Калмыкия и Управление Пенсионного фонда РФ по г.Элисте, взаимодействуя в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования архивных документов, достигли соглашения об участии архивистов в работе экспертной комиссии Управления Пенсионного фонда РФ по г.Элисте в экспертизе ценности закрытых выплатных дел с истекшими сроками хранения.

При организации работы по уничтожению выплатных дел, документов о выплате и доставке пенсий с истекшими сроками хранения Управление Пенсионного фонда РФ по г.Элисте (УПФ РФ по г.Элисте) руководствовалось указанием Пенсионного фонда России (ПФР) от 20.02.2015 № ЛЧ-25-26/2235 «Об организации работы по исполнению приказа Минтруда России от 03.09.2014 № 602-н» за подписью первого заместителя Председателя правления ПФР РФ Л. И. Чижика.

Данным приказом Минтруда России подтверждено Положение о сроках хранения выплатных дел и документов о выплате и доставке страховой пенсии, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, образующихся в процессе деятельности территориальных органов ПФ РФ.

Приказ вступил в силу с 1 января 2015 года. Положением установлено, что выплатные дела, документы о доставке пенсий, а также об отказе в назначении соответствующей пенсии хранятся на бумажных носителях или в электронной форме в территориальном органе Пенсионного фонда Российской Федерации.

Сроки хранения выплатных дел:

а) выплатные дела получателей страховой пенсии по старости, накопительной пенсии и пенсий по государственному обеспечению — 40 лет, начиная с года, следующего за годом прекращения выплаты соответствующей пенсии;

б) выплатные дела получателей страховой пенсии по инвалидности — 50 лет, начиная с года, следующего за годом прекращения выплаты пенсии;

в) выплатные дела получателей страховой пенсии по случаю потери кормильца и пенсий по государственному обеспечению по случаю потери кормильца — 30 лет, начиная с года, следующего за годом прекращения выплаты пенсии;

г) выплатные дела получателей пенсии из числа детей-инвалидов и инвалидов с детства — 40 лет, начиная с года, следующего за годом прекращения выплаты соответствующей пенсии.

Положения Правил предусматривают выделение к уничтожению архивных документов с истекшим сроком хранения и составление соответствующих актов.

В текущем 2016 году подлежали уничтожению закрытые в 1985 году выплатные дела получателей страховой пенсии по случаю потери кормильца.

Выбор архивистами для изучения этой категории дел был неслучаен. Эти документы охватывали длительный период времени (с 1940-х годов), обширную территорию.

Пенсионные дела по случаю потери кормильца включают:

сведения о трудовом устройстве работников (трудовые книжки, архивные справки, сведения о размере заработной платы);

документы, подтверждающие родственные отношения (свидетельства о браке супругов, свидетельство о смерти кормильца, свидетельства о рождении детей);

протоколы комиссий органов соцобеспечения по назначению пенсии.

При экспертизе ценности пенсионных дел экспертная комиссия руководствовалась Федеральным законом от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» — основным нормативно-методическим документом, определяющим деятельность архивов организаций, Основными правилами работы архивов организаций, одобренными решением коллегии Росархива от 06.02.2002, которые основываются на действующей правовой базе в области информации, документационного обеспечения управления и архивного дела и Методическими рекомендациями «Экспертиза ценности и отбор в состав Архивного фонда Российской Федерации документов по личному составу», согласованными с ЦЭПК при Росархиве 23 декабря 2014 года.

Было изучено около двух тысяч пенсионных дел по выплате страховой пенсии по потере кормильца и выделены к включению в состав Архивного фонда Республики Калмыкия дела, освещающие жизнь, труд, смерть 412 погибших, умерших кормильцев-калмыков, чьим детям и иждивенцам устанавливались пенсии.

При экспертизе ценности документов руководствовались следующими критериями оценки документов:

Роль лица (работника). Пенсионные дела заведены на репрессированных лиц, спецпереселенцев, состоящих под надзором органов НКВД. Во многих пенсионных делах имеются выданные взамен паспорта удостоверения, как в этом документе от 28 мая 1953 года:

«Выдано Насунову Нимгиру Дорджиевичу, 1895 года рождения в том, что он является спецпереселенцем и проживает в городе Минусинске Красноярского края.

Действительно по 31 декабря 1953 года только на территории г. Минусинска Красноярского края.

Зам.начальника Минусинского

ГО/РО МВД, подполковник Филиппов»¹

Комендант горотдела МВД Могильный своей резолюцией на документе от 18 февраля 1954 года продлил действие удостоверения до 31 декабря 1955 года.

В пенсионных делах имеются сведения об участниках Великой Отечественной войны (погибших, раненых, демобилизованных и о трудоустройстве последних), сведения о творческих деятелях, заслуженных людях республики.

Время создания документа. В большой хронологический период, который охватывают рассматриваемые документы, входит судьбоносный для калмыцкого народа период с 1944 г. по январь 1957 г.

Особенности территории. По документам прослеживается география расселения, трудового устройства спецпереселенцев - Алтайский, Красноярский края, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская области, остров Сахалин.

Статья 3, п.6 ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» объясняет понятие «уникальный документ» — особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и(или) его внешним признаком, невосполнимый при утрате с точки зрения его значения и(или) автографичности.

Раздел 4.8. Основных правил работы организаций предусматривает наличие в документальном фонде организации особо ценных и уникальных документов.

Архив организации, по согласованию с государственным архивом, источником комплектования которого он является, проводит выявление и учет особо ценных и уникальных документов.

Руководствуясь указанными нормативными документами, выявленные пенсионные дела по потере кормильца за период с 1944 г. по 1957 г. и последующие годы с полным основанием относим к особо ценным и уникальным документам, не имеющим себе подобных по содержащейся в них информации и невосполнимым при их утрате с точки зрения их значения.

В условиях экономического кризиса ученые и архивисты республики лишены возможности выявления в государственных архивах сибирского региона, Сахалина документов о сибирском периоде жизни калмыцкого народа.

Пенсионные дела по выплате пенсии по потере кормильца в определенной степени восполнят существующий пробел в источниковой базе исследований о жизни калмыков в период ссылки, их трудовом устройстве в местах спецпоселений, они раскрывают сведения о судьбе простых граждан.

В Национальный архив Республики Калмыкия часто обращаются граждане в поисках своих генеалогических корней. Возможно, по мере пополнения Национального архива Республики Калмыкия этими новыми источниками архивисты обретут возможность успешнее исполнять запросы и обращения граждан.

Информационную важность пенсионных дел по выплате страховой пенсии по потере кормильца иллюстрируют документы о трудовом устройстве спецпереселенцев в различных регионах Сибири.

Красноярский край.

По данным отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР от 2 февраля 1944 года в 21 районе Красноярского края было расселено 7528 семей — 24998 человек калмыков, из них 13300 взрослых, направленных на производство.

До 50 % спецпереселенцев (3000) семей были переброшены в северные рыбопромышленные районы в соответствии с постановлением ГКО от 18 января 1944 года².

Спецпереселенцы были расселены по всей обширной территории края. Они трудились на предприятиях треста «Хакаслес», «Краслес», «Хакасуголь», в сельском хозяйстве.

Значительное число калмыков работало на предприятиях рыбной промышленности.

¹ Архив УПФ в г.Элисте, пенсионное дело № 3517.

² Ссылка калмыков: как это было. Элиста, 1993, с. 167.

Убушаев Могут Омаевич весь период ссылки в Красноярском крае проработал на одном месте, о чем свидетельствует архивная справка, выданная ему заводом в апреле 1969 года:

«Справка выдана Хатангским рыбозаводом в том, что Убушаев Могут Омаевич работал на заводе с 17 сентября 1944 года по 28 июня 1958 года.

Уволен с работы на основании радиogramм № 76910 1957 года и приказа по рыбозаводу № 125 от 19 июня 1958 года в связи с выездом в Калмыцкую АССР.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера» Хатангский рыбозавод находится на территории Таймырского национального округа Красноярского края и попадает под действие вышеназванного Указа, в котором предусмотрено, что один год работы в районах Крайнего Севера приравнивается к двум годам.

Настоящая справка выдана для предоставления в органы социального обеспечения для назначения пенсии.

Замдиректора по кадрам и быту
25 апреля 1969 г.».

Н.Артемов¹

В городе Заозерном на Заозерской слюдяной фабрике работали Гадликова Бадма Цереновна, 1900 г.р., Церенова Анна Андреевна, 1930 г.р.

Гадликова Б. Ц. на слюдяной фабрике начала работать с сентября 1944 года и до октября 1950 года разнорабочей. С мая 1951 года и до выезда в Калмыкию в мае 1957 года работала щипальщицей слюды, затем была переведена на резку слюды. В ее трудовой книжке значится профессия — щипальщица слюды².

Церенова А. А. проработала на слюдяной фабрике щипальщицей слюды с декабря 1944 года по 15 июня 1956 года, исключена из списков личного состава фабрики в связи с ее смертью³.

Редким спецпереселенцам выпадала возможность в ссылке работать по своей профессии. Нимгиров Лиджи Нимгирович, 1929 г.р., до войны работал счетоводом в колхозе им. Молотова Батутовского сельсовета Приволжского улуса. В его трудовой книжке указано: профессия бухгалтер, нормировщик и экономист планово-производственного отдела.

В 1944–1947 гг. Л. Н. Нимгиров был бухгалтером расчетного стола, нормировщиком, начальником отдела труда и зарплаты Нгарской судостроительной верфи Таймырского госрыбтреста Наркомрыбпрома.

В 1948–1951 гг. Нимгиров работал в Хакасии счетоводом, бухгалтером на шахте № 13 треста «Хакасуголь».

В апреле 1956 года, когда калмыки были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органов НКВД, Л. Н. Нимгиров переехал в Казахстан, работал старшим бухгалтером в Илийском совхозе. В апреле 1958 года выехал в Калмыкию⁴.

Тюменская область.

Бадминова Мария Баторовна получала пенсию по потере кормильца — мужа Бадминова Дмитрия Васильевича, 1913 г.р., уроженца станицы Эркетиновской Зимовниковского района Ростовской области.

Д. В. Бадминов до войны работал в Гашунском овцесовхозе, переименованном затем в Гашунский конный завод № 164, до 1942 года работал на конезаводе салотопщиком.

В сентябре 1942 года был призван на фронт Зимовниковским РВК (в пенсионном деле имеется справка Зимовниковским РВК), демобилизован в конце 1944 года.

Семья фронтовика проживала в селе Абатском Абатского района Тюменской области.

В пенсионном деле имеется справка Абатского УМВД от 17 января 1955 года:

«Справка дана Бадминовой Марии Баторовне в том, что ее муж Бадминов Дмитрий Васильевич прибыл на спецпоселение 1 января 1945 года после демобилизации из Советской

¹ Архив УПФ по г.Элисте, пенсионное дело № 819.

² Архив УПФ по г. Элиста, пенсионное дело № 4488

³ Там же, пенсионное дело № 883

⁴ Там же, пенсионное дело № 2395

Армии». С мая 1945 года Д.В.Бадминов стал работать в Абатском сельхозотделе зоотехником по коню (так записано в трудовой книжке), в 1946 году работал там же инспектором, в 1947 году — рабочим в Абатской больнице.

Д. В. Бадминов умер в возрасте 35 лет от туберкулеза легких.

Семья (жена и две дочери) проживала в Тюменской области до октября 1956 года, с ноября 1956 года по 1963 год проживали в Базаркурганском районе Джалалабадской области Киргизии, затем приехали в Калмыкию, в г. Элисту¹.

Из пенсионных дел мы узнаем о судьбах известных представителей калмыцкой интеллигенции в период ссылки.

Заслуженный артист Калмыцкой АССР, композитор Сангаджи-Гаря Оджакаевич Дорджин, 1908 г.р., уроженец поселка Кануково Приволжского улуса, в ссылке жил в городе Абакане Хакасской автономной области Красноярского края. В период с марта 1945 года по май 1946 года Дорджин работал в Хакасском национальном драматическом театре в качестве композитора, вокалиста и музыканта. Одновременно он работал преподавателем по народным инструментам в Хакасской музыкальной школе с сентября 1945 по 30 сентября 1946 года.

30 сентября 1946 года в возрасте 38 лет композитор С. Дорджин умер от сердечной недостаточности.

Ввиду отсутствия документов о трудовой деятельности отца и мужа (документы погибли в период эвакуации) его семья в течение целого года не могла добиться установления пенсии по потере кормильца, пока вдова композитора Сарта Тюръбеевна Натырова не обратилась в Министерство соцобеспечения РСФСР с просьбой о содействии.

Проживавшие в тот период в Абакане Эрдниев Бадма Эрдниевич (вошедший в 1957 году в состав Оргкомитета по Калмыцкой автономной области) и Гайфутдинова Гаджара Шагитовна, знавшие С. Дорджина по довоенному времени, в комиссии по назначению пенсий инвалидам труда и их семьям по социальному страхованию подтвердили трудовой стаж С. Дорджина с 1924 по 1943 год. Особо они отметили его творческую деятельность.

В период с 1938 по 1941 гг. С. Дорджин работал ассистентом художественного руководителя Государственного ансамбля песни и пляски Калмыцкой АССР, был дирижером оркестра народных инструментов и директором Дома народного творчества. В период с 1941 по 1943 гг. Дорджин был директором, художественным руководителем Государственного ансамбля песни и пляски Калмыцкой АССР.

Указом Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 1 ноября 1940 года С-Г. О. Дорджину было присвоено звание «Заслуженный артист Калмыцкой АССР» за особые заслуги в области музыки, артистической деятельности и развитие театральной культуры Калмыкии².

Известный в Калмыкии врач Тимошкаева Бамба Шургучиевна в октябре 1945 года обращается в отдел соцобеспечения Саралинского райисполкома Красноярского края об установлении пенсии ее внуку Очирову Эльвеку. Она сообщает, что ее зять Очиров Бадма Кетчевич умер 27 декабря 1944 года в возрасте 32 лет, у него остался сын 1939 года рождения на попечении матери [Тимошкаева Эльза Санджиевна], которая в настоящее время работает в больнице в поселке Орджоникидзевский.

Очиров Б. К. был журналистом. С сентября 1932 по август 1936 года был ответственным редактором газеты «Улан багчуд» и затем был отозван Сталинградским крайкомом ВЛКСМ на работу в редакцию газеты «Молодой ленинец».

В пенсионном деле хранится справка на бланке редакции газеты «Ленинский путь» — органе Калмыцкого обкома ВКП(б) от 27 декабря 1943 года следующего содержания:

«Дана Очирову Бадме Кетчевичу в том, что с января 1937 г. по декабрь 1939 г. работал в республиканской газете «Ленинский путь» в качестве зав.отдела, с декабря 1939 г. по январь 1943 года — отв.секретарем редакции и с января 1943 г. по 27 декабря с.г. — зав.партотделом и заместителем редактора газеты.

Отв.редактор газеты «Ленинский путь»

М.Коврижин».

¹ Архив УПФ в г.Элисте, пенсионное дело № 975.

² Архив УПФ в г.Элисте, пенсионное дело № 2613.

Дата справки — 27 декабря 1943 года — дает основание думать, что редакции газеты «Ленинский путь» было известно о предстоящих роковых событиях. Не случайно журналиста Очирова Б. К. ответственный редактор газеты снабдил необходимым документом, сыгравшим впоследствии важную роль в судьбе его семьи.

На спецпоселении журналист Очиров Б. К. работал по своей профессии. С февраля 1944 года и до дня смерти 27 декабря 1944 года работал в редакции местного вещания редактором последних известий, уполномоченным облрадиокомитета по Саралинскому району, по совместительству работал корректором в редакции газеты «Саралинский горняк».

В заявлении в комиссию по назначению пенсии Б. Ш. Тимошкаева просит ускорить рассмотрение заявления до ее отъезда в часть (до ноября), пока она находится в отпуске.

Заявление подписано: К сему капитан м[едицинской] с[лужбы] Тимошкаева Б. Ш. 22.10.45 г.

В пенсионном деле сделана отметка «пенсия назначена»¹.

В пенсионном деле № 6134 пенсионера Номинхановой Татьяны Иннокентьевны, получающей пенсию по потере кормильца, мужа — работника науки хранятся документы (трудовые книжки, справки) о научной деятельности Номинханова Церен-Дорджи за период с 1923 года по 1967 год.

Церен-Дорджи Номинханов окончил монгольское отделение Ленинградского Восточного института, что подтверждает свидетельство:

«Предъявитель сего гражданин Союза Советских Социалистических Республик НОМЕНХАНОВ, Церен Доржи, родившийся в 1898 году вступил по приемным испытаниям в 1923 году на Монгольское отделение Ленинградского Восточного института, учрежденного постановлением СНК от 7 IX 1920 г. и Президиума ЦИК Союза ССР от 18 IV 1936 г.

Во время пребывания на вышеуказанном отделении гражданин Номенханов успешно прослушал нижеследующие курсы и выполнил семинарские работы по:

1) Монгольскому языку, 2) тибетскому языку, 3) английскому языку, 4) немецкому языку, 5) страноведению Монголии, 6) введению в изуч. Востока, 7) истории Монголии, 8) введению в языковедение, 9) географии Центральн. Азии, 10) новейшей истории Монголии и Тибета, 11) общей этнографии, 12) музееведению, 13) экономич. географии Монголии, 14) семинару по языковедению,	15) монгольской диалектологии, 16) научной грамматике монг. языка, 17) монгольской литературе, 18) источниковедению по монг. истории, 19) развитию хозяйственных форм, 20) Конституции СССР, 21) экономической политике, 22) политической экономии, 23) историческому материализму, 24) национальн. вопросу и нац. политике 25) ленинизму.
---	--

На основании действующего положения о Ленинградском Восточном институте и выполнения гр-ном НОМЕНХАНОВЫМ вышеуказанных курсов и практических работ, он НОМЕНХАНОВ, считается окончившим Ленинградский Восточный институт по Монгольскому отделению в 1930 академическом году.

«18» января 1931 года

№ 150.

г. Ленинград.

м.п. Проректор по Учебной Части

Отв. Секретарь Института

/подпись/

/подпись/».

¹ Архив УПФ в г.Элисте, пенсионное дело № 3878-369.

После окончания института в 1930-1931 гг. Ц.-Д. Номинханов преподавал в Астрахани в Калмыцком педтехникуме и Совпартшколе.

По документам Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (современный государственный архив Российской Федерации) установлено, что с 1 ноября 1931 года по 15 ноября 1933 года Ц.-Д.Номинханов работал в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока им.Сталина (КУГВ) в качестве преподавателя монгольского письма и переводчика, затем ассистента и старшего ассистента кафедры монгольского языка. В 1934 году Ц.-Д.Номинханов работал в Московском институте востоковедения им. Нариманова в должности доцента, с 1935 года по май 1943 года работал в Ташкенте в научных учреждениях Узбекской ССР.

В мае 1943 года Ц.-Д.Номинханов прибыл на постоянную работу в Калмыкию, был утвержден ученым секретарем Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Но деятельность в КНИИЯЛИ была непродолжительной, последовала ссылка калмыцкого народа.

Ц.-Д.Номинханов был выслан в Красноярский край, Ужурский район. В январе 1944 года он был принят преподавателем немецкого языка в Ужурсовхозную неполную среднюю школу.

В период с октября 1944 года по март 1949 года Ц.-Д.Номинханов работал в Хакасском научно-исследовательском институте в должности ученого секретаря, затем заведующего сектором языка.

Честный и добросовестный труд Ц.-Д.Номинханова неоднократно отмечался в приказах по Хакасскому научно-исследовательскому институту.

В период с октября 1949 года по август 1956 года Ц.-Д.Номинханов работал в Казахском госуниверситете, занимая должности доцента кафедр казахского языка и общего языкознания.

В период с октября 1956 года по август 1960 года Ц.-Д.Номинханов работал в системе Академии наук Казахской ССР.

1 августа 1960 года он был освобожден от занимаемой должности и откомандирован в порядке перевода в Калмыкию, где с 1 сентября 1960 года принят на работу в КНИИЯЛИ, назначен заведующим научным архивом.

Церен-Дорджи Номинханов умер 3 августа 1967 года в г.Элисте.

15 сентября 1970 года в справке, выданной Элистинскому горотделу социального обеспечения, заместитель директора Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории И. И. Орехов сообщал, что Номинханов Церен-Дорджи имел ученую степень доктора филологических наук (диплом серии МФЛ № 000291 от 16 июля 1966 г., Москва). Документы Ц.-Д.Номинханова сданы на хранение в республиканский музей¹.

Экспертиза и отбор в состав Архивного фонда Республики Калмыкия выплатных дел с истекшими сроками хранения в территориальных органах Пенсионного фонда России по Республике Калмыкия будет продолжена.

Литература

Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об Архивном деле в Российской Федерации». Основные правила работы архивов организации. М., 2002.

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 сентября 2014 г. № 602-н «Об утверждении Положения о сроках хранения выплатных дел и документов о выплате и доставке пенсии, накопительной пенсии и пенсий по государственному обеспечению».

Архив Управления Пенсионного фонда России по г.Элисте, пенсионные дела.

¹ Архив УПФ в г.Элисте, пенсионное дело № 6134.

Религиозная ситуация во Владимирской области на современном этапе

На начало сентября 2016 года во Владимирской области существуют 370 религиозных организаций 17 конфессий. Количество религиозных организаций постоянно меняется, и поэтому их численность на длительный период определить очень сложно. Подавляющее большинство религиозных организаций относится к Русской Православной Церкви Московского патриархата (РПЦ МП). Представители этой конфессии занимают порядка 97% всего религиозного поля Владимирской области. Они располагают 301 приходом и 22 монастырями, один из которых — ставропигиальный (Стефано-Махрищская пустынь в Киржачском районе).

На сегодняшний момент единая несколько лет назад Владимиро-Суздальская епархия поделена на три части в пределах Владимирской области: Александровскую, Муромскую и Владимиро-Суздальскую. Общее руководство епархией осуществляет с 1990 года архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов). Общее число прихожан этой церкви насчитывает около 400 тысяч человек.

Из других православных церквей выделяются общины Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) Древлеправославной церкви Белокриницкого согласия. Она имеет три открытых церкви во Владимирской области: в городе Владимире (основной храм во имя Святой Троицы), городе Меленки и селе Рытово Вязниковского района. Основная масса старообрядцев проживает на востоке Владимирской области в Ковровском, Вязниковском, Муромском и Гороховецком районах [Религиозные организации Владимирской области 2001: 22]. В поселке Мстера Вязниковского района имеются два храма единоверческой церкви.

Некогда многочисленная на территории Суздальского района Русская автономная православная церковь (РАПЦ) располагает на сегодняшний момент только одним храмом в городе Суздале. Все остальные приходы этой церкви вернулись под юрисдикцию РПЦ МП.

Во Владимирской области в городе Владимире имеется и одна римско-католическая церковь — приход Святого Розария пресвятой Девы Марии. Община располагается в церковном здании постройки начала 90-х годов XIX века.

Из других конфессий следующая по численности и значимости — мусульманская община. На территории Владимирской области расположены мечеть в городе Муроме и молельные дома в Коврове и Владимире. Ввиду довольно обширной миграции из республик бывшего СССР (в основном из Узбекистана и Таджикистана) на сегодняшний момент это наиболее быстро увеличивающаяся численность последователей религиозная конфессия на территории Владимирской области.

Вторым активно растущим направлением в конфессиональной жизни Владимирской области выступают протестантские течения. Они представлены практически во всех крупных городах области. Основные из них: баптисты, евангельские христиане, христиане веры Евангельской — пятидесятники, адвентисты Седьмого Дня, евангелическо-лютеранская церковь. Как правило, это небольшие общины, насчитывающие несколько десятков человек. Отдельно следует сказать о существующей в городе Владимире общине Свидетелей Иеговых [Религиозные организации Владимирской области 2001: 5].

Иудаизм во Владимирской области представлен Владимирским Еврейским общинным центром, в который входит Владимирская еврейская религиозная организация. Расположен центр во Владимире и ведет культурно-просветительскую работу. Фактически здесь же расположен и молельный дом. Синагог как таковых во Владимирской области нет.

Из религий неоиндуистского толка присутствует немногочисленное Общество Сознания Кришны (Вайшнавья). Центр его расположен в городе Владимире.

В сентябре 2016 года готовится к открытию в городе Владимире Армянская апостольская церковь.

Буддизм и организации, связанные с буддизмом, во Владимирской области отсутствуют.

В целом, несмотря на значительное многообразие религиозных организаций во Владимирской области, следует отметить два момента. Во-первых, подавляющее большинство населения придерживается православия и соотносит себя с Русской православной церковью Московского патриархата. Во-вторых, каких-то открытых межконфессиональных конфликтов на территории Владимирской области нет. В целом представители разных конфессий с уважением относятся друг к другу и решают спорные моменты путем переговоров.

Литература

Религиозные организации Владимирской области. Владимир, 2001. 118 с.

С. С. Цуцулаева
(г. Грозный, Россия)

Роль традиций и обычаев в жизни чеченского народа в период депортации

1. История чеченского народа уходит корнями в мир древних племен — аланов, аорсов, сарматов, сираков, гаргареев, дзурдзуков и нахчемагьян. Колыбелью материальной и духовной культуры чеченского народа является Кавказ. Горы для чеченцев были не только ландшафтом, они формировали их мировоззрение, накладывали отпечаток на характер, образ мышления, философию. Надо помнить об этом, чтобы осознать всю тяжесть геноцида, разлучившего чеченцев с их горами, родной средой, разбросав, в основном, по бескрайним степям Казахстана и Киргизии.

2. История чеченского народа знала различные испытания. И одной из трагических дат в судьбе народа явилось 23 февраля 1944 г. Тогда в одночасье весь народ был оторван от своего очага и депортирован. Народ, веками живший компактно, был рассеян. Этническое название народа, как и других депортированных народов, было заменено словом «спецпереселенец». Но убежденность в невинности, осознание себя каждым — частицей этого народа, вера в торжество справедливости укрепляли волю, помогали выжить на чужбине.

3. В местах ссылки люди оказались практически без крова. Власть не была готова к приему такого количества людей, что обрекало последних на медленное вымирание. Спасло их от этой участи, в первую очередь, природное трудолюбие, обычаи взаимопомощи и взаимовыручки.

4. Несмотря ни на что, дух репрессированных народов, в том числе и чеченского народа, не был сломлен. Со временем чеченцы стали налаживать хозяйство на новом месте, на той земле, где их никто не ждал. Мужчины и женщины проявляли примеры мужества, честного и добросовестного отношения к общественному труду.

5. В годы ссылки была нарушена целостность обычного организма национальной культуры, деформированы исторически сложившийся уклад жизни, народные обычаи и обряды, то есть, все то, в чем заключены этический код, нравственная информация и вековая мудрость народа. К счастью, они не были преданы забвению полностью. В условиях геноцида устное народное творчество и традиционная бытовая культура стали определяющей системой самовыражения и самозащиты чеченцев как этнического целого. Чувство веры в прекрасное не покидало людей. Они знали, что наступит день, когда вновь пройдут по родной земле. В стихах, песнях, рассказах они выражали тоску, боль и любовь к родной земле — Кавказу, к родным горам, создавали образ далекой и прекрасной родины. Все мечты о счастье и будущем связывались с Кавказом. Эта надежда не угасала. И когда запрет был снят, народ, не колеблясь, вернулся на родину.

6. Чеченскому народу вновь пришлось пережить страшные события в 90-е годы XX века. Народ вновь оказался на грани уничтожения. В результате военных событий города и села были разрушены, а город Грозный по степени разрушений сравнивали со Сталинградом. Пострадала каждая чеченская семья: кто-то был убит, а кто-то по сей день считается без вести

пропавшим. Благодаря стойкости и мужеству народа удалось выжить в этой страшной войне, восстановить республику из руин. Каждая чеченская семья внесла свой вклад в возрождении нации. Образцом служили традиции и обычаи, которые помогали и помогают в самые тяжелые минуты в истории любого народа.

7. Сегодня все силы национальной интеллигенции, равно как и опыт старшего поколения, должны быть отданы тому, чтобы в системе образования и семейного воспитания прививать молодежи чувство национальной ответственности, достоинства, развивать гуманистические идеалы народа. Подрастающее поколение должно нести в себе стремление равняться на высокие образцы национальной культуры и преумножать их.

8. Политика главы республики Рамзана Кадырова в сфере духовного воспитания направлена на сохранения, воссоздания, обогащения и развития обычаев и традиций народа.

Л. Б. Четырова
(г. Самара, Россия)

Калмыцкий Базар как место торговли и аккультурации

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-01007 «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)».

Доклад посвящен истории создания и развития поселения Калмыцкий Базар, расположенного в предместьях города Астрахани. Наряду с такими поселениями, как Ставропольна-Волге, Чугуев, где в разное время жили калмыки, Калмыцкий Базар рассматривался имперской властью как пространство аккультурации калмыков, которых власти были намерены привести к оседлости. Если для ставропольских и чугуевских калмыков важнейшим средством аккультурации были православие, казачество и земледелие, то для этих астраханских калмыков таким средством должна была бы стать торговля.

Официальной датой основания Калмыцкого Базара является 1806 год, хотя заселение этого места «в шести верстах от города Астрахани» началось еще в 1794 году. Поселение было основано для создания условий для мясной торговли. Со времени своего появления на Волге калмыки стали одними и главных поставщиков в Среднем и Нижнем Поволжье и Прикаспии скота, мяса и продукции скотоводства — сала, шерсти, войлока, кожи, изделий из кожи и овчины.

Эмпирической основой доклада являются архивные документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). На этой основе будет рассмотрена история создания поселения, выявлены цели, которые ставила перед собою власть, дана характеристика территории, выделенной для поселения, рассмотрены территориальные тяжбы, возникавшие с окрестным оседлым населением. Особое внимание уделено рассмотрению документов, относящихся к организации торгового дела на Калмыцком Базаре. Попечитель Калмыцкого Базара И. Ярмуш в 1861 писал, что «торговлей вообще калмыки стали заниматься недавно ... торгуют скотом, мясом и красным товаром». [НА РК. Ф. И-9. Оп.4. Д.122. Л. 28]. Гражданский губернатор г. Астрахани А. Дегай в своих рекомендациях по устройству базара на территории Калмыцкого Базара указывал на необходимость строительства скотобойни, мясных лавок, мыловаренного, свечного, салотопленного завода, особо при этом отмечая необходимость поощрения калмыков к этому делу путем разных льгот [НАРК. Ф. И-9. Оп.4. Д.122.Л. 77–78].

Анализ документов позволяет показать динамику роста полиэтнического населения Калмыцкого Базара и связанные с этим контрадикции. Русские, татары, армяне и представители других этнические группы хотели пользоваться теми же привилегиями и льготами, которыми власть наделила калмыков, желая приобщить их к оседлому образу жизни.

На основе ежегодных отчетов Управления Калмыцким Базаром показана динамика торгового оборота на Калмыцком Базаре. Торговый оборот на Калмыцком базаре был внушительным. В 1881 было продано калмыками 38362 голов скота на сумму 280423руб. 90 коп.

В документах по организации базара на территории Калмыцкого Базара особое внимание уделяется благоустройству, о чем пишут и гражданский губернатор, и попечитель Калмыцкого Базара, и архитектор Астрахани.

Кроме того, в докладе представлен анализ нарратива В. Немировича-Данченко, оставившего описание “витрины” и реалий жизни калмыков на Калмыцком Базаре.

Источники и литература

Ведомость о продаже скота в Калмыцких улусах на 1875. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-9. Оп. 1.

Дело об устройстве базара на территории Калмыцкого Базара. НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д.122.

Дело об образовании отдельного общества с выборными должностями. НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д.1794. Л.21.

Материалы к годовому отчету Управления Калмыцким народом за 1881 год. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д.44.

Немирович-Данченко В. И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб., 1877. 406 с.

Сведения о земельных участках и дворах, занятых посторонними поселенцами на Калмыцком базаре. НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д.92.

М. Е. Шалак

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Свидетельства иностранцев о военном деле в Крымском ханстве (конец XVI–нач. XVII вв.)

Иностранные известия — важный материал для изучения прошедшей жизни народа. В этой связи представляют интерес данные о военном деле крымских татар, содержащиеся в произведениях иностранцев.

Л. А. Бобров на основе комплексного анализа источников рассматривает характерные особенности тактического искусства крымских татар и ногаев к. XV – сер. XVII вв.

Описание походов в пределы Московского государства. Время для набега и место обычной переправы через Оку.

Стрельба татар из лука, особенности их вооружения. Оборонительный доспех. Способы ведения войны и форсирования рек. Причины всеобщей храбрости в рукопашном бою. Осада городов и военная хитрость. Нелюбовь к лобовому вооруженному столкновению и предпочтение к заманиванию противника в засаду.

Сравнение татарского воина с русским и турецким [Флетчер 1990: 554].

Сохранение большой мобильности во время набега. Провиант и способы его добычи.

Описание обряда, демонстрировавшего зависимость русских государей от крымских ханов. Свидетельства об атрибутах этой зависимости [Маржарет 2007: 123]. Отождествление крымских татар со скифами.

Свидетельства иностранцев о военном деле и способах ведения войны в Крымском ханстве, представляют интерес для дальнейшего изучения образа крымских татар в европейском общественном сознании в раннее новое время.

Литература

Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч.II. С. 210–388 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).

Маржарет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржарет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1936. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frames1.htm> (Дата обращения: 10.12.2015).

Флетчер Дж. О государстве Русском. // Накануне Смуты. М., 1990.

51-я армия в боях на территории Калмыкии: краткий обзор отечественной историографии

51-я армия РККА была сформирована в августе 1941 г. и прошла славный боевой путь в Великой Отечественной войне: от Крыма до Калмыкии и обратно, а оттуда ее перебросили в Прибалтику, где она и встретила День Победы. С конца июля 1942 г. по начало января 1943 г. это объединение вело бои в Калмыкии и сыграло немаловажную роль в Сталинградской битве. Во время операции «Уран» именно в полосе 51-й армии были введены кавалерийский и механизированные корпуса Сталинградского фронта, а во время «Зимней грозы» она приняла на себя первый удар танковых армий Манштейна.

Анализ историографии показывает, что на данный момент имеется лишь одна книга, в которой обзорно рассмотрен весь боевой путь 51-й армии от Крыма до Лиепай [Саркисьян 1983]. К сожалению, боевые действия на территории Калмыкии освещены схематично и даже эпизодично, полномасштабное и всестороннее описание истории этих боев, опираясь лишь на эту книгу, создать не получится.

Отдельные сведения об участии 51-й армии в Сталинградской битве мы можем встретить в обширной библиографии по данному вопросу, как советской, так и постсоветской [см., напр., Великая 1965; Сталинград 1980; Самсонов 1989; Сталинградская 2002; Исаев 2008 и др.], однако все они носят фрагментарный характер, и цельную картину участия 51-й армии в боях на территории Калмыкии по ним написать невозможно.

Кроме того, в советский период был опубликован ряд работ, в которых рассматривалась история различных соединений, входивших в изучаемый период в 51-ю армию: 4-го механизированного корпуса [Самсонов 1973], 110-й Калмыцкой кавалерийской [В боях 1969; В годы 1981], 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской [Хатукаев 1985], 91-й стрелковой [Калинин 1967], 302-й стрелковой [Коломиец 1972; Петросян 1986] дивизий и др. Эти работы, авторами которых большей частью являются непосредственные участники описываемых боев, довольно детально описывают боевые действия некоторых подразделений, их успехи и неудачи, однако не дают полной картины боев 51-й армии в Калмыкии, так как большинство соединений и частей не описаны вовсе, а некоторые из описанных входили в это объединение ненадолго.

Таким образом, анализ историографии позволил сделать вывод, что история боевых действий 51-й армии на территории Калмыкии в имеющейся библиографии описана недостаточно полно, что не позволяет составить ее цельное и всестороннее описание.

Литература

- В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й отд. Калмыцкой кавдивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста, 1969. 180 с.
- В годы суровых испытаний. Элиста, 1981. 235 с.
- Великая победа на Волге / под ред. К.К. Рокоссовского. М., 1965. 528 с.
- Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. 448 с.
- Калинин Н.В. Это в сердце моем навсегда. М., 1967.
- Коломиец Т.К. Отряд полковника Макаруча // Битва за Сталинград. 3-е изд. Волгоград, 1972. С.253-257.
- Петросян Л.С. Сводный армейский отряд действует. Элиста, 1988. 140 с.
- Самсонов А.М. От Волги до Балтики. М., 1973. 548 с.
- Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1989. 630 с.
- Саркисьян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М., 1983. 285 с.
- Сталинград: Уроки истории. Воспоминания участников битвы / сост. З.С. Шейнис. М., 1980. 495 с.
- Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2002. 911+573 с.
- Хатукаев А.Т. Славой овеванные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1985. 240 с.

Т. Н. Астафурова
(г. Волгоград, Россия)

Этнокультурная специфика дискурса ландшафтного дизайна

Дискурс ландшафтного дизайна является одним из наиболее интересных в лингвокультурном плане феноменов, поскольку отражает вариативную специфическую деятельность этноса по ландшафтному проектированию хабитата. Неотъемлемой частью дискурса ландшафтного дизайна являются тексты, содержащие практические рекомендации по садово-парковому обустройству. На их основании анализируется лингвосемиотическая система изучаемого феномена, которая включает вербальные, невербальные и смешанные знаки, обслуживающие коммуникацию индивидов в этой сфере и транслирующие аксиологические коннотации.

Угроза безопасности окружающей среды и жизни человека порождали архаичное осмысление мира под воздействием страха перед непостижимыми силами природы. По мере освоения окружающей среды человек разграничивал степень важности и опасности природных явлений, сохраняя при этом базовые иррациональные страхи, которые создали систему предрассудков и приемов выживания во враждебной обстановке [Астафурова, Олянич 2011].

Наряду со знаками созидательного характера в дискурсе ландшафтного дизайна функционируют знаки защиты от негативного воздействия среды и самого человека. Для обеспечения безопасности садово-паркового объекта предпринимаются разнообразные протективные меры, связанные с его обустройством и защитой на уровне эзотерики и магии посредством *протективных знаков*, денотирующих деревья, травы и цветы с высоким протективным потенциалом.

Ландшафтный дизайн является одним из основных видов деятельности, связанной с гуманизацией бытового окружения человека, соответствующего эстетическим нормам конкретной этнокультуры, эпохи и региона. Так, растущее дерево являлось для калмыков символом жизни и плодородия. Дерево было объектом почитания, которое калмыки выражали подношением ленточек. Праздник по случаю перехода на летние пастбища *Үрс сар* проходил у дерева и водного источника. В старину запрещалось рубить деревья без надобности, так как считалось, что у каждого дерева есть свой «эзн». Дерево считается и оберегом. Так, из таволги делали ручки плети и кнута. Палочки из таволги клали в кровать. Существуют и определенные запреты в отношении дерева. Можжевельник (кюджи) не без основания признается у калмыков очистительным средством. Весною при перегонке чигяна на араку втыкали пучок травы в глиняную заглушку (хавхг), которой заделывали одно из двух отверстий в крышке большого котла. Эта трава символизировала обилие молочной и мясной пищи. Трава эрвнг (чабрец), обладая ярко выраженным запахом, используется для лечения простуды и хранится в доме, отгоняя злых духов.

В Британии растительный культ, принятый кельтами в VI–II вв. до н.э., положил начало современному садово-парковому искусству англичан. Образ священного древа в кельтской культуре возник при взаимопроникновении британской и кельто-германской культур, поскольку почитание священных деревьев схоже с кельтами древних римлян и греков, почитающих отдельные деревья и священные рощи [Fox 1958].

Кельтская культура уходит корнями во власть природы над человеком, нашедшую отражение в магических обрядах с использованием огамической письменности, в которой согласные буквы образовывали календарь древесного колдовства [Шкунаев 1993]. С деревьями и кустарниками, не связанными с древесным календарем кельтов, Огамом, также связан ряд суеверий. Так, считалось, что растущий в саду вяз отгоняет молнию (*The towering elm tree in the garden has long been known to ward away lightning, and many cottages have been built beneath one to take advantage of that power*); через ветви клена, согласно английскому суеверному обычаю,

проносили новорожденного, чтобы подарить ребенку долгую жизнь (*It is a common tradition to pass a baby through the branches of a maple tree in order to grant the babe great longevity*); гортензия, посаженная около дома, обернется проклятием для дочерей, они останутся незамужними (*Hydrangea planted near the house will curse your daughters with spinsterhood*) [Норман 2008].

В протективных знаках важное место занимают фруктовые деревья, которые защищают сад и его обитателей от враждебных воздействий. Так, если на яблоне всю зиму остаются плоды, в скором времени умрет один из членов семьи (*If an apple tree blooms while he is still bearing fruits, there will soon be a death in the family*); вишневое дерево около дома сулит удачу его обитателям (*Planting a cherry tree near a house ensures good fortune for the inhabitants*); etc.

Британские садоводы традиционно следуют эзотерическим правилам, нейтрализующим суеверия относительно посадки и полива цветов, а именно:

1) Суеверия, связанные с зодиакальными созвездиями, планетарными символами (*Flowers which grow under the ground will do well, if planted during the sign of Aquarius; Plant flowers in the full moon and they will be beautiful*); etc.

2) Суеверия, связанные с конкретными датами, годовыми и суточными циклами (*To secure fine roses, set them out on the 25th of May; Peony plants must not be moved except during the months of October and November*), etc.

3) Суеверия, связанные с определенными частями света (*Pansies must be planted on the north side of the house or they will not flourish*); etc.

4) Суеверия, связанные с особенностями полива (*When watering your flowers use the water in which you have washed your meat and they will grow well*), etc. [Астафурова, Джумагалиева 2015].

Таким образом, протективные знаки дискурса ландшафтного дизайна выполняют функцию защиты садово-паркового участка и его элементов от негативного воздействия окружающей среды и человека благодаря нейтрализации эзотерических фобий, вербализованных в фольклоре, древних культах и религиозных сказаниях, обладающих высокой суггестивной силой.

Литература

Астафурова Т. Н., Джумагалиева А. С. Лингвосемиотика дискурса ландшафтного дизайна. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 168 с.

Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосемиотика витальных потребностей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 576 с.

Шкунаев С. С. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы Средневековой Ирландии. М., 1993. Р. 113–118.

Fox C. Pattern and purpose. A survey of early Celtic art in Britain. Cardiff: National museum of Wales, 1958. Р. 67–69.

Норман Е. A Druid's Herbal of Sacred Tree Medicine. Destiny Books, 2008. 256 p.

Э. П. Бакаева
(г. Элиста, Россия)

К вопросу о символике женского платья калмыков

Исследователями зафиксированы значительные отличия в традиционном костюме монголов и калмыков, которые зачастую представляются как результат исторической трансформации элементов материальной культуры этноса, сформировавшегося в XVII–XVIII вв. В определенной мере данное мнение определено наличием в современной культуре родственных калмыкам ойратов Монголии и СУАР КНР компонентов национального костюма, которые имеют существенное сходство или даже аутентичны подобным компонентам костюма восточных монголов, и потому остается дискутируемым вопрос об автохтонности традиционного костюма калмыков. Известно утверждение Г. Е. Грумм-Гржимайло о том, что калмыки «вме-

сто прямых халатов носят однобортные бешметы кавказских горцев с широко вырезанной грудью» [1926: 19]. Д. В. Сычев считал, что в развитии калмыцкого костюма прослеживаются три периода («монгольский»; XVII–XVIII вв. — после прихода предков калмыков на Волгу; XIX–XX вв.): на первом этапе костюм предков калмыков представлял собой тот же тип, что встречается в костюме торгутов Монголии и КНР в XX в. [Сычев 1973], в XVII–XVIII вв. имели место заимствования и переработка новых элементов, окончательно же «фасон мужского костюма» утвердился в XIX веке [Сычев 1980: 28], при этом в мужском костюме «влияние Кавказа совершенно очевидно, и здесь можно согласиться с тем, что “происхождение бешмета часто ‘азиатское’, хотя калмыцкий вкус признал его необходимым подвергнуть некоторым изменениям”» [Сычев 1973: 23]. Вместе с тем исследователь пришел к выводу: «основные детали ойратской женской одежды легли в основу классического калмыцкого костюма, превратившегося в оригинальное и самобытное явление» [Сычев 1970: 10]. Таким образом, несмотря на признание в качестве автохтонного компонента материальной культуры распашного типа одежды, подобного монгольскому дели (монг. *дээл*), Д. В. Сычев признавал, что в основу калмыцкого костюма (как женского, так и мужского) заложены ойратские элементы.

В исследовании проблемы автохтонного происхождения традиционного костюма значимым аспектом является выявление его семантики и символики. Имеется ряд работ, посвященных этой теме на материале женского костюма ряда народов, у которых имели распространение платья типа *цэгдэг* и *тэрлэг* (калм. *цегдг*, *терлг*) [Дугаров 1983, 1983а; Самбуева 2004; Сарангэрэл 2008; Бакаева 2015 и др.]. Мнения о символике женского платья разнятся, при этом одни ученые считают, что древнейшим типом одежды у ойратов (и калмыков) был восточноазиатский, другие предполагают исконность у них южносибирского типа одежды.

Костюм, кроме таких специфических функций, как эстетическая и биологическая, выполняет также социальную и сакральную функции. Тип традиционного женского костюма, распространенный у широкого круга тюрко-монгольских народов (алтайцев, тувинцев, хотонов, хакасов, якутов, монголов, ойратов (в том числе дербетов, алтайских урянхайцев, торгутов, олетов, захчинов, мингатов и др.) и калмыков), является архаичным, его семантика связана с древнейшими тотемистическими верованиями.

Сакральность женского костюма, зафиксированного у вышеперечисленных народов, подтверждается традициями использования этого костюма в обрядности жизненного цикла. Так, в свадебном обряде монгольских народов облачение в женскую одежду маркирует завершение действий инициационного характера. В ряде национальных традиций традиционное женское платье стало использоваться в качестве погребального платья [Алтайцы 2014: 238; Дугаров 1983: 109; Дьяконова 2001: 92], что подтверждает его функцию маркировки пограничного состояния, а также обрядовый характер костюма. В этом смысле типологически близким оказывается русский обычай нательную льняную рубаху использовать в качестве погребальной одежды, причем в качестве таковой в отдельных регионах (в частности, в Вологодской и Архангельской губерниях) использовалась свадебная рубаха [Жарникова 2003: 133]. С. В. Жарникова отмечает, что обычай использовать иногда в качестве погребальной венчальную рубаху, сохранявшуюся всю жизнь, определен представлениями о том, что «между свадьбой и смертью в народной традиции нет существенной разницы» [Жарникова 2003: 133]. Следует отметить, что сюжет о выполнении сакральных функций женщины как «творительницы» типологичен для русского и калмыцкого фольклора и отражает народные представления. Так, С. В. Жарникова приводит данные о ритуальном значении орнаментированных длинных рукавов женской рубахи и сведения о том, что ритуальную чашу на языческом празднике женщина брала через спущенный рукав, в то время как мужчина мог ее держать открытой ладонью [Жарникова 2003: 130] — типологически сходным является обычай калмыцких женщин в обрядовые моменты закрывать кисти рук длинными рукавами традиционного платья. Типологические сюжеты о творении (например, в русском фольклоре — о появлении озера при взмахе одного рукава героини сказки и лебедей — при взмахе другого рукава в сказке о Царевне-лягушке [Жарникова 2003: 130]) также обнаруживаются в фольклоре калмыков: так, в одной из эпических песен дева-рагини указывает путь богатырю Мингияну, буквально «соз-

давая» путь: «... йисн давхр бишмүдин дотад даһмас /Болд хар түлкүриг авад, /Болд жидин үзүр тал занһхла, Китд зүүни нүдни чигэ хаалһ харв» — «... из внутреннего кармана девятислойного бешмета¹ /Стальной черный ключ вынула она,/ В сторону остриев стальных копий взмахнула — Появилась тропинка шириной с ушко китайской иглы» [Джангар 1990: 93; 279].

Одежда замужней женщины маркирует новый статус женщины-матери, «отвечающей» прежде всего за воспроизводство рода. В этом смысле знаковыми являются обряды, функции которых заключаются в сакральном обеспечении возрождения и расплода. В культуре калмыков, в отличие от родственных им ойратов Монголии, довольно полно сохраняется древнейший по происхождению обряд принесения в жертву животного², называемый жертвоприношением огню (домашнему очагу) — *һал тәэх*, элементы которого можно привлечь к анализу семантики женского костюма. В обряде знаковой является его составляющая часть, во время которого женщина-хозяйка дома должна взять в руку сырую переднюю ногу жертвенного животного (барана) так, словно она является ее естественной частью (продолжением руки), и бить этой ногой по земле/полу в момент, когда представители молодого мужского поколения откусывают кусочки бараньего сердца (отваренного без отделения, вместе с легкими и дыхательным горлом), а все члены семейства выкрикивают трижды сакральный призыв «хүрү» (означающий «воскресни, одушевись»). Таким образом, в обряде семантически рука женщины приравнивается к передней конечности животного, а ее действия словно «оживляют» жертвенное животное и одновременно «осуществляют связь» между миром животных и миром людей.

Внешнее сходство рукава калмыцкого женского платья *терлг* с конечностью животного отмечалось исследователями. Художник Ж. Буль в своей брошюре «Калмыцкий костюм и сцена» даже называла рукав калмыцкого платья «бараньим окороком» [Буль 1993]. Замечание художника оказывается метким: часть платья *терлг*, названная Ж. Буль «бараньим окороком», символизирует связь обрядового образа женщины с копытным-прародительницей³. Вместе с тем зооморфная символика (что прекрасно показал в своих работах Д. С. Дугаров [1983, 1983а]) сочетается с орнитоморфной, дополнительным свидетельством чего является упоминаемый известным монгольским этнологом А. Очиром обычай ойратов Монголии женскую безрукавку *цэгдэг* (одевавшуюся поверх *тэрлэг* — нижнего платья с объемным рукавом) называть *шаазгай* ('сорока') [Очир 2016: 267]⁴.

Традиционный костюм женщины-калмычки являлся не только социальным, но и сакральным знаком культуры. Материалы обрядовой культуры калмыков, в отдельных ритуалах которой женщина-хозяйка дома семантически маркирует копытное животное, представляют дополнительный аргумент в пользу зооморфной символики женского костюма, имевшего распространение у ряда тюрко-монгольских народов, в том числе ойратов Монголии и КНР и калмыков России. Архаичное происхождение данного костюма является подтверждением автохтонного происхождения указанного типа одежды и свидетельством распространения с древности среди предков калмыков южносибирского типа одежды. Статус костюма замужней женщины и статус ее в обществе связан с архетипическими представлениями о женщине-матери как способной творить мир, что отражено в фольклоре многих народов мира.

Литература

Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2014. 464 с.

¹ В данном контексте — девичье платье. Термином бешмет также могли обозначать мужской костюм.

² Содержание обряда — ритуальное оформление заклания и обеспечения последующего возрождения животного.

³ Отдельную тему составляет вопрос о том, какое животное представлялось в древности в качестве тотемного.

⁴ Сведения, приводимые А.Очиром, уникальны: так, в новейшем словаре ойратских говоров, подготовленном Д.Насанжаргалом и А.Туул, данное значение не упоминается [Ойрад үг ...2015].

Бакаева Э. П. К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. №3. С. 74–83.

Бакаева Э. П. Одежда и украшения // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 149–186.

Буль Ж. Калмыцкий костюм и сцена. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 73 с.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.3. Вып.1. Л., 1926. С. 191

Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. 1983. №5. С. 104–113

Дугаров Д. С. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983а. С.36–52.

Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское респ. кн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 224 с.

Жарникова С. В. «Золотая нить вечности». Семантика народного костюма // Жарникова С. В. Золотая нить. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. С. 130–140.

Ойрад үг, аялыг тайлал /Д.Насанжаргал, А.Туул. Улаанбаатар: Номин холдинг, 2015. 206 х.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Отв. ред. Бакаева Э.П., Орлова К.В. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 256 с.

Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. 91 с.

Сарангэрэл. О «цэгдэг» и почитании невесткой родственников мужа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. №3. С. 10–13.

Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 168 с.

Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева
(г.Элиста, г.Москва, Россия)

Гора Цамбагарав в культуре олётов Монголии*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-02898.

Цамбагарав — одна из самых высоких гор Монголии, снежная вершина которой покрыта вечным ледником. Ее высота составляет 4208 м над уровнем моря. У ее подножия расположены несколько озер. Вечные ледники этой горы дают начало рекам с прозрачной и чистой водой, среди которых — Хусны гол, Улиастайн гол, Хавцалын гол [ПМА: Эрдэнэцогт Б.]. С западного склона Цамбагарав берет начало и река Хонгион гол, питающаяся также водами снежной горы Сутай хайрхан, в окрестностях которой в прошлом активно практиковалось земледелие [Намсрай 1999: 87]. Талые воды ледника дают начало и родникам, многие из которых почитаются как «аршаны». Здесь встречаются редкие растения, среди которых исчезающий цветок *вансэмбэрүү*¹, растущий на скалистой поверхности. Обилие пастбищ и водных ресурсов обусловили расселение на этой благодатной земле кочевников. Почитание горы и местностей вокруг горы Цамбагарав прослеживается в быту местного населения. Так, во время полевой экспедиции (проведенной в рамках реализации проекта Российского научного фонда) были опрошены информанты, летние кочевья которых расположены у самого подножия горы. Здесь находится небольшое озеро Хар ус — холодное и пресноводное. Воды этого озера считаются запретными: в него не входят местные жители [ПМА: Сумъяа].

Гора Цамбагарав находится на территории сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского (Ховд) аймака, большинство населения которого составляют олёты, считающие себя потомками подданных Галдана Бошокту-хана. Захваченные цинскими властями, их предки в 1761 г. были расселены в Хангайских горах, затем на территории среднего течения р. Орхон были образованы два хошуна в составе аймака халхаского Сайнноён-хана, а в 1764 г. откочевавших на запад к р. Кобдо олётов расселили на территории Кобдинского наместничества и образовали из них

¹ Вансэмбэрүү (сосюрею крупнолепестковую драгоценную) иногда называют снежным лотосом, она произрастает на каменисто-щебнистых склонах на высоте 2100-3000 м над уровнем моря. Считается растением, обладающим ценными лечебными свойствами.

один — олётский — хошун, который и составил впоследствии население сомона Эрдэнэбүрэн [Очир 2016]. По сообщению Д. Цогтхуу, после революции в Монголии хошун был известен как «Чандмань уул аймгийн харьяат — Цамбагарав уул хошуун» — букв. ‘хошун горы Цамбагарав, находящийся в составе аймака горы Чандмань’ [ПМА: Цогтхуу], а с 1931 г. в результате объединения трех хошунов (Цаган хайрхан хошун, Цамбагарав уул хошун, Эрдэнэбүрэн хошун) был образован новый сомон, получивший название Эрдэнэбүрэн. Все три хошуна была именованы в свое время по названиям гор, которые почитались олётами [ПМА: Цогтхуу]. Согласно «Справочнику монгольских аймаков, хошунов и сомонов», сомон Эрдэнэбүрэн образован в 1931 году, в 1924–1931 гг. он назывался Цамбагарав уулын хошун и находился в составе аймака Чандмань уул, а с 1911 по 1924 гг. — Өөлдийн үйзэн засгийн хошун (‘хошун олётского дзасака-гайджи с титулом үйзэн’), который входил в аймак Дөрвөдийн үнэн Зоригту (т.е. дербетского Дзоригту-хана) [Мөнх-Очир 2012: 72–73].

Олёты сомона Эрдэнэбүрэн особо почитают три снежные вершины: Цамбагарав уул, Мөст Хайрхан (в речи олётгов звучит Хээрхн), Сутай Хайрхан Алтан Хөхий [ПМА: Балжинима, Эрдэнэцогт Б., Эрдэнэцогт Д.]. Местные жители также называют их Сухатхайрхан, Хүрэн (Күрн) Хайрхан, Цамбагарав Хайрхан.

Существуют разные версии происхождения названия горы Цамбагарав.

I. Согласно «буддийской» версии, название Цамбагарав происходит от имени божества Цамба (санскр. Брахма, тиб. Цамба, монг. Эсруа тенгэр). Цамба — одно из божеств-покровителей олётгов. Считается, что Цамба 10 раз перерождался бодхисаттвой на этой земле. В отдельных сутрах его называют исполнителем предписаний божества Ямантака (монг. Жигжид) и повелителем Вселенной. Иконография божества Цамба (Эсруа тенгэри), согласно буддийской традиции, такова: в белом одеянии, имеющий тело, подобное луне; в правой руке он держит меч, подавляющий войны и тьму невежества; в левой руке — держит чашу, наполненную драгоценностями (на этой руке также изображается мышь). Считается, что у того, кто почитает божество Цамба, все деяния будут исполняться, подобно неиссякаемому роднику.

О. Сүхбаатар в словаре заимствованных терминов отмечает, что имя Цамба происходит от тиб. Tshangs-po (монг. Šamba), это один из свирепых хранителей веры, прославившихся среди монголов как десять дхармапал [Сүхбаатар 1997: 207]. Имя же божества Цамбагарав происходит от тибетского Tshangs-po Dkar-po (монг. Šamba Garbu, Цангбу Гарбу) — это «Цаган Эсруа», то же божество Цамба, но только имеющий тело белого цвета. Цамбой называют одного из свирепых сахиусанов, которых почитают в качестве 10 главных хранителей веры. Цамбагарав считается хозяином трех времен. Он изображается трехглазым, держащим саблю в правой руке, имеющим тело и одеяние белого цвета, ездовое животное белого цвета. В легендах он предстает подобным свирепому дракону, поднимающему сильный ветер. Другое значение имени Цамбагарав — название горы на западе Монголии, вершина которой покрыта ледниками [Сүхбаатар 1997: 207].

II. Согласно одной из народных версий, «Цамба бурхн эн уул тэгдг билэ» (‘божество Цамба совершало жертвоприношение этой горе’) [ПМА: Отгонбаатар]. Таким образом, согласно данной версии, снежную вершину, расположенную среди кочевий олётгов, почитало само божество Цамба, по имени которого и названа гора.

III. В народной этимологии в названии горы прослеживаются два слова: «Цамба» и «гарав». Соответственно, в легенде говорится, что однажды некий человек по имени Цамба, проживавший среди аскетов, поднялся в гору [ПМА: Сумьяа]. Считается, что сабдак Алтайских гор — это сабдак горы Цамбагарав. Он может принять или не принять прибывших к подножию горы. Если сабдак закрыл свое лицо, дабы не встречаться с прибывшими людьми, то идет дождь. Если же он открыл свой лик, то светит солнце. Для этого необходимо почитать духа-хозяина горы и делать подношения, совершая кропление молоком [ПМА: Отгоон].

Сабдак горы Цамбагарав представляется в виде почтенного старца, однако, по данным информантов, его одежда и конь описываются различно. По одной версии, он одет в белое дэли («дээл») и с посохом в руке, всегда ездит на быстром («хурдан») сивом («буурал») коне. По другим сведениям, это старец в одежде («дээл») синего цвета. Еще одно описание представля-

ет сабдака горы Цамбагарав в виде старца в красном дэли, в монгольских сапогах, с белой бородой и в головном уборе [ПМА: Балжинима, Цэрэн-Надмид, Эрдэнэцогт Б., Эрдэнэцогт Д.].

Согласно традиционным представлениям олётгов сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака, гора Цамбагарав представляется в качестве «отца-горы» («*аав-уул*»), а гора Алтан Хөхий — в качестве «матери-горы» («*ээж-уул*»). Соответственно, хозяйка горы Алтан Хөхий представляется в виде женщины, а Цамбагарав — в образе отца-прародителя. На каждой из этих снежных вершин построены *обоо*, на которых местное население совершает жертвоприношения в честь духа-хозяина местности.

Кочевья, расположенные вокруг склонов Цамагарав, включают как летники, так и осенние и весенние пастбища; здесь же расположены и зимние стоянки кочевников. Олёты, проживающие в Кобдоском аймаке, особенно почитают гору Цамбагарав, что связано как с народными представлениями о «горе-отце», так и с буддийской традицией почитания божества ранга дхармапал, которое выступает не только как подавляющее невежество, но и покровитель воинов — таковыми и являлись олётгы времен Галдана Бошокту-хана.

Полевые материалы авторов (2016 г.).

Список информантов (сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии)

- Балжинима Жигжидийн. Олёт, овог — хар бургуд, 69 лет.
Отгоон (Отхн) Жандагийн. Олётка, овог — элжигид, 48 лет.
Отгонбаатар Цэрэндорж Олёт, овог — цааснахн, 56 лет.
Сумьяа Цемжит. Олёт, овог — боролдой, 27 лет.
Цэрэн-Надмид Дамдинсурэнгийн. Олёт, овог — солон, 42 года.
Цогтхуу Д. Олёт, овог — тольтон бургуд, 52 года.
Эрдэнэцогт Бадрахийн. Олётка, овог — ноён цорос, 69 лет.
Эрдэнэцогт Данзангийн. Олёт, овог — боролдой, яс — байлгас, 74 года.

Литература

- Мөнх-Очир Д.* Монгол улсын аймаг, хошуу, сумын лавлах Улаанбаатар, 2012 126 х.
Намсрай Н. Өөлдийн соёл, түүхийн бичиг оршивой. Улаанбаатар: б/и, 1999. 132 х.
Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 318 с.
Өөлдүүдийн домог, хууч ярианы дэвтэр-I. Эрхлэн хэвлүүлсэн Б.Энх-Амгалан. Хөшөөд: Очирпресс ХХК, 2012. 144 х.
Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 1997. 233 х.

В. В. Батыров
(г. Элиста, Россия)

Малая моногамная семья у калмыков во второй половине XIX в.

Бытование малой моногамной семьи (муж, жена и их неженатые дети) у калмыков во второй половине XIX в. является достаточно неизученной темой. Исследователь семьи и брака калмыков Д. Шалхаков указывал, что малая моногамная семья была господствующей формой семьи в калмыцком обществе на протяжении всего в XIX в. [Шалхаков 1982: 36]. Данное мнение ученого основывалось на собственных полевых материалах и на изучении исторической литературы.

По нашему мнению, малая моногамная семья у калмыков стала господствующей формой семьи лишь с конца XIX в. Существование большой патриархальной семьи связано с функционированием института левирата¹ у калмыков в XIX в. По калмыцкой традиции в среде аристократии было принято делить свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но пер-

¹ Левират (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями.

манентное дробление наследства между многочисленными наследниками приводило к утрате материальных и людских ресурсов. Примером чего является история хошутского тайши Кунделен-Убаши, который разделил свой улус между всеми своими сыновьями, чем привел в упадок хошутский улус [Батмаев 2002:148]. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В суровых условиях кочевого образа жизни калмыцкая семья могла легко растерять все свое материальное благополучие.

Реформа 1892 г. привела к отмене феодальной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов, их место в калмыцких аймаках и улусах заняли представители российской администрации. Следствием реформы также стало исчезновение традиционных правил кочевков, и теперь население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории в условиях все большего роста крестьянской переселенческой деревни и связанного с ней сокращения территории калмыцких земель. Все это, а также активное развитие отходничества, привело к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу к полуоседлому образу жизни [Батыров 2009: 523].

Бесконтрольный выпас огромного количества скота из соседних губерний привел к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий в Калмыцкой степи. Это стало основополагающей причиной для каждого калмыцкого хозяйства большой патриархальной семьи выделять семьи совершеннолетних членов мужского пола для получения в соответствии с общепринятыми правилами дополнительного пая из общинных сенокосных угодий [Бадмаев 1993: 18]. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX в. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи.

Таким образом, реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу к полуоседлому образу жизни, что привело к распаду большой патриархальной семьи. В конце XIX в. все большее распространение у калмыков получает малая индивидуальная моногамная семья.

Литература

Бадмаев С. С. Этапы и проблемы экономического развития Калмыкии в пореформенный период (1861–1917 гг.): автореф. дис... канд. экон. наук. Росс. эконом. ак. им. Г. В. Плеханова. Москва, 1994. 19 с.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Батыров В. В. Рыболовство у калмыков в XIX – начале XX в. // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. II. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 522–527.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

С. Г. Батырева
(г. Элиста, Россия)

Современное искусство в музее КИГИ РАН: от этнографизма к этничности

Предметом исследования является современное изобразительное искусство, экспонируемое в Музее традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Культурное наследие является источником вдохновения для личности, сохраняющей историческую память предков. В произведениях авторов прослеживается судьба калмыцкой художественной *традиции*, рожденной в культуре буддизма и народном декоративно-прикладном искусстве. Традиционные психогенетические особенности

мироощущения автора, знание своей культуры, буддийского и фольклорного наследия определяют этническое своеобразие изобразительного искусства Калмыкии XXI века. В анализе творчества современных художников важно выявить локальную специфику изобразительной трактовки образов.

На уровне этнического самосознания автора происходит обращение к новациям современного художественного опыта. Произведения искусства воспроизводят многогранную картину мира, расцветиваемую в особенностях этнического мировидения. Это позволяет установить закономерности процесса создания художественного образа, сформированного этноинтегрирующими функциями традиций. Ими осуществляется преемственность в развитии культуры.

На волне демократических перемен в Калмыкии рубежа XX – XXI веков наблюдается обновление художественного процесса. Его качественное изменение привносят открытость внешним культурным влияниям и в то же время сохраняющаяся ориентация авторов на традиционные истоки искусства. Движение «независимого» поколения художников приводит к созданию творческого объединения под названием «Культурный номадизм». Деятельность молодых одухотворена идеей возрождения: не в этнографизме предметного воспроизведения традиционного, а в поступательном развитии калмыцкой культуры осмысливается ими этническое наследие. Фольклорные и буддийские мотивы, претворяемые в новых формах художественного бытия, определяют локальное своеобразие искусства Калмыкии рубежа веков, наблюдаемое и в современный период.

В призме культурной памяти личности происходят взаимовлияние, сближение и отторжение традиций, в конечном итоге приводящие к художественному синтезу в творчестве. Качественные параметры последнего, как правило, во многом определены интеллектуальным уровнем развития творческой личности. Доминантами процесса выступают взаимообусловленные нравственно-этические и фольклорные основы этнического мировидения [Искусство в системе культуры 1987: 45–47], противостоящие интенсивному размыванию традиций в эпоху глобализации.

Нестойкость и размытость, понятийная и образная, рождает подвижную многомерность картины мира, создаваемой без идеологического, как было принято в советское время, «копания вовнутрь». Своеобразной особенностью искусства XXI века является тенденция уничтожения границ между видами и жанрами пластических искусств. Многомерное видение художника в интерпретации разных традиций сопровождается компромиссом дальнейшего развития изобразительного искусства [Батракова 2002: 69].

Совместное участие авторов в выставках «авангардистов» и «номадов» 1990-х годов наглядно демонстрирует творческую свободу выбора калмыцкого художника [Батырева 2014: 147–149, 164; Изобразительное искусство 2009: 548–549]. Результатом становится творческая импровизация, объединяющая противоречия бытия в стилистической целостности отображения сюжетов цветом, линией и формой. В них заключена суть жизни, сопереживаемой художником в творческом процессе. Намеком даются реальные очертания формы, приобретающей в игре воображения зрителя исходное начало дальнейшего сотворения образа. Художественное откровение автора рождает размышления о противоречиях и бренности жизни, многогранной в радости и драматизме человеческого существования...

Не этнографическое в деталях воспроизведение самобытной культуры народа, а глубинное, в конечном итоге этническое мироощущение питает произведения авторов. Это вызывает соответствующий отклик у зрителя, который у каждого автора всегда свой — тонко чувствующий и сопереживающий, подготовленный для эмоционального восприятия мира. Образная структура произведений как плод размышлений художника связывает воедино представления, мысли, объекты и элементы реальности. Образ традиционной культуры рождается в тонкой призме ассоциаций этнического самосознания личности. Оно формируется в процессе социализации молодого поколения, сохраняясь в широком поле культурного взаимодействия стремительно глобализуемого мира [Намруева 2015: 131–138; 164–172].

В живописной интерпретации традиционного наследия творчество современного художника питает историческая и культурная память, активизируемая в переходных и критических

ситуациях бытия социума [Мнацаканян 2004: 207]. Этническая идентичность творческой личности выступает стабилизирующим фактором развития искусства в системе постоянно изменяющейся культуры и общества в целом [Намруева 2015: 120–125].

Литература

- Батракова С. П.* Искусство и миф: из истории живописи XX века. М.: Искусство, 2002. 215 с., ил.
- Батырева С. Г.* Изобразительное искусство // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т.3.
- Батырева С. Г.* Изобразительное искусство Калмыкии XX века (1957–2000 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 226 с.
- Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. 272 с.
- Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.: Юнити, 2004. 367 с.
- Намруева Л. В.* Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 192 с.
- Намруева Л. В.* Субэтническая идентичность современных калмыков: социокультурный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. №1. С. 120–125.

С. Э. Баширов
(г. Волгоград, Россия)

Удины Юга России: история, миграция и современное бытие

Юг России издавна являлся и по сей день является одним из самых многонациональных регионов нашей страны. Это отражено и в названии субъектов Федерации. После распада Советского Союза многонациональный состав указанного региона претерпел изменения, т. к. произошел большой приток населения из бывших союзных республик во все уголки России, в том числе и в ее южную часть. Это население состояло из русских репатриантов и представителей различных этносов, прежде по большей части не живших за пределами мест своего коренного проживания. Одним из подобных этносов являются удины.

Удины — коренной народ Азербайджана. Они являются прямыми потомками населения Кавказской Албании, государства, существовавшего с IV в. до н. э. по VIII в. н.э. С IV в. они исповедуют христианство. После упразднения Албанского царства Арабским халифатом начался долгий процесс дээтнизации и ассимиляции удин, приведший к тому, что к XX в. они населяли лишь несколько сел на севере Азербайджана. Об удилах упоминали такие авторы, как Геродот, Страбон, А. Дюма, П. Флоренский. Общая численность удин во всем мире составляет по приблизительным подсчетам около 10 тысяч человек. В настоящее время удины проживают также в Грузии, России, Казахстане и др. странах. Общая численность удин в Российской Федерации согласно данным переписи 2010 г. составляет 4267 человек [Всероссийская перепись населения 2010 г.]. Удины живут в основном на юге России — в Ростовской области, Краснодарском крае, Волгоградской области, Ставропольском крае, а также в Москве, Иваново, Ульяновске, Екатеринбурге и др. городах.

Стоит отметить, что удины жили в России и до распада СССР. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в РСФСР проживало 1102 удина. Однако массовые переселения удин в Россию произошли в период кризиса и после распада Советского Союза. Как можно заметить, удины живут по большей части в южных регионах России. Это связано, в том числе, и с тем, что эти регионы находятся сравнительно близко к местам коренного проживания удин.

Еще одним фактором, служившим причиной переезда в тот или иной регион России, было наличие родственников и земляков в местах миграции удин. Ведь не секрет, что многие приезжали именно к ним, т. к. только они могли помочь освоиться на новом месте, найти работу, решить те или иные возникающие проблемы. Первые удины, которые появились в России,

либо приезжали на учебу, либо проходили службу в армии, а после этого оставались в местах обучения или службы. Были и те, кто приезжал по комсомольской путевке. Также немаловажно отметить, что Юг России связан и исторической памятью удин, отцы и деды многих из них воевали здесь в годы Великой Отечественной войны в составе различных армейских подразделений, в особенности, в составе 416-ой стрелковой дивизии, получившей название Таганрогской. Эта дивизия участвовала в битве за Кавказ, в освобождении Украины, Молдавии, ее бойцы одними из первых вошли в Берлин.

Причинами переселения удин в Россию являются события, связанные с армяно-азербайджанским нагорно-карабахским конфликтом, а также дальнейшей дестабилизацией политической, социальной и экономической ситуации в Азербайджане. На первой причине стоит остановиться более подробно. Дело в том, что последние несколько веков удины находились под влиянием Армянской Церкви, которой они были подчинены с 1836 г., когда была упразднена собственная церковь удин — Албанский католикосат. Впоследствии под влиянием Армянской Церкви удины получили фамилии на -ян, что в итоге привело к возникновению ошибочного стереотипа о том, что удины — это армяне. Все это привело к миграции значимой части удин из Азербайджана в период Карабахской войны.

Несмотря на сложности и проблемы переходного периода после развала СССР, удинам удалось достаточно легко интегрироваться в российское общество [Данакари 2015: 285]. Немаловажным фактором, способствовавшим этому, было знание удинами русского языка, на котором в советское время велось преподавание в удинских школах [Гукасян 1972: 295]. Также важно отметить, что удины, приехав в Россию, не имели проблем религиозного характера и при необходимости свободно могли пойти в православные церкви. Несмотря на свое проживание в России, удины не прерывают связи со своей исторической родиной, а многие даже сохранили свои дома на исторической родине — в Азербайджанской Республике.

Однако довольно легкая адаптация удин к новым условиям поставила перед ними ряд проблем. Наиболее важными проблемами для удин России являются сохранение своего языка, этнической самобытности и культуры. Стоит отметить, что с подобной проблемой сталкиваются все некоренные этносы Юга России. С этой целью в местах компактного проживания удин созданы общественные культурно-просветительские организации. Так, они имеются в г. Шахты, г. Таганрог Ростовской области, г. Волгоград, г. Краснодар, а также в ряде населенных пунктов Краснодарского края.

Все общины координируют свою деятельность, поддерживают связи с исторической родиной, оказывают помощь исследователям удинского языка, культуры, истории.

Естественно, что процесс по сохранению удинской культуры и идентичности не всегда идет гладко. Например, при попытке организовать обучение на удинском языке возникают определенные сложности. Так, членами диаспорских организаций удин России был разработан и издан букварь. Данный букварь был разработан на основе кириллицы, но проблема в том, что подавляющее большинство современных книг на удинском языке в Азербайджане издаются на латинице. В школах Азербайджана удинский также преподается с использованием латиницы. Таким образом, возникает ситуация, когда удины разных стран пишут и читают на родном языке с использованием двух разных видов графического письма. К тому же появление букваря с основой на кириллице в связи с отсутствием книг на удинском языке создало проблемы, по сути, получается, что людям, обученным по кириллице, нечего читать. Это, в свою очередь, вызывает необходимость создания обширной литературы, что в нынешних условиях является трудновыполнимой задачей.

Диаспорские организации удин каждый год проводят съезд удин России. На этих съездах обсуждается и принимается план работы на следующий год, а также решаются те или иные насущные вопросы, связанные с местами коренного проживания удин и в России. Неотъемлемой частью их деятельности является посещение родных мест, ознакомление с реальной ситуацией, при наличии возможности, оказание помощи.

Диаспорские организации активно участвуют в деятельности населенных пунктов и регионов, в которых живут удины. Например, представитель удинской диаспоры г. Шахты —

Ромен Оникович Даллари — в 2015 г. избран в депутаты городской думы указанного города [udi.az/news/0281.html]. Удинские организации также помогают местным и региональным властям в проведении мероприятий по реализации национальной политики, оказании гуманитарной помощи беженцам с Украины, среди которых имеются и удины. Они участвуют в праздничных мероприятиях (в том числе в удинских национальных праздниках), которые проводятся как в России, так и в Азербайджане.

Важной вехой в жизни удин России стало создание в 2011 г. в г. Шахты Ростовской области единого Удинского информационно-координационного центра (ИКЦ) общин России. Данный центр проводит необходимую организаторскую и информационную работу среди удин Российской Федерации, организует сбор, хранение, издание и распространение материалов, связанных с удинами [Данакари 2015: 291]. Так, например, при участии данного центра были изданы вышеупомянутый букварь, осуществляется подготовка к изданию книги азербайджанских ученых Г. Джавадова и Р. Гусейнова «Удины» на русском языке.

Удинам, несмотря на то, что они не относятся к коренным народам России, удалось влиться в российское общество и стать в местах своего проживания его неотъемлемой частью. Это, с одной стороны, положительное явление, особенно в сравнении с другими народами; однако, с другой стороны, в связи продолжающейся глобализацией происходит постепенная ассимиляция удин, утрата ими своего родного языка, культуры, традиций, что для народа численностью в 10 тысяч человек является серьезным вызовом.

Литература

Всероссийская перепись населения 2010 г. // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab5.xls

Гукасян В. Л. К трехязычию удин // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 286–295.

Данакари Р. А. Этническое бытие (опыт социально-философского и политического исследования): монография / Р. А. Данакари; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАН-ХиГС, 2015. 348 с.

Представитель удинской общины города Шахты Ромен Даллари избран в депутаты городской думы udi.az/news/0281.html

М.В. Белозёрова
(г. Сочи, Россия)

Некоторые тенденции билингвизма и перспективы развития национальных языков у коренных народов Российской Федерации

В современной политической полемике наиболее острые дискуссии вызывают проблемы, связанные с коренными народами. Один из основных предметов споров — соотношение вопросов сохранения и развития традиционной культуры коренных народов и глобальных процессов. Существенным здесь является сохранение национальных языков в условиях их частичной утраты автохтонным населением. Это было вызвано рядом факторов [Белозёрова 2008: 40]: форсированными темпами интеграции коренных народов в структуру модернизируемого общества в советский период, «выравниванием культурного уровня» всех слоев населения, «интернационализацией» образования, массовым переводом большей части национальных школ на русский язык обучения, ростом межнациональных браков.

В ряде регионов сложилась ситуация отрицательного отношения к изучению родных языков в школе, когда целое поколение школьников воспитывалось родителями, получившими образование в 1960-е – 1980-е гг. Они не желали, чтобы их дети в школах обучались родному языку, т.к. не владели или плохо владели им сами; считали, что он не пригодится им в будущем, в школах пропагандировалось изучение иностранных языков [Кандаракова 2005; Белозёрова 2008]. Особенно это активизировалось на современном этапе. В результате родной

язык в лучшем случае превращался в средство бытового общения, в худшем — национальная молодежь его утрачивала практически полностью.

Углубление этой тенденции наблюдается вплоть до настоящего времени и, как показали наши исследования, наиболее ярко в среде коренных народов, проживающих в регионах, в которых они составляют незначительную часть населения и не имеют автономных образований [Белозёрова 2008]. В основном изучение родного языка идет на факультативной основе.

В полной мере ситуацию можно проследить на примере шапсугов — коренного народа Причерноморья (проживают в Лазаревском и Туапсинском районах МО «город-курорт Сочи»). Сохранение и развитие родного языка (адыгейского) во многом зависит от позиции шапсугской общественности и учителей. Преподавание родного языка относится к региональному образовательному компоненту. Поэтому в школах все часы, отведенные на региональный образовательный компонент, используются для изучения адыгейского языка и других элементов традиционной культуры (кружок золотого шитья, приготовление блюд национальной кухни). На изучение языка отводится по 1–3 часа. Эти школы по решению педагогических коллективов перешли на шестидневное обучение. Если решение не принимается, то изучение адыгейского языка идет по-прежнему на факультативной основе. По данным Н. Силаева, в начале 2000-х гг. родной язык изучали практически 100% детей, к 2012 г. — не более 20%. Во многом это связано с тем, что все часы по кружковой работе были выведены из школьных программ, учебного расписания и отнесены к дополнительному школьному образованию. В результате часы, отведенные для преподавания родного языка, не включались в стаж преподавателям, была изменена и оплата их труда [Силаев]. Это один аспект проблемы. Другой заключается в том, что родители и ученики, как отмечалось на VII съезде «причерноморских адыгов-шапсугов» (30.04.2011 г.), «...слабо заинтересованы...» в его изучении [Кочергин].

Важным аспектом этих дискуссий для многонациональной среды России является проблема разумного «языкового» соотношения: русского языка, как государственного, как средства межнационального и межкультурного общения, и национального языка, который является средством сохранения традиционной культуры, истории, этнического самосознания и идентификации. Тем более, что в межкультурном общении, несмотря на то, что его участники владеют языком титульного народа (в данном случае русским), всегда присутствуют конфликты между знанием и незнанием национального языка.

И, наконец, существует проблема адаптации и интеграции не русскоязычного населения в структуру российского общества. Особенно остра и актуальна эта проблема для молодежи из «национальных» регионов. Для многих из них основной целью является обучение в высших учебных заведениях, расположенных в крупных городах РФ. Приезжая из сельской местности или небольших городков и поступая в высшие учебные заведения, представители коренных народов сталкиваются с рядом проблем, связанных с адаптацией к социокультурной среде (в том числе и языковой) вуза и крупного города, как промышленного, научного и культурного центра [Белозёрова 2011]. В ходе обучения в вузе происходит изменение приоритетов в изучении национального и русского языков. Согласно нашим исследованиям, проведенным в 2010 г. среди представителей студенческой молодежи из коренных народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев, шорцев, телеутов), в школе стремление изучать русский язык присутствовало лишь у половины опрошенных, более 1/3 стремилось изучать наряду с русским и национальный язык, 1/5 часть — только национальный. Но с поступлением в вуз приоритеты изменились. Практически все студенты считали необходимым изучать русский язык. Такое стремление они обосновывали возможностью получить хорошее образование и найти престижную работу, знание русского языка, с их точки зрения, является средством межкультурного общения и возможной успешной адаптации в иноязычной среде. Данный аспект можно транслировать и на представителей других коренных народов РФ.

Поэтому вплоть до настоящего времени, несмотря на предпринимаемые меры (факультативы, кружковая работа, разработка и реализация программ по изучению родного языка, фольклора, истории), ситуация с изучением родного языка в среде коренных народов остается сложной. У них сохраняется и суждение о том, что русский язык более значим для детей в их

будущей жизни. Данное положение консервируется и на уровне государственной политики, в том числе и при формировании нормативно-правовой базы на региональном уровне.

Литература

Белозёрова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.) / Автореф. дисс... д-ра ист.наук. Томск: Томский госуниверситет, 2008. 56 с.

Белозёрова М. В. К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. Кемерово, 2011. № 2. С. 5–9.

Кандаракова Е. П. О сохранении языков и культуры малочисленных народов северного Алтая / Е. П. Кандаракова // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 26–28 апреля 2005 г.). Новосибирск: Нонпарель, 2005 .

Кочергин А. А. Проблема реализации прав шапсугов как коренного малочисленного народа. URL: <https://www.google.ru/url?sa> (дата обращения: 25.08.2016 г.).

Силаев Н. «Черкесский вопрос» на черноморском курорте // Кавказское сотрудничество: Некоммерческое партнерство содействия развитию международных связей. URL: <http://mgimo.ru/upload/iblock/505/5057141b48d0831357614d9cb344a4ce.pdf> (дата обращения: 25.08.2016 г.).

А. А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Сочинение Т. Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. и проблемы истории и этнографии калмыков по печатным источникам второй половины XVIII века

В процессе введения в оборот новых и малоизвестных источников по истории и этнографии народов Поволжья внимание исследователей оказалось привлеченным к сочинению Т. Г. Масленицкого с названием «Топографическое описание Симбирского наместничества», датированному 1780 г. Подобные описания, публикуемые с 1980-х годов, составлялись по единым анкетам-вопросникам (см. [Трофимова, Коновалова 2012]), представляют значительный интерес для историков и этнографов как оригинальные источники информации по региональной истории, географии, демографии, этническому и конфессиональному составу, этнографии и истории населения региона. Сочинение Т. Г. Масленицкого, кроме собственно географической части, содержит также четыре части, посвященные этнографии народов, проживающих в Симбирском наместничестве — мордвы, татар, чувашей и калмыков, конкретно — ставропольских калмыков, живущих в районе г. Ставрополя на Волге (ныне г. Тольятти); в то время, когда Самарская губерния еще не существовала, эта территория входила в состав Симбирского наместничества.

История создания описаний Симбирского наместничества, равно как и биография Тимофея Григорьевича Масленицкого (1745–1801) в последнее время представлены в ряде специальных работ [Шкердина 2012; Артамонова 2015].

Историк Симбирска Н. И. Мартынов писал: *«Тимофей Григорьевич Масленицкий был первым директором Симбирскаго главного народнаго училища, преобразованнаго потом в гимназю. Его замечательный труд „Топографическое описание Симбирскаго наместничества» долгое время был единственным источником для знакомства с Симбирскою губернію. От него [Н.И.]Новиков и [А.М.] Щекатов заимствовали сведения о Симбирске и Симбирскій губерніи для своих „географических словарей». Нам неизвестно — печаталось ли это „описание» отдельным изданием, но извлечения из него были приведены в Симбирских Губернских Ведомостях за 1853 год. Так как сами Губернскія Ведомости за означенные года составляют библиографическую редкость, то и труд Масленицкаго в настоящее время очень трудно достать. У весьма немногих лиц он сохранился в рукописном виде, благодаря совер-*

шенной случайности, Симб. Губерн. Архивная комиссія, получила возможность списать его, для хранения в своей библиотеке». [Мартынов 1898].

Сочинение Т. Г. Масленицкого состоит из двух частей: первая часть посвящена описанию Симбирска и населенных пунктов Симбирского наместничества, вторая часть имеет заголовок «Описание жизни и быта нерусских народов, живших в наместничестве: Чуваши. Мордва. Татары. Калмыки». Сочинения Т. Г. Масленицкого сохранились в двух рукописях, которые хранятся в рукописи Военно-исторического архива, в фонде Военно-учетного архива [Масленицкий 1785: 178a]. Лишь небольшая часть одного из сочинений, содержащая географические сведения, была опубликована [Масленицкий 1791].

Публикации сочинения «Топографическое описание Симбирского наместничества» — это отдельный вопрос, требующий специального архивоведческого и библиографического изучения. Как известно, издание этого труда было предпринято газетой «Симбирские губернские ведомости» в 1853 г, начиная с номера 20, однако по данным литературы об этой публикации ничего не известно, ссылки на нее отсутствуют, и она не отражена в библиографическом указателе Д. К. Зеленина [Зеленин 1913].

В 2000-е годы текст сочинения Т. Г. Масленицкого был представлен в Интернете на сайте «Древности Симбирска» (<http://simbir-archeo.narod.ru>), который ныне недоступен. Автор статьи в 2009 г. скопировал с этого сайта 4 раздела второй части этого сочинения. Текст с этого сайта воспроизведен по какой-то неизвестной нам копии, в которой рукопись занимала 525 листов (в тексте непоследовательно убрана маркировка разбивки на листы) — соответственно это не рукопись из Военно-исторического архива, вероятнее всего — это рукопись Симбирской губернской архивной комиссии, о которой писал П. Мартынов. На другом сайте Интернета (http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf) представлены лишь географическая часть данного сочинения и тот фрагмент второй (этнографической) его части, который посвящен чувашам.

Получается, что сочинение Т. Г. Масленицкого, одна из частей которого посвящена ставропольским калмыкам, остается почти неизвестным для специалистов-калмыковедов в Калмыкии. Оно привлечено в ряду других источников к исследованию буддизма у ставропольских калмыков, проведенному учеными из Самары [Зудина, Перла 2012].

Как установила Н. О. Шкердина, изучавшая четыре очерка, составляющие вторую часть труда Т. Г. Масленицкого, «Вследствие того что источниками для будущего топографического сочинения служили в том числе извлечения из опубликованных трудов академических экспедиций, в описании прослеживаются определенные текстологические совпадения с сочинениями Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. И. и Н. П. Рычковых, И. Г. Георги и др.» [Шкердина 2012 29–30]. Н. О. Шкердина также определила, что первые три очерка «Чуваши. Мордва. Татары» были написаны Капитоном Сергеевичем Мильковичем — русским этнографом конца XVIII – XIX вв, о жизни и деятельности которого почти ничего не известно (неизвестны даже даты жизни).

Заключительный, четвертый, очерк «Калмыки», за отсутствием иных указаний на авторство, должен считаться плодом труда самого Т. Г. Масленицкого. В нем говорится: «Калмыцкое войско, состоящее в губернии здешней из 11 рот, жительствует на отведенных им землях в уездах Ставропольском и Самарском в наиизобильнейших для хлебопашества и скотоводства местах, по рекам Волге и Кондурче между Черемшаном и Соком». Отдельные страницы данного раздела сочинения посвящены одежде, жилищу, традиционным мужским и женским занятиям калмыков, имеются описания их вооружения и способов применения огнестрельного оружия (стрельба из пушек с верблюдов), характеристика религии (буддизм).

Неоднородность, разбросанность, некоторая повторяемость отдельных сведений по истории и этнографии калмыков заставляет видеть в сочинении Т. Г. Масленицкого компиляцию из разных источников. Иногда у него встречаются отсылки к источникам: «В ежемесячных академических сочинениях на январь месяц 1762 года напечатано о них следующее: что зюнгоры, или зюнгорцы, народ калмыцкий великий и довольно сильный. Прежде был разделен на много тайшей или князей, но от междуусобия много могли знатного учинить. И оттого

великая их часть, а особливо все торгоуты, часть хошоутов и малая часть дербетов перешли к Волге. Между оставшимися в их земле один тайша, Чечень, усилился, многих других тайшей под власть свою покорил. По нем Контайша учинился ханом и сделался единовластным. Сей имел великие войны с китайцами и бухарцами с киргиз-кайсаками и сих последних несколько раз победил, а некоторых принудил дань себе платить».

Мы пока не можем проделать текстологический анализ сочинения Т. Г. Масленицкого, но располагаем возможностью указать на основные источники его сведений о калмыках. Так, фрагмент, начинающийся словами «Калмыки, находящиеся ныне в пределах Оренбургской губернии, суть довольного состояния. Одни крещеные, а другие некрещеные» до слов «... из которых последний женат на дочери хана Дондук-Омбы, которая крещена в Санктпетербурге, именуется Надежда» — это практически точное воспроизведение пассажа о калмыках из книги П. И. Рычкова «Топография оренбургская...» [Рычков 1762: 104–131] с небольшими разночтениями, вероятно, связанными с правкой копии сочинения Масленицкого.

Сразу после окончания фрагмента, воспроизводящего страницы книги П. И. Рычкова, мы читаем: «А господин профессор Паллас в путешествиях своих 1769 года с 455 по 535 страницу между прочим повествует, что из уральских калмыков небольшая часть принята в число Уральских казаков. И как только он у сих мог наведаться о калмыцком народе, потому что Большая орда от Урала удалилась и по причине войны с кубанцами по большей части перебралась на западный берег Волги». Текст, следующий далее, до конца сочинения — это столь же добросовестное, как и в случае с книгой П. И. Рычкова, воспроизведение тех самых названных автором страниц из книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1». [Паллас 1773: 455–535].

Разумеется, представляет существенный интерес сравнение текста Т. Г. Масленицкого с его оригиналами — книгами П. И. Рычкова и П. С. Палласа, в особенности на предмет прочтения различных топонимов, антропонимов — имен представителей калмыцкой знати, а также буддийских теонимов, в изобилии и в весьма экзотических формах представленных в названной книге П. С. Палласа. Опыт прочтения сочинения Т. Г. Масленицкого в части, относящейся к калмыкам, исключительно полезен — но его польза состоит в том, что исследователи должны будут обратить внимание на слегка забытые первоисточники — сочинения П. И. Рычкова и П. С. Палласа, освещающие историю и этнографию калмыцкого народа, в том числе ставропольских калмыков.

Литература

Артамонова Л. М. Инженер и географ Т. Г. Масленицкий — организатор школьного дела в 1780-е – 1790-е гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2015. № 4. С. 233–238.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. (жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт). СПб., 1913.

Зудина В. Н., Перла Н. Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX веках (К вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского гос. университета. 2012. №8/2 (99). С.87–100.

Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске / П. Мартынов. Симбирск: Типо-литогр. А. Т. Токарева, 1898. 400 с. URL: <http://uonb.ru/kraylib/Martynov/simbirsk1718.htm/> (дата доступа 2 августа 2016 г.)

Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785 г. // РГВИА. ф. Военно-учетного архива. 19025. (308 л.)

Масленицкий Тимофей. Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г. //РГВИА. ф. Военно-учетного архива. 19026 (450 л.)

Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. (URL <http://simbir-archeo.nagod.ru>, дата доступа 18 апреля 2009 г., последний успешный доступ 7 сентября 2014 г.)

Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. //URL:http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf. (Дата доступа 1 августа 2016 г.)

Масленицкий Т. Г. Краткое топографическое описание Симбирской губернии // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVIII. Изд. второе. М., 1791. С. 201–216.

- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1773. 657 с.
Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч.1. СПб., 1762. 331 с.
Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века / О. В. Трофимова, Е. Н. Коновалова; предисл. А. А. Бурькина. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 456 с.
Шкердина Н. О. Топографические описания провинциальных наместничеств Российской империи 1780-х гг. как источник по истории народов Среднего Поволжья // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. № 4. С.27–31.

А. А. Бурькин, Т. Г. Басангова
(г. Санкт-Петербург, г. Элиста, Россия)

Этнографический комментарий к тексту «Путешествия в Арзрум»

*...Потом, расклав хворостинку берема,
Он сиживал с женой у огонька
И проводил свое на свете время
В шалашике не лучше калмыка.
Все для него равно на свете было,
Ничто его на свете не манило;
Так что ж его на свете веселило?*
Крылов И. А. Письмо о пользе желаний, 1795.¹

Тема «Пушкин и калмыки» многоаспектна, основана на множестве предметов, хотя все упоминания калмыков в творчестве великого русского поэта давно взяты на заметку специалистами и не раз обсуждались в литературе. Данной проблеме посвящены монография А. И. Суржок [Суржок 1976], диссертация А. А. Логаевой [Логаева 2006], ряд работ Б. А. Кичиковой [Кичикова 2009 и др.]. Тем не менее пушкинские тексты не только оставляют возможности для дальнейших исследований в области лингвокультурологии в приложении к литературным произведениям, но и прямо побуждают задуматься над некоторыми пассажами из произведений Пушкина в перспективе антиномии «литература и реальность».

В рамках калмыцкой темы в произведениях А.С. Пушкина часто рассматривается эпизод из «Путешествия в Арзрум», где поэт рассказывает о встрече с калмыками и посещении калмыцкой кибитки. Воспроизведем его по авторитетному изданию с сохранением оригинальной орфографии:

Надняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку <кѣлѣчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ>. Все семейство собиралось завтракать; котель варился посреднѣ, и дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ?—

¹ Данный фрагмент из поэмы И.А.Крылова — первое упоминание калмыков в русской поэзии.

*****. — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь — Что ты шьешь? — портка. — Кому?—себя. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцеи.**

Цит по изд.: Пушкин А. С. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4. СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон. 1910. С. 507.

В этом небольшом фрагменте заключен не один сюжет, достойный внимания этнографа. Описание калмыцкой кибитки «клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком» с очагом в середине и подвешенным над ним котлом с чаем дано довольно точно, хотя что тут названо словом «плетень» — решетки-терме или реальные конструкции, плетеные из лозы и использовавшиеся вместо традиционных решеток — однозначно сказать трудно. Характеристика калмыцкого чая «с бараньим жиром и солью» также весьма точна; оставим вкусовые пристрастия поэта в стороне. Упоминание сушеной кобылятины как пищи калмыков также никого не удивляет.

Курение табака и пользование трубками, даже среди женщин, хотя и побуждает посмотреть этнографические источники, но опять же выглядит практически ожидаемым. «Она подала мне трубку» — эта фраза демонстрирует традиционное гостеприимство калмыков, когда гостю преподносили уже раскуренную трубку.

Шитье также является привычным занятием калмычек. Пушкинская калмычка шьет портки для себя, то есть штаны. Слово портки одного корня со словом портной и восходит к славянской основе пѣрт — «одежда».

Поводом для написания данной работы служат два фрагмента пушкинского текста. Первый из них «Все семейство собиралось завтракать»: но где же это самое семейство? То, чтобы гость был оставлен без внимания главой семейства или старшими членами семейства, в высшей степени странно, и мы никогда не будем иметь возможности узнать, ни того, сколько человек было в семействе калмыков, которое посетил поэт в кибитке, ни того, какое место занимала в нем собеседница поэта, «собою очень недурная». Была ли это дочь хозяина или его молодая жена — это остается непонятным.

Второй фрагмент, привлечший наше внимание: «Сколько тебе лет? Десять и восемь». Калмычка, называя свой возраст по-русски, калькирует соответствующее калмыцкое числовое обозначение, не владея образованием русских числительных второго десятка — что же, это довольно точная деталь в аспекте знания русского языка калмыками в первой трети XIX века. Наше предположение, что в пушкинском тексте могло быть указание на меньший возраст калмычки, которое могло быть исправлено по соображениям этики или политкорректности, не оправдалось, и издание 1910 года подтвердило аутентичность того текста, который мы читаем в изданиях последнего столетия. Сам А. С. Пушкин не имел оснований менять возраст своей собеседницы (его пассия из Михайловского Ольга Калашникова, имея 19 лет от роду, на момент встречи с барином по тогдашним представлениям, характерным для всех сословий, считалась старой девой). Но сведения о возрасте калмычки-собеседницы Пушкина, верифи-

цированные по солидному изданию, оставляют больше вопросов, нежели служат какой-либо позитивной информацией.

В восемнадцать лет во времена Пушкина женщина-калмычка, скорее всего, должна была быть замужем, пусть и не иметь детей. Тогда где глава семейства? Если девушка в 18 лет не замужем, тогда где ее отец и мать, братья и сестры? Возможно — название точного возраста для калмыков было не обязательным, возраст всегда подвергался табуации в целях защиты от сглаза.

Пушкин в своем повествовании называет калмычку степной Цирцеей, тем самым мифологизируя ее. Цирцея в мифологии — дочь Гелиоса и Персеи, известная волшебница. Она жила на острове Эе, на который был заброшен во время своего странствования Одиссей. Цирцея, встретив его спутников, дала им выпить волшебного напитка, от которого все они, за исключением одного Эврилоха, обратились в свиней. Одиссею, при помощи Гермеса, удалось уберечь себя от чар Цирцеи и убедить ее возвратить несчастным его спутникам человеческий образ. Целый год пробыл Одиссей у Цирцеи и имел от нее сына Телегона¹. В «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкин очень своеобразно переосмысливает миф о Цирцее, волшебный напиток Цирцеи у поэта — это калмыцкий чай, о котором он говорит, что «ничего не видел гаже», сопоставляя с тем волшебным напитком, которым Цирцея напоила путников. Тем не менее, поэт ставит себя на место Одиссея.

Сама встреча калмычки и Пушкина описана кратко и пластично, в ней есть особая ритмика. На самом деле вся сцена встречи строится на ритуале гостеприимства. Для кочевника-калмыка, живущего в бескрайней степи — это редкий случай. Для них гость все-таки чужой человек с неизвестными помыслами, в данном случае с необыкновенной внешностью. Чтобы «обезоружить» человека, ему преподносится калмыцкий чай как «цаган идян» — белая благодать — символ гостеприимства. То, что поэт зашел к ним во время завтрака, являлось для калмыков хорошим признаком, поэтому калмычка с легкостью общается, ибо совместное распитие чая и курение трубки уничтожает, согласно древним представлениям калмыков, «чужое». За короткое время завтрака поэт перестает быть для степняка чужим. В данном пушкинском тексте, что постоянно ускользало от комментаторов-историков литературы, калмычка является исполнительницей ритуала гостеприимства, происходящего в кибитке из белого войлока. Белый цвет является для всех монгольских народов символом чистоты. Поэт воспринимает степную калмычку как кокетку, это (от франц. *coquette*, буквально «петушок», а также ампуа артисток в прошлом (роли молодых женщин)) — стремление женщины заинтересовать собой, понравиться, рисоваться, выставлять что-то напоказ как свое достоинство.²

Но в данном случае поэт называет этот вид кокетства как калмыцкое, которого поэт некоторым образом побаивается. Пушкин явно боится такого быстрого хода событий, он «поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи»³. Ибо по тексту мифа Одиссей пребывает у Цирцеи целый год и у него рождается сын.

Романтичный фон данной сцене придают дым, идущий из очага и поднимающийся в небо, дым, струящийся от раскуренной трубки, душистый пар, исходящий из свежесваренного калмыцкого чая.

О калмыцком семействе, которое во время приезда поэта собиралось завтракать, мы так ничего и не узнаем. Тут возникает еще один неожиданный вопрос: в какое же время дня поэт приехал в хотон и заглянул в кибитку? Или Пушкин в соответствии со своим личным представлениям о времени завтрака и обеда, соответствующим более французскому, нежели русскому языковому узусу и культурной практике, называл «завтраком» еду около полудня? То, что ему не предлагали другого угощения, вовсе не свидетельствует о негостеприимстве хозя-

¹ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/1294 (Дата обращения 1 августа 2016 г.).

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/488> (Дата обращения 1 августа 2016 г.).

³ Обращаем внимание, что в издании сочинений Пушкина 1910 года, к которому мы обратились, переносное употребление имени Цирцея, приведенное поэтом в латинизированной форме (в переводах Гомера сохраняется форма Кирка), дано в написании со строчной буквы, что не выдерживается в изданиях последнего столетия по современной орфографии.

ев, но в какой-то мере может служить указанием на момент совершения действия — скорее всего, это первая половина дня.

Еще один штрих, представляющий не столько зарисовки бытописателя, сколько особенность взгляда литератора — из описания жилища и быта калмыцкого семейства мы ничего не можем сказать о его социальном статусе и достатке, мы не видим ничего вокруг кибитки, а внутри кибитки — только элементы ее конструкции, котел над очагом и чай в котле. Вряд ли кибитка с покрытием из белого войлока принадлежала бедным — но это остается нашими догадками. В первой же своей путевой записи Пушкин подробно описывает один дорожный степной эпизод на пути к Кавказу (в «Путешествии в Арзрум» он передан в несколько сокращенном и сглаженном виде): «На-днях покаместь запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. к круглому плетню, крытому шестами, обтянутому белым войлоком с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился по середине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные... Я сел подле нее. Как тебя зовут? сколько тебе лет? — десять и восемь. — Что ты шьешь? — портка. — Кому? — себя. Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью... Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться. Я хлебнул, стараясь не перевести духа — я просил заесть чем-нибудь — мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет », — заключает поэт.

Второй вариант исследуемого эпизода отличается от первого. Прежде всего — это описание красоты калмычки: Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные..., приятный голос. Питие горячего калмыцкого чая поэт считает своего рода подвигом, и поэтому он требует вознаграждения, калмычка бьет его «мусикийским орудием», то есть калмыцкой домброй, которая в восприятии русских людей называется балалайкой. То есть помимо красоты она обладает музыкальными способностями — умеет играть на домбре. Только в ее грамотности поэт сомневается. Еще находясь в путешествии, он задумывает писать очередное послание, на этот раз калмычке, но он уверен: «Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет».

Поэт во второй редакции значительно сократил описание встречи с калмычкой. Но и в первой, и во второй редакции есть много интересных фактов из жизни калмыков.

Из сказанного здесь этнографы, знающие культуру и быт калмыков, и исследователи описаний путешествий как литературных произведений и как этнографических источников, могут сделать один неожиданный, и, возможно, огорчающий почитателей поэта вывод. Безусловно, А. С. Пушкин был неплохо знаком с бытом калмыков, он смог записать от какой-то калмычки сказку об орле и вороне (видимо, характеристика исполнительницы сохранена в тексте повести «Капитанская дочка» [Бурькин 2014]). Однако эпизод из «Путешествия в Арзрум» — скорее всего, литературный монтаж из разнородных наблюдений, сделанных автором в разных местах и в разное время. В противном случае пушкинский текст не имел бы такого количества умолчаний и литературной заостренности на антиэстетических этнографических реалиях.

В завершении нам остается только гадать, был ли А. С. Пушкин знаком с рецензией на известную, ставшую классической книгу Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834, Репринт, СПб., 2012), которую написал В. Г. Белинский¹. Во всяком случае, и книга Н. Нефедьева, и рецензия молодого В. Г. Белинского не должны были остаться без внимания поэта.

¹ «Молва» 1835. Ч. IX. No. 9 (ценз. разр. 1/III), стлб. 11–14; Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. I. М-Л., 1953. С. 148–149.

Литература

- Басангова Т. Г.* Еще раз о калмыцком чае // *Altaica*. М.: ИВ РАН, 2000. Вып. 4. С.45–49.
- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.
- Бурыкин А. А.* Калмыцкая сказка из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в свете фольклористики // Традиции и новаторство калмыцкой национальной художественной культуры: литература, фольклор, искусство. Мат-алы регион. науч. -практ. конф., посвящ. 25-летию юбилею кафедры калмыцкой литературы и журналистики. 18 апреля 2014 г. Элиста, 2014. С.57–60.
- Кичикова Б. А.* Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50
- Логаева А. А.* Русско-калмыцкие литературные связи. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2006.
- Суржок А. И.* Пушкин и калмыки. Элиста, 1975.
- <http://pushkin.niv.ru/pushkin/bio/blagoj/put-pushkina-5-3.htm>.

Л. М. Гарсаев, А. М. Гарасаев, Т. С. Шаипова, М. М. Гарсаева
(г. Грозный, Россия)

Из истории основания родового села Тевзана этнического общества Элистанжой

Тема статьи представляет собой малоисследованную проблему в чеченоведении. Попытки осветить историю чеченских сел в целом в отечественной исторической науке предпринимались крайне редко. Мы предлагаем читателю вместе с нами совершить путешествие в историческое прошлое родного края на примере родового с. Тевзана, относящегося к древнему этническому обществу Элистанжой, являющемуся первым выходцем в Ичкерия (Нохч-Мохк) из прародины нахов Нашха [Гарсаев, Гарасаев, Шаипова, Гарсаева 2014]. Это подтверждает исследователь И. М. Попов, который пишет, что наибство (Веденское. — Л.Г.) это заселяют восемь фамилий (тайпанаш), а именно: Харачоевская, Дишни-Веденская, Эрсеноевская, Эхишбатоевская, Гуноевская, Элистанжинская, Чермоевская и Чеберлоевская. Правом превосходства из них по древности рода и правдивости убеждений (с точки зрения ичкеринцев), пользуются элистанжинцы, дишни-веденцы и эрсеноевцы [Попов 1870:14].

Из всех родовых сел этнического общества Элистанжой (Элистанжи, Хоттуни, Нижнее Агишти) наиболее крупным, древним, к тому же живописным является Тевзана. Об основании его существуют различные легенды и предания.

Особо следует отметить, что по данной проблеме доступных письменных источников крайне мало.

Первая и самая реальная версия основана на работе исследователя И. М. Попова и выглядит следующим образом. «Аул Таузенъ-Элистанжинской фамилии основан раньше (в 1820 г.) Хаттуни и был расположен на Тавзан-Эрзау¹, т.е. на расчищенном месте элистанжинцем по имени Тавзан. Тавзан — переселенец из аула Элистанжи расчистил себе поляну на месте, не представлявшем больших удобств к заселению его несколькими семействами: на месте том было застроено две-три сакли, и так ограничивалось все Тавзанское поселение. С покорением же края обитателям хутора было указано другое место на западе от нынешнего Хаттуни в двух верстах при р. Басс, где в настоящее время стоит целый аул» [Попов 1870:14].

Вторая версия. По воспоминаниям старожиллов аул Тевзана (Таузенъ) был расположен у подножия так называемой горы «Тевзанхойн лам» (правильно — Элстанжой лам. — Л.Г. и др.) в местечке Араюххехь. Информаторы отмечали, что его жители находились в очень сложных географических и социально-экономических условиях, в связи с чем жителям пришлось найти себе место для нового поселения в северной части «Таузенской равнины» (чеч. шовданашкахъ — у родников), расположенной на землях элистанжинцев, где в настоящее время находится село Тевзана.

Видя выгодное положение первых поселенцев, то есть элистанжинцев, в аул стекались люди с разными судьбами из других этнических обществ, в том числе и из Дагестана. Одни —

¹ От чеч. ирзо — расчищенный участок под пашню и для жилья.

скрываясь от кровной мести, другие — по разным объективным причинам. Постепенно обживаясь, привыкали к соседству старых хозяев — элистанжинцев. К своему несчастью, некоторые из пришлых дагестанцев были обязаны служить «глазами и ушами» имаму Шамилю. Другие занимались взаимопользным делом — сапожничеством, чеканкой, лужением и т.д.

Третья версия. Плато, на котором находится аул, опирается (*чеч.* тевжина) на каскадообразный хребет Гела-тле (Галин дукъ). Слово «тевжина», якобы, и дало аулу свое нынешнее название «Тевзана». Так говорят те, которые почему-то упорно не желают признать, что название села связано, как отмечает И. М. Попов, с именем основателя села Тавзан из тайпа Элистанжой Ашна-неке (ветвь тайпа), потомки которого по сей день проживают здесь, а также в Элистанжи, Хоттуни, Дойкур-эвл, Алды, Бухлан-юрт (Черноречье).

Четвертая версия. По мнению «историков из народа», строится на основании местных топонимов и гидронимов с тюркскими названиями.

Общеизвестно, что, находясь определенное время под влиянием тюркоязычных племен, население многие названия местных топонимов и гидронимов региона сменило новыми, тюркоязычного происхождения. Например, Ичкерия: *чеч.* Нохч-Мохк, а по-кум. «ичи-ери» означает «земля внутри», т.е. среди гор, действительно, она находится посреди лысых и черных гор; Тау-узенъ — горная речка; Басс — головная река; Маштакх — низкий; Тениг — речка; Аглаш (Эглашта) — лес; Булх (Булакх) — родник, речка; татаул — искусственный канал для орошения; и т.д.

На основании этого делается вывод, что аул, расположившийся Араюххехь у подножия горы рядом с р.Басс, первоначально якобы получил тюркское название — «Тау+узен»(горная речка), а потом всенародное название — Тевзана. Это плод народной фантазии, основанной на созвучии слов Тевзана и Тауузен.

Большой интерес представляет чудесное географическое расположение и оригинальный смешанный тайповый состав села.

В настоящее время село Тевзана (Таузенъ) расположено на родниковой (шовданашкахъ) поляне Тевзанинской равнины, на правом берегу р. Басс. Оно граничит на юго-западе с Махкеты, на севере — с Агишты и на востоке — с Хаттуни. Село исторически делится на три части (территории): северо-восточная — за ущельем (Инал дехъ), центральная — на селе (эвла тле), юго-западная — в долине (тогличу).

В селе много полезных родниковых источников (больших — 18, малых — 25, (общее количество — 43), текущих по трем направлениям: по ущелью, в долине и вдоль р. Басс. Из источников, вытекающих из села, в его северной части образуется речка, соединяющаяся с р. Басс. Каждый родник имеет свое название в зависимости от географического расположения или по имени жителя, открывшего его. Например: Иуспана, Гечхана, Иречи, Эди, Биби, Сатов, Муцин, Бири, Сулумхъажи, Олхазара, Айти, Эстамира, Аьлти, Шудди, Исраила, Джани, Ашурло-корта, Мусин, Мохмада, Исбаьхьи и т. д.

В восточной части над селом высится Галин дукъ (Крепости хребет), разделяющий родовые села элистанжинцев Тевзана и Хаттуни по обеим сторонам хребта. А с юго-запада вдоль села течет река Басс, разъединяя села Тевзана и Махкеты как водная граница, берущая свое начало на северных склонах Пешхойн лам (Пешхоевцев гора). Эту реку, текущую с севера на юг, местные жители называют Бас-хи (с *чеч.* «склона река», а не Басс «главная река», как звучит на тюркском языке).

Согласно полевому материалу, вокруг села Тевзана, где раньше люди жили и занимались хозяйством, по средним подсчетам было где-то около 100 родовых (фамильных) участков (ирзош), около 24 мельниц и пилорам, спасавших сельчан от неминуемого голода, хотя из-за этого добра многих репрессировали как кулаков, а мулл — как алимов, якобы выступавших против Советской власти.

Тайповое многообразие в с. Тевзана, как и по всей Чечне — давняя особенность региона [Гарсаев, Гарасаев, Шаипова, Гарсаева 2014]. Первоначально в течение многих поколений село населяли только представители одного тайпа Элистанжой. Со второй половины XIX в. произошло активное заселение и другими тайпами. В настоящее время здесь проживает сме-

шанный состав тайпов не только с чеченскими корнями, но и инонациональными: 1. Акхкхий (Эльдар), 2. Бути (Иса), 3. ДПай (Мосу), 4. Дзумсой (Умар), 5. Бассахуой (Бешил), 6. Татары – Гезалой (Байсет), 7. Даргинцы – ЦIадахъарой (Кур-Махъма, Махъмад, Iашурло, Алдам), 8. Макажой (Мовсар), 9. Нижалой (Дурга, МуртазIели, Iибака), 10. Ригахой (Хъажа, Эльда, Алхаза, Мама), 11. Садуой (Дибир), 12. ЦIикаруой (Муртаза), 13. Чермой (Адахъа), 14. ЧIантий (Алдам), 15. Чеври (Умар) и еще несколько семей андийцев. Ядром сельского общества является тайп Элистанжой с ветвями – некъе (Гири, МанкIар, Муза, Бахъад, Альти). (Примечание: в скобках даны имена первопредков названных этнических обществ). Благодаря перечисленным тайпам образовалось новое укрупненное монолитное аульное объединение под тем же историческим названием — Тевзана.

В судьбоносные для Чечни периоды тевзанчане активно участвовали в жизни Отечества.

В национально-освободительной борьбе под руководством Имама Шамиля принимали участие тевзанчане: Абубакар (сын Махъмада), Илес (сын Алдама) и др. После падения имамата Шамиля в 1859 г. освободительную борьбу продолжили Байсангур Беноевский, а потом в 1877–1878 гг. и Алибек-Хаджи Зандакский. Народные выступления были жестоко подавлены. В числе повешенных одиннадцати алибекхаджиевцев был и элистанжинец Лорса-хаджи из с. Тевзана. Так жестоко царизм расправлялся с любыми лидерами восставших малых народов.

В годы Первой мировой войны жители данного села отважно воевали на полях сражений на стороне России. Это Сукуев МуцIу и Чакаев Ваха. Старожилы рассказывали, что по возвращении с войны они с собой привезли австрийские винтовки, которые в годы репрессий были изъяты.

Не за горами была и гражданская война. В Веденском районе были сформированы Красные отряды для отражения белогвардейцев Деникина и Бичерахова, в числе которых активно сражались Сулумхаджиев Джабраил, Газимагомаев Абдулвахид, Хугуев Эдил, сыновья Эскархана и многие другие.

Когда началась Великая Отечественная война, из с. Тевзана на фронт ушло много добровольцев, в числе которых были Махмудов Эланакъа (Бита), Бисаев Насрудди, Гамарагов Хасан, Халидов Селим-Солта, Амхадов Хамзат, Ахмадов Абдулла, Даниев Лечи и другие. Всего на фронте воевало более 50 человек, 12 из них вернулись домой, а остальные погибли на полях сражений или пропали без вести.

В конце XX и в начале XXI в. жертвами российско-чеченских войн стали более 40 жителей села: одни погибли в бою, другие — под ракетно-бомбовыми ударами, а третьи — во время зачисток в ходе т. н. контр-террористической операции, другие от рук местных бандитов-вахабитов.

Особенно трагическим был день 1 мая 2001 г. Ночью этого дня жертвами нелюдей-односельчан стали Султан Арсаханов, полковник ВС СССР в отставке, представитель Главы ЧР в г. Санкт-Петербурге; Рамзан Элесов и Бадруддин Ахмадов — учителя местной школы; Ваха Исраилов (мастер ДРСУ); Заурбек Семеев (электрик) и его племянник Сайхан в возрасте 13 лет; Мовлид Манцаев (пенсионер). Позже был убит директор СШ Сираджин Зумаев (Дала ГIазот къобала дойла церан).

Итак, жителям старого и нового поколения пришлось перенести все тяготы многих жестоких войн.

Испокон веков село славится своими религиозными делами, особенно вирдовой толерантностью. Тевзанчане — все сунниты, являются приверженцами тарикатов Накшбандия и Кадария. Эти качества (сипаташ) не дали привиться в селе ваххабитской идеологии, навязываемой местными и приезжими эмиссарами. Их имена очень известны в Республике: Удугов Мовлади, Басаев Шамиль, Хаттаб, Умаров Иса и другие.

Для глубокого изучения канонов ислама в село приглашались алимы из других регионов, особенно из Дагестана. Большой известностью пользовались и свои алимы — муллы, обучавшие людей исламу, такие как Джабраил, Махъмуд, Сулайма и его сын Абдул-Хаджи, Зока, Решед и многие другие. Они обучали в медресе и детей, и взрослых. Медресе (хъуьжар)

находилось в центре села, где ныне находится соборная мечеть. В медресе села учились не только сельчане, но и мутаалимы из соседних сел района: известные муллы, такие как Бола из Элистанжи, воккха Абубакар из Махкеты, Абдулазиз из Хаттуни и другие. В районе нынешней школы, где расположены дома Даниевых и Халидовых, был жамаат — маъждиг (малая мечеть), в которой совершали намаз и исполняли зикр последователи Шейха 1овди вирда. Ныне в селе исполняются религиозные ритуалы представителями как Кадирийского (Хья-жин вирд), так и Накшбандийского тарикатов.

В годы царского самодержавия и Советской власти частыми гостями в Тевзана были уважаемые священнослужители, как Суайп-Мулла Гайсумов, 1овдин 1ела Митаев, направлявшие людей в своих проповедях на путь истинного ислама. Тем не менее, советская власть не пощадила этих алимов и мулл, как и других истинных проповедников ислама по всей Чечне. Все они были повсеместно преследуемы и жестоко уничтожаемы в Грозненской тюрьме. За проповедническую деятельность также были расстреляны в Грозненской тюрьме сельские муллы Зока-мулла, Бисал-мулла. Такие репрессивные акты оправдывались властью тем, что часть сельчан, в том числе и муллы, объявлялись ими кулаками.

Из этого села вышли политические и государственные деятели нашего времени, учителя, врачи, военные и другие знаменитости.

Большой гордостью села Тевзана являются Магомед Мамаев, бывший председатель Респотребсоюза ЧР, Гелани Юсупов, руководитель КРУ МФ РФ по ЧР, Саид-Ахмад Элесов, бывший 1 секретарь Веденского РК КПСС; Шерип Джабраилов, бывший председатель Веденского райисполкома; Шарпудди Ахмадов, д.и.н., профессор; Обу Авторханов, д.э.н., профессор; Муса Юсупов, к. социол. н.; Хамид Мамаев, к.и.н.; Саид-Ахмед Исраилов, к. ф-м.н., профессор; Султан Арсаханов, полковник ВС СССР в отставке; Муса Исраилов бывший председатель Веденского райпо; Мумади Сулейманов, Руслан Митаев и Шарпудди Арсакаев — бизнесмены-меценаты, Самраил Арсаханов и Магомед Джабраилов, хозяйственные руководители, и многие другие.

В заключение отмечаем, что, изучив многовековую историю, используя имеющийся корпус доступных источников и полевой материал о селе Тевзана и его основании, мы приходим к выводу о том, что сельчане, как и другие представители нашего народа, перенесли все тяготы и лишения множества войн, депортаций, но не стояли в стороне от исторических событий, связанных с горькой судьбой чеченского народа.

В процессе этого длительного пути тевзанчане показали себя человечными, общительными, гостеприимными людьми, оказывая любую необходимую помощь всем тем, кто в ней нуждался, хотя и сами были на грани выживания. Сколько человеческих жизней потеряно, более половины из депортированных в 1944 г. погибло, с трудом вернулась на родину лишь часть населения. Вот такая судьба выпала и на долю всего чеченского народа, и на долю тевзанчан.

Таким образом, в с. Тевзана в мире и согласии, деля горе и радость (к их чести) жили и ныне компактно живут поселившиеся здесь в разные времена представители около 20 тайпов. Благодаря мудрой политике, проводимой Героем России, Главой Чеченской Республики Р. А. Кадыровым, Тевзана, как и многие другие населенные пункты региона, стал процветающим селом.

При подготовке статьи авторы преимущественно использовали полевой материал, собранный ими и студентами ЧГУ в с. Тевзана, Хоттуни, Элистанжи.

Литература

Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М. История села тайпа элистанжой — Хаттуни и родословной Моцу — его основателя // Вестник Чеченского государственного университета. Грозный, 2014. Вып. 2.

Попов И. М. Ичкерия (Историко-топографический очерк. Сборник сведений о кавказских горах). Тифлис, 1870. Вып. IV.

Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М. К вопросу об этническом обществе Гуьна (Гуной) // Труды КНИИ РАН. Грозный, 2014. Вып. 7.

Этническая группа удины в мультикультурном пространстве Юга России

Современная эпоха характеризуется интенсивными глобальными процессами: волнами миграции, «встречами» представителей различных цивилизаций и культур, ассимиляцией и аккультурацией народов. Сегодня эти сложные процессы особо затрагивают малочисленные этнические группы, в том числе и удин, к числу которых принадлежит и автор этих строк. Основной целью и новизной работы являются попытки исследовать социальную и культурную специфику бытия удины, которые в эпоху кризиса и распада СССР эмигрировали из Азербайджана и оказались, в основном, на Юге России.

Естественно, что у читателя могут возникнуть вопросы: кто такие удины? Каковы их происхождение (этногенез), этапы истории и современное бытие, особенно в Российской Федерации?

Прежде всего, отметим, что, удины (самоназвание уди) — один из древнейших коренных этносов Кавказа, аборигенный народ Азербайджана. В мире ныне проживает чуть больше 10 тысяч удины. В основном, они живут в СНГ и Грузии, несколько десятков семей эмигрировали во Францию, Италию, США и другие страны. Согласно переписи 2010 г., в Российской Федерации проживает более 4 тыс. 250 удины. Большинство историков, археологов, этнологов и лингвистов относят их к представителям дагестанской группы кавказской семьи языков [Алиев 1992; Геродот 1972; Иеромонах Алексей (Никаноров) 2005; Мамедова 2005; Народы России 1994]. Подробная информация об истории, языке, культуре, традициях удины содержится в разных источниках, в том числе и энциклопедии «Народы России» [Данакари 2015; Народы России 1996].

Значительные сведения об их происхождении и истории, расовых и антропологических характеристиках, территории, экономике, языке, культуре, традициях, быте, охватывающих период примерно в 25 веков, имеются в древних и средневековых письменных источниках, сохранившихся до наших дней в библиотеках разных стран мира. Все метаморфозы истории Азербайджана: вторжения древних персов, античных греков и римлян, арабов и монголов, а затем турок и других захватчиков, особенно события XX в., оказали свое влияние на жизнь и судьбу всего удинского народа [Алиев 1992; Данакари 2015].

В античную эпоху (V в. до н.э. – V в. н.э.), когда существовали Древняя Греция, а затем и Римская империя, на территории Закавказья и Северного Дагестана активно функционировало древнее государство — Кавказская Албания. По свидетельствам древних и средневековых источников, мнению современных российских и зарубежных кавказоведов, удины являлись одним из главных этносов, сыгравших решающую роль в становлении этого античного государства, истории и дальнейшей его судьбе.

Отец истории Геродот (V в. до н.э.) в своих трудах упоминает о предках современных удины (утиях), когда рассказывает о Марафонской битве (греко-персидская война — 490 г. до н.э.). Он указывает, что в составе XIV сатрапии персидской армии воевали и солдаты утиев [Народы России 1994]. Многочисленные сведения о них содержатся в книгах древних персидских летописцев и античных историков Греции и Рима, в средневековых арабских источниках (Ал-Истахри, ал-Мукаддаси, Масуди, Ибн-Хаукаль и др.). В трудах античных авторов Фукидида, Страбона, Плиния, Апполония Родосского, Полибия, Тацита, Клавдия Птолемея, Плутарха, Азиния Квадрата и других рассказывается об истории, языке, культуре, религии удины [Алиев 1992; Мамедова 2005; Страбон 1994; Удинский сборник 2008].

В эпоху Кавказской Албании удины занимали широкий ареал своего расселения, в том числе и территорию современного Нагорного Карабаха. Как сообщают античные историки, удины участвовали на стороне персидского царя Дария III в битве при Гавгамелах, боролись против экспансии империи Александра Македонского. Через несколько столетий, как сообщается в «Географии» Страбона, на берегах реки Куры стремились противостоять могуще-

ственным римским легионам полководцев Лукулла, Помпея и Марка Антония [Алиев 1992, Мамедова 2005, Тревер 1959].

Стратегическое положение Закавказья, в том числе и территории Азербайджана, на протяжении всей всемирной истории превратило их в арену бесконечных ожесточенных сражений между великими империями Востока и Запада. Нашествие персов, римлян, византийцев, арабов, монголов, войск Тамерлана, а затем русско-иранские и русско-турецкие войны изменили историю всех кавказских народов. Изменились географическая карта и этнический состав населения, трансформировались языки, культуры, религии, обычаи, традиции, быт [Мамедова 2005]. Все эти драматические и трагические события оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу одного из древнейших государств Закавказья — Кавказскую Албанию.

Первые века новой эры стали эпохой социально-экономического и культурного развития Кавказской Албании. Отметим, что удины одними из первых в Закавказье приняли христианство. Развивается культура, воздвигаются культовые сооружения, появляется письменность, литература, книги религиозного и светского содержания, переводится Библия. Появляется Албанская Автокефальная (самостоятельная) церковь, которая существовала почти до середины XIX в. [Иеромонах Алексей (Никаноров) 2005; Мамедова 2005; Тревер 1959].

С VIII в. начинаются завоевания Арабского халифата в Закавказье. Они привели к падению Албанского царства как единого государства, исламизации населения, постепенному разрушению христианских святынь, уничтожению культуры, письменных источников. Начинается долгий и тяжелый период денационализации и деэтнизации народа, процессы арменизации, грузинизации и тюркизации удин. Однако часть удин, оставшаяся на своей исконной территории, несмотря на территориальные и этнические экспансии, продолжающие процессы ассимиляции и аккультурации, сумела до наших дней сохранить родной язык, культуру, религию и идентичность.

Рассматривая проблемы современных удин, отметим, что в конце прошлого столетия повторилась этническая трагедия начала XX в., но теперь это уже было связано с распадом Советского Союза. Начало карабахского конфликта и трагические события 1988–1993-х гг. заставили еще одну часть удин, живущих в Азербайджане, но уже нового поколения, покинуть историческую родину и переехать в страны СНГ.

В настоящее время удины компактно, в количестве около 4 тысяч человек, проживают в многонациональном поселке Нидж Габлинского района Азербайджанской Республики. За последние четверть века в результате эмиграции удинские диаспоры появились в России. Ныне они существуют в Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском крае, в таких городах, как Екатеринбург, Таганрог, Шахты, Астрахань, Сургут, Ульяновск. Несколько десятков семей удин живут и работают в Центральной России: Москве, Иваново, Калуге и Санкт-Петербурге. Достаточно многочисленная община имеется в Республике Казахстан, в городе Актау (бывший г. Шевченко), а также в Украине — в Донецке, Харькове, Горловке и др.

Сегодня Азербайджанская Республика признала удины основными правопреемниками античного государства — Кавказской Албании, имевшей свою тысячелетнюю историю на Кавказе. Здесь стремятся сохранить и возродить все древнее и средневековое наследие, в том числе и удинского народа. Проводится огромная работа по реставрации памятников материальной и духовной культуры. Ведутся широкомасштабные археологические исследования на территории древних городов и крупных географических центров. Примером может стать продолжающиеся почти 70 лет археологические раскопки у стен древней Габалы — первой столицы Кавказской Албании. В этом городе и вокруг него были найдены первые свидетельства античной эпохи: предметы материальной культуры, воинские доспехи, старинные монеты, домашняя утварь и др.

На Земле существуют десятки цивилизаций, сотни разных культур, несколько тысяч этносов и этнических групп. Каждая из них **является только частью современного мира, который как целостность превосходит простую сумму культур и цивилизаций, бытия всех этносов.** Важно за всеми противоречиями и конфликтами, частностями и особенностями

ми, увидеть черты **всеобщности и целостности мира**. Очевидно, что ни одна из цивилизаций и культур, ни один этнос, даже самый большой, не может претендовать на **абсолютность и универсальность, навязывать свои идеи и идеалы, ценности и традиции** другим народам, **быть эталоном** для человечества.

Исследование этнического бытия удин, их культуры и идентичности как особых феноменов, предполагает акцентирование внимания на следующих аспектах. Во-первых, все они разворачиваются в специфическом **социально-этническом пространстве и социально-этническом времени**, их изучение предполагает использование междисциплинарной методологии. В результате в центре внимания оказываются социально-философские вопросы субстанционального и онтологического характера: **каков «жизненный мир» удинского этноса? Какова специфика этносоциального бытия удин на Юге России?** Попытаемся выявить эти особенности, ответить актуальные вопросы современности.

1. Удины всегда жили и сегодня живут в многонациональной среде, вместе с представителями разных этносов и религий. Стремление к взаимодействию и диалогу, открытости и партнерству присуще им изначально, детерминировано многообразием и общностью их бытия. **Поэтому они всегда легко воспринимали социальные ценности и культурные коды разных цивилизаций, понимали людей других этносов и культур.**

2. Для удина как этнического меньшинства в силу своей толерантности и миролюбия, доверчивости и уважительности, всегда было легко сравнивать себя и понять «жизненный мир» Другого, ценности и традиции окружающих, людей разных национальностей и религий, сравнивать предметы и объекты своей культуры с **иной культурой, переноситься** в другое социокультурное измерение. В этой связи огромный исследовательский интерес представляет **этническое бытие, самость, идентичность удин как определенная целостность, константа, система их ценностей в непрерывно меняющихся условиях современной социальной динамики**. Поражает то, как они выжили и сумели сохраниться, ведь на протяжении многих тысячелетий на Кавказе, в том большом ареале, где жили и живут удины, шли бесконечные войны между великими империями, происходили чужеземные завоевания, грабительские походы, переселения и ассимиляции народов.

3. Удины за несколько тысячелетий прошли через многие трагедии и драмы истории, особенно в XX веке; из крупной народности ныне превратились в этническое меньшинство. Однако за этот период они, осуществляя свою жизнедеятельность в иноязычной и мультикультурной среде, **сумели сохранить до современности собственную историю и язык, культуру и веру, традиции и идентичность.**

4. Сегодня удины, живущие на Юге России, непрерывно объективируя существующую повседневность и изменяя свою субъективность, выявляют в них новые смыслы и значения. Целостность и цельность их этнического бытия — это **результат интеграции, синтеза идей соборности православного христианства и коллективизма с ценностями гуманизма, соединения кавказских традиций и восточной ментальности.**

5. Бытие удина, несмотря на восприимчивость к достижениям модернизации, часто не вписывается в жесткую однозначную логику Аристотеля. Для них характерна **синтетическая логика** — логика взаимосвязанного, взаимозависимого полиэтнического и поликультурного бытия. Культура диалога и понимания позволяет удинам выявлять **единое в различном и различное в едином**. Очевидно, что **единство различных форм в культуре поддерживается не только тождеством, но и различием их природы, социокультурной идентичностью.**

6. Удинский этос всегда коммуникативен и диалогичен, в нем не принято ставить партнера перед жестким однозначным выбором и требованием однозначного ответа. Для удина встреча с представителем другой культуры - это **всегда диалог равноправных субъектов, открытие нового, принятие иной логики, человека «другого» мира. И несмотря даже на то, что собеседник является представителем «чужого» этноса, языка, религии, цивилизации.**

7. Современное бытие удин и мир их идентичности можно понять, если использовать принципы понимающего знания и дополнительности. Сегодня только путь одновременного

рационального и иррационального понимания может быть **адекватным для культурного восприятия многообразия мира**. Современный человек пребывает в особом, символическом универсуме культуры, он не сможет существовать, если будет подчиняться только **объективным законам и закономерностям, строго следовать реалиям и очевидным фактам**. Человек пока сам для себя является тайной, погружен в макрокосм, не представляет себя без истории, древних мифов и современных символов, использует лингвистические формы языка и художественные образы, опирается на традиции и ритуалы.

8. Культуру удин следует рассматривать как особую объективную и субъективную реальность. Она одновременно **традиционна и динамична**, включает мифы и фантазию, моральные ценности и категорические императивы, оценки и табу. На наш взгляд, культура — это не только усилие, преодоление естества мира и самого человека, а сложный путь и особые тернии. На наш взгляд, она включает искусство непрерывной диалектики, производство и воспроизводство материального и духовного, рационального и иррационального: события, коды, артефакты, интуицию.

9. Феномены история и судьба удин свидетельствуют о том, традиционные общества нельзя однозначно **интерпретировать как замкнутые и архаичные, патриархальные и отсталые системы**. Они динамичны и современны, потому что помогают понять **уникальность и многообразие мира**, смотреть его бытие не просто другими глазами, с разных сторон, аспектов, а именно: **глазами Другого**.

Сегодня удины успешно адаптировались в Южном Федеральном округе России. Они живут в Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях. Для них существенную роль сыграло геополитическое положение Юга России на карте мира, его близость к государствам Закавказья, наличие ведущих транспортных артерий и развитая экономическая инфраструктура. Несмотря на все сложности и проблемы, непрерывные кризисы, они смогли интегрироваться в новое сообщество.

Несколько лет назад на Юге России, в том числе и в Волгограде, появились национальные общины удин, деятельность которых осуществляется в рамках законодательства страны. Уже 5 лет активно действует Волгоградская областная общественная организация удин «Нидж». В настоящее время она объединяет около 350 удин, проживающих в Волгограде и области. Большинство из них компактно живет в сельском поселении Дубовый Овраг Светлоярского района. В городе-герое Волгограде живет больше 100 удин.

Руководство и активисты стараются вести активную общественную работу среди многонационального населения региона, особенно по месту жительства, через СМИ, готовят сообщения, обеспечивают выпуск статей в газетах и журналах. Они продолжают укреплять связи с исторической родиной — Азербайджанской Республикой, с поселком Нидж, со всеми удинскими общинами России и стран СНГ. Следует сказать, большинство удин Волгограда и области поддерживают между собой тесные связи. Члены общины постоянно собираются на праздники, юбилеи, свадьбы. Стало традицией отмечать Рождество, Пасху и, конечно, важные исторические события. На праздничных торжествах удин всегда присутствуют гости, представители многих национальностей, живущих в регионе.

Удины, живущие на Юге России, продолжают сохранять свою идентичность. Однако повседневность вносит свои коррективы, идут процессы ассимиляции и аккультурации, забываются родной язык, традиции, обычаи, многие элементы быта. В этой связи важнейшая задача Волгоградской областной общественной организации удин «Нидж» — это, во-первых, сохранение родного языка, истории, культуры, традиций, обычаев, идентичности; во-вторых, укрепление мира и согласия, развитие дружбы между народами страны с целью интеграции в многонациональное и поликонфессиональное российское общество.

Литература

- Алиев К. Г.* Античная Кавказская Албания. Баку, Азернешр, 1992. 238 с.
Геродот. История. В девяти книгах / пер. с древнегреч. Л.: Наука, 1972. 600 с.
Данакари Р. А. Этническое бытие (опыт социально-философского и политического исследования). Волгоград: Изд-во Волгоградск. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 348 с.

Иеромонах Алексий (Никаноров). История христианства в Кавказской Албании. Баку: Изд-во «Нурлан», 2005. 194 с.

Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку: ЦИКА, 2005. 608 с.

Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.

Страбон. География в 17 книгах / Книга XVI. Гл. 4. М.: «Ладомир», 1994. 940 с.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. М.; Л., 1959. 234 с.

Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Редакционная коллегия: М. Е. Алексеев (отв. ред.), Т. А. Майсак, Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. М.: Academia, 2008. 464 с.

С. М. Джамирзаев
(г. Грозный, Россия)

К вопросу развития этнотуризма в Чечне как важного культурно-экономического ресурса (ценности и перспективы)

Сегодня в Чеченской Республике имеется огромный потенциал для развития этнотуризма. Актуальность исследуемой темы состоит в том, что Правительством Российской Федерации в настоящее время Северный Кавказ признан одним из перспективных регионов страны, который имеет все необходимые предпосылки развития туризма и этнотуризма, в частности [Постановление 2011; Стратегия 2010]. Основная цель данной статьи – это наметить основные структурообразующие проблемы развития этнотуризма в Чеченской Республике. Соответственно, эта высокодоходная отрасль, связанная с культурно-хозяйственным наследием чеченцев ждет своего часа и требует дальнейшего научного исследования и развития в контексте связанных с ним культурных, материально-технических, финансово-экономических, этноэкономических (культурные объекты, продукция, культурные реалии или семиотика культуры и др.) составляющих, т. е. основ.

Как известно, в целом индустрия туризма в последние годы находится в резком подъеме. Об этом свидетельствуют данные Всемирной туристской организации [UNWTO Tourism Highlights 2013]. К наиболее ведущим тенденциям развития данной отрасли специалисты относят их многопрофильность. Вместе с тем идет процесс интенсивного расширения ассортимента продукции и сервисных услуг с целью получения экономической выгоды и т. д. Как известно, любой вид туристической деятельности — это, в свою очередь, и форма межэтнических контактов. Следовательно, в реальном режиме все виды туризма включают в себя в определенной степени этнотуристические составляющие. В нашей республике из-за известных трагических событий 90-х годов XX века вплоть до 2005 года вопросы развития туризма не могли быть предметом изучения и развития из-за разрухи, уничтожения и хищения культурных ценностей народов Чечни. И только восстановительный период позволил вернуться к данной проблеме.

С повышением интереса народов к своей национальной культуре, этическим нормам и сохранению этнокультурного самосознания, наследия и самобытности, во всем мире растет интерес к этническому туризму.

Этнокультурный и этический (адапты) потенциал предки чеченцев накапливали тысячелетиями, и сегодня он является важным туристическим ресурсом. Как отмечено в специальной работе, «после неолитической революции, рациональное использование домашних животных, новых металлических орудий производства, зерновых культур, более совершенные технологические процессы, появление письменности и т.д. требовали от общества более устойчивого и совершенного использования миропорядка автохтонами древней Передней Азии и Кавказа. Эти достижения стали возможными, благодаря их базисным ценностям: генотип, психология, язык, мировоззрение, мораль, культура, основы монотеизма и т. д. Более того, к этому времени были заложены основы современных естественных и общественных наук. К отмеченным

процессам напрямую причастны предки автохтонов Кавказа (аварцы, лакцы, даргинцы лезгинцы, чеченцы, картвелы, адыги, абхазы). Здесь необходимо подчеркнуть и то, что не последнюю роль в этом процессе сыграли природа и природные ресурсы древней Передней Азии и Кавказа» [Джамирзаев 2015: 64–65].

Особый интерес в культуротворческом процессе представляют V–IV тыс. до н. э., когда культурно-хозяйственная деятельность предков чеченцев достигает важных высот. Так, например, «как это установлено, к началу III тыс. до н. э. на Кавказе и древней Передней Азии мощное развитие получает металлургия и металлообработка (хотя сам процесс начинается с V тыс. до н. э., т. е. **медный** век, с III тыс. до н. э. — **бронзовый**, а с конца II тыс. до н. э. — **железный**, но наиболее широкое распространение последний получил с VIII в. до н. э.). Соответственно, совершенствуется и ускоряется процесс производительных сил и производственных отношений. Благодаря производящему хозяйству увеличивается прибавочный продукт. Это повлекло за собой процессы, связанные с утверждением новых социально-общественных и кровнородственных отношений (на основе адатов) и строя (**вар**-ов или тайп-ов), с опорой на существовавшие базисные культурные ценности» [Джамирзаев 2015: 64].

Основная цель этнографического туризма заключается в ознакомлении туристов (с привлечением) с культурой и бытом чеченцев их костюмами, языком, фольклором, традициями, обычаями, художественным творчеством. Подобный аспект туризма предполагает массовое посещение исторических городских и аульских очагов культуры чеченцев, которые сохранили свой древний и архитектурно-планировочный облик, а также традиционные виды земледелия, сегменты этнической культуры и этики, промысел и ремесел и др.

В Чечне как части общекавказской этнокультурноязыковой общности (причем, сам Кавказ является одним из первых очагов мировой цивилизации) этнокультурный туризм, как особый вид туризма, в свою очередь предполагает: во-первых, посещение древних и средневековых исторических мест, а также знакомство с достопримечательностями, отражающими богатую историю чеченцев; во-вторых, открытие и изучение памятников старины с учетом ландшафта местности; в-третьих, особую и плодотворную роль в общественной жизни играют традиционные этические нормы (адаты) чеченцев.

Как отмечено в официальном документе ЮФО, «Северный Кавказ — один из наиболее перспективных регионов страны, обладающий всеми необходимыми предпосылками для развития туризма: благоприятными природно-климатическими условиями, разнообразными туристическими ресурсами, благополучной экологической ситуацией и выгодным географическим положением» [Рабочая тетрадь 2014: 2]. Причем важное место в целевой программе развития туризма отводится «стимулированию развития смежных направлений: делового, культурно-познавательного, экологического, спортивного, этнического и других видов туризма [Рабочая тетрадь 2014: 2].

В этих условиях роль и значение кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Чеченского государственного университета в подготовке специалистов, в частности по этнотуризму, приобретают особую ценность в культурно-экономическом развитии республики (древняя материальная культура, ценные этические нормы, этикет гостеприимства и др.).

Какие знания и информацию потенциальному туристу дает этнический туризм? Этот вопрос имеет принципиальное значение. Дело в том, что если социология (с политологией и экономикой) население любого региона рассматривает как общество (безликая масса или производительная сила) и психология — как личность (безликий индивид), то **этнология** характеризует национальную особенность человека и общества в целом, т. е. с точки зрения онто- и филогенеза (антропологический тип, язык, культура, этические нормы, психологические особенности и др.). Эти индикаторы являются неотъемлемыми субстанциональными составляющими таких древних народов, как чеченцы. Как показывает опыт общения с иностранцами, именно эта сторона вопроса интересует образованную часть населения развитых стран, и не только их. Изучение этих факторов автохтонов Кавказа оказывало и оказывает ученым разных стран и народов большую услугу в расшифровке тайн древней истории и цивилизаций (например, переднеазиатская – кавказская – средиземноморская, у которых общие корни)

[Джамирзаев 2009: 21–24, 209–210]. Для туриста, интересующегося древней и средневековой историей Кавказа и сущностью чеченцев, в частности, большой интерес представляют былые города на территории нашей республики, которые сейчас называются городищами, например: Шара, Нашха, Цикъара, Хой, МаӀас, Хьаркъара, МакӀажа, Гу-МаӀас, Са-МаӀас, Итонкхал, и др. Вместе с тем, туризм на Кавказе, без учета вопросов этики и этикета автохтонов, теряет всякий смысл. И здесь на первое место выдвигаются исконные адаты, знание которых, несомненно, становится необходимостью для полноценного диалога. Это важно для достижения уважения, доверия, налаживания дружеских и кунацких (*чеч.* къонахий) отношений и т. д.

Таким образом, ключевой задачей развития туризма в Чеченской Республике является развитие потенциальных центров и услуг, т. е. создание новых отраслей, таких как этнотуризм. Это отрасль также будет способствовать дружбе и сотрудничеству между народами.

Литература

UNWTO Tourism Highlights, 2013 Edition [Electronic resource] // The UNWTO World Tourism Organization [Official website]. URL: <http://mkt.unwto.org/publication/unwtoMtourismMhighlightsM2013>.

Джамирзаев С. М. Древняя история чеченцев-нохчий (К древней истории нахских племен III–I тыс. до н. э.). 2-е изд. Грозный, 2009.

Джамирзаев С. М. К исследованию древней этнической истории Кавказа (чеченцы) // Вестник ЧГУ. № 2 (18). Грозный, 2015.

Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)».

Рабочая тетрадь образовательного проекта «Точка роста: туризм и гостеприимство». Пятигорск, 2014.

Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 6.09.2010 г. № 1485-р.

Д. С. Кидирниязов
(г. Махачкала, Россия)

Взаимовлияние народов Северного Кавказа в материальной сфере в XVIII – первой половине XIX в.

Проживание в сходных природно-климатических условиях, с одинаковыми хозяйственно-культурными типами обусловило у различных народов региона наличие многих общих черт в традиционной культуре, что являлось также показателем преемственности и взаимодействия народов. Одним из наиболее ярких примеров в данном аспекте являются орнаментальные мотивы, что, в свою очередь, отражает более древние пласты развития культурного общества народов. Вместе с тем, в культуре каждого народа создавались свои самобытные элементы и формы материальной и духовной культуры.

К произведениям народного искусства местных народов можно отнести и каменные могильные памятники (сын таш), украшенные резным орнаментом и арабскими надписями, имевшими, помимо смыслового, и эстетическое значение.

Следует отметить, что искусство народов региона по его видам, технологии, используемым материалам и во многом по орнаментике имело много общего. Но в то же время искусство разных народов было очень самобытно. Это выражалось, прежде всего, в богатстве форм образного мышления, в разнообразии художественного языка, в органическом сплаве и творческой переработке разнообразных наслоений, которые явились результатом сложной истории каждого этноса.

Народам региона издавна было известно ювелирное дело. Излюбленным видом ювелирной техники была чернь, иногда в сочетании с гравировкой, с резьбой по серебру, нередко и в чистом виде. Общий характер орнамента у местных народов — геометрический с зооморфны-

ми элементами, хотя в серебряных изделиях в большей степени, чем в вышивке, встречаются растительные мотивы. Вполне возможно, что здесь сказалось влияние дагестанских мастеров.

Среди северокавказских народов славились ювелирные изделия дагестанских мастеров — нашивные бляхи, подвески, кольца, «металлические» головные уборы, мужские и женские пояса, браслеты, художественная отделка холодного оружия, защитного доспеха, конской сбруи, газыри и т.д. Так, из Дагестана кабардинцы получали в основном ювелирные изделия и металлическую посуду. Следует отметить, что стиль декоративного убранства оружия дагестанских мастеров имел ряд общих черт с кабардинской традицией оружейного искусства [Магомедов 1999: 52–54].

Наиболее распространенным и развитым видом народного искусства было изготовление узорных войлоков у многих местных народов (карачаевцев, ногайцев, чеченцев, кумыков, балкарцев и др.).

Сочетание цветов не было постоянным, возможны были редкие контрасты, использование в одном войлоке теплых и холодных цветов. Эта характерная особенность применялась в изготовлении войлочных ковров. Именно в этом виде войлочных изделий более всего использовали покупные анилиновые красители.

Композиция узора состояла из довольно широкой каймы и крупной фигуры в центральном поле. Характер орнамента носил стилизованный растительный характер. Особенно ярко это прослеживалось в кайме, обычно имевшей вид извилистого побега с цветами и листьями. Подобного рода войлочные изделия, близкие по орнаменту и технике использования — вшивание мозаичного узора [Кидирниязов 2003: 748], встречались и у дагестанских кумыков и аварцев (войлочные ковры «арбабаши»), а также у соседних народов — чеченцев и ингушей.

Как известно, более красочно были орнаментированы войлочные ковры мозаичного типа «арбабаши». Это были ковры с вшитым орнаментом, вырезанным из войлока же другого цвета. На войлочное полотно наносилась растительная композиция. Узор этот вырезался ножницами или острым ножом. Такие же действия производились над войлочным изделием других цветов. В образовавшиеся пустоты вшивался орнамент другого цвета. Известный дагестанский исследователь А. Д. Магомедов предполагает, что в горные районы Дагестана такая традиция проникла в XVIII – XIX вв. от жителей плоскостной зоны [Магомедов 1999: 37].

Орнаментальное сходство изделий дагестанских народов, вайнахов, карачаевцев, балкарцев и др. можно было проследить не только в узорном войлоке, но также и в камне и металле — особенно в рисунке каймы.

Распространенным видом войлочного производства у карачаевцев и балкарцев было изготовление бурок.

Немалое место в домашних промыслах карачаевцев занимало производство домотканого сукна. Из него изготовляли черкески, башлыки, бешметы. Одежда в основном изготовлялась из кожи, войлока и привозных тканей, которые поступали в Карачай из России, Ирана, Турции через Дагестан и Кабарду.

Хотя у карачаевцев изготовляли ковры, но их производство не нашло большого распространения у них. Своим коврам карачаевцы предпочитали дагестанские ковры, называемые «къумук кююз» [Текеева 2012: 49].

Необходимо указать, что немалую роль в развитии этнокультурных связей дагестанцев с народами Северного Кавказа играло отходничество.

В рассматриваемое время в различные регионы Северного Кавказа ездили из Дагестана мастера, владеющие камнерезным делом. Следует отметить, что дагестанским мастерам приходилось считаться со вкусами заказчиков и подвергаться влиянию художественных традиций различных народов края.

Лакские, кубачинские ювелиры старались учитывать особенности различных северокавказских этносов, выражая это в орнаменте [Студенецкая 1989: 95–96].

С XVIII в. начинается распространение холодного оружия в регионе.

В изучаемое время в оружейном производстве дагестанцы достигли больших успехов, особенно кубачинцы [Аствацатурян 2009: 102–103]. Мастера-оружейники традиционно из-

готовавливали холодное и огнестрельное оружие, защитные доспехи (кольчуги, панцири, налокотники и т.д.).

Большую популярность в XVIII – первой половине XIX столетия приобретают потомственные кинжальные мастера Базалай из кумыкских сел Тарки и Казанище. Клинки их работы получили в регионе и за его пределами нарицательное название «базалай».

В первой половине XIX в. с. Амузги в Дагестане было одним из основных центров выделки клинков, особенно кинжальных [Аствацатурян 2009: 93, 102–103, 178].

Мастера-оружейники традиционно изготовливали холодное и огнестрельное оружие, защитные доспехи (кольчуги, панцири, налокотники и т.д.).

В Дагестане имелись довольно крупные центры по изготовлению оружия. В некоторых из них существовала даже дифференциация. Так, в с. Амузги мастера изготовливали клинки, которые затем передавали в с. Кубачи для изготовления ножен, рукояти и украшения их.

Необходимо указать, что развитию оружейного производства в Дагестане способствовали растущие торгово-экономические взаимоотношения с Северным Кавказом и внутренними губерниями России. Следует также отметить, что местные кинжалы, ружья, пистолеты войдя в моду, стали престижными атрибутами формы русских офицеров.

Во время Кавказской войны особенно расцветает оружейное искусство дагестанских мастеров. Художественная отделка оружия приобретает особую изысканность (мастера-оружейники вырабатывают выразительные композиции декора накладок к оружию) [Маргграф 1882: 210–214].

Особенно славились на Северном Кавказе дагестанские ковры (безворсовые, ворсовые, войлочные, махровые и т.д.).

В изучаемое время широкую известность на Северном Кавказе и за его пределами получает народная керамика Дагестана. Традиции керамического искусства были развиты в дагестанских селениях Сулевкент, Балхар, Джули, Испик, Нижнее Казанище, Эндирей, Эрпели, Бацада, Тинди и др. О. В. Маргграф перечисляет около 30 названий посудных изделий из меди, проданных дагестанскими мастерами в северокавказском крае [Маргграф 1882: 218, 225–227].

В Кабарде были известны изделия аварских мастеров-медников.

В середине XIX в. Мастера-гончары из с. Сулевкент выезжали в Чечню, Ингушетию, Осетию и Кабарду для продажи там своих ремесленных изделий. Следует отметить, что стремление мастеров-отходников из Сулевкента «освоить» традицию художественной формы, декора соседей, было заметно и в творчестве сулевкентцев. Так появилась среди изделий мастеров-сулевкентцев керамическая чашка для ногайского чая, скопированная с форм деревянных чаш адыгов, ногайцев. Такая посуда для чая пользовалась спросом в Кабарде и Чечне [Магомедов 1999: 142, 144].

Таким образом, историко-культурные связи народов региона рассматриваемого времени показывают, что ни один этнос не формируется обособленно, его хозяйственно-культурный тип развивается во взаимосвязи, и что все народы Северного Кавказа вместе создают лучшие образы жизнеобеспечения человечества.

Литература

- Аствацатурян Э. Г.* Дагестанское оружие. Махачкала, 2009. 216 с.
- Кидирниязов Д. С.* Традиции войлочного искусства ногайцев // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: традиции, обретения, освоение. Мат-лы Всерос. науч. конф.. Махачкала, 2003. С. 746–750.
- Магомедов А. Дж.* Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1999. 205 с.
- Маргграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. 289 с.
- Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. М., 1989. 287 с.
- Текеева З. Х.* Этнокультурные связи карачаевцев с народами Кавказа // De Caucaso / Историко-этнографический журнал. Вып. 4. Карачаевск, 2012. С. 48–53.

К проблеме формирования позитивной этнической идентичности студенческой молодежи Калмыкии

В современном мире в условиях глобализации и международной интеграции национальная культура приобретает особый статус. Важная роль принадлежит ей и в идентификационных процессах молодежи. Для молодых людей вопросы самоидентификации всегда актуальны, особенно в условиях отдаленного проживания от своей малой родины. Одной из отличительных черт молодого поколения является высокий уровень мобильности как трудовой, так и образовательной.

В настоящее время молодежь Калмыкии обучается не только в различных учебных заведениях республики, но и во многих ведущих вузах, действующих в разных городах нашей страны, в зарубежных колледжах и университетах. В условиях обучения в мегаполисе или в инокультурной среде другой страны проблема самоидентификации для них становится особенно важной. В связи с этим исследования по данной проблематике весьма востребованы и актуальны.

Изучение указанного вопроса имеет большое значение также в связи со сложившейся социокультурной ситуацией в Калмыкии, которая характеризуется, с одной стороны, наличием острых проблем в деле сохранения калмыцкого языка, традиционной культуры калмыков, с другой стороны, активизацией общественной деятельности по сохранению и развитию калмыцкой национальной культуры. Причем необходимо отметить инициативное участие в этой деятельности творческой молодежи, в первую очередь студентов колледжа искусств, студентов Института калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ. Новым явлением в общественной жизни республики стала работа по популяризации национальной культуры, проводимая молодежной организацией «Иткл», которую в свое время основали студенты, учававшиеся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы.

В республике проблемы этнической идентичности калмыцкой молодежи активно изучаются учеными [Кальдинова, Нуксунова 2012; Мунянова 2009а, 2009б; Намруева 2006, 2012, 2015; Нуксунова 2007, 2013]. На основе анализа эмпирических исследований Б. М. Мунянова отмечает: в условиях снижения идентификационной роли национального языка, исчезновения материальной этнической культуры, унификации хозяйственной деятельности и образа жизни на первый план в качестве этноидентифицирующих факторов выходят обряды, традиции, верования, религия [Мунянова 2009б]. Данный вывод подтверждается результатами, полученными Л. В. Намруевой, согласно которым основными показателями этнической принадлежности респондентов-калмыков являются: культурно-традиционный; языковой; территориальный, религиозный [Намруева 2015: 29].

Весьма интересны исследования А. М. Нуксуновой среди калмыцкой молодежи, которая приводит как анкетные результаты, так и данные фокус-групповых дискуссий. Исследователь отмечает, «что даже под действием определенных социокультурных факторов (иноэтническая среда, низкий уровень престижа родного языка, недостаточно эффективная региональная политика по сохранению языка) большая часть калмыцкой молодежи идентифицирует себя с национальными элементами культуры» [Нуксунова 2007: 153].

Осознание своей этнической принадлежности наиболее остро происходит у молодежи, проживающей за пределами своей республики. В условиях новой окружающей среды вопрос самоидентификации приводит молодых людей к осознанию общности со своим народом. У многих студентов возникает потребность в приобщении к национальной культуре, религии. Большую работу в этом направлении выполняют землячества.

Наиболее известные из калмыцких студенческих землячеств на территории России — «Межрегиональная ассоциация калмыцких студентов» (МАКС) и «Джунгария», которые организуют празднования национальных праздников «Цаган Сар» и «Зул», встречи с духовным

лидером буддистов Калмыкии шаджин-ламой Тэло Тулку Ринпоче, выступления национальных ансамблей, певцов, музыкантов, встречи с известными земляками. Студенты также активно участвуют в проведении Дней культуры калмыцкого народа в г. Москве.

В своей группе «В контакте» московские студенты-калмыки публикуют («выкладывают») тексты популярных песен на калмыцком языке, освещают страницы героического прошлого народа, рассказывают о выдающихся личностях. Помимо этого на протяжении многих лет функционируют студенческие самостоятельные коллективы, из них самый известный студенческий ансамбль «Алти Би», организованный при Российском университете дружбы народов. Многие студенты посещают курсы калмыцкого языка, функционирующие при ресторане «КОИ». Ежегодно в дни традиционных праздников (Цаган сар, Үрс сар) проводят спортивные мероприятия.

Такие мероприятия для студентов, помимо этнической социализации, выполняют еще и защитно-психологическую функцию. В качестве примера можно привести высказывания студенток. Булгун Чимидова: «8 декабря ходили на концерт, посвященный Зул. Организаторами проекта были МАКС – Московская Ассоциация Калмыцких Студентов. Всё было очень здорово! Без пафоса, по-семейному. У меня было ощущение, что я дома, смотрю концерт в нашем ГКЗ». Айса Цебекова: «сегодня как никогда я почувствовала отзывчивость и единство нашего народа на себе... и никто не сможет меня переубедить, это незабываемое чувство...»

Идентификационные практики калмыцких студентов — проведение праздников, соблюдение обрядов и традиций, изучение основ буддизма — являются для них основными маркерами в формировании позитивной этнической идентичности в инокультурной среде мегаполиса. В целом можно отметить, что основные детерминанты этнической идентичности — язык, культура, религия — у студенческой молодежи востребованы.

Литература

Муняянова Б. М. Детерминанты этнической самоидентификации студенческой молодежи калмыки на современном этапе // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Элиста: НПП «Джангар», 2009а. С. 679–683.

Муняянова Б. М. Национальное самосознание и этническая идентификация студенческой молодежи Калмыкии // Социологические исследования. 2009б. №9. С. 58–68.

Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // [электронный ресурс] http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/112/Monitoring_2012_112_04_G.P._Kaldinova_A.M._Nuksunova.pdf. 2012. №6. С. 23–27.

Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: проблемы этнической идентичности (по итогам анкетирования) // Юг России – 2006: взаимодействие народов и культур. Сб. науч. ст. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 141–156.

Намруева Л. В. Этнокультурная идентификация молодежи Калмыкии // Этнопедагогическая пансофия академика Г. Н. Волкова как фактор социальной безопасности народов в условиях глобализации (VI Волковские чтения). Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 176–178.

Намруева Л. В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000-2010-х гг.). Элиста: КИГИ РАН. 2015. 195 с.

Нуксунова А. М. Культурная идентичность современной калмыцкой молодежи // [электронный ресурс] http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2007/84/s149-153_Journal_Monitoring84.pdf. 2007. №4. С. 149–153.

Нуксунова А. М. Этнокультурная и гражданская составляющие социокультурной идентичности современной калмыцкой молодежи (к постановке вопроса) // Теория и практика общественного развития. Краснодар: Издат. дом «Хорс», 2013. №8. С. 54–56.

Кидани и цзубу

История взаимоотношений киданей и цзубу начинается в первой половине X века с образования киданьской империи Ляо.

Кидани известны по китайским летописям со второй половины VI в. после выделения из сяньбийских племен. Они традиционно вели кочевой образ жизни, обитали в долине реки Ляохэ (Шара-Мурэн) на юге Манчжурии и долгое время не играли заметной роли в истории Востока.

В начале X века кидани усилились настолько, что с приходом к власти Елюй Амбагана (Абаоцзи) в 907 г., который был вождем племени Ила, создали собственную империю Ляо, образование которой было провозглашено в 916 г.

Новая империя направила свои основные устремления на порабощение соседних оседлых государств: на юге — империи династии Сун и на северо-востоке — тунгусского царства Бохай, от которых кидани получали сравнительно легкую и богатую добычу. С помощью новых подданных кидани построили новые города, развивали ремесла, искусство, архитектуру, образование и культуру.

Кроме нескольких походов в Северный Китай, Абаоцзи, с целью обезопасить тылы и фланги, с 908 по 916 гг. предпринял походы против целого ряда соседних кочевых племен, которые покорились ему, обязались платить дань скотом и принимать участие в военных кампаниях киданей.

В 924–925 гг. Абаоцзи осуществил большую военную экспедицию на запад. Кидани овладели обширными степными районами Центральной Азии на западе вплоть до Алтайских гор, и около 60 правителей этих мест признавали власть Ляо. «После окончания похода часть киданей осталась близ Южного Алтая, где попала под влияние местного населения» [Пиков 1996: 148]. Под власть киданей попали также и обитавшие в степных районах племена цзубу, в состав которых современные исследователи включают керейтов, татар, найманов и меркитов.

Из доклада ляосского чиновника Сяо Ханьцзяну, поданного им императору Син-цзуну в 1035 году, мы узнаем, что: «Племена цзубу, с давних пор обитавшие там, прежде распространились на север до реки Керулен и на юг до границы [Ляо], где большинство из них жило рассеянно, и не объединяясь. Они просто бродили вперед и назад, воруя и грабя. Когда Тай-цзу (Абаоцзи. — Ю.Д.) осуществил западный поход в пустыню, все цзубу быстро подчинились, и все различные государства западных земель изъявили желание платить дань». Затем, по сведениям Сяо Ханьцзяну, Абаоцзи «перевел [цзубу] на положение внутренних и реорганизовал их в три племени, чтобы увеличить нашу страну» [Дробышев 2010: 114–115].

По сведениям Г. Г. Пикова: «На землях цзубу были созданы три наместничества, в которых появилась двойственная система управления. Власть правителя, назначенного из местных вождей или старейшин, контролировал представитель центрального правительства из киданьских родов Елюй и Сяо. Здесь размещались отряды, состоявшие из киданей, бохайцев, си и других племен» [Пиков 1996: 150].

Вопрос о том, кем же на самом деле были племена цзубу, до сих пор остается дискуссионным. Заимствованное у тангутов слово «согпо» (танг. — «кочевник, пастух»), имевшее написание китайскими иероглифами «цзубу», было введено в оборот киданями и употребляется в «Ляо ши» и «Цзинь ши» для обозначения кочевых племен. Цзубу делились киданями на западных, северных и северо-западных, что также дает повод вспомнить про «три наместничества».

В «Истории государства киданей» Е Лун-ли приводит сведения о племенах, с которыми граничит империя Ляо, первыми из которых упоминаются мэнгу, обычно отождествляемые с монголами: «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мэнгули. В этом владении

нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, [основным] занятием является охота» [Е Лун-ли 1979: 305]. Тот же источник приводит сведения о кочевом образе жизни и воинственности пограничных племен, обитавших западнее и нередко совершавших набеги на киданей: «Далее на севере с переходом на запад земли киданей доходят до владений Бегули, на северо-западе... (в переводе пропуск. — Ю.Д.) затем на севере, еще западнее, — до владений Дада... Племена часто воюют с киданями» [Е Лун-ли 1979: 306], цит. по :[Дробышев 2010: 118–119].

Несомненно, это и были племена, известные под общим названием цзубу. Так же на севере, но несколько западнее Мэнгу, располагались «владения Бегули», которые, возможно, были владениями мэргэдов. Название «Бегули», вероятно, следует понимать как измененное название озера Байкал, южнее которого и находились владения мэргэдов. Вероятно, первое из племен цзубу, обитавшее на севере по соседству с мэнгун, можно определить как племя мэргэдов (меркитов).

Западнее и севернее от киданей находились владения Дада, про которых определенно можно говорить как о татарах. Таким образом, третьим племенем цзубу, несомненно, было племя татар.

Пропущенное название племени северо-запада может быть племенным объединением хэрэйдов (кереитов) или найманов. Но так как найманы обитали намного дальше от границ империи киданей, чем хэрэиды, то вопрос, вероятно, следует решить в пользу последних.

Итак, на основании анализа приведенных цитат напрашивается вывод, что племенами цзубу, доставлявшим массу неприятностей киданям, были: на севере — мэргэды (меркиты), на северо-западе — хэрэиды (кереиты), а на западе — татары. Вероятно, это были те три племени, которые были «переведены на положение внутренних и реорганизованы» императором Абаоцзи для удобства административного управления ими.

Г. О. Авляев высказывает предположение о различном этническом происхождении хэрэйдских племен: «...состав Кереитского племенного союза домонгольской эпохи: монгольские элементы — кереит, хиркун (?), альмад или албат, дунгхоит; тюрко-уйгурские — джиркин (?), сакаит, самодийские — тумат (потомки дубо)» [Авляев 1984: 36].

Северные мэргэды по состоянию на конец XII в. включали шесть больших племен: это были упомянутые в «Сокровенном сказании монголов» Удууд, Увас и Хаат Меркиты (Мэргэды) [Козин 1941: § 102], к которым, по сведениям А. В. Милехина, следует добавить Маудан, Тудаглин и Жэгун Мэргэдов [Милехин 2009: 216].

Западные татары в этот период, по данным «Сокровенного сказания монголов», состояли из четырех больших племен: «Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар» [Козин 1941: § 153], с которыми воевал Чингис-хан. Интересные сведения о племенах шивэй приводит Г. Г. Пиков: «Южная их часть (по Рашид-ад-Дину, племена тутукулуйт, алчи, чаган, куин, терат, баркуй) была покорена киданями при создании своего государства [в начале X века. — Б.М.]» [Пиков 1996:153].

После падения империи Ляо под натиском чжурчженей Елюй Даши ушел со своими сторонниками в степные районы, где кидани имели несколько городов. Здесь он провозгласил новую империю Бэй Ляо (Северное Ляо), объединив под своей властью все степные города с их гарнизонами и киданьскими беженцами. Елюй Даши созывает курултай племен в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалыке), на который прибывают главы семи областей («семь чжоу на западной границе») и вожди 18 племен, среди которых были и представители цзубу. На курултае Елюй Даши обратился к собравшимся с программной речью, призвав совместно выступить против нашествия чжурчженей, и в ответ на это получил поддержку племен и 10 тысяч отборных воинов. Возможно, именно на этом курултае Елюй Даши принял монгольский титул «гурхан», который закреплял его лидерство в созданной коалиции кочевых племен. Наступательные действия Елюй Даши привели к распаду степной коалиции, так как племена рассчитывали создать лишь оборонительный союз, чтобы не пропустить чжурчженей в свои владения.

Поняв тщетность попыток возрождения Ляо с помощью кочевников, кидани во главе с Елюй Даши решили уйти на запад, где завоевали царство Караханидов и основали империю Си Ляо (Западное Ляо) [Ларичев, Пиков 2007: 6]. Найманы упоминаются отдельно как самостоятельное племя в хронике «Ляо ши» (цз.36 и 46) в написании «наймаг» в перечне подчиненных войск и государств северной стороны [Храпачевский 2015: 142, 147]. Вероятно, они всегда считались подданными киданей, участвовали во всех походах, всегда поддерживали и помогали киданям. Найманское ханство как самостоятельное государство появляется на исторической арене только после смерти Елюй Даши в 1143 году.

Литература

- Авляев Г. О.* К вопросу о происхождении керейтов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья. // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 30–42.
- Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. Элиста. 2002.
- Дробышев Ю. И.* Политика киданей в Центральной Азии. // Общество и государство в Китае: XL науч. конф.. М., 2010. С. 108–122.
- Е Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М., 1941.
- Крадин Н., Скрынникова Т.* Империя Чингисхана. М., 2006.
- Ларичев В. Е., Пиков Г. Г.* Краткий очерк истории изучения киданей. // История железной империи. Новосибирск, 2007.
- Милехин А. В.* Чингисхан. Сокровенное сказание. М., 2012.
- Пиков Г. Г.* Западные кидани. // История железной империи. Новосибирск, 2007.
- Пиков Г. Г.* Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. 1996. Вып. 2. Ч. 1. С. 148-154.
- Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. М., 2015.

Б. В. Мошуддаев
(г. Элиста, Россия)

Сякюсн-сюме — первый буддийский храм Калмыкии новейшего времени

К концу 80-х годов XX века на фоне перестроечных политических процессов в Республике Калмыкия произошло возрождение буддийской общины, в связи с чем насущно встал вопрос о строительстве культовых сооружений. Как известно, в первой половине XX века с установлением советской власти и последовавшими за этим репрессиями в Калмыкии была уничтожена буддийская церковь и разрушены практически все храмы [Борисенко, Мошуддаев 1989: 59]. Единственный частично уцелевший полуразрушенный храм — Хошеутовский хурул находился на территории Астраханской области и имел статус памятника истории [Бакаева 2005: 100; Борисенко, Мошуддаев 1989: 5].

На первом этапе возрождения буддизма в Калмыкии храмы открывались в приспособленных для этого зданиях. Первый молитвенный дом был открыт в Элисте в небольшом частном доме на окраине города, переоборудованном для нужд верующих. В июле 1989 г. этот молитвенный дом был освящен ламой Кушок Бакула Ринпоче и получил статус Элистинского хурула [Бакаева 2009: 11].

Тема строительства нового здания хурула, его эстетической и стилистической направленности широко обсуждалась общественностью на страницах республиканской печати. Отдельно обсуждался вопрос выбора места строительства будущего хурула, который в архитектуре буддизма является основополагающим. Рассматривались три варианта, из которых в 1990 г. было выбрано место в пригороде Элисты вдали от мирской суеты, на южном склоне, обращенном в сторону поселка Аршань. В 1991 г. оно было одобрено и освящено Далай-ламой XIV. во время первого визита Его Святейшества в республику [Бакаева 2009: 14].

Победителем конкурса на проект генерального плана хурульного комплекса и первого здания хурула Сякюсн-сюме, проведенного в этом же году, был признан архитектор В. Б. Ги-

ляндиков [Санджиев 1996: 11]. Грандиозный хурульный комплекс должен был разместиться на территории более чем 30 гектаров.

Первым сооружением будущего хурула стал летний павильон Далай-ламы, который был построен весной 1992 г. по проекту арх. В. Б. Гиляндикова ко второму визиту Его Святейшества в республику [Бакаева 2009: 16].

Строительство здания Сякюсн-сюме, сопровождавшееся немалыми трудностями, началось летом 1994 г. Строительство и рабочее проектирование объекта велось практически одновременно [Санджиев 1996: 8-10].

5 октября 1996 г. состоялось торжественное открытие хурула Сякюсн-сюме «Геден Шед-дуб Чойхорлинг» («Святая обитель теории и практики школы Гелуг»). Название хурулу было дано Его Святейшеством Далай-ламой XIV [Джанджиев 2007: 15].

Здание хурула представляет собой кирпичное двухэтажное строение с деревянной надстройкой в виде двухъярусной пагоды в северной части. Размеры здания составляют 24 м в длину, 19 м в ширину и около 20 м в высоту. Двухэтажное здание решено в строгих монументальных формах, характерных для традиционной архитектуры тибетских монастырей. В северной части здания возвышается легкая деревянная надстройка, решенная в традиционном восточном стиле в виде двухъярусной пагоды с большими выносами карнизов.

За основу объемно-планировочного решения храма Сякюсн-сюме автором принята композиция буддийского храма в Санкт-Петербурге. Построенный в начале XX века под непосредственным руководством Агвана Дорджиева в тибетском стиле, храм представлял собой тип классического тибетского храма – «дукан», то есть храм-школа, устроенное для духовных занятий [Андреев 2004: 43–46]. Некоторые исследователи уверены, что прообразом Сякюсн-сюме явился храм Мэгжид Жанрайсэгийин в Улан-Баторе [Бакаева 2005: 99; Цултэм 1988: 90]. Посвященный будде Ченрези, храм Мэгжид Жанрайсэгийин относится к принципиально другому типу тибетских храмов — «лхакан», то есть храм, посвященный культу какого-нибудь божества [Барадийин 1992: 89]. В целом автор использовал приемы тибетско-монгольской архитектуры, творчески переработав их для данного храма, тщательно проработав пропорции и прорисовав каждую деталь [Мошулдаев 2009: 575]. Этот выбор явился отражением эстетических и стилистических ориентиров народа на период возрождения архитектуры буддизма в Калмыкии.

Еще одним ярким примером обращения к архитектуре Монголии явилась ротонда для беломраморной статуи Будды Шакьямуни (архит. В. Б. Гиляндиков, скульптор В. С. Васькин), установленная в центре города рядом с Домом Правительства [Мошулдаев 2009: 575]. Автор шестигранной ротонды и не скрывает, что воспроизвел почти точную копию ротонды с барабаном на территории Дворца Богдо-хана в Улан-Баторе [Цултэм 1988: 73], несколько вытянув по вертикали, сделал ее пропорционально более стройной и гармоничной. Эти примеры обращения к буддийской архитектуре Востока оказали существенное влияние на формирование национальной стилистики, явились в дальнейшем своеобразным эталоном «правильной», с точки зрения духовенства и мирян, буддийской архитектуры Калмыкии.

В последующие годы в республике открылось большое количество хурулов, основная часть которых представляла собой реконструированные здания общественного назначения, что было обусловлено непростыми социально-экономическими условиями. Строительство новых зданий хурулов велось в основном с использованием традиционных приемов калмыцкой буддийской архитектуры, сложившихся в XIX веке. Это, прежде всего, центричная композиция плана, многоярусная объемная композиция, развитая по вертикали в сочетании с упрощенными декоративными элементами и обобщенными формами [Пюрвеев 1975: 59].

Через несколько лет после открытия Сякюсн-сюме стало понятно, что самый большой в республике храм, полупустой в будние дни, наполняется в выходные, а во время праздников Зул и Цаган сар с большим трудом может вместить всех желающих. Республике понадобился новый более вместительный Центральный храм, которым мог стать Гол-сюме, место под который было уже определено генпланом комплекса, и даже был разработан эскизный проект.

Сякюсн-сюме явился первым буддийским храмом Калмыкии новейшего времени, первым Центральным хурулом, оказавшим существенное влияние как на развитие буддизма, так и на развитие буддийской архитектуры в республике.

Литература

- Андреев А. В.* Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004.
- Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории. // Буддизм России. №42. М., 2009. С. 9–18.
- Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста, 2005.
- Барадийин Б. Б.* Буддийские монастыри. // Orient. Вып. 1. СПб., 1992. С. 61–120.
- Борисенко И. В., Мошуддаев Б. В.* Хошеутовский хурул. Элиста, 1989.
- Джанджиев В. Д-Г., Санджиев А. Б.* Хурулы Калмыкии. Элиста, 2007.
- Мошуддаев Б. В.* IV.1.6. Архитектура. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. III. Элиста, 2009. С. 553–576.
- Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М., 1975.
- Санджиев А. Б.* Сякюсн-Сюме: рождение... Элиста, 1996.
- Цултэм Н.* Архитектура Монголии. Улан-Батор, 1988.

Е. Д. Огнева
(г. Киев, Украина)

Сакральное изобразительное искусство Калмыкии в Украине (танки в собрании Национального Музея изобразительных искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, Киев, Украина)

Многогранная деятельность действительного статского советника К. И. Костенкова, что связана с историей изучения Калмыкии, отражена в публикациях, которые в течение 1860–1871 гг. появлялись в печати. Эти публикации знакомили с результатами Кумо-Манычской экспедиции (1860, по завершении и подведения итогов произведён в генерал-майоры) и отражали его деятельность на посту Главного попечителя калмыцкого народа. Помимо статистико-хозяйственного описания Калмыцкой степи Костенков писал статьи об истории калмыков, их христианизации, быте и обрядах, по его распоряжению издаётся Калмыцко-русский букварь для обучения грамоте калмыцких детей (1871).

Однако как в публикациях самого К. Костенкова, так и в других изданиях, имеющих отношение к Калмыкии, пока не удалось обнаружить сведений о его интересе к калмыцкому сакральному искусству. Между тем, в Музее искусств им. Богдана и Варвары Ханенко (Киев, Украина) находятся восемь танок, что принадлежали Костенкову и были переданы протоиереем К. Фоменко в Церковно-археологический музей при Киевской Духовной Академии. Танки из киевского музея дают почти полное представление о технике исполнения и структуре калмыцкого буддийского пантеона, причём как техника, так структура отвечают общеподдуддийскому, известному в Калмыкии в традиции школы гелук. Танки уникальны ещё и потому, что сопровождаются не только подписями на русском, но и на старокалмыцком языке в соответствующей графике. Таким образом, небольшое собрание танок из киевского музея представляет значительный интерес не только в плане изучения истории калмыцкого искусства, но калмыцкого языка.

О пяти божествах-покровителях олётв сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-02898.

На территории Кобдоского (монг. Ховд) аймака в сомоне Эрдэнэбүрэн Монголии компактно проживают олётвы — один из ойратских народов. Общая численность олётв в Монголии по переписи 2010 г. составляет 15,52 тыс. чел. [Хун ам, орон 2011: 54]: олётвы также компактно проживают в Архангайском аймаке (в четырех сомонах) и разрозненно — в других аймаках [Очир 2016: 146–147]. Население сомона Эрдэнэбүрэн — 2367 чел. (633 семьи) [ПМА: Отгонбаатар]. Олётвы прикочевали в Кобдоское наместничество, отделившись в 1764 г. от сородичей, которые проживали в среднем течении р. Орхон. Поскольку кобдоские олётвы проживают среди родственных им ойратов, представляется, что они в значительной степени сохранили свои этнические особенности.

Во время научной экспедиции, проведенной по проекту РНФ сотрудниками КИГИ РАН и ИВ РАН, были выявлены отдельные маркеры традиционной культуры олётв, среди которых — буддийские божества, почитаемые как «таван өөлдийн шүтээн» ('пять олётских шүтэнов') [ПМА: Соёл-Эрдэнэ]. Они представляют собой небольшие статуэтки из сандалового дерева высотой около 20 см и в настоящее время находятся в монастыре Гандантэкчинлин в Улан-Баторе. Ранее они хранились в хүрээ Ганданпунцаглин, одном из двух монастырей олётв. Здесь находилась большая (восьми-ханная, или с 8-ю складными решетчатыми стенами) юрта, которую в 1921 г. некий Лхамсурэн сделал дуганом для бурханов [Буддийская традиция 2015: 174–175]. Объекты почитания были настолько востребованы, что в 1990-е гг. в сомонном сүмэ в виде каменной юрты были установлены изображения этих пяти олётских покровителей, выполненные из металла. Ныне задумано строительство и уже подготовлен эскизный проект специального храма под названием «Ганданпунцаглин хийд» (монг. «Төгс баясгалант хотол чуулганы хүрээ»). Храм будет представлять собой прямоугольное в плане здание с террасой, расположенной на подиуме, к которому будет вести лестница. Над основным объемом здания будет возведен двухуровневый цилиндрического вида (с разными диаметрами) объем, представляющий собой световой фонарь. Рядом с храмом предполагается возведение восьми сурбурганов. Эскизный проект включает изображение горы Цамбагарав, которая является одним из сакральных маркеров культуры олётв.

Согласно олётским легендам, в XVIII в. было 10 главных объектов поклонения — шүтэнов (арван өөлдийн шүтээн 'десять олётских шүтэнов'): Гонгор (Цаган Итгэл), Цамбагарав, Цамбамараб, Шалс (Шалши), Жамсран, Ямандаг (Жигжид), Гомбо (Махгал), Лхам (Окн тэнгэр), Намсрай, Чойжоо (Чойжил, Чойжин, Эрлиг Номин-хан) [ПМА: Пунцагдаш; Өөлдүүдийн домог 2012: 65]. Необходимо отметить, что в списке 10 олётских шүтэнов два божества со схожими именами — Цамбагарав и Цамбамараб. Согласно «Словарю заимствованных слов» О. Сүхбаатара, есть божества Цамба и Цамбагарав. Вероятно, они и имеются в виду в списке 10 олётских шүтэнов [Сүхбаатар 1997: 207]. В устной консультации с хамбо-ламой кобдоского монастыря Ганданпунцаглин Б. Соёл-Эрдэнэ не было выявлено четкое определение особенностей божества Цамбамараб. В монгольском буддизме существует представление о 10 покровителях, среди которых Ямандаг, Чойжоо, Балдан Лхам, Жамсран, Гонгор, Гомбо, Намсрай, Цамба, Шалши, Очирвани [ПМА: Соёл-Эрдэнэ]. Последнего божества в списке олётских шүтэнов нет. Его место заняло одно из божеств — либо Цамбагарав, либо Цамбамараб.

Вместе с тем существует представление о бурхане Алтан Зуу, одна статуя которого находилась во Внутренней Монголии КНР под названием Зандан Зуу¹, вторая — в Хархорине под названием Эрдэни Зуу, третья — в олётском хүрээ князя бэйсэ под названием Ойрадын Их шүтээн Алтан Зуу [Өөлдүүдийн домог 2012: 62–63].

¹ Ныне хранится в Эгитувеском дацане Республики Бурятия. — Прим. авт.

Согласно устной традиции, ойратский Цэван Рабдан (1697–1727 гг.) был женат на младшей сестре тибетского Панчен Богдо. Через несколько лет совместного проживания он со своей женой откочевал и попросил ее взять у отца 10 сахиусанов. Она выполнила просьбу мужа, хотя родители были не вполне недовольны, однако согласились при условии, что она сама выявит этих 10 покровителей (сахиусанов) среди множества статуй бурханов. Выбор оказался правильным, и таким образом статуи божеств, которым поклонялись в Тибете, попали Джунгарию. Эти бурханы, составлявшие, согласно легенде, святыни чоросского правящего дома, затем попали в среду монгольских олétов. Попав под власть цинов, олétы были расселены в аймаке Сайнноён-хана и продолжали поклоняться своим десяти бурханам. В 1764 г. хошун Дамбий гуна собирался откочевать в Кобдоский край. Ночью гуны двух хошунов стали охранять пять шүтэнов, повернув их ликами на запад. Но той же ночью люди хошуна гуна Шагдар бэйсэ сумели поставить одного сахиусана ликом на восток, поэтому хошун Дамбий гуна перекочевал в Кобдоский край только с четырьмя сахиусанами: Гомбо, Чойжоо, Лхам и Намсрай, недостающую статую сахиусана Ямандаг из сандалового дерева заказали в Тибете.

Считалось, что эти пять сахиусанов оберегали олétов, в честь них (поочередно в честь каждого из шүтэнов) устраивались хошунные надомы. В летнее время их выставляли на летовках. В неблагоприятные периоды (дзуды, опасность военных действий) устраивали молебны, выставляя шүтэны для всеобщего поклонения [ПМА: Амгалан]. В 1937 г., когда закрывались сюмэ и дуганы, то пять шүтэнов олétов были перевезены в центр Кобдоского аймака, а затем в Гандантекчинлин [Намсрай 1999: 11–13].

Проведенный нами опрос в центре сомона Эрдэнэбүрэн и на летних пастбищах показал, что не все олétы знают имена своих божеств-покровителей, но все информанты точно указывали в качестве объектов поклонения «пять олétских шүтэнов».

ПМА (Полевые материалы авторов, 2016 г.).

Список информантов

(сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии):

Амгалан Цаганнохойин. Олётка, овог — элжигид, 35 лет.

Соёл-Эрдэнэ Батаагийн. Олёт, овог — хар бургуд, 40 лет.

Цэрэн-Надмид Дамдинсүрэнгийн. Олёт, овог — солон, 42 года.

Пунцагдаш Баадайн. Олёт, овог — тайчууд, 84 года.

Литература

Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 238 с.

Намсрай Н. Өөлдийн соёл, түүхийн бичиг оршивой. Улаанбаатар: б/и, 1999. 132 х.

Өөлдүүдийн домог, хууч ярианы дэвтэр – 1. Хөшөөт: Очирпресс ХХК, 2012. 144 х.

Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 1997. 233 х.

Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: нэгдсэн дүн. Улаанбаатар, 2011. 274 с.

И. В. Пахолова
(г. Самара, Россия)

От «чужого» к «другому»: трансформация восприятия калмыков в российском обществе в XVII–XIX вв. *

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01007 «Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)»*

В феноменологической философии процесс культурной и социальной адаптации при взаимодействии представителей различных сообществ принято рассматривать через понятия «чужого», «иноного», «другого» (Э. Гуссерль, Г. Зиммель, А. Шюц). «Чужое» определяется как то, с чем нет ничего общего, невозможны отношения обмена. Если все же с «чужим» установились какие-либо отношения, то «чужое» перестает быть «чужим» и становится «иным». «Иное» понимается как неблизкое и неродное, с которым нет общего прошлого, но возможно общее настоящее и будущее. «Другое» рассматривается как близкое, родное, как то, что окружает с самого рождения. «Другое» начинается с семьи и расширяется до всего сообщества, связь с которым рассматривается как общность судьбы.

В этих понятиях феноменологической философии и социологии можно рассмотреть процесс трансформации восприятия калмыков в российском обществе в XVII–XIX вв. Признаками, по которым в течение XVII–XIX вв. российские авторы причисляли калмыков к «чужим», являются: 1) отсутствие вовлеченности калмыков в хозяйственную, социальную и культурную жизнь региона; 2) высокая степень политической и культурной автономии; 3) слабое проникновение европейских традиций в повседневный уклад; 4) отсутствие влияния на формирование топонимики региона.

Признаками превращения калмыков в «других» оказываются: 1) активная вовлеченность в хозяйство края; 2) наём на различные работы к другим группам населения; 3) формирование калмыцкой топонимики и профессиональных терминов; 4) приобщение калмыков к российским и европейским ценностям; 5) уменьшение политико-административной автономии калмыков; 6) утрата самобытности — в том числе и в быту, нивелировка с другими группами населения.

А. Н. Садовой
(г. Сочи, Россия)

Черноморское побережье Кавказа: к проблеме исследования ассимиляционных процессов

В районе муниципального образования (далее — МО) город-курорт Сочи, охватывающего более 100 км. Черноморского побережья Кавказа, по переписи 2010 г. проживают 343,3 тыс. человек, представляющие 112 этносов. По этнической структуре район, на первый взгляд, не имеет принципиальных отличий от населения Краснодарского края. В то же время прослеживаются существенные отличия в динамике и механизме (комплексе причинно-следственных связей) этнодемографических процессов. Специфика определяется историей заселения, во многом определяемой государственной стратегией развития рекреационного потенциала района. Это прослеживается по динамике изменения численности населения *агломерации десятков населенных пунктов*, попадающих под *определение муниципальное образование город-курорт Сочи* (таблица). Представленные временной ряд и график отражают ряд демографических тенденций, которые необходимо учитывать при анализе взаимосвязи этнических процессов и современной этносоциальной ситуации, сложившейся в районе.

Таблица. Динамика изменения численности городского населения.
МО город-курорт Сочи. г. Сочи. 1887–2012 гг.

	1887	1897	1916	1926	1932	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006	2010	2012
МО	0,1	1,3	13,2	44,0		71,0	127,0	245,3	292,3	361,2	397,1	-	420,6	437,6
город				14,6	17,0	49,8	81,9	203,1	245,6	314,8	328,8	329,5	343,3	360,3

Тенденция I. Согласно историографическим данным статус городского поселения Сочи приобрел 1.05.1898 г.; города — в 1917 г. Начало формирования инфраструктуры в историографических источниках отнесено к первому («довоенному») десятилетию XX в. Однако, согласно представленной динамике соотношения городского и сельского населения, процессы *урбанизации* охватили район значительно позднее, не ранее середины 1930-х гг. В этой связи, этнодемографические процессы, характерные для этого района, были на всех этапах истории детерминированы государственными программами развития его рекреационного потенциала. Программы осуществлялись, в основном, в процессе создания городской инфраструктуры. Процессы сельскохозяйственного освоения района, осуществляемые переселенцами, имели четко выраженный вторичный характер. Сельский уклад жизни не определял систему межкультурных и межэтнических коммуникаций. Она формировалась в процессе урбанизации. Этнические процессы протекали в основном в «городской среде», что акцентирует внимание на исследовании форм этнического предпринимательства и его места в экономике города.

Тенденция II. Половозрастная и этническая структура городского населения стабилизировалась только к 1970-м гг. Связано это с тем, что население города формировалось за счет привлечения к строительству города мигрантов. Темпы естественного воспроизводства населения города с 1880 по 1970-е гг. уступали темпам миграционных процессов. За 70 лет, прошедших с начала курортного строительства, численность населения г. Сочи по официальным источникам увеличилась более чем в 20 раз. Доля семей, проживающих в агломерации на протяжении трех и более поколений, теоретически не может превышать 10% от общего состава населения. В этой связи можно предполагать, что механизм формирования с 1930-х гг. городской среды в г. Сочи (по динамике и общей направленности) аналогичен существующему в мегаполисах. Протекавшие здесь демографические процессы, однозначно, не характерны для прилегающих сельскохозяйственных районов. Так, несмотря на то, что в Краснодарском крае процессы урбанизации начались на столетие раньше (на рубеже XVIII–XIX вв.), они так и не стали стержнем регионального развития. Край по завершении индустриализации (1939 г.) продолжал сохранять статус аграрного района: доля сельского населения составляла 75,3 %. Согласно последним исследованиям, более 80,0 % прироста городского населения на Кубани в 1920–1940-е гг. определялось как миграциями, так и преобразованием сельских населенных пунктов в города. При этом удельный вес естественного воспроизводства населения городов оставался незначительным. Эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени: Краснодарский край в 1990–2001 гг. имел один из наиболее высоких в РФ показателей (коэффициент) миграционного прироста (113 %), что в условиях современного демографического кризиса позволяет стабилизировать социально-экономическую обстановку.

Тенденция III. Характер межэтнического взаимодействия с 1930-х по 1990-е гг. определялся формированием этнического ядра славянских групп населения, большая часть которых была представлена «русскими». Автохтонное население побережья (убыхи, абадзехи) к концу XIX в. эмигрировало. Незначительная часть оставшихся этнических групп (шапсуги) после завершения движения «мухаджиров» существенного воздействия на систему межэтнических отношений в течение всего XX в. не оказывала. Проводимый в сети Интернет тезис о завершённом характере этнополитической консолидации «адыгских племен» к концу Кавказской войны (конец XIX в) не подтверждается материалами переписи 2010 г. Предоставленная го-

сударством возможность самоопределения привела к выбору шапсугами статуса коренного малочисленного коренного народа России (мира). Сохранили традиционные этнонимы кабардинцы и черкесы, проживающие на территории района.

В целом можно отметить, что специфика межкультурной коммуникации в этом районе определялась органичным сочетанием урбанизации и миграционных процессов. С увеличением числа этнических групп за счет переселенцев межэтническое взаимодействие определялось уже не столько интеграцией мигрантов в формируемую систему межэтнических отношений (она была слишком динамичной), сколько их адаптацией к социальным проблемам, определяемым урбанизацией. В результате, начиная с 1920-х гг., сохранение относительно замкнутых этнических сообществ («этнографических групп») стало возможным только в сельских населенных пунктах, включенных в агломерацию. Условий для формирования «этнических кварталов» вплоть до конца XX в. в этом районе не существовало.

В настоящее время прогнозируется три возможных сценария развития этнодемографической ситуации на Черноморском побережье.

Первый связан с тенденцией сокращения численности этнических меньшинств, представляющих «традиционные» для побережья анклав.

Второй сценарий базируется на признании «объективными» предпосылок формирования «новых» для населения города этнических анклавов из числа трудовых мигрантов, привлеченных к созданию олимпийской инфраструктуры. Изменение этнического состава произойдет за счет увеличения удельного веса в структуре населения народов Северного Кавказа. Согласно имеющимся в регионе прецедентам следует ожидать, что на протяжении одного – двух поколений ассимиляционные процессы эту группу населения не затронут.

Третий сценарий связан с предположением, что в системе межэтнических отношений «внешний» фактор воздействия может оказаться традиционно высоким. Речь идет о формировании качественно «новой» системы взаимодействия между пограничными субъектами РФ и зарубежными странами (Грузией, Абхазией, Осетией, Турцией), представленными в экономической инфраструктуре «своими» диаспорами». В случае ухудшения международной обстановки Черноморское побережье может принять еще несколько волн миграции, что приведет к формированию «этнических кварталов». Этому способствует крайне непродуманная стратегия жилищного строительства.

Направления развития межэтнических коммуникаций, определяемые этнодемографическими процессами, определяются в ближайшее десятилетие. Проблема состоит в том, что каждый из возможных сценариев содержит «риски» осложнения межэтнических отношений. Выйти на научный прогноз среднесрочных и долгосрочных социальных последствий возможно на основе системы регионального этнологического мониторинга.

Р. А. Таркова
(г. Астрахань, Россия)

Установление Советской власти в Астраханской губернии: завершение процесса аккультурации калмыков*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01007
«Аккультурация нерусских: имперские проекты и повседневная практика (на примере астраханских калмыков)»*

Данная работа — часть коллективного исследования, затрагивающего различные аспекты многовекового процесса аккультурации калмыцкого этноса в имперскую реальность Российского государства. В пределах Астраханской губернии период установления Советской власти, особенно 1918–1920-е гг., стал важным новым этапом аккультурации калмыков, в ходе которого власть пыталась решить ряд проблем, непреодоленных в предшествующий период.

Источниками исследования стали отложившиеся в фондах ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник» воззвания-листовки, в частности, воззвание от 16 марта 1917 г. «От Управления калмыцким народом»; «Программа участия калмыков в праздновании Годовщины Революции» 25 октября 1918 г. и Программа концерта в честь этого события. Ряд сведений содержится в «Известиях Астраханского исполкома Губсовета» за 1919 г. (постановления, приказы, протоколы съездов и заседаний), «Известиях Отдела внутреннего управления Астраханского Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, ловецких и казачьих депутатов» (за 1918–1919 гг.), Отчетах Астраханского губисполкома за 1925–1927 гг., еженедельных «Известиях Астраханского губернского комиссариата по внутренним делам» за 1918 г. и местной прессе (газета «Коммунист» и др.).

В 1917–1920-е гг. зафиксированные акты трансляции калмыцкой «самости» в инокультурную среду связывались уже с желанием/необходимостью вписываться в новую революционную советскую реальность. Отсюда — подчеркивание «народности» калмыцких выступлений — будь то заседания органов новой местной власти или некие культурные репрезентации (концерты, митинги, праздники). Среда «обитания» калмыков в Астраханском крае прошла на тот момент через тройной «фильтр»: имперской политико-административной системы; российско-европейской культуры и формирующейся «советской» действительности. В этой новой действительности самобытность народа пыталась органично ужиться с провозглашаемой равнозначностью, одинаковостью всех народов, рассматриваемых как «трудящиеся», «пролетарии всех стран».

С. П. Тюхтенева
(г. Элиста, Россия)

Этноним «ойрот» как вид «критической» этнокультурной идентичности у современных алтайцев

Начало XXI века относится к сложным периодам новейшей истории алтайцев. Как большинство россиян, равно как и народов других частей мира, алтайцы оказались вовлечены в процесс переживания и осмысления двух разнонаправленных тенденций современности: глобализации и национализма.

Политические и этнополитические коллизии современной России в целом привели к росту и укреплению этнического самосознания алтайцев. Этническая идентичность алтайцев за этот период эволюционировала от «деэтнизации» после обретения статуса коренных малочисленных народов Севера до новой «консолидации» после публичного обвинения их в «сепаратизме».

Как пишет В. Р. Филиппов, алтайцы в период подготовки и проведения переписи 2002 г. «вдруг обозначили пестрый веер самоидентификаций: одни вспомнили автоэтноним ойроты, другие заявили, что они алтай-кижи, третьи объявили себя телеутами, кумандинцами, теленгитами, тубаларами» [Филиппов 2009: 31]. Фоном этих «деэтнизационных» процессов послужили идеи о «губернизации» России и уменьшении количества субъектов федерации. Неосторожные, а порой даже провокационные высказывания региональных и федеральных политиков, начавшийся процесс объединения субъектов поставили перед населением Республики Алтай новый вызов: сохранение статуса республики.

Параллельно политическим процессам свою лепту в развитие самоидентификации алтайцев вносили социально-экономические процессы. Речь идет о так называемых «северных» льготах. В период подготовки переписи населения 2002 г. эти льготы имели существенное значение для повседневной жизни коренных малочисленных народов, надеявшихся к тому же на распространение на их сыновей льготы не проходить срочную военную службу. В связи с изменением в законодательстве в период подготовки и проведения переписи населения 2010 г. эти льготы не имели решающего значения и не влияли более на процесс самоидентификации.

Схематично описывая ситуацию, можно сказать, что страх «потерять статус коренного малочисленного народа Севера (КМНС) и полагающиеся льготы» был вытеснен страхом «потерять республику». Ведь в «сепаратизме» и в стремлении «развалить» Россию обвиняли всех алтайцев, независимо от их идентичности.

Таким образом, к переписи 2010 г. в этнополитической жизни алтайцев Республики Алтай остро встал вопрос «кем записаться?». Сложность состояла в необходимости самоопределения в ситуации, когда нужно было сохранить и республику, и единство народа. В данных обстоятельствах многие алтайцы и теленгиты обратились к этнониму «ойрот». В мировоззрении современных алтайцев до сих пор устойчиво представление о «временах Ойрот-хана» — золотом веке в истории алтайцев.

Литература

Филиппов В.Р. Этничность и власть в столичном мегаполисе. М.: Институт Африки РАН. 2009. 240 с.

В. В. Ушницкий
(г. Якутск, Россия)

Об ойратско-бурятском компоненте в этногенезе саха

Археологи пришли к мнению о происхождении якутской скотоводческой культуры в рамках Усть-Талькинской археологической культуры XII–XIV вв. Источники XIII в. (арабо-персидские, юаньские и монгольские) в качестве жителей Приангарья упоминают племя усуту-мангун [Рашид-ад-Дин 1952]. Видимо, усуту-мангуны Анкары-Мурен и были усть-талькинцами. Рашид-ад-Дин повествует о появлении беглых татар в истоках Анкара-Мурен. Следовательно, действительно какая-то часть некогда многочисленного центральноазиатского народа татар могла переселиться из района озера Буир-Нур в Приангарье.

До сих пор не стали объектом научного изучения устные источники народа саха, повествующие о бегстве прародителя саха Эллэя с отцом Татаар-Тайма после истребления народа «татаар», проигравшего в войне против народа «нуучча» [Ксенофонов 1977]. Впервые термины «ойраты» и «буряты» упоминаются в сочетании «айриуд-буйрууд» в составе татарских племен, ушедших во времена первых ханов государства Хамаг Монгол в леса Прибайкалья [Козин 1941]. Этот термин, безусловно, можно понимать как «ойраты-буряты», на наш взгляд, это мог быть в древности единый народ, делящийся на две фратрии.

Литература

Ксенофонов Г. В. Ураанхай сахалар. Т.2. // Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Д. 11. Л. 1.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник/ Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т.1. С. 5–122.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 – 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.

Этническая идентичность сквозь призму художественного произведения (на примере произведений Б. Дорджиева)

Художественное произведение писателя сродни полотну художника, на котором творец выражает свои мысли, знания, эмоции и мировосприятие. Приемы и методы в литературном творчестве разнообразны, но в совокупности они создают целостный мир произведений писателя.

Национальная литература является портретом народа через призму писательского мировидения. Народная тематика, отражение национального менталитета, включение в текст разных жанров фольклора, описание бытовых особенностей и обрядности в художественном тексте – это отражение души народа. Калмыцкая литература, развитие и становление которой происходило параллельно историческим перипетиям жизни калмыцкого народа, являет собой сложное соединение художественных, морально-нравственных, философских, социально-исторических, эстетических категорий, способствующих осмыслению этнической культуры народа в произведении.

Творчество калмыцких писателей первой половины XX века развивалось в условиях жесткого диктата соцреалистического метода, но в преодолении творческих сложностей им способствовало восточное сознание, где присутствуют свои постоянные образы, мотивация поведения, верования, традиции, определяющие и регулирующие жизнь народа. «Знание философии жизни степняка во многом определяло и определяет особенности» [Джамбинова, 2006: 250] произведений калмыцких писателей.

Одним из писателей этого периода является Басанг Дорджиев — поэт, писатель, публицист. Первоосновой материала, выразившейся в работах автора, были, конечно же, воспоминания детства и отроческого периода. Герои произведений Б. Дорджиева, знатока традиций и фольклора, традиционной картины мира, имеют неповторимые и самобытные черты народа. Тонкости и нюансы бытового обустройства калмыков, той среды, где вырос сам писатель, отражены в художественной ткани его работ. Прообразом живописных картин природы родной степи Б. Дорджиева была и местность близ Тугтуна, уроженцем которого он был. О нем можно говорить, что он певец своего Отечества. Из уст героев звучат слова и фразы, в которых отразились знания об этнической структуре калмыков, о родовых особенностях, о кличках «дразнилках», в том числе представителей рода «тугтун». Духовная культура народа, отраженная в художественном произведении, неразрывно связана с этнической идентичностью, этнокультурной спецификой, теми особыми деталями, из которых складывается представление об основополагающих признаках культуры калмыков.

Литература

Джамбинова Р.А. Калмыцкая художественная проза XX века. Кн. 1. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006.

Дорджиев Б. Б. Верный путь. В 2-х кн. Элиста, 1963; 1964.

Дорджиев Б. Б. Среди степи родной, широкой. Элиста, 1959.

История калмыцкой литературы. В 2-х т. Т. 2. Советский период. Элиста: калм.кн. изд-во, 1980.

Бадмаева Б.Б. Гей. Советская калмыцкая проза. Элиста: калм. кн. изд-во, 1976.

А. А. Андреева
(г. Элиста, Россия)

Юг России в контексте фронтальной методологии и типологии*

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-23-03002.*

Применение фронтальной методологии к ряду территорий дало интересные результаты, возросла эпистемологическая роль фронтальной теории. Идея фронта получила новое осмысление и развитие. Появились новые варианты типологии фронта. Следует отметить, что фронт — комплексный, многогранный феномен, включающий в себя не только экономико-географические, хозяйственно-исторические, но и философско-культурологические, духовно-ментальные аспекты. Фронт — это контактная зона, это особая форма культурного диалога, это процесс и результат социального конструирования пространства. Именно данные факторы обуславливают социально-философские и культурологические аспекты концепции фронта и ее когнитивный потенциал.

В данном контексте представляется актуальным обращение к фронтальному подходу при анализе исторических и этнокультурных процессов, протекающих на Юге России. Теория фронта перестает быть инструментом только исторического исследования. Ее использование для анализа современных процессов позволяет утверждать о фронте как о продолжающемся и модифицирующемся процессе. Гетеротопность фронта позволяет применять синхронный и диахронный методы исследования. Многообразие фронтов, сложность их типологии и структурирования требует применения компаративистского подхода в исследовании культурно-исторических процессов.

Выделение новых типов фронтальных отношений (в данном случае «калмыцкого фронта»), не укладывающихся в рамки классической теории фронта, позволят расширить возможности применения фронтальной теории к разным сценариям исторического развития культурного диалога. Выявляя разные стадии культурных отношений, общее и особенное в каждом конкретном случае, можно прогнозировать дальнейшее развитие региона, и в некоторой степени скорректировать его путем эффективной этнокультурной и социально-экономической политики на Юге России.

Е. В. Ануфриева, Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева
(г. Волгоград, Россия)

**Межкультурная коммуникация студентов Юга России в условиях глобализации
(из опыта проведения научных конференций с участием студентов)**

Современные тенденции развития социума требуют пристального внимания к учебной миграции и коммуникациям молодежи (особенно — электронным) [Дулина, Ануфриева 2016, Дулина и др. 2016, Менталитет 2016, Социокультурное 2014]. Электронные коммуникации уже практически связали все индивидуальные интеллектуальные системы (человек — компьютер — серверы — порталы) в едином информационном пространстве и снимают необходимость физического перемещения людей. Не случайно исследователи констатируют, что на смену физической миграции приходит интеллектуальная, фундамент которой заложен новыми информационными технологиями. Однако для объективного понимания процессов, которые развиваются на территории региона, необходимо живое человеческое общение (выяснение интересов, мотивов, ценностей). В условиях трансформации общества в первую очередь необходимо услышать молодежь, их слово должно звучать первым. Такую возможность сту-

дентам Юга России мы предоставляем на ежегодной научно-практической конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие». Среди других мероприятий указанной конференции всегда заявляется круглый стол с одноименным конференци названием, в 2015 году акцент был сделан на обсуждении опыта работы органов студенческого самоуправления. Вместе со студентами проблемы обсуждают не только ведущие ученые и специалисты города. Традиционно студенческий круглый стол проходит под руководством К. И. Хуртаева (к. экон. н., руководитель Комиссии по гармонизации межнациональных отношений и патриотическому воспитанию Совета Министерства образования и науки РФ по делам молодежи, председатель ООД «Всероссийский межнациональный союз молодежи»). На каждом заседании копий бывает сломано не мало. Но мы полагаем, что оно того стоит: в жарких спорах, глаза в глаза, появляется желание понять другого (о преимуществах межличностной коммуникации [см.: Маркеева 2009]. По итогам работы студентов издается специальный студенческий сборник научных работ [Социокультурное 2015], который получают все участники не только принявшие участие в спорах и дискуссиях, но все участники конференции.

Литература

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Киберсоциализация молодежи: настоящее и будущее // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1 (4). С. 96–98.

Дулина Н. В., Каргаполов С. В. Электронная культура в повседневных практиках молодежи Нижнего Поволжья (по материалам социологического исследования) // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Социологическая диагностика современного общества». Саратов. 2016. С. 314–319.

Маркеева М. Ю. Социология коммуникации. Тула. 2009. 88 с.

Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова. – Волгоград. 2016. 175 с.

Социокультурное освоение виртуального пространства: опыт социологического анализа / Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, И. А. Небыков, В. В. Токарев. Волгоград. 2014. 163 с.

Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. / Редкол.: Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина (отв. ред.), Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар; Волгоградский государственный технический университет. Волгоград. 2015. 201 с.

Д. Н. Бадгаева
(г. Москва, Россия)

Наукометрический анализ кросс-цитирования в научных периодических изданиях: к проблеме измерения «влиятельности» журнала

Доклад посвящен выявлению системно-значимых экономических журналов в сетях, которые возникают в результате анализа кросс-цитирований в этих журналах. Нами предпринят обзор основных подходов, касающихся индексов кросс-цитирования, в том числе и классических мер центральности, выявлены их плюсы и минусы, определены границы их использования для оценки значимости международных экономических журналов.

Вопрос о системной значимости и статусе научных журналов вызывает бурные дискуссии в современной наукометрии. В литературе широко обсуждается вопрос об измерении влиятельности академических журналов, в том числе экономических, и о целесообразности применения наукометрических методов, прежде всего, методов анализа цитирования и кросс-цитирования с использованием определенных инструментов, например, таких количественных показателей, как индекс цитирования, импакт-фактор и др. Все чаще в последнее время говорят о необходимости разработки и использования на практике новых индексов для

оценки научных периодических изданий. Измерение ценности каждого журнала и, шире, ранжирование журналов — достаточно сложная и многоаспектная задача, «решение которой в настоящее время, по-видимому, не имеет достаточных научных оснований или, по крайней мере, сильно затруднено в силу ряда причин» [Рубинштейн 2016]. Одной из таких причин называется отсутствие «измеряемых показателей, непосредственно характеризующих качество научных статей и значимость самих изданий, где они опубликованы» [Рубинштейн 2016].

Научное сообщество стремится найти способ более объективного оценивания научной значимости журналов. С этой целью разрабатываются и применяются дополнительные методики, большая часть которых тоже связана с цитированиями. Так, в дополнение к первоначальным индексам предложен целый ряд новых мер центральности на основе анализа сетей кросс-цитирования. Здесь мы исследуем, как они связаны друг с другом и насколько точно и аккуратно выражают «научное влияние».

Одним из направлений структурного подхода к изучению систем является специальная методология исследования связей между элементами, получившая название сетевой анализ (network analysis, NA). Анализ сетей представляет собой набор методов исследования, позволяющих изучать и описывать в формализованном виде связи между участниками сетей (журналами). При этом ключевое значение приобретает структура сети.

Сеть состоит из конечной совокупности журналов и набора связей между ними. Что касается последнего, то между журналами в ходе коммуникации могут возникать связи различной степени плотности и интенсивности. Как более корректно измерить «влиятельность» журнала?

В качестве основного инструмента предлагается использовать новый показатель центральности, учитывающий индекс ближних взаимодействий (short-range interactions, SRIC), разработанный в [Aleskerov 2006] и адаптированный к сетям в [Aleskerov, Andrievskaya, Permjakova 2014, Алескеров, Бадгаева, Писляков и др. 2016].

Применение данного индекса — одна из тем, наиболее слабо разработанных и освещенных в литературе, что, естественно, требует дальнейших исследований в этой области. Наша цель — построить и сопоставить ТОП-3 наиболее важных изданий, т. е. журналов, вошедших в тройку лидеров по каждой мере центральности.

В качестве объекта исследования были выбраны международные журналы по экономике, индексируемые в базе данных цитирования *WoS*. Проведен анализ для 100 журналов категории «Economics». Если говорить об их более конкретной направленности, то тематически могут быть выделены такие области, как экономическая теория, эконометрика, экономическая интеграция и глобализация, экономика развитых и развивающихся стран, валютно-финансовая проблематика, экономика отраслевых рынков (здравоохранения, сельского хозяйства и т.д.), вопросы менеджмента и маркетинга, междисциплинарные исследования, методика и методология преподавания экономических дисциплин, экономические обзоры.

Очевидно, что уровень этих журналов и, соответственно, степень их влияния на сеть в профессиональном сообществе различны. Возникает вопрос, насколько достоверен ранжированный список экономических журналов в этой базе данных.

Использование индекса ближних взаимодействий *SRIC* позволило определить, как смещаются акценты в распределении рангов журналов: ранжирование журналов с учетом нового индекса является более эффективным инструментом оценки их важности, чем ранжирование по классическим индексам. Предложенный подход может быть применен к различным категориям научных журналов для идентификации системно-значимых изданий.

Литература

Алескеров Ф. Т., Бадгаева Д. Н., Писляков В. В., Стерлигов И. А., Швыдун С. В. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 193–205.

Рубинштейн А. Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифирь»? [Электронный ресурс] / URL: http://inecon.org/docs/Rubinstein_paper_20160405.pdf (дата обращения: 22.04.2016).

Aleskerov F. T. Power indices taking into account agents' preferences In: B. Simeone & F. Pukelsheim (eds), *Mathematics and Democracy*, Berlin: Springer, 2006, pp. 1–18.

Aleskerov F. T., Andrievskaya I. K., Permjakova E. E. Key borrowers detected by the intensities of their short-range interactions / Working papers by NRU Higher School of Economics. Series FE "Financial Economics". 2014. No. WP BRP 33/FE/2014. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2479272>.

Н. В. Бадмаева
(г. Элиста, Россия)

Роль этнической идентичности в миграционном процессе

Одной из центральных тем современных исследований миграционных процессов является вопрос влияния этнических различий на взаимоотношения переселенцев с местным населением. В пособиях по этносоциологии содержание понятия «этничность» заключается в отношении «мы» и «они». Именно отношения на основе данной категоризации задают культурные особенности (этнические маркеры), формирующие культурные этнические границы [Красова 2010: 8].

Этническая идентичность является разновидностью социальной идентичности, которая проявляется в установке на принадлежность к определенному этносу, и состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Среди факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, выделяют: этнические границы, социальную и культурную дистанцию, этнический статус, психологические сходства и различия культур, этнические установки, глобальные изменения в социально-политической сфере и связанные с ними изменения в межэтнических отношениях; гетерогенность или гомогенность этнического окружения, особенности культурной среды [Ли 2013: 49].

В миграционном процессе этничность и этническая идентичность играют немаловажную роль:

- первых, этничность консолидирует людей в период миграций для достижения социальных, экономических и культурных задач;
- во-вторых, этничность определяет функцию отношений мигрантов как старожилов, так и новоселов;
- в-третьих, она представляет одну из форм идентификации в условиях изменения места жизнедеятельности. Оживление исторической памяти на новом месте обустройства, поддерживает веру в общее происхождение, актуализирует проблему этносоциального статуса;
- в-четвертых, этничность, по образному выражению С. Лурье, обладает «двойным дном», в ней проявляется культура для «внешнего и внутреннего пользования»;
- в-пятых, этничность — это один из способов эмоционального переживания, моральных обстоятельств в процессе социализации индивида.

Целый ряд эмпирических проектов, реализованных под руководством Г. У. Солдатовой, показывают, как мигранты создают из запаса прошлых и нынешних дискурсов новые формы идентичности. Культура предстает не как культурное «снаряжение» мигрантов, а как культурная практика, в процессе которой постоянно происходит воссоздание новых форм идентичностей. Сами мигранты превращаются в сознательно действующих участников этого процесса [Психология... 2001].

Отметим, что исследования демонстрируют различные варианты преодоления миграционного синдрома. Данные примеры приводят к пониманию того, что этнические групповые идентичности являются результатом социальной практики, прежде всего, практики конструирования границ. Основоположник этой идеи Ф. Барт считает, что этничность – это стратегия ограничения, некая форма социального взаимодействия между группами или форма действия, с помощью которой утверждается и маркируется культурное отличие [Barth: 1969].

Из решетки культурных образцов «выдергиваются» определенные признаки собственной или чужой группы и наделяются символическим смыслом с целью использования их для самоидентификации или отмежевания. В зависимости от ситуации выбираются специфические черты, с помощью которых определяются границы этнической принадлежности. Таким образом, этнические границы — это результат рефлексивного процесса селекции, они являются ситуативными, зависимыми от времени, пространства и контекста переменными, которые постоянно переопределяются социальными факторами. Важное дополнение делает Л. М. Дробижева, считая, что предметом анализа культурной отличительности в субъективном преломлении должны стать лишь те элементы культуры, которые имеют социально дистанцирующий смысл в конкретных политических и экономических условиях.

Наработки отечественных этнологов в этом смысле могут быть весьма продуктивными. К анализу этничности мигрантов должны быть привлечены традиционно этноразличительные признаки: например, как мигранты используют в местах вселения элементы традиционной культуры (кухня, посуда, элементы одежды). Полезными в данном русле следует считать также исследования культурной дистанции.

Сегодня мы являемся свидетелями социальных практик, в ходе которых границы между группами устанавливаются ситуативно, в специфических контекстах. Мигранты рефлектируют и создают свои идентичности, ограничивают или соотносят себя с доминирующим мультикультуралистским дискурсом.

Литература

- Красова Е. Ю.* Этносоциология. Учебное пособие по спецкурсу. Воронеж. 2010 г.
- Ли Н. Г.* Этническая идентичность корейской общности как фактор социокультурной интеграции // Теория и практика общественного развития . 2013. №7. С.48–52.
- Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /* Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. 279 с.
- Barth, Fredrik.* Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen: London: Universitetsforlaget, 1969.
- Дробижева Л. М.* Политические и социальные ориентации этнических групп как фактор межэтнической границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 1998. С. 40.

Е. А. Гунаев
(г. Элиста, Россия)

Пенсионеры в Республике Калмыкия как социально-демографическая группа: основные характеристики

В последние десятилетия в России отмечается рост доли пенсионеров по отношению к работающему населению. В результате на сегодняшний день более 20% населения нашей страны находится в возрасте старше трудоспособного. Численность пенсионеров еще выше и составляет почти 27% населения, что объясняется широко распространенной практикой досрочного выхода на пенсию, существенно снижающей фактический возраст выхода на пенсию. В результате, пенсионеры — это достаточно большая социальная группа, являющаяся важной частью общества — сегодня почти в каждой второй семье есть хотя бы один пенсионер [Модернизация 2008: 157]. Рассмотрим основные характеристики пенсионеров как социально-демографической группы в Республике Калмыкия. В качестве источников исследования даны Росстата, Калмыкиестата, по отдельным показателям информация приведена по Южному федеральному округу (ЮФО) и России в целом [Официальная статистика 2016; Республика Калмыкия 2014; Социальное положение 2014]. В начале приведем общие статистические данные о пенсионерах как демографической группе «лиц старше трудоспособного возраста». Численность населения Республики Калмыкия с 2012 г. по 2016 г. сократилась с

286,7 до 278,8 тыс. чел., снижение составило 2,76 % за 5 лет. Население старше трудоспособного возраста за тот же период возросло с 48,4 тыс. чел. (16,9 % ко всему населению) до 56,5 тыс. чел. (20,3 %). По России процент населения старше трудоспособного возраста составил в 2012 г. — 22,7, в 2016 г. — 24,6 %. По ЮФО соответственно — 24 и 25,7 %. Как видим, Республика Калмыкия постепенно приближается по данному показателю к общероссийскому и окружному уровням.

В республике практически нет научных трудов, посвященных пенсионерам как социально-демографической группе общества. В основном в региональных научных публикациях они рассмотрены как демографическая группа «лиц старше трудоспособного возраста». Большинство работ исследуют данный вопрос в контексте демографических процессов старения населения республики [Бадмаева, Иджаева 2013; Намруева 2015; Нусхаева 2012; Шарманджиев 2016]. В отношении возрастной структуры населения в Республике Калмыкия отмечается, что в ней произошли заметные изменения. Снижение рождаемости в 1990-х гг., сокращение продолжительности жизни, рост смертности привели к сокращению общей численности населения и усилению процесса его старения. При численном сокращении поколения людей младше трудоспособного возраста происходит процесс увеличения поколения людей старше трудоспособного возраста. Тенденция старения населения со временем будет нарастать, так как в последние годы происходит процесс сокращения трудоспособного населения — наиболее экономически активной части общества [Бадмаева, Иджаева 2013: 141]. Анализ социально-демографической ситуации в территориальном аспекте, приводит к следующим выводам: в сельских населенных пунктах Республики Калмыкия, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сосредоточено 55,1 % от всего населения республики. Результаты Калмыкиятат свидетельствуют, что старшее поколение (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) составляли в 2002 г. 14,6 %, а в 2010 г. — 15,8 %, т. е. доля лиц пенсионного возраста возрастает в общей численности сельского населения республики. В 11 районных муниципальных образованиях рассматриваемая возрастная группа за межпереписной период увеличилась, происходит старение сельского сообщества. В аграрной отрасли региона заняты в основном работники старше 50 лет [Намруева 2015: 186–187].

Вместе с тем, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Республике Калмыкия наблюдается самый молодой медианный возраст населения среди регионов ЮФО — 34 года, (по ЮФО — 38,5, в целом по России — 38 лет). Как известно, медианный возраст является своеобразным индикатором старения населения. Это объясняется тем, что в возрастной структуре населения Республики Калмыкия удельный вес населения моложе трудоспособного возраста выше, чем доля населения старше трудоспособного возраста [Нусхаева 2012: 130]. Тенденция старения населения в республике наметилась в республике в последнее десятилетие XX века. Но процесс демографического старения в республике протекает медленнее, чем в целом по Российской Федерации. В целом по России — основным фактором старения населения является снижение рождаемости. Для Республики Калмыкия, в отличие от среднероссийских показателей, характерен более высокий уровень рождаемости, таким образом, происходит некоторое запаздывание процесса старения [Шарманджиев 2016: 48–49].

Т. Ю. Баженова, исследуя демографические проблемы старения в российских регионах, приходит к следующим выводам:

- по оценочной шкале демографического старения населения с долей пенсионеров 18% и более по соотношению пенсионной и детской возрастных групп в Калмыкии наблюдается первая степень очень высокой демографической старости населения. В среднем численность пенсионеров, приходящихся на единицу возраста меньше численности детей на 21% и более;
- по критериям выделения типов воспроизводства населения по соотношению возрастных групп пенсионеров, лиц в трудоспособном возрасте и детей в Республике Калмыкия зафиксирован стационарный тип воспроизводства населения. В данном типе воспроизводства численность лиц в детских возрастах, приходящаяся в среднем на единицу возраста, больше аналогичного показателя для пенсионеров и, незначительно, в пределах 10%, отличается от показателя для лиц трудоспособного возраста [Подробнее: Баженова 2015: 84, 87–88].

Рассмотрим такой демографический показатель как ожидаемая продолжительность жизни. В Республике Калмыкия для мужчин старше 60 лет в 2013 г. она составила 15,52 года, для женщин старше 55 лет — 25,67. К 2015 г. данные показатели возросли соответственно до 16,39 и 26,03 лет. У женщин ожидаемая продолжительность жизни превышала аналогичные показатели по Российской Федерации (2013 — 25,36; 2015 — 25,62) и ЮФО (2013 — 25,44; 2015 — 25,58). У мужчин в 2013 г. ожидаемая продолжительность жизни была ниже, чем по стране (15,73) и ЮФО (16,17). К 2015 г. показатели улучшились и превысили общероссийский (15,96) и ЮФО (16,33) уровни [Официальная статистика 2016].

Далее проанализируем статистическую информацию, характеризующую социальное положение пенсионеров Республики Калмыкия. По общей численности пенсионеров (76 тыс. на 2014 г.) в ЮФО Республика Калмыкия занимает последнее место, что объясняется малочисленностью населения региона. Численность пенсионеров на 1000 чел. населения за 5 лет с 2011 по 2014 г. как и по всей стране возросла (с 247,3 до 267,8). В этом отношении ситуация в Калмыкии лучше, чем по Российской Федерации в целом (301,6) и ЮФО (300,6). Вместе с тем, по численности занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, которая снизилась (с 1,57 до 1,5), показатели несколько ниже, чем по стране (1,58), и находятся на среднем уровне с ЮФО (1,49). В Республике Калмыкия сохраняется высокий уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного (мужчины — 60–72 лет, женщины — 55–72 лет) — 33,4 %, в ЮФО — это второй показатель после Астраханской области (33,9 %), в среднем по округу он составляет 25,9 %, по России — 29,4 %. Уровень безработицы среди лиц старше трудоспособного возраста в республике фиксируется в 4,5 %, по ЮФО — 4,1 %, по стране — 2,9 %. Среднее время поиска работы (месяцев) в Калмыкии (9,8) несколько выше, чем по округу (9) и Российской Федерации в целом (8,1).

Среди пенсионеров Республики Калмыкия (73,2 тыс. чел.), состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ на 1 января 2014 г., 52,2 тыс. получали пенсии по старости, 6,3 тыс. по инвалидности, 4,8 тыс. по случаю потери кормильца, 313 чел. являлись пострадавшими в результате радиационных и техногенных катастроф и членами их семей, 206 чел. — федеральными государственными гражданскими служащими, 9,1 тыс. чел. получали социальные пенсии. Величина прожиточного минимума пенсионера в целях установления социальной доплаты к пенсии в Республике Калмыкия на 2016 г. составила 7,5 тыс. рублей в месяц, для сравнения по Российской Федерации — 8,8 тыс., по ЮФО — 8,1 тыс. рублей. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера, в Республике Калмыкия в январе 2014 г. составила 10,5 тыс. чел. Все они получали федеральную социальную доплату. Средний размер назначенных пенсий в Республике Калмыкия на 2014 г. составил 8,5 тыс. рублей, что ниже уровня ЮФО (9,2 тыс.) и по России в целом (10,0 тыс.). По старости она составила в среднем 9,3 тыс., по инвалидности — 6,0 тыс., потери по случаю кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи) — 6,8 тыс., социальные пенсии — 6,5 тыс., пенсии госслужащих — 12,2 тыс. рублей. Соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера составило по данным статистики в 2013 г. 155,6 % (для сравнения в 2012 г. показатель достигал 169,2 %), со средним размером начисленной заработной платы в том же году — 49,2 % (в 2012 г. — 51,9 %).

Таким образом, пенсионеры, являясь заметной по численности социально-демографической группой, оказывают значительное влияние на социальное самочувствие населения региона в целом. В этой связи, необходимы дальнейшие комплексные социологические и экономические исследования в Республике Калмыкия, направленные на ее изучение.

Литература

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В.* Демографический и трудовой потенциалы населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 136–142.
- Баженова Т. Ю.* Демографическое старение населения и проблемы воспроизводства трудовых ресурсов в регионах России // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. № 4. С. 78–92.

Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН. 2008. 287 с.

Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 186–192.

Нусхаева Б. Б. Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи 2010 г.: основные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 128–133.

Официальная статистика / Население / Старшее поколение [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения – 10.06.2016).

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2014: Стат.сб. / Калмыкиятат. Элиста. 2014. 303 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014: Стат.сб. / Росстат. М., 2014. 321 с.

Шарманджиев Д. А. Демографические проблемы старения (на примере Калмыкии) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 1 (48). С. 47–51.

Е. А. Гунаев
(г. Элиста, Россия)

Проблема возрождения национального языка в Республике Калмыкия: современная ситуация и пути решения*

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект КИГИ РАН «Национально-территориальные и национально-культурные формы самоопределения народов в Российской Федерации в начале XXI века: политико-правовые аспекты»).*

Проблема сохранения и развития языков во всем мире продолжает оставаться тревожной. 2,5 тысячи языков из 6 тысяч, существующих в мире признаны ЮНЕСКО исчезающими. Согласно сведениям этой организации, 136 языков в России находятся в опасности, и 20 из них уже признаны мертвыми. Под угрозой исчезновения оказались 49 языков, в том числе калмыцкий. Указанную ситуацию с владением языком подтверждают данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Так, численность калмыков, указавших свою национальную принадлежность, в республике составила по итогам переписи 162,74 тыс. чел., указали владение языками 162 тыс. Из этого числа русский язык назвали 161,8 тыс. чел., а владение калмыцким – 70,54 тыс., т.е. менее половины представителей этнической общности. В ситуации с родным языком картина несколько иная, из общего числа лиц указавших национальную принадлежность (162,74 тыс.), родной язык указали 162,5 тыс. чел., из них 153,9 тыс. назвали калмыцкий, 8,5 тыс. русский, др. языки — незначительные данные. Вместе с тем в литературе отмечается, что российские переписи населения не предоставляют адекватные данные о распространении языков по территории Российской Федерации. Необходимо проводить различие между понятиями «говорить» на том или ином языке и «использовать» этот язык в повседневной жизни. Также следует поступить в российских условиях. Вопрос в переписном листе должен касаться языков, которыми человек фактически пользуется: «Какими языками Вы обычно пользуетесь?» [Европейская 2012: 58–59]. О степени владения калмыцким языком позволяют говорить данные научных исследований о языковой компетентности калмыков [Намруева 2014; Намруева 2015; Омакаева 2009а; Омакаева 2009б; Омакаева 2010].

На основе зарубежного опыта в литературе предлагаются следующие эффективные пути возрождения языков, находящихся под угрозой исчезновения:

1) Языковое гнездо — это детский сад или группа в детском саду, функционирующие исключительно на местном языке. Дети приходят в языковое гнездо, как правило, не зная национального языка. Воспитатели с самой первой минуты говорят с ними только на этом языке.

Фактически, это полное языковое погружение в раннем возрасте. Дети начинают понимать язык уже через несколько месяцев, а впоследствии и сами начинают говорить на нем.

2) Школьное преподавание на родном языке;

3) Просвещение молодых взрослых на тему «говори на своем языке». Этим способом можно попытаться расширить употребление местного языка дома.

4) Языковые курсы, предназначенные для взрослых;

5) Преподавание местного языка для представителей других народов, проживающих в регионе;

6) Метод «языковой мастер – ученик». «Языковой мастер», который свободно говорит на языке, и его ученик проводят время вместе, общаясь с самого начала только на местном языке. Это может быть выполнение в свободной форме повседневных обязанностей или же традиционные для данной культуры занятия (ручная работа, приготовление пищи, промыслы, музыка и т.д.) [Подробнее: Замятин и др. 2012: 148–150].

По мнению автора, для возрождения языка необходимо, чтобы калмыцкий язык функционировал не только в системе образования, но и стал языком средств массовой информации. Это второй обязательный уровень, помимо образовательного, где должен функционировать национальный язык. Во вновь принятом республиканском Законе «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия» содержится статья 16 «Язык средств массовой информации», которая закрепляет использование государственных языков и иных языков в СМИ, в том числе при переводе и дублировании радио-, теле-, кино- и видеопроизведения с учетом интересов населения. Представляется, что положения статьи 16 данного Закона необходимо конкретизировать в подзаконных нормативных актах, в государственной программе по развитию сферы культуры, в части развития национальных СМИ.

Литература

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации / под ред. А. С. Кожемякова, С. В. Соколовского. М., 2012. 307 с.

Замятин К., Пасанен А., Саарикиве Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 181 с.

Намруева Л. В. Состояние калмыцкого языка (по итогам социологических исследований 2008, 2013 гг.) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Казань 25–27 сентября 2014 г.) / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 312–315.

Намруева Л. В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 195 с.

Омакаева Э. У. «Игра на гранях языка и культуры» в билингвальном образовании в Калмыкии: двуязычие и проблемы лингвокультурного диалога // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Элиста, 29–31 мая 2009 г. Элиста: Изд-во КГУ, 2009а. С. 201–205.

Омакаева Э. У. О состоянии и «подводных камнях» современного билингвизма в Калмыкии // Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Махачкала, 27–28 мая 2009 г. Махачкала, 2009б. С. 237–239.

Омакаева Э. У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. С. 375–382.

Студенты Юга России в процессах социальной трансформации

В научной литературе, да и в обыденной речи, современный этап социальных преобразований в России довольно часто обозначают понятием «трансформация» (см., напр., [Гнутов 2011, Дулина 2006, Жапуев 2013, Заславская 2001, Локосов 2002, Щупленков и др. 2013] и др.). Можно согласиться с определением термина «трансформация», предложенным В. В. Локосовым: «Трансформация — это процесс существенного изменения социальной системы, который характеризуется качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов» [Локосов 2002]. Социальная трансформация представляет собой особую форму выявления и разрешения противоречий между субъективной и объективной сторонами развития общества, это категория, которая описывает переход от одного состояния социальной системы к другому (иному ее состоянию). Полагаем, что «снять» противоречие между субъективной и объективной сторонами бытия, осуществить переход от одного состояния системы к другому призвана и способна молодежь. Именно она, обладая в силу своего возраста физической силой, бурной энергией, но не зрелостью и мудростью, свойственной более старшим поколениям, ориентирована в будущее. Она пока ничего не имеет и должна еще только создавать свои социальные статусы, связанные с семьей, приобретением профессии и устойчивого положения в обществе. Полагаем, что молодежь, как социально-демографическая группа, обращенная в будущее, является не только одним из важнейших системообразующих элементов, но и важнейшим фактором трансформационных процессов в стране и регионе.

Студенчество представляет собой определенную часть молодежи, которая имеет как общие со всей молодежью черты, так и специфические особенности. С повышением социальной значимости высшего образования роль студенчества в жизни общества возрастает и увеличивается его количество. Студенчество является не только источником пополнения квалифицированных кадров, интеллигенции, но и само составляет довольно многочисленную и важную социальную группу.

Результаты социологических исследований, выполненных под руководством и при непосредственном участии автора в 2015 и 2016 гг., свидетельствуют, что студенты Юга России принимают активное и деятельное участие в процессах (как глобализации, так и глокализации), развивающихся в регионе. Данные, полученные в ходе исследований, объектом которых являются студенты, помогают понять мир будущего, который уже конструируют молодые люди, с тем, чтобы по возможности облегчить переход общества от одного состояния к другому в процессе его трансформации.

Литература

- Гнутов А. Б. Социальная трансформация как фактор дисфункциональности гражданской социализации молодежи // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1 (7). С. 50–59.
- Дулина Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград, 2006. 387 с.
- Жапуев З. А. Теоретические проблемы социологического исследования институциональной трансформации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 181–185.
- Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3–11.
- Локосов В. В. Трансформация российского общества: социологические аспекты. М. 2002. 252 с.
- Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политическая социализация и идентичность в условиях трансформации российского общества // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 6. С. 1–58. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.6.724. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_724.html.

Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева
(г. Волгоград, Россия)

Динамика социальной роли молодежи в условиях трансформации: гендерный аспект

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, отличается наибольшим потенциалом мобильности. Она быстрее, чем люди среднего или старшего возраста адаптируется к изменяющейся ситуации и может получить максимум выгоды в процессе трансформации социума. А. В. Сивков отмечает, что «современные информационные и телекоммуникационные технологии с их стремительно растущим потенциалом и быстро снижающимися издержками открывают большие возможности для новых форм международного сотрудничества как в рамках отдельных сфер общественной жизни, так и общества в целом» [Сивков 2011]. Процессы глобализации существенным образом сказываются на изменении гендерных ролей и их динамике. Напомним, что гендер — это «осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения» [Новейший 2001: 228]». И встают вполне закономерные вопросы: «В условиях быстро изменяющейся социальной реальности параллельно и / или одновременно изменяются женские и мужские роли в обществе? Успевают ли женщины, основной социальной ролью которых долгое время оставалось лишь «домашествование» (ведение домашнего хозяйства, семья), адаптироваться к новым условиям и осваивать новые технологии? Успевают ли общество осознавать и принимать эти изменения?».

Ответ на эти и ряд других вопросов можно получить, если обратиться к результатам прикладных социологических исследований, выполненных при участии авторов в 2014–2016 гг. Данные, полученные в ходе исследования, подтверждают значительные изменения в гендерных ролях и их освоении юношами и девушками. Обратим внимание, что в настоящее время динамика социальной роли женщин молодежной группы в обществе, как минимум, не отстает от показателей мужской динамики.

Литература

Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов; Науч. ред. М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. Минск, 2001. 1280 с.

Сивков А. В. Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума / Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М. 2011. URL:<http://www.dissercat.com/content/mesto-i-rol-mezhkulturnoi-kommunikatsii-v-razvitii-sotsiuma.html> (дата обращения: 7.02.2016).

Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин
(г. Волгоград, г. Уфа, Россия)

Жить единым человеческим общежитием? (или студенты о своих взаимоотношениях с представителями других национальностей)

Пророческие слова В. В. Маяковского из его стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», вынесенные в название материала, стали предвестником процесса, получившего название «глобализация». История подтверждает, что глобализация — это неизбежное будущее всего человечества, а границы — это рудимент. Человечество постепенно будет делать границы все более прозрачными. Однако это вовсе не значит, что национальное своеобразие исчезнет, уйдет в прошлое вместе с границами. В этой связи особый интерес представляет отношение студентов — авангарда российской молодежи (многонациональной страны) — к представителям другой национальности.

Признаемся, что ответы студентов Волгограда, полученные в ходе прикладного социологического исследования «Коммуникативные аспекты формирования миграционных установок студенческой молодежи городов-миллионников (на примере Уфы и Волгограда)», про-

веденного весной 2016 г., оказались для нас неожиданными. Технические параметры исследования и его отдельные результаты представлены в публикациях (см., напр., [Дулина и др. 2016] и др.).

Отвечая на вопрос анкеты: «Каков характер Ваших взаимоотношений с представителями других национальностей?», только треть студентов (33,6 %), опрошенных в Волгограде, сказали, что «Наши контакты носят открытый характер, я к ним всегда готов (а)». Среди студентов Уфы указанную альтернативу выбрали 52,0 % респондентов. Среди респондентов Волгограда 48,4 % посчитали приемлемой для себя альтернативу «В контакты с этими людьми я вступаю нерегулярно, но настроен (а) по отношению к ним доброжелательно». В Уфе — так ответили 38,2 % опрошенных студентов. Казалось бы, подавляющая часть студентов вполне доброжелательна в своих взаимоотношениях с представителями других национальностей, и повода для беспокойства быть не должно. Однако, каждый пятый опрошенный в Волгограде (18,0 %) студент не охотно вступает с контакты с представителями других национальностей. В Уфе такая ситуация встречается в два раза реже (9,8 %). Причины такого отношения знать необходимо, но это уже задача другого исследования.

Литература

Дулина Н. В., Икингерин Е. Н. К вопросу об образовательной миграции студентов вузов внутри страны (по итогам прикладного социологического исследования) // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1 (4). С. 61–64.

Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова
(г. Волгоград, г. Астрахань, Россия)

Штрихи к картине этнокультурной трансформации Юга России

История Юга России, культурные корни мирного соседства большого количества народов которого уходят в далекое прошлое, свидетельствует, что нет необходимости примирять и унифицировать культурное богатство народов, приводя его к единому знаменателю. Напомним, многообразие и многослойность Юга России – это своеобразный итог исторического развития данной территории (более подробно см.: [Дулина и др. 2015, Дулина и др. 2016, Дулина, Наумов 2016] и др.).

Результаты прикладного исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», прошедшего весной 2016 года под эгидой Российского общества социологов, добавили новые штрихи к общей картине этнокультурных отношений в регионе.

Инструментарий исследования был достаточно сложный. Так, например, для оценки студентам была предложена следующая ситуация: «На трассе Москва–Петербург в гололед столкнулись пять машин. Тяжелые травмы получили три человека – крупный чиновник федерального уровня, владелец большой торговой компании и рабочий расположенного рядом сельхозпредприятия. Кого спасли?». А затем респондентам был предложен ряд уточняющих вопросов, среди которых был и такой: «Выяснилось, что пострадавшие – это люди разных национальностей: русский, дагестанец и еврей. С Вашей точки зрения, повлиял ли этот факт на решение врачей?». В целом по России (а опрошено было 3964 студентов в 26 городах страны) 26,01 % посчитали, что национальность, как факт, может повлиять на решение врачей. В Астрахани такую точку зрения поддержали 21,99 % студентов, в Волгограде – 24,24 %. Остальные ответили, что нет, национальность человека, попавшего в аварию, не может (не должна) влиять на решение и выбор врачей.

В инструментарии исследования ситуация с аварией была усилена тем, что респондентам был задан следующий вопрос: «А как бы Вы поступили на месте врачей?», ставя уже самих респондентов в ситуацию выбора. Только 1,44 % от общего числа студентов, опрошенных в Астрахани и 1,54 % от числа опрошенных в Волгограде, ответили: «Спасал бы человека моего народа, такой же, как у меня веры».

Полагаем, что студенты региона своими ответами лишней раз подтвердили многовековую традицию добрососедского проживания народов Юга России, умения слушать и разговаривать на разных «языках».

Литература

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В., Петрунева Р. М. О необходимости диалога культур в эпоху глобализации // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. / Редкол.: Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина (отв.ред.), Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар. Волгоград. 2015. С. 6–14.

Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Наумов И. Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 88–97.

Дулина Н. В., Наумов И. Н. Генезис городской культуры степного Поволжья и социокультурное развитие региона // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. Т. 40. Вып. 2. С. 297–306.

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар
(г. Волгоград, Россия)

Религия в повседневных практиках студенческой молодежи Юга России

Проблема возрождения духовных ценностей и усвоения их подрастающим поколением обсуждается на государственном, социальном уровнях, а также средствами массовой информации и широкой общественностью. Один из векторов процесса формирования духовности молодежи неразрывно связан с религиозными ценностями. Именно поэтому религиозные ориентации молодежи всегда находятся в центре внимания ученых, являются предметом и наших научных изысканий (см., напр., [Ануфриева и др. 2014, Дулина и др. 2014, Петрунева и др. 2008] и др.).

История свидетельствует, что в моменты серьезных изменений внутри общества существенно возрастает влияние религии на общественную и личную жизнь людей, расширяется спектр их религиозных и нерелигиозных верований, наблюдается всплеск всякого рода суеверий, оккультизма, мистики. Данное явление мы наблюдаем в настоящее время в нашей стране в целом и в регионе в частности. Так, например, по данным, полученных в ходе исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного под эгидой Российского общества социологов в 2016 году, из 3964 опрошенных в 26 городах России студентов 2668 сказали, что они верующие. Иначе говоря, только треть студентов (32,7 %) призналась в том, что они неверующие. Но что интересно, в городах Юга России, которые вошли в территорию исследования, отношение студентов к религии значительно отличается. Студенты Волгограда по своим религиозным ориентациям оказались близки к общероссийским (62,9 % сказали, что они верующие, 37,1 % – неверующие). В Астрахани три четверти респондентов подтвердили, что они верующие (75,7 %), остальные – четверть опрошенных, что нет (24,3 %).

Из приведенных данных видно, что религиозно верующие составляют подавляющую часть в общей массе студентов региона. Есть основания говорить о том, что в последние годы наблюдается рост религиозности среди студентов. Понятно, что социологический анализ религиозности студентов вряд ли даст истинную картину, если будет опираться только на самооценки респондентов. Существует ряд других показателей, которые позволяют реально оценить степень и характер верований молодых людей (знакомство с религиозной литературой, знание основных догматов какого-либо вероучения, соблюдение определенных требований, канонов церкви, участие в богослужениях, обрядах, деятельности общины и т. д.).

Результаты выполненного исследования позволяют предположить, что формирование религиозного сознания студенческой молодежи региона, несомненно, будет меняться, при-

обретать новые черты, вовлекать в эту орбиту новых людей, хотя и не так динамично, как это было последние годы. К чему приведут установки молодежи на религию через несколько лет, когда сегодняшние молодые люди возмужают, покажет будущее и результаты новых социологических исследований.

Литература

Ануфриева Е. В., Дулина Н. В., Овчар Н. А., Петрунева Р. М. Молодежь и межконфессиональное и межнациональное взаимодействие в регионе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 16 (143). С. 6–9.

Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 16 (143). С. 120–124.

Петрунева Р. М., Дулина Н. В. Религиозная культура студенчества: поведенческий анализ // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы Международной научной конференции. Иваново, 2008. С. 384–388.

Э. В. Енчинов
(г. Горно-Алтайск, Россия)

Государственная национальная политика в Республике Алтай в начале XXI в.

С 2012 г. вопрос государственной национальной политики стал обсуждаться на самом высоком уровне. В этот же год принимается «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года» утвержденная указом Президента от 19.12.2012 г. за № 1666, в свою очередь принятая, во исполнение указа Президента «Об обеспечении межнационального мира и согласия» в декабре 2012 г. вместо устаревшей «Концепции государственной национальной политики» от 1996 г.

В Республике Алтай во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1226-р разрабатывается и утверждается план мероприятий от 1 ноября 2013 г. за № 712-р по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Республики Алтай.

В ходе реализации программ, в том числе, связанных с развитием и популяризацией алтайского языка в 2015 г. вступает в силу указ главы региона «О создании Совета по алтайскому языку при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай» (Совет), созданный в целях обеспечения сохранения и развития алтайского языка как государственного языка в Республике Алтай, а также повышения эффективности деятельности органов государственной власти в этой области.

В 2015 г. был организован Совет по межрелигиозным отношениям при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай, целью которого является обеспечение взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления в Республике Алтай и религиозных организаций при рассмотрении вопросов в данной сфере. Среди задач Совета — обсуждение практики реализации государственной политики в сфере межрелигиозных отношений, предложений и инициатив религиозных организаций, действующих на территории региона. В составе Совета члены регионального правительства, руководители федеральных структур, представители религиозных организаций, национальных объединений и научного сообщества.

Организационно-техническое обеспечение деятельности Совета осуществляет Комитет по информационной политике, межнациональным отношениям и связям с общественностью Республики Алтай.

Динамика засоленности воды в озере Маныч-Гудило

Озеро Маныч-Гудило, мелководный реликтовый водоем морского происхождения, играет господствующую роль в водной системе Маныч-Чограй. В связи с его исторической уникальностью и временной динамикой, при изучении данного региона нас интересовало изменение гидрологического и гидрохимического режимы, а также проводились мониторинг геоботанического и почвенного состояния данной территории.

В зависимости от климатических изменений и многолетних колебаний элементов водного баланса под воздействием антропогенных и природных факторов уровни и размеры водоема, его солевой режим постоянно менялись. До создания Пролетарского и других водохранилищ (середина 30-х гг.) площадь озера резко уменьшилась, и оно частично, а иногда и полностью, пересыхало (как, например, в 1881 и 1911 гг.), причем дно покрывалось слоем соли. В многоводные годы, например в 1885 и 1922 гг., озеро затапливало левобережье и верхнюю часть долины на значительном расстоянии. При этом длина озера увеличивалась в многоводные годы по длине до 180 км, а площадь — до 1414 км². В многоводные годы уменьшалась до 84 км, а площадь — до 543 км² [Самохин 1958].

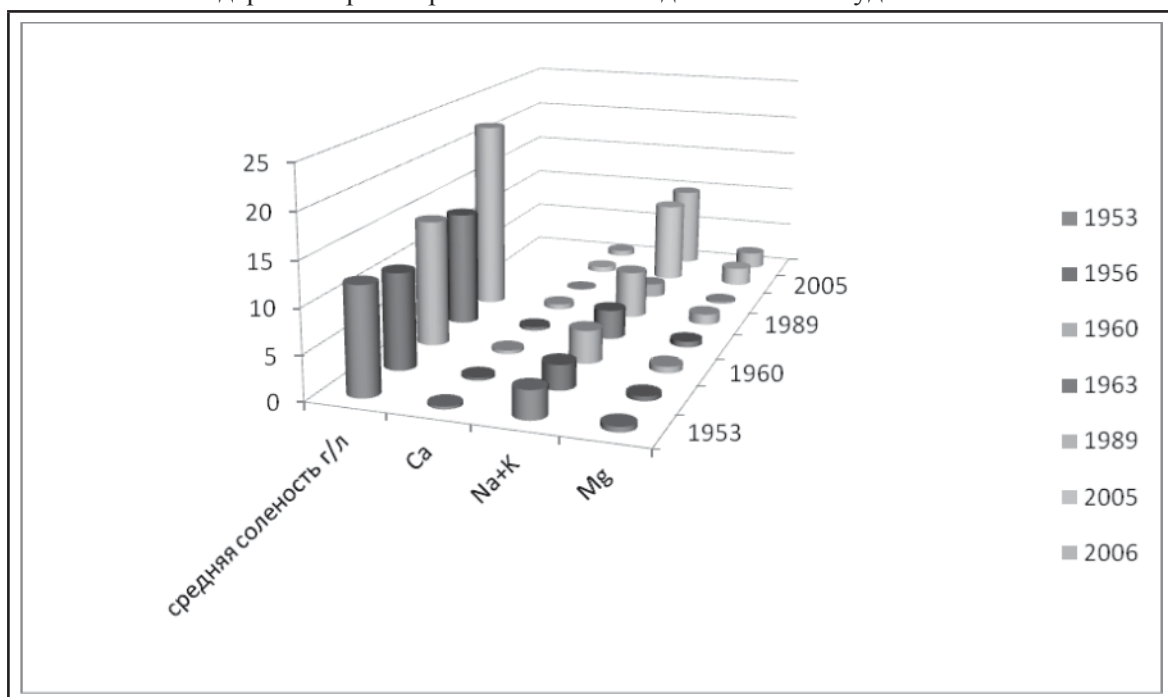
Анализ динамики водно-солевого режима озера с 1951 по 1989 гг. показал, что в нем, как уже указывалось ранее, произошло увеличение запаса солей более чем в 3 раза, которое привело к значительному засолению водоема [Frolov, Sanin 1995]. Несмотря на это, ионный состав озерной воды (соотношение главных ионов) практически не изменился (рис.1). Так, отношение концентраций Mg^{2+} и Ca^{2+} менялось за эти годы от 1,8 до 2,1 раза.

Воды озера Маныч-Гудило по соотношению основных соледержащих ионов занимают некоторое промежуточное положение между гидрокарбонатно-сульфатно-кальциевым типом вод континентального засоления и хлоридно-натриевым типом морских вод. Озерные воды в целом по классификации относятся к хлоридному классу группы натрия III (магниевого) типа. Для них характерна фация $Cl^- - Na^+ - SO_4^{2-}$ [Алекин 1970; Матишов и др. 2006].

С 2004 по 2006 гг. по данному объекту исследования проводились лабораторией экологических исследований ЮНЦ РАН совместно с КИГИ РАН. По результатам проведенных исследований 2004 г. воды озера Маныч-Гудило можно отнести к классу хлоридных натриевой группы третьего типа, по классификации Алекина [Алекин 1970]. Анализы, взятые в 2005 г во время экспедиционных выездов, показали, что водородный показатель варьировался от 7,52–8,43, что свидетельствует о слабощелочной среде. Концентрация растворенного кислорода в воде менялась от 2,1–3,5 до 7,7–8,0 г/л. По классификации можно отнести к классу хлоридно-натриевой группе второго типа. В мае 2006 г. минерализация вод озера в среднем составила 33,1 г/л. Отношение Ca^{2+} к Mg^{2+} понизилось до 3,1. Класс воды хлоридный, группа натрия, тип II.

Наиболее распространенными для исследуемого участка почвами являются следующие: каштановые солонцеватые среднесуглинистые, солонцы каштановые мелкие и средние, комплексы солонцов столбчатых и лугово-каштановых солонцевато-солончаковых почв, солонцы мелкие в комплексе с каштановыми почвами, сильноосмытые почвы в комплексе с каштановыми сильносолонцеватыми и солонцами, средними и мелкими, суглинистыми [Ташнинова и др. 2006].

Соленость и содержание растворенных ионов в воде оз. Маныч-Гудило с 1953 по 2006 гг.

Растительный покров данной территории отличается характерной для области сухих степей бедностью флористического состава, преобладанием полукустарников (полыней), засухоустойчивых и солевыносливых растений, комплексностью, значительными колебаниями урожайности от климатических условий года. Большими массивами расположены солончаково-вопынные, солончаково-вопынно-злаковые, солончаково-вопынно-однолетниковые травостои на лугово-каштановых и луговых солончаковых почвах и луговых солонцах. Пырейные, ситниковые травостои на этих же почвах приурочены к понижениям в районе озер и лиманов.

Исследования показали, что тенденция роста минерализации в период изучения объекта значительно растет. Сложившаяся ситуация определяется как природными факторами, так и антропогенными. Главными проблемами являются дефицит речного стока, слабая проточность, распространение солончаков и солончаковых пород почв.

Если же ситуацию в Чограйском водохранилище можно было еще отнести к экологически предельно допустимому для рыб уровню, то сложившееся ситуация в водах озера Маныч-Гудило перешла далеко за его пределы.

Литература

- Самохин А. Ф. Дон и его притоки. Ростов н/Д: РГУ, 1958. 120 с.
- Frolov A. P., Sanin V. M. Proc. Second Int. Cjnf. Mediterranean Coastal Environ. Tarragona. 1995. V. 3. pp. 1381.
- Алекин О. А. Основы гидрохимии. Л.: Гидрометеиздат, 1970. 44 с.
- Матишов Д. Г., Горгона Ю. М., Ермолов В. С. Современный гидрохимический режим водоемов системы Маныч-Чограй // Современные проблемы аридных и семиаридных экосистем юга России: Сб. науч. ст. /отв.ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2006. 624 с.
- Ташинова Л. Н., Богун Н. М., Санджиева А. Г. Наземные исследования степных экосистем в экотонной зоне озера Маныч-Гудило // Современные проблемы аридных и семиаридных экосистем юга России: Сборник научных статей /отв.ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2006. 624 с.

Образование как один из факторов социальной трансформации Юга России

Механизм социальной трансформации — это сложное, многомерное явление, в котором переплетаются между собой и взаимодействуют субъективные и объективные составляющие. «Субъект здесь, являясь истоком и направляющей энергией преобразований, с одной стороны, он осваивает раскрывающиеся для него возможности в новых структурах и институтах, отношениях общества, а с другой стороны — использует эти структуры для реализации собственных целей. Следовательно, формируется определенное субъектом будущее, выступающее основой определения настоящего и оценки прошлого» [Шаповалов]. Иначе говоря, именно социальный субъект выступает основанием и движущей силой социальных трансформаций потому, что встроен в общество как его самостоятельная сторона, обладающая свойством детерминации. Становится понятно, что очень многое в действиях субъекта определяется его образованием, поскольку оно выполняет функции трансляции и трансформации культуры, воспроизводства социальных статусов и ролей, адаптации личности к социальной жизни. Образовательная среда является стратегической в обществе знаний, основным капиталом которого становится интеллект и личностные ресурсы работника.

В инструментарии проекта «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», реализованного Российским обществом социологов весной 2016 года (всего опрошено было 3964 студентов в 26 городах страны, в том числе в Астрахани и Волгограде), студентам среди предложенных вариантов ответов на вопрос «А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?» был и вариант «хорошее образование». Ответы студентов обобщены в итоговый индекс. Значение индекса по этому варианту, при максимально возможном значении в 4 балла, по всему массиву составило 2,81 балла, по Астрахани — 2,85 баллов, по Волгограду — 2,82 балла.

Респондентам было предложено также оценить причины бедности в российском обществе. В ряду альтернатив был также вариант ответа «низкое качество образования», значения индекса которого в целом по массиву всех опрошенных по России составил 1,99 баллов (напомним, при максимально возможном значении 4 балла). Вроде бы и не очень много. Но значение этого индекса среди студенческой молодежи двух городов России несколько выше, чем по массиву в целом и составляет 2,04 балла, причем по Астрахани выше, чем по Волгограду (2,08 против 2,01 балла). Разница с общероссийскими показателями небольшая, но объясняет тот факт, что ЮФО по показателям модернизации отстает от других регионов, и больше всего по индексу инновации в знания (см., напр., [Дулина и др. 2015] и др.).

Также при ответе на вопрос о причинах, которые вызвали несправедливое отношение лично к ним, 14,83 % опрошенных студентов в целом по России ответили «уровень Вашего образования». Заметим, что по городам ЮФО эта цифра несколько выше и составляет 17,79 % (и больше опять же за счет ответов астраханцев: 21,78 % против 13,81 % ответов у волгоградцев). Таким образом, можно заключить, что студенты осознают значимость образования в процессах социальной трансформации региона.

Литература

Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22–29.

Шаповалов В. Ю. Роль социальных трансформаций в процессе развития общества [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/4/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/shapovalov.pdf (дата обращения 12.08.16).

И. А. Ким
(г. Волгоград, Россия)

Корейское население Юга России (по данным советских переписей населения)

Перепись населения 1926 г. зафиксировала на юге России 18 корейцев. Оставшиеся в РСФСР в 1939 г. после депортации корейцы расселены на территории современного ЮФО (3521 чел.). Перепись 1959 г. показала начало складывания южно-российского корейского кластера с численностью 12268 чел. (14% от всех корейцев РСФСР). В 1970 г. в общей структуре корейского населения России доля южных регионов составила 17% (17604 чел.), в 1979 г. 22% (21633 чел.), к 1989 г. 24% (25662 чел.).

По относительной доле мужчин и доле горожан возможно выделение групп регионов. Признаки 1-й группы: высокая доля мужчин, высокая степень урбанизации. Признаки 2-й группы: средняя доля мужчин, средняя доля горожан. Признаки 3-й группы: низкая доля мужчин, очень высокая доля горожан.

По данным переписи 1970 г., в 1-ю кластерную группу вошли Краснодарский край, Волгоградская и Астраханская области, во 2-ю Ставропольский край, Ростовская область, Дагестан, Калмыкия, в 3-ю Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия. В 1979 г. в 1-ю группу вошли: Краснодарский край, Волгоградская область, Калмыкия, во 2-ю Астраханская, Ростовская области, Ставропольский край, Дагестан, в 3-ю Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия. В 1989 г. в 1-й группе отмечены Астраханская, Волгоградская области, Краснодарский край, во 2-й Ставропольский край, Ростовская область, Дагестан, в 3-й Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия.

Региональные различия в доле мужского населения и доле горожан обусловлены особенностями экономической миграции в промышленные и сельскохозяйственные территории, при которой отток мужчин происходил в основном из северо-кавказских регионов. Сельскохозяйственную деятельность корейцы осуществляли: а) на основе уникального корейского способа организации труда — кобонди, б) массовым участием в государственной программе развития северного рисоводства. Количественная динамика корейского населения в разных регионах имела специфические особенности и колебания.

В. А. Колесников
(г. Волгоград, Россия)

Феномен этнонации в России

Понятийная неопределенность усложняет понимание этнопроцессов в Российской Федерации (РФ), закрепляется в научной литературе при использовании многообразия трактовок феномена нации: «российская нация», «нация россиян», «гражданская нация», «многоликая нация», «многонациональная нация», «русская нация», «этнонация» [Тишков 2011: 109].

В РФ этнонации территориально совпадают с национальными республиками, характеризуют также гражданскую целостность субъекта РФ с этно многообразием. Татарстан, Башкортостан, Республика Калмыкия, и др. субъекты РФ функционируют на конкретной территории с административными границами в рамках единой российской нации.

В массиве населения республик титульный этнос, как правило, самый представительный, но в региональных этноавтономиях со статусом субъектов РФ составляет этническое меньшинство: [Национальный состав населения Еврейской автономной области], [Национальный состав населения Ханты-Мансийского автономного округа].

При осмыслении «этнонации» представляют интерес подходы к этнонации русских в «нации наций», не имеющих в отличие от крупных этнообщностей титульной республики в РФ. Проблему эксплуатируют российские политики: русский вопрос — «это главный нерв современной российской политики: русские находятся в России в положении социально и этнически дискриминированного большинства» [Рогозин 2011: 3].

Значима аналитика соотношения понятий «этнонации» и «национальности» как видовой характеристики этнобытия с принадлежностью к культуре конкретного этноса при доминанте формирования гражданской идентичности и гражданского патриотизма в РФ [Путин 2012: 4–6].

В научном концепте нации гражданской доминантой задано первичное начало — суть которого в гражданском единстве при сохранении этнической самобытности российских народов. В этом демократическая основа развития гражданской нации, а с этим значим системный анализ компонентов обеспечения многонационального развития и социально-политической устойчивости современной России.

Литература

Национальный состав населения Еврейской автономной области по переписи 2002 г. / [Электронный ресурс]. URL: [http // worldgeo.ru>russua/lists/?id=33&code=79](http://worldgeo.ru>russua/lists/?id=33&code=79).

Национальный состав населения Ханты-Мансийского автономного округа по переписи 2002 г. / [Электронный ресурс]. URL: [http // worldgeo.ru > russua/lists/?id=33&code=86](http://worldgeo.ru > russua/lists/?id=33&code=86).

Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 7.

Розозин Д. О. Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы недели. 2011. № 36.

Тишков В. А. Россия – это нация наций // Единство в многообразии. Публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011.

М. В. Костин
(Московская обл., Россия)

Создание долговечных лесных культур лиственных пород на автоморфных степных почвах

Более полувека назад на юге Русской равнины было создано более 100 тыс. га широкополосных (ГЗЛП) и массивных лесонасаждений. К настоящему времени большая часть их достигла предельного возраста для зональных условий степи и находится на разных стадиях распада. Тем не менее, накопленный многолетний опыт исследований позволяет утверждать, что долговечность сохранившихся насаждений можно существенно продлить проведением комплекса малозатратных лесохозяйственных мероприятий в ближайшие годы [Манаенков, Костин и др., 2013].

Для массивного облесения новых территорий остро засушливых областей разработана технология создания лесных культур на автоморфных степных почвах [Манаенков, Шкуринский, Костин, 2015], включающая в себя многолетнюю (до 4-х лет) предпосадочную обработку почвы для накопления достаточного запаса буферной влаги в ризосфере, рядовую посадку (посев) через 2,0–3,0 м чистых 15–20-рядных кулис дуба, агротехнические уходы до смыкания крон, прочистку, а затем регулярное (каждые 2–3 года) низкоинтенсивное прореживание, исключаящее размыкание лесного полога. В качестве подлесочной породы рекомендуется использовать робинию лжеакацию, высаженную 3–4 рядами между кулис дуба и/или на его периферии.

Описанные методы будут способствовать повышению влагообеспеченности, ускоренному росту деревьев и формированию устойчивой лесной среды.

Литература

Манаенков А. С., Костин М. В., Шкуринский В. А., Сурхаев Г. А., Сурхаев И. Г., Лепеско В. В., Кладиев А. К., Узолин А. И., Зеленьяк А. К., Панов В. И., Петелько А. И. Методическое руководство по повышению долговечности широкополосных защитных лесных насаждений на юге европейской территории России. Волгоград: ВНИАЛМИ, 2013. 58 с.

Манаенков А. С., Шкуринский В. А., Костин М. В. Способ создания долговечных лесных культур // Патент № 2559944 РФ / Открытия. Изобретения, 2015. Бюл. № 23. 20.08.2015.

Социально-экономические последствия опустынивания в Калмыкии

Вторая половина прошлого века характеризуется разномасштабными вспышками опустынивания, охватившими и традиционный пастбищный регион Черные земли в Республике Калмыкия. До 1970 гг. этот центр стационарного овцеводства имел сезонный срок использования, но служил отгонными пастбищами для животноводов других регионов и областей: Ставрополья, Грузии, Дагестана, Астраханской и Ростовской [Дурдусов 2001]. Признаки экологического бедствия пастбищ стали проявляться после 70-х годов. Связаны они были с распашкой легких почв, ростом поголовья домашних животных, нарушением допустимых норм пастбищной нагрузки, общей аридизацией климата, что привело к ухудшению видового состава пастбищного травостоя, замене традиционных кормовых видов на менее поедаемые, и в итоге к пастбищной дегрессии и коренному разрушению почвенного покрова. Прирост площади пустыни в 70–80 годах XX века, составлял 40-50 тыс. га в год. Разработанная и успешно реализованная на части черноземельского массива Генеральная схема по борьбе с опустыниванием Черных земель и Кизлярских пастбищ способствовала подавлению лавинообразного процесса опустынивания на площади около 1 млн. га [Генеральная схема 1986]. Это произошло благодаря применению технологий комплексной фитомелиорации, что позволило полностью подавить процесс опустынивания и вернуть к 1996 году в хозяйственный оборот около 400 тыс. га многоярусных высокопродуктивных и зоотехнически комфортных пастбищных фитоценозов с запасом кормовой фитомассы 8-10 ц/га.

По данным 2014 года, площадь деградированных земель в Республике составила 6264,1 тыс. га., из них площадь антропогенного опустынивания разной степени занимает 1460 км². Посредством современных методов дистанционного зондирования, возможно, проводить оценку состояния земель охватывая большие площади, а современные технологии фитомелиорации позволяют проводить работы по закреплению песков и восстановлению деградированных пастбищ для их возврата в сельскохозяйственный оборот [Кулик 2004].

Литература

- Дурдусов С. Д.* и др. Фитомелиоративная реконструкция и адаптивное освоение Черных земель / С. Д. Дурдусов, М. С. Зулаев, К. Н. Кулик, В. И. Петров, В. Е. Хегай. Волгоград–Элиста, 2001. 332 с.
- Генеральная схема по борьбе с опустыниванием Черных земель и Кизлярских пастбищ* / И. В. Чешев, М. И. Абузов, А. М. Родин и др. Ростов-на-Дону: ЮжНИИ гипрозем. 1986. 61 с.
- Кулик К. Н.* Агролесомелиоративное картографирование и фитоэкологическая оценка аридных ландшафтов. Волгоград: изд. ВНИАЛМИ. 2004. 248 с.

Ч. К. Ламажаа, Л. В. Намруева
(г. Москва, г. Элиста, Россия)

Проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах ЮФО (обзор научных исследований)

Процессы архаизации и неотрадиционализма рассматриваются нами как обращение населения к прошлому, традиционному социокультурному опыту, практикам, установкам [Ламажаа, Намруева 2014]. При этом если архаизационные тенденции мы трактуем как стихийное обращение к архаическим социальным отношениям и практикам в условиях социально-экономической нестабильности и рассматриваем их волнообразное присутствие во всех сферах социальной жизни [Ламажаа 2013], то проявления неотрадиционализма мы понимаем как уже целенаправленную деятельность людей, групп людей, социальных институтов по возрождению культурных традиций (как архаических — древних, так и любых других исторических

периодов) [Ламажаа 2010].

Как отмечают члены экспертной группы Института этнологии и антропологии РАН, по основным компонентам текущей конкурентоспособности ЮФО заметно уступает большинству других федеральных округов. Здесь значительно ниже такие показатели, как уровень производительности труда, среднедушевой объем частных инвестиций в основной капитал, суммарный среднедушевой объем собственных бюджетных доходов регионов ЮФО, величина экспорта на душу населения. Округ характеризуется высокой долей теневой занятости, нелегальной миграцией, существенными размерами теневой экономики и коррупции [Межэтнические 2013]. Научные исследования процессов модернизации в регионах округа показывают, что модернизационное развитие здесь находится на начальном этапе [Намруева 2013]. Округу характерны экономическая отсталость преимущественно аграрных регионов, входящих в его состав, миграционные оттоки старожильческого населения, что приводит к потере регионом высококвалифицированных трудовых ресурсов. В то же время приток малоквалифицированной рабочей силы, прежде всего из стран Южного Кавказа и Центральной Азии, влияет на изменения социокультурной, языковой, религиозной структуры населения. «Сочетание с этническими различиями имущественного расслоения, приватизации земли, рынков и других объектов собственности, использование иноэтничных трудовых мигрантов в районах, характеризующихся повышенной безработицей среди местного населения, формирование коррупционных кланов — все это порождает общественную нестабильность и межэтническое напряжение», — считают специалисты из ИЭА РАН [Межэтнические 2013].

Помимо конфликтов, имеющих «экономическую» и «миграционную» природу, на территории округа существует множество внутренних проблем, связанных с высокой традиционностью населения и, как следствие, с действием культурных факторов при адаптации к трансформационным процессам в ходе модернизации. В качестве культурных факторов общественной жизни в ЮФО исследователями в первую очередь называется фактор религии. Речь идет о *процессе религиозного возрождения*, который развернулся на основе возникшего в 1990-е годы духовного, ценностного вакуума. Восстанавливаются старые и строятся новые храмы, создаются различные объединения светских последователей той или иной конфессии, активно развивается издательская и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций. Эти тенденции характерны и для Юга России, особенно для республик Северного Кавказа, где исламский фактор в явной или скрытой форме всегда имел существенное значение и регламентировал многие стороны социального бытия. В постсоветский период светская культура здесь стремительно стала подменяться религией. Население, особенно молодежь, активно приобщается к изучению арабского языка, чтению Корана и других религиозных книг. Проблема состоит в том, что активизация религиозного фактора сопровождается не только оттоком русского населения из республик Северного Кавказа, но и интенсивной миграцией мусульманского населения, прежде всего молодежи, в русские регионы Юга России, чья культура и образ жизни сложились под влиянием христианских ценностей. Значительная часть мусульманской молодежи приезжает на учебу в крупные города этих регионов, среди которых одним из центров притяжения стал Ростов-на-Дону, занимающий первое место на Юге России по количеству высших учебных заведений и числу студентов [Тарасова 2014: 425].

В Южном федеральном округе представлены три основные мировые религии — ислам, христианство (православная и протестантская ветви), буддизм. Д. Г. Котеленко, изучая профессиональные границы на Юге России, констатирует наличие достаточно стабильного профессионального ландшафта, который выглядит следующим образом:

- в Краснодарском крае, Волгоградской и Ростовской областях наиболее многочисленны православные христиане и неопротестанты;
- в Астраханской области, Республике Адыгея достаточно широко представлены православные христиане, приверженцы ислама и неопротестанты;
- в Калмыкии определяющую роль играют как традиционные для региона вероисповедания (буддизм, православие), так и интенсивно проникающие сюда ислам и неопротестантизм [Котеленко 2009].

Русская православная церковь в ЮФО стремится занять более активную позицию в воспитании подрастающего поколения. Вопрос воспитания в традициях православной культуры, по мнению РПЦ, особенно актуален в среде молодого поколения, а также в общеобразовательных школах. Первый съезд православной молодежи Юга России состоялся 28 ноября 2003 г., став важным событием в современной жизни южнороссийского региона. По мнению РПЦ, большую роль на этой территории играют СМИ, которые регулярно освещают жизнь православных приходов. Особую опасность представляет использование национального фактора в борьбе за передел собственности, ресурсов, в целом за политическую власть. Эта борьба обостряется во время проведения предвыборных кампаний. Действуют также и другие факторы в исторических, культурных, языковых, религиозных сферах [Раздольский 2011: 114].

Деятели Русской православной церкви на Юге России понимают, что нарастание межнациональных конфликтов несет в себе угрозу целостности Российской Федерации и ее национальной безопасности. Поэтому представители РПЦ совместно с лидерами традиционного ислама прилагают немалые усилия для поддержания межрелигиозного и межнационального мира. Руководство конфессий стремится противодействовать деструктивным культам и сектам как в исламе, так и в православии.

В целом активно исследуемая учеными тенденция религиозного неотрадиционализма в регионах округа взаимосвязана с геополитическим, политическим, экономическим и социальным факторами. Особым проявлением неотрадиционализма в округе стало широкое *казачье движение*. Казачьи народные традиции в течение всего советского периода практически не исследовались. Не только столичные, но и многие местные ученые долгое время полагали, что на Дону происходила постепенная деградация русской крестьянской традиции. Проблема сохранения и развития традиционной культуры актуализировалась в период кризисов и утраты этнической идентичности. Этническая составляющая казачьего возрождения присутствует в документах практически всех казачьих организаций Юга России. В этой связи ученые делают вывод о довольно сильной степени этнической идентификации участников движения в 1990-е годы, укорененности идеи «казаки — самобытный народ» [Рвачева 2014: 405].

В Уставе Краснодарского края в 1995 г. территория края была объявлена исторической территорией формирования кубанского казачества, а также был принят закон о реабилитации кубанского казачества. В 1993 г. в Ростовской области принималась программа возрождения казачества, предполагавшая возможность возрождения традиционного уклада жизни, культуры и обычаев донского казачества. Этническая составляющая казачьего возрождения в Астраханской области проявилась в признании репрессивной политики в отношении казачества как геноцида и в присоединении к отмечанию даты января как скорбной для казачества даты [Рвачева 2014: 407].

Федеральная целевая программа поддержки казачьих обществ предусматривала возможность возрождения казачьих поселений, развитие казачьего самоуправления, сохранение и развитие казачьей культуры. Основными событиями этнокультурного развития казачества являлись различного рода фестивали традиционной культуры, фольклорные фестивали, проведение казачьих скачек, празднования исторических событий, имеющих значение для казачества (празднование юбилея атамана Платова, событий Отечественной войны 1812 г. и т. д.). Правда, некоторые исследователи считают подобные мероприятия свидетельством кризиса этнокультурного развития казачества. В качестве основного доказательства они приводят низкие показатели самоидентификации казаков, полученные при проведении всероссийских переписей населения. В 2002 г. по всей России казаками себя назвали 140 тыс. человек (из них больше 130 тыс. человек на Юге России), а перепись 2010 г. зафиксировала резкое падение их численности по стране — 67 573 человек. Одновременно с этим наблюдается рост казачьих организаций этнического характера. В Волгоградской области таких национально-культурных автономий официально зарегистрировано 5. Некоторые из них имеют высокую номинальную численность — до 20 тыс. человек [Рвачева 2014: 407].

Исследователи процессов возрождения традиционной культуры казачества Юга России отмечают большую роль фольклорных казачьих коллективов, которые синтезировали соби-

рательскую, исследовательскую и практическую деятельность в сфере сохранения и возрождения не только песенной традиции, но и других сфер духовной и материальной культуры донских казаков. Деятельность таких коллективов, пишет Ю. И. Перцева, демонстрирует значимость и востребованность культурных традиций в современном возрожденческом казачьем движении [Перцева 2014: 382]. Другие исследователи казачества отмечают роль престольных праздников, являющихся, по их мнению, лучшими образцами возрождения народных праздников [Рыблова 2010].

Обзор научных исследований проявлений архаизации и неотрадиционализма по регионам Южного федерального округа показывает внимание ученых прежде всего к двум из них — религиозному неотрадиционализму, а также казачьему движению как особой форме неотрадиционализма, которые, безусловно, сопровождаются и рядом других архаизационных тенденций и форм неотрадиционализма. При этом очевидно, что, во-первых, религиозный неотрадиционализм является значительным фактором в социокультурной жизни, определяя ее особенности, а также создавая ряд проблем. Он представляет собой и адаптационную стратегию населения к современным реалиям размытых ценностей трансформирующегося общества, а также может выступать и источником социальной нестабильности, межэтнической напряженности. В массовом обращении к религии, подразумевающим сознательный выбор определенной веры, присутствует и архаическая составляющая — мифологичность мышления и практика «договора» с потусторонними силами для решения своих проблем. Во-вторых, религиозное возрождение, связанное, в том числе, с противопоставлением традиционных ценностей и ценностей либерализма, обусловленным неприятием чуждых установок преимущественно западного происхождения, входит в противоречие с задачами модернизации, поскольку последняя проводится часто без должного внимания к культурным традициям реформируемого общества. В-третьих, казачье движение также выполняет адаптационную функцию, играет этномобилизующую роль для населения в условиях социальной трансформации. Оно представляет собой комплекс форм неотрадиционализма (фольклорной, военно-патриотической, идеологической, праздничной, религиозной и пр.), также это и довольно сложный социальный феномен, который необходимо исследовать комплексно, с междисциплинарных позиций.

Литература

Котеленко Д. Г. Конфессиональные границы на Юге России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов : материалы Всерос. науч. конф. (21–22 сентября 2009 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 416 с. С. 151–153.

Кулибаба С. И. Некоторые особенности духовной культуры населения Астраханской области // Социология власти. 2005. № 1. С. 101–105.

Ламажая Ч. К., Намлинская О. О. Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации // Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 99–103.

Ламажая Ч. К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88–93.

Ламажая Ч. К., Намруева Л. В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа. // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С. 2–23.

Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова [Электронный ресурс] // Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем Министерства образования и науки РФ и Российской академии наук // http://rncmon.ru/wpcontent/uploads/2013/12/ЭКСПЕРТНЫЙ-ДОКЛАД_РНЦ-ЮФО_2013.pdf (дата обращения: 12.08.2014).

Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 133–137.

Перцева Ю. И. Возрождение традиционной культуры казачества в деятельности фольклорных коллективов Юга России // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 458 с. С. 378–383.

Раздольский С. А. Сохранение и развитие православия на Юге России // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона : материалы Всерос. науч. конф. (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 288 с. С. 111–114.

Рвачева О. В. Казачество Юга России: перспективы этнического развития и приоритеты государственной политики // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 458 с. С. 405–409.

Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «источках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

Тарасова Т. Т. Религиозный фактор в жизни вузовской молодежи г. Ростова-на-Дону // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 458 с. С. 425–430.

С. Э. Лиджи-Горяева, И. С. Авджаева
(г. Элиста, Россия)

О независимой оценке качества предоставления услуг в сфере культуры

Институтом комплексных исследований аридных территорий с 2016 года проводится независимая оценка качества работы организаций культуры республики.

Методические рекомендации исследования данной проблемы разработаны в целях реализации статьи 36.1 Закона РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и распоряжения Правительства РФ, утвержденного от 30 марта 2013 г. № 487-р.

Согласно методическим рекомендациям [Методические 2015], независимая оценка является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве оказания услуг организациями культуры, а также в целях повышения качества их деятельности.

Независимая оценка качества услуг учреждений культуры – есть оценка условий предоставления услуг по общим критериям:

- открытость и доступность информации об организации культуры;
- комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения;
- время ожидания предоставления услуги;
- доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации культуры;
- удовлетворенность качеством оказания услуг.

Цель исследования: оценка качества работы организаций культуры, составление рейтинга.

Объект исследования: услуги, предоставляемые республиканскими учреждениями культуры.

Предмет исследования: уровень удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры.

Основные задачи исследования:

- выявить открытость и доступность получения информации в учреждении;
- выявить комфортность условий пребывания в учреждениях культуры;
- выявить время ожидания предоставления услуги;
- выявить уровень доброжелательности, вежливости и компетентности работников учреждений;
- выявить уровень удовлетворенности граждан качеством обслуживания в учреждении культуры.

Независимая оценка учреждений культуры осуществляется методом массового социологического опроса потребителей культуры. В первом полугодии 2016 года проведен опрос в четырех учреждениях культуры РК. Опрошено 410 респондентов. Согласно данным опросов, удовлетворены получаемыми услугами абсолютное большинство (91,4 %) посетителей Национального драматического театра; подавляющее большинство (75,2%) посетителей Республиканского русского театра драмы и комедии. Из читателей Национальной библиотеки им. А. М. Амур-Санана удовлетворены получаемыми услугами (90,5%). Из числа граждан республики, посещающих Национальный музей им. Н. Н. Пальмова удовлетворены (88,6%)

Литература

Методические рекомендации по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры (для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления) (Утверждены Приказом Минкультуры России от 20.11.2015 № 2830).

Статья 36.1 Закона РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», пункт 4(1) «план мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013– 2015 годы»

*С. Э. Лиджи-Горяева, Б. А. Оконов
(г. Элиста, Россия)*

Коррупция в бизнес секторе Республики Калмыкия (по материалам социологического исследования)

В 2015 году Институтом комплексных исследований аридных территорий было проведено социологическое исследование «Коррупция в бизнес секторе Республики Калмыкия» [Лиджи-Горяева, Бурлыков, Оконов 2015: 1].

Цель исследования: выявление уровня коррупции в бизнес секторе Республики Калмыкия

По результатам опроса 2015 года, подавляющее большинство представителей бизнес-сообщества нашей республики не отрицали, что в нашем обществе наблюдаются факты, явления коррупции, взяточничества. Причем большинство респондентов считали, что явления коррупции и взяточничества встречаются часто и довольно часто. Основной причиной коррупции предприниматели считали недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами и возможности принятия единоличного решения должностными лицами, свобода принятия решений.

Также по данным опроса, почти половина его участников отметили, что им приходилось попадать в коррупционную ситуацию в 2014 г. Как свидетельствуют полученные данные, большинство респондентов, столкнувшихся с коррупционной ситуацией за последний год, отметили, что им пришлось давать взятку. Анализ положительных ответов на вопрос: «Пришлось ли Вам давать взятку?» – по сферам экономической занятости показал, что в сфере торговли и транспортных услуг наиболее высока вероятность, в случае попадания в коррупционную ситуацию, дача взятки. [Лиджи-Горяева, Бурлыков, Оконов 2015: 44].

Отметим тот факт, что каждый десятый, попавший в коррупционную ситуацию, не стал давать взятку. Можно сказать, что лишь небольшая часть представителей бизнес-сектора республики старается решать проблемы своего бизнеса другими путями, без дачи взяток.

Среди предпринимателей, попавших в коррупционную ситуацию и не отказавшихся от дачи взятки, положительный исход в решении проблемы наблюдается у 91,2%. Таким образом, можно сказать, что уровень «надежности коррупционных услуг» довольно высокий, т. е. дача взятки должностному лицу, в нашем случае, гарантирует решение проблемы.

Лица, оказавшиеся в коррупционной ситуации за прошлый год, признались, что давали взятку в различных сферах. Как правило, инициаторами неформальных выплат являются чиновники (56,7%), а также сами респонденты были не прочь дать взятку (23,2%). Большинство

предпринимателей призналось, что в качестве неформальной выплаты в основном преподносятся денежные вознаграждения.

Кроме того, значительной части предпринимателей не приходится сталкиваться с проблемами откатов в процессе решения своих проблем с представителями органов власти или в иных инстанциях.

Результаты настоящего исследования показали, что представители бизнес-сообщества в большинстве своем информированы о проводимой федеральными и республиканскими органами власти политики противодействия коррупции. Кроме того, подавляющее большинство (72,0%) респондентов знают об основных мерах по противодействию коррупции, хотя и в различной степени. Но, вместе с тем, сообщить информацию о фактах коррупции в какие-либо инстанции готовы далеко не все.

Литература

Лиджи-Горяева С. Э., Бурлыков Д. А., Оконов Б. А. Проблема коррупции в сфере транспортного сектора Республики Калмыкия. // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. Элиста. 2015. № 2. С. 44–54

Комплексное исследование коррупции и разработка рекомендаций по снижению коррупционных рисков в Республике Калмыкия. Коррупция в бизнес секторе Республики Калмыкия. Элиста, 2015. Социолог. опрос [Опрос проводился в г. Элиста и районах республики, выборка 182 респ.] // Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, Д. А. Бурлыков, Б. А. Оконов // Архив отдела социологических исследований ИКИАТ.

С. Э. Лиджи-Горяева, Д. А. Бурлыков
(г. Элиста, Россия)

Независимая оценка оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания

Институтом комплексных исследований аридных территорий с 2016 года проводится независимая оценка качества оказания социальных услуг учреждениями социального обеспечения населения.

Целенаправленность и долговременность проведения изучения и анализа данной проблемы предполагают осуществление мониторинга ведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания населения в соответствии с приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2013 г. № 234а [О методических 2013]. Исследование проводится в г. Элиста и в 13-ти районах республики.

Цель исследования: оценка качества работы учреждений, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания, составление рейтинга.

Объект исследования: организации, оказывающие социальные услуги в сфере социального обслуживания населения.

Предмет исследования: уровень удовлетворенности качеством социальных услуг в сфере социального обслуживания.

Независимая оценка в учреждениях социального обслуживания населения осуществляется методом массового социологического опроса получателей услуг. С начала 2016 года проведен опрос в семи Комплексных центрах социального обслуживания населения в районах республики. Опрошено 208 респондентов.

Согласно материалам опроса, абсолютное большинство обслуживаемых в обследованных социальных учреждениях удовлетворены качеством оказываемых им социальных услуг, например: в Ики-Бурульском и Кетченеровском районах по 100%, в Городовиковском — 97,0%.

По признанию респондентов, услуги оказываются своевременно и отведенного на оказание услуг времени им достаточно. Практически все обслуживаемые проинформированы о

порядке подачи жалобы на качество оказываемых социальными работниками услуг в случаях необходимости. Обслуживаемые социальными учреждениями граждане выразили высокий уровень удовлетворенности доступностью информации, условиями в учреждениях, качеством обслуживания, режимом работы учреждения.

Литература

О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2013 г. № 234а.

Оценка качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: социолог. опрос [проводится с 2016 года в г. Элиста и 13-ти районах Респ. Калмыкия; выборка – 344 респондента] / Ин-т комплекс.исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, Д. А. Бурлыков, И. С. Авджаева // Архив отдела социологических исследований ИКИАТ.

М. З. Магомедова
(г. Махачкала, Россия)

Конфессиональная картина Северного Кавказа

Российская цивилизация является культурно-исторической общностью универсального типа, объединяющей в себе сразу несколько конфессий. Историческая роль разных религий в российской цивилизации была далеко не одинаковой. Некоторые вероисповедания — восточное православное христианство и ислам — приобрели характер цивилизационной доминанты, определив этническую, географическую и геополитическую среду развития всей российской истории. Эти религии стали для России основными источниками цивилизационного синтеза, в ходе которого локальное многообразие культур интегрировалось вокруг фундаментальных духовных ценностей.

Сегодня ислам является второй по числу последователей религией в России, ее исповедуют около 20 миллионов человек, 38 населяющих нашу страну народов считают себя «традиционно исламскими народами». Ислам — не только великая цивилизация и культура, религиозное учение, давшее человечеству высочайшие образцы духовно-нравственных гуманистических ценностей, это и образ жизни миллионов мусульман, многих коренных народов России. В исламе, как и в других традиционных религиях, большое значение имеют основополагающие ценности: уважение к старшим и заветам предков, культу семьи и родственных отношений, любовь к Родине и т.д. Солидарность, чувство причастности к целому — государству, общине — сформировали основы национального характера коренных народов России, культура которых основывается на наших традиционных религиях. На юге страны представлены все крупнейшие конфессии мира: христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Их взаимодействие и переплетение привели к тому, что духовная культура проживающих здесь народов представляет собой сложнейшее синкретическое явление. И очевидно, что без учета особенностей и своеобразия религиозных феноменов практически невозможно строить диалог культур, их сотрудничество и формирование толерантности, строящиеся на терпимости и уважительном отношении к другим людям независимо от этнической и религиозной принадлежности.

С одной стороны, светский характер государства, отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом установлены и закреплены в Конституции и законодательстве Российской Федерации. С другой стороны, религия, религиозные объединения не отделены от общества в целом. Светскость не предполагает оторванность религии от общества, в жизни нет разрыва религиозных мусульманских норм с ценностями российского общества. Они не только не противоречат друг другу, но дополняют друг друга. Современная наука оперирует социологическим портретом, пытаясь определить «социологическое лицо»

современного российского мусульманина. Современный верующий, современный мусульманин — это общественно и политически активная личность, имеющая свои убеждения и значительную достаточно высокий уровень образования.

Мусульманская умма России, как единое социальное, политическое, правовое и культурное образование, находится в процессе становления. Политические интересы мусульман в нашей стране только еще формируются, но в целом Совет муфтиев России фиксирует толерантное отношение российских мусульман к представителям других конфессий, высокую степень заинтересованности в получении религиозного образования и в продолжении светского образования, готовность добиваться реализации своих интересов путем поиска новых источников заработка. Абсолютное большинство российских мусульман предпочитает социальные методы общественной активности политическим.

У большинства российских мусульман именно ислам занимает ведущее место в их жизни, и его значимость для личности и общества продолжает возрастать. Такие ценности мусульман, как общность с единоверцами и со своей семьей, еще раз убедительно свидетельствуют о высоком социальном потенциале исламского вероучения. Проведенные Советом муфтиев России исследования показывают, что при выборе приоритетов у мусульман обнаруживается склонность к общегражданским, общечеловеческим ценностям. Но для людей, пришедших в мечеть, есть и особые приоритеты, отражающие их собственную позицию. Свобода вероисповедания преобладает над всеми другими обозначенными приоритетами, на это указали 65% опрошенных мусульман. Следующие приоритеты — равенство всех граждан перед законом (62%), независимость суда, избрание президента непосредственно народом, возможность передвижения по стране; приоритеты, приближающие мусульман к осознанию своего места в социуме, чувство общности с согражданами. Подавляющее большинство — 94% мусульман считают ответственность за себя и близких самым важным качеством. При этом на ответственность за то, что происходит в обществе, указали лишь 20%. Равенство возможностей всех граждан выделяют для себя как значимый приоритет 52,5%, социальную справедливость в распределении материальных благ — 49%. Можно говорить о человеческой и гражданской позиции опрошенных мусульман, ибо равенство возможностей и социальная справедливость в большей степени определяют перспективу получения доходов [Вера 2007: 237–238].

Для конфессиональной ситуации в России характерна довольно жесткая привязка ислама к определенным проживающим в стране этносам. «Перепись выделила в качестве отдельных этносов 20 исповедующих ислам аборигенных народов Кавказа (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги, абазины, чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы, агулы, рутульцы, цахуры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, хемшилы)» [Религия 2008: 94]. По итогам переписи мусульманские народы в процентном отношении увеличили свое количественное представительство в российском обществе. Так, по сравнению с 1989 г. количество татар в России выросло на 0,7%, башкир — на 24,4%, чеченцев — в полтора раза, казахов — на 3%, азербайджанцев — в 1,9 раза, кабардинцев — на 34,7%, даргинцев — на 44,4%, кумыков — в полтора раза, ингушей — в 1,9 раза и т.д. [Российская газета 2004: 15].

Северный Кавказ является одним из самых полиэтничных, поликонфессиональных и поликультурных регионов мира. Уже в течение многих веков ислам является неотъемлемым компонентом духовной и материальной культуры многих кавказских народов. Как пишет А. В. Малашенко, «ислам всегда был и остается не только религией, но и фактором, формирующим этническую идентичность, социальное устройство мусульманской общины, влияющей на ее политические ориентации» [Малашенко 2001: 169].

«Сегодня религии все более воспринимаются народами Северного Кавказа как носители общечеловеческих духовных ценностей, существенный элемент культурного наследия северокавказских народов. В современных условиях в общественном сознании этих народов утвердилось мнение о том, что религия является не только формой общественного сознания, но и носителем нравственных общечеловеческих ценностей, составной частью культурного наследия, одним из существенных факторов, формирующих национально-этническое сознание народов Северного Кавказа» [Исмаилов 2007: 231–232].

Конфессиональное пространство региона можно условно разделить на четыре основные части: 50% — религиозные организации мусульман; 30% — религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 17% — протестантские организации и 3% — буддисты и иудеи.

Из 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ), действующих в регионе самое крупное региональное Духовное управление мусульман зарегистрировано в Дагестане, где действуют 1756 мечетей. ДУМ Чечни объединяет около 300 мечетей, Ингушетии — 85, Северной Осетии — 19, Кабардино-Балкарии — 130, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края — 113, Адыгеи и Краснодарского края — 28, Ростовской области — 17, Калмыкии — 2. [Ханбабаев 2007]. Духовные управления мусульман в Республиках Северного Кавказа действуют автономно, вне единого управления. Они тесно сотрудничают с местными органами власти, что вызывает недовольство у рядовых верующих, считающих что духовенство действует в своих корыстных интересах, забывая об интересах ислама и уммы.

Возрождение ислама и христианства в постперестроечный период в регионе имеет свои особенности. Во-первых, ислам по сравнению с христианством сумел сохранить большое воздействие на своих приверженцев. На Северном Кавказе практически 100% похорон в советский период проходило по мусульманскому обряду с присутствием мулл и исполнением заупокойной молитвы — ясина. В Чечено-Ингушской Республике, Дагестане, Кабардино-Балкарии мусульманские праздники Ураза-Байрам, Курбан-Байрам отмечались практически в каждом ауле. Во-вторых, ислам в России — религия национальных меньшинств: это было средство их самосохранения и выживания, элементом этнического самосознания и самоидентификации. Можно сказать, что в советский период ислам на Северном Кавказе оставался частью «религиозного наследия, призванного в качестве культурного и духовного достояния народов» [Аликберов 2003: 689]. Ислам продолжал существовать в латентной форме весь советский период истории.

В-третьих, к возрождению ислама в России причастны зарубежные мусульманские государства: происходит процесс духовного воссоединения российских мусульман с единоверцами в мире, развитие у них ощущения, что они часть исламского мира. С начала 90-х годов XX столетия количество паломников в Мекку из России увеличилось в десятки раз, в первое время расходы на хадж брала на себя принимающая сторона — Саудовская Аравия.

В-четвертых, исламское возрождение не является чисто религиозным процессом. Глубокое внедрение ислама в политику России, по мнению известного исламоведа А. Малашенко, может воздействовать на расстановку сил в обществе на региональном уровне и оказать впоследствии влияние на внешнюю политику России [Малашенко 1998: 71].

Применительно к северокавказскому исламу нередко используется понятие «традиционалистский». Исследователи ислама часто рассуждают о его единстве и вместе с тем многообразии как социокультурной традиции. На Кавказе произошло сращивание «нормативного» ислама с местным духовным субстратом разных национальных культур, в результате чего сложилась специфическая региональная форма его бытования, основой которой являются общеисламские принципы.

Локальный традиционализм обусловлен мирским мультикультурализмом множества этносов, образующих исламскую умму. Именно через традиционалистский, а не догматический ислам в первую очередь формируются стереотипы поведения каждого конкретного мусульманина, который на бытовом уровне является членом своей этноконфессиональной общины и только на макроуровне — носителем ценностей и атрибутов мировой уммы [Малашенко 2001: 25].

Мусульманская умма России имеет общее духовное и географическое пространство, совпадающее с границами государства. Ведь сегодня нет ни одной области или республики, где не жили бы мусульмане. Миграционные процессы привели к тому, что мусульмане расселились на всем пространстве России — от Калининграда на западе до Камчатки на востоке, от заполярных городов на севере до Дагестана на юге. Россия сегодня — великая мусульманская держава, численность мусульман в которой больше, чем во многих мусульманских странах.

Именно это является основанием для того, чтобы мусульмане чувствовали, что любая точка этой страны является Отечеством для них, в этом и заключается для российских мусульман источник патриотизма и любви к Родине. При этом нужно учитывать, что российские мусульмане одновременно чувствуют себя членами всего мирового мусульманского сообщества. Исследователями отмечается, что «степень воздействия религии на личность, общество, политику на Востоке значительно сильнее, чем на Западе, поскольку общественные функции ислама во многом отличаются от христианских и по существу, и по форме» [Ислам 1986: 5].

В настоящее время на Северном Кавказе наблюдается противостояние между «традиционалистами» и «фундаменталистами», деятельность которых направлена на создание государства на основе принципов раннего периода истории мусульманской религии через политическую дестабилизацию в регионе. Следует подчеркнуть, что в основном мусульманские народы республик Северного Кавказа исповедуют ислам суннитского толка. Суннизм подразделяется на несколько мазхабов (богословско-правовых школ), из которых на Северном Кавказе действуют ханафитский, шафиитский и ханбалитский. Причем, мусульмане республик северо-западного Кавказа следуют ханифитскому и шафиитскому мазхабам в суннизме; а в Дагестане, Чечне и Ингушетии представлен суфийский ислам, в форме накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. Этим школам духовно-правового направления суннизма присущи такие качества как терпимость к инакомыслию, мирное сосуществование с другими культурами. Наиболее распространен в стране относительно либеральный ханафитский мазхаб, которого придерживаются большинство мусульман на Северном Кавказе: кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги, абазины, меньшая часть ингушей, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, отдельные группы в составе других дагестанских народов, часть татов, абхазы-мусульмане, осетины-мусульмане. Причем, ханифизм умело приспосабливается к новым веяниям, наиболее гибко реагирует на изменения в этнокультурной среде. Умеренный шафиитский мазхаб преобладает среди дагестанских народов (кроме ногайцев), его придерживаются чеченцы, большинство ингушей. В последнее время получил распространение среди мусульман Чечни, Дагестана и в некоторых других районах страны консервативный ханбалитский мазхаб (точнее, его ваххабитская ветвь).

Шиизма в России придерживается большинство (приблизительно 70%) переселившихся к нам азербайджанцев, персы, часть таджиков, часть татов и небольшая часть даргинцев и лезгин.

Наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама на Северном Кавказе с 90-х годов XX века утвердился ваххабизм, представляющий собой ярко выраженное религиозно-политическое течение в суннитском исламе. Ваххабизм превратился в идеологическую оболочку терроризма усилиями тех политиков и религиозных деятелей, которые гипертрофируют заложенные в нем деструктивные идеи (фанатизм в вопросах веры и склонность к экстремизму в практике борьбы со своими религиозными противниками) и принижают гуманистические (проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман, призывы к соблюдению морально-этических принципов ислама, осуждение роскоши и стяжательства) [Религия 2008: 72].

Главная угроза общественной безопасности Российской Федерации со стороны религиозно-политического экстремизма заключается в его стремлении навязать обществу модель «исламского государства» на основе жесткого, вплоть до вооруженного подавления инакомыслия. Религиозный экстремизм стал идеологическим инструментом национальных элит, апеллировавших к своему населению и с самого начала возникновения получал довольно ощутимые внешние импульсы.

Северокавказский вариант ваххабизма проявил себя как деструктивная религиозно-политическая сила, связанная с международным терроризмом и сепаратистскими группировками в регионе. Деятельность религиозно-политических экстремистов и террористов привела также к росту этноконфессиональной нетерпимости и обострению социально-политической и религиозной ситуации в регионе. Сторонники экстремистских религиозных течений гипертрофируют заложенные в религии элементы нетерпимости, тенденциозно трактуют положения

религии, вырывая из контекста, делают акценты на одних догматах в ущерб другим. Например, содержащееся в Коране положение о джихаде трактуется исламскими экстремистами исключительно как использование силы против «неверных». Вместе с тем слово «джихад» в переводе с арабского означает «усилие», отдача всех сил ради распространения и торжества ислама.

Спокойное, толерантное сосуществование сообществ с различными религиозными и этническими идентичностями нуждается в интенсификации их диалога, отказе от разделения народов, их культур на развитые и отсталые, а религии — на истинные и неистинные. Представляется, что самым худшим злом для человечества будет, если на смену с таким трудом преодоленным идеологическим противоборствам времен «холодной войны» придут конфликты между носителями разных религиозных, культурных и этнических идентичностей. Поэтому необходимы меры, способствующие формированию единого культурного пространства, наполнение конкретным содержанием идей партнерской цивилизации, содействие диалогу, при осознании непреложной истины — различие культур, этносов, языков, религий — является нормой человеческого общества.

Литература

- Аликберов А. К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака ик» (XI-XII). М.: Восточная литература. 2003. 847 с.
- Вера. Этнос Нация.* Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция. 2007. 368 с.
- Ислам в современной политике стран Востока.* М.: Наука. 1986. 279 с.
- Исмаилов А. Ш., Ханбабаев К. М., Рагимов А. А.* Религии в Дагестане: история и современное состояние. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 2007. 288 с.
- Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф. 2001. 180 с.
- Малашенко А.* Исламское возрождение в современной России. М. 1998. 222 с.
- Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) /* Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН. 2008. 415 с.
- Российская газета.* 2004. 31 марта.
- Ханбабаев К. М.* Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтно-конфессиональном обществе // РИА «Дагестан» 05.06.2007 г.

К. В. Маитыков
(г. Элиста, Россия)

Мониторинг растительного покрова пастбищ пустынной зоны

В связи с ростом поголовья скота, наблюдающегося в последнее время в восточных районах Республики Калмыкия, необходимо четко отслеживать динамику состояния фитоценозов и своевременно реагировать в случае их ухудшения, чтобы вовремя остановить процессы дегрессии, так как почвы пустынной зоны Республики Калмыкия являются очень уязвимыми и хрупкими.

В связи с этим целью нашего исследования является мониторинг пастбищных угодий пустынной зоны Республики Калмыкия.

В задачи исследования входило: создание ГИС-макета пастбищных угодий Привольненского СМО; составление флористического списка сосудистых растений; расчет урожайности и допустимой пастбищной нагрузки фитоценозов. Объектом исследования являются пастбищные полигоны Привольненского СМО Яшкульского района РК.

Камеральная обработка полевого материала показала, что общее видовое разнообразие исследуемых полигонов составило 74 вида растений, относящихся к 17 семействам. Многочисленными семействами являются *Poaceae*, *Asteraceae* и *Chenopodiaceae* по 17, 16 и 7 видов соответственно. Виды из семейства *Poaceae* относятся к эдификаторам, доминантам и содоминантам изученных растительных сообществ: *Poa bulbosa*, *Stipa lessingiana*. Виды из семей-

ства *Asteraceae* выступают содоминантами: полукустарнички – *Artemisia lerchiana*, *Artemisia pauciflora*, *Artemisia taurica*. Обилие видов семейства *Chenopodiaceae* обусловлено широким распространением засоленных почв. В травостое принимают участие весенние и раннелетние эфемеры и эфемероиды из семейств *Brassicaceae*, *Boraginaceae*. При анализе жизненных форм среди отмеченных нами семейств доминирующими жизненными формами являются монокарпические и поликарпические травы.

Анализ видов растений по экологическим группам по отношению к влаге и засолению показал, что чуть менее 40% видов относятся к ксерофитам. 10 видов относятся к мезофитам, в нашем регионе они представлены, как правило, пустынными эфемерами и эфемероидами. Еще 27 видов способны регулировать свой водный обмен, приближаясь к засухоустойчивым формам.

При сравнительном анализе рудеральных и кормовых видов растений, нами было выявлено, что в девяти фитоценозах количество кормовых видов преобладает над количеством рудеральных видов. Это свидетельствует о хорошем качестве состояния пастбищной растительности. Общее количество видов на ключевых участках варьирует от 19 до 34 видов, количество кормовых видов в фитоценозах варьирует от 32 до 56%.

Сравнительный анализ полученных результатов с данными геоботанических обследований ЮжНИИГИПРОЗЕМА в 1994 г., позволил зафиксировать существенные изменения в составе и структуре растительного покрова [Карта 1994]. Нами было отмечено деградационное изменение растительности пастбищ в северо-западном направлении по территории СМО. Так, лерхопопынно-ковыльно-злаковое сообщество сменяется на лерхопопынно-мятликовое. В травостое снижает свое проективное покрытие *Stipa lessingiana*, *Festuca valesiaca* переходя из доминантов фитоценоза в растения, принимающие участие в травостое, с проективным покрытием менее 5%. Их роль занимает эфемероид *Poa bulbosa*. Мы предполагаем, что данная территория интенсивно используется под выпас скота в ранневесенний период. При стравливании злаков, они не успевают обсемениться и дать начало новым растениям, кроме того, при вытаптывании нарушается целостность дернины. Таким образом, негативное воздействие в течение нескольких лет привело к выпадению из травостоя злаков. Эфемероид *Poa bulbosa* в силу своего короткого вегетационного периода имеет преимущество над плотнодерновинными злаками, поэтому за двадцатилетний период смог вытеснить их и занять доминирующее место. Лерхопопынно-ковыльно-мятликовый фитоценоз сменяется на мятликовое сообщество с участием полыни Лерха. Здесь имеет место перевыпас скота, причем интенсивность выпаса, по всей вероятности, также приходилась на ранневесенний период. Ухудшение состояния пастбищной растительности отмечается и в лерхопопынном сообществе с итсегеком. Он сменяется на рудерально-лерхопопынно-мятликовое. Однако, в данном случае, перевыпас скота не имеет большего значения. Здесь, по всей вероятности, причина в гранулометрическом составе почв. На закрепленных песках необходимо было проводить фитомелиоративные работы, которые, к сожалению, не проводились. Полукустарнички и плотнодерновинные злаки на легких почвах уступают свое место растительности, с плохо развитой корневой системой. Поэтому увеличение доли участия в травостое эфемерной и рудеральной растительности является вполне логичным. Если и дальше не будет произведена должным образом фитомелиоративная работа, то на данной территории в скором времени можно будет зафиксировать открытые песчаные массивы, которые из года в год, будут увеличивать свою площадь. Данная проблема нами была зафиксирована в 2012 г. на припоселковых пастбищах находящихся к юго-западу от населенного пункта.

При сравнительном анализе допустимой пастбищной нагрузки (ДПН), полученной в результате исследований с нормой нагрузки принятой Правительством РК [О внесении, 2016], в осенний период нами было отмечено несоответствие урожайности и допустимой пастбищной нагрузки. Расчетная ДПН, как правило, была значительно ниже нормы нагрузки. Причиной этому стало низкое проективное покрытие и высота основной массы травостоя, также в большинстве случаев это усугублялось чрезмерным стравливанием. В весенний период ситуация значительно лучше. На 6 ключевых участках из 10 ДПН соответствует норме нагрузки.

Нарушение норм выпаса приводит к деградиционным процессам, одним из ярких примеров которого являются открытые песчаные массивы, распространенные на значительной территории объекта исследования. Исходя из проведенных исследований и учитывая усугубляющуюся с каждым годом ситуацию, нами были сформулированы практические рекомендации: снизить антропогенную нагрузку по всей территории СМО в 1,5 раза; запретить выпас на фитомелиорированных участках; на развеваемых песках произвести подсев трав (кияка и житняка) и посадку джужгуна для закрепления песков.

Литература

Карта геоботанического обследования совхоза «Улан-Хееч» Яшкульского района Республики Калмыкия–Хальмг Тангч. 1:50000. Элиста: ЮЖГИПРОЗЕМ, 1994;

О внесении изменения в постановление Правительства Республики Калмыкия от 27 апр. 2006 г. № 158: постановление от 31 марта 2014 г. № 118 [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.kalmregion.ru/docs/postanovleniya-pravitelstva-rk/10414-585-20-2013> (дата обращения: 02.04.2016 г.).

К. А. Наднеева
(г. Элиста, Россия)

О культуре монгольских народов

Культура — сложный и многообразный феномен. Это особый уклад жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности и характеризующий отличие человеческого бытия от животного существования. Возникает несколько линий в разработке проблематики. Первая линия рассматривает культуру как процесс развития человеческого разума и разумных форм жизни, противостоящих дикости и варварству; как историческое развитие человеческой духовности (Кант, Гегель, немецкие романтики, В. Соловьев и др.)

Вторая линия акцентирует внимание не на поступательном историческом развитии культуры, а на ее особенностях в тех или иных типах общества, рассматривая различные культуры как автономные системы ценностей и идей, определяющих способ социальной организации (Риккерт, Кассирер, П. Сорокин и др.). Вместе с тем было расширенное понимание культуры, путем включения в нее всего богатства материальной культуры, этнических обычаев, разнообразия языков и символических систем.

Вследствие сказанного культура монгольских народов — это особое явление (буряты, калмыки, монголы). Данной теме в последнее время уделяют значительное внимание зарубежные, российские, монгольские исследователи. Можно назвать таких ученых, как академик Б.Владимирцев, А. Позднеев, Е. Торчинов, В. Дианова, Ж. Долгорсурэн, В. Бадмаев, К. Наднеева и другие, которые изучают и исследуют данную проблему в этноисторическом ракурсе.

Культура монгольских народов в истории развития и становления общества связана, прежде всего, с образом вышеназванных народов: кочевой, полукочевой, оседлый. Главный критерий — это кочевое животноводство, хозяйствование и кочевой образ жизни, поскольку не закреплена территория; там, где степь, полустепь; умение адаптироваться к суровым природно-климатическим условиям засушливых территорий, слитность с природой.

Соответственно, вся материальная и духовная культура приспособлена к укладу жизни монгольских народов. Еще одна специфика становления культуры монгольских народов связана с тем, что калмыки, монголы, буряты, минуя стадию капиталистического развития, осуществили переход к социализму, а это отложило отпечаток на их культуру: отсутствие влияния классической западной культуры, ее индивидуализации. К специфике культуры монгольских народов можно отнести и то, что калмыки, буряты находятся в духовном пространстве России и отсюда взаимовлияние культур, в частности, большое влияние русской культуры (двуязычие), что способствует тому, что данные народы не чувствуют расщепления культур, ее инаковость.

По всей вероятности, разброс в анализе культур данных народов обусловлен территорией и разобщенностью монгольских народов, ибо практически регион проживания — весь мир. В качестве еще одного аспекта своеобразия культуры монгольских народов можно выделить влияние глобализационных процессов, происходящих в мире: контакт и расширение международных связей, диалог культур в контексте мировой цивилизации. Свойственные человечеству идеи духовности, гуманизма в измерениях глобального пространства вклиняются в диалог культур, что способствует гармоническому развитию той части общества, где занимаются не только научными поисками решения задач, но и вовсе далеких от наук многих тонкостей, возникающих в процессе материализации, в том числе деструкций, наблюдающихся в мире.

В результате вышесказанного, новый подход к исследованию и анализу культур монголоязычных культур находит поворот к использованию таких понятий как «метиссаж», «метиссизация», «транскультурация», наряду с этночным сознанием, этночной философией. Метиссаж (Бабьер Р., Питерс Я., Дианова В. и др.) — это структура, которая не будет противоречить ни современности, ни традиции, но будет включать в себя эти компоненты. Эта структура содержит в себе сочетание ценностей разнообразных сфер жизни: культурной, общественной, политической, особенно духовной. Что касается метиссизации, то мое внимание сосредоточено на деликатной проблематике — смешанные браки, поскольку на данный вопрос существуют противоположные мнения. С одной стороны — это благо: знание культуры, традиций, обычаев иной нации изнутри. С другой — возникают противоречия: не всегда та или иная сторона готова к этому. Так, калмыцкий исследователь Хара Даван подчеркивал, что денационализация в быту, вкусах, понятиях и верованиях завершается денационализацией духовной, правда, высказано слишком резко. Межэтнические браки стали повседневным событием и широко распространены в последнее время. На бытовом уровне существует и такое мнение: метис — это новая нация, которая совмещает национальные особенности каждого этноса с выходом во вне, стиранием границ и различий в культуре. В результате формируется транскультурное пространство, понимаемое как пространство, в котором происходит взаимодействие разных культур осуществляемое их носителями (субъектами).

В 2013 году мною был выигран международный грант Российского гуманитарного научного фонда: Россия – Монголия «Культурная самобытность монголоязычных народов». В рамках проекта частично проанализирована и изучена культура двух народов, выявлены общие тенденции, содержание, обычаи, традиции. Выпущено 4 монографии (одна РИНЦ); серия научных статей, в том числе 7 из списка ВАК. Выявлены общие черты: историко-генетические корни; влияние образа жизни на культуру; буддизм, его роль в формировании целостности и этноконфессиональной общности. Культура монгольских народов едина по содержанию, но по форме имеются различия, что и получило отражение в научных монографиях и статьях.

Культура монгольских народов связана с буддизмом. Буддизм как структурирующее начало культуры монгольских народов показывает процесс перехода от мифологического воззрения к более развитому — буддизму, а затем к философским идеям. Это способствовало стабилизации и универсализации монгольских народов, консолидации ее этнических групп в полиэтничный субэтнос — ойраты. Русский философ В. Соловьев считает, что структурирующее начало буддизма простирается шире, ибо он сыграл роль культурной константы не только для монгольских народов, поскольку «освобождение от зоологических свойств народного эгоизма или национализма» — мерило и основа для положительного отношения ко всем другим народностям, сообразно, безусловному нравственному началу [Соловьев 1989]. Кроме того, высокими культурными ценностями выступают калмыцкий «Джангар», «Сокровенное сказание монголов» (Монголын нууц товчоо), устное народное творчество, народная мудрость; язык, музыка и живопись. Все это в совокупности и составляет культуру монгольских и калмыцких народов. Интерес к этическим ценностям вышеуказанных народов повышается; некоторые культурные объекты монголоязычных народов все еще нуждаются в изучении.

Литература

Соловьев В. Лекции по истории философии. Послесловие и публикации Смирнова В. А. // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 50.

Сельская жизнь в Калмыкии: традиции и новации*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-08005.

Изменения в традиционной хозяйственной системе аграрной республики начались, прежде всего, с началом аграрной реформы 1990-х гг., ставшей неизбежным этапом в общем ходе процесса исторического развития всей страны. Исследователи отмечают, что в современных условиях актуальность проблемы традиций и новаций приобрела большое значение. Это определяется сложностью процессов и явлений, происходящих в жизни общества, отсутствием научно обоснованных разработок и рекомендаций, отражающих специфику переходных состояний социума [Бокачев, Газгирева 2010: 76]. Однако итоги переустройства сельского хозяйства и жизни селян не принесли ожидаемых результатов. Важнейшие компоненты аграрной реформы 90-х гг. — вопросы землепользования и землевладения, форм хозяйствования, средств и результатов производства, в целом проблема права собственности, его использования в интересах самих производителей — не нашли полного практического решения в жизни сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В результате аграрной реформы на основе реорганизации совхозов число крестьянских хозяйств значительно увеличилось. Однако основная масса проблем так и осталась нерешенной в силу отсутствия финансового обеспечения. Ликвидация крупных хозяйств в начале 1990-х гг., создававших фундамент социально-экономической жизни сельских сообществ, привела к катастрофическому снижению жизненного уровня жителей села, деградации и гибели сельских поселений. Среднедушевые доходы основной части населения Калмыкии в 2000 г. едва позволяли сводить концы с концами, покупка товаров долговременного пользования культурно-бытового назначения была не реальной. Необходимо иметь в виду, что больше половины населения республики (58,5 %) имело доход ниже величины прожиточного минимума [Лиджи-Горяева 2012: 56].

Сложной является проблема инновационного развития мясного скотоводства с использованием мясных пород крупного рогатого скота (КРС). Современная первичная переработка скота на селе, которая за рубежом, будучи кооперативной, приносит ощутимый доход сельским жителям и обеспечивает поставки в город и на глубокую переработку качественно другого продукта по сравнению с поставками скота на забой. В подавляющем большинстве аграрных предприятий республики производство сельскохозяйственного сырья организовано без какой-либо переработки. Это лишает крестьян значительной части прибыли, ведет к сокращению числа рабочих мест в сельских поселениях, обостряя и без того сложную экономическую и социальную ситуацию на селе. АПК республики имеет конкурентные преимущества, одним из которых служат природно-климатические условия для получения на естественных кормовых угодьях в степной части России высококачественного и дешевого мяса крупного рогатого скота и овец, в том числе и «мраморного мяса». Организация даже первичной переработки такого сырья на селе может принести большие дополнительные доходы его производителям и улучшить социальное положение местных жителей.

Глобализация усилила разрыв между так называемыми «продвинутыми» и депрессивными регионами, социальными слоями, группами. Исследователи противоречивые эффекты глобализации условно делят на два типа [Ерохина 2014: 60]. Первый тип обозначают как архаизацию, которая представляет собой упрощение сложных форм социальной жизни. Например, в экономике она проявляется в возвращении к натуральным формам обмена вещами, сырьем, продукцией, более присущим традиционному обществу. Это явление широко распространено в регионе, зачастую фермеры, сельскохозяйственные предприятия выдают своим рабочим зарплату в виде определенного количества мелкого и крупного рогатого скота, овец или конкретного объема сена, кормов. Е. А. Ерохина к наиболее видимым артефактам архаизации относит руины промышленных предприятий и колхозных построек, заброшенные поля,

оросительные системы, пришедшую в негодность технику из-за отсутствия инфраструктуры, способной ее обслуживать [Ерохина, 2014: 60]. Эти артефакты наблюдаются во всех сельских районах региона, в которых из-за массового оттока сельских жителей осталось огромное количество разрушенных зданий, домов, заброшенной сельхозтехники.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) используют в основном ручной труд, примитивные отсталые технологии. В 1970–1980 гг. в животноводческих хозяйствах Калмыкии в период стрижки овец были задействованы большие человеческие и технические ресурсы. Ведь приходилось за один день остричь отару, поголовье которой не менее одной тысячи овец. Несколько десятков стригалей, носильщиков, точильщиков, электриков, других инженерно-технических работников, следивших за электрическими стригальными аппаратами, бесперебойность подачи электричества, складировщики в течение месяца успешно справлялись с важной для животноводов стригальной компанией. В настоящее время в период многих сельскохозяйственных компаний в республике наблюдаем возврат к архаическим формам. Так, с конца апреля и весь май животноводы, имеющие частный скот в немалом количестве, вынуждены нанимать стригалей, которые, используя ручные ножницы, снимают зимние шубы овец. Иметь стригальный пункт, как это было в советский период, могут лишь крупные хозяйства, т. к. для этого требуются техническое энергозатратное оборудование и квалифицированные специалисты-электрики. Легче использовать дешевый ручной труд. Фермер, владелец крупного ЛПХ платит за стрижку одной овцы 70–85 рублей (цена 2014 г.). Мужчины, не имеющие постоянной работы на селе, объединившись в бригады, охотно участвуют в этой сельскохозяйственной компании, зарабатывая тяжелым физическим трудом.

Второй тип определяют как неотрадицию. С. Мадюкова отмечает, что неотрадиция отличается от традиции не только механизмами передачи знания (из высокой письменной культуры в повседневную среду устной коммуникации, от младших к старшим), но также и функциями, главная из которых — идентификация. При этом традиция (ритуал, обряд, обычай), — как считает Мадюкова, — представляет собой формальную сторону, тогда как рефлексия, предшествующая идентификации, — содержательную сторону [Мадюкова 2012].

В Калмыкии получает свое развитие неотрадиция, обрядовые действия. Так, в период засухи сельское население совершают обряды, которые именуются «усан аршан», освящение воды. Как пишет Т. Г. Басангова, «Важное место в земледельческих обрядах калмыков занимают обряды вызывания дождя. Функция обрядов — обеспечение благоприятных условий и предотвращение засухи, которая губит посевы». Сельские жители освящают природные водные объекты (реки, озера, пруды, степные колодцы, лужи с талой или дождевой водой), призывая небеса оказать милость народу, тем самым стремясь сохранить посевы, урожай, следовательно, поголовье скота. Это действие основано на рациональной целесообразности [Басангова 2013: 224].

Как видим, региональный аспект в сочетании с социокультурным чрезвычайно важны в модернизационных процессах, так как мобилизация инновационного потенциала в обществе, мобилизация сознания, поведения не может не затрагивать проблемы особенностей национальных стереотипов, поведенческих установок, традиций [Намруева 2013: 131]. Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что такие этносы, как калмыки, в условиях нарастающей глобализации, чтобы сохранить свою этничность, в некоторых сферах жизнедеятельности, прежде всего сельскохозяйственной, возвращаются к традиционным ценностям, чтобы иметь условия и возможности для выживания и дальнейшего развития.

Литература

Басангова Т. Г. Фольклор калмыков об обряде вызывания дождя // Актуальные проблемы развития современного агропромышленного комплекса Прикаспийского региона. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (май 2013, г. Элиста). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 224–226.

Бокачев И. А., Газгиреева Л. Х., Бурняшева Л. А. Традиционное и новационное в условиях модернизации современного общества: уч. пособие. Ставрополь: ГОУВПО «СевКавГТУ». 2010. 179 с.

Ерохина Е. А. Архаика и неотрадиция как два вектора глобализации // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф, посв. 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23–26 апреля 2014 г.) / Под ред. Т. Н. Золотовой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской: в 3 частях. Омск: Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та. 2014. Ч. II. С. 60–63.

Лиджи-Горяева С. Э. Социальная адаптация населения Республики Калмыкия в условиях трансформации российского общества: социологический аспект. Монография. Элиста: ИКИАТ. 2012. 109 с.

Мадюкова С. А. Этнокультурный неотрадиционализм в глобализирующемся обществе // Этносоциологию — молодым: Мат-лы междунар. школ молодых этносоциологов / Под ред. Ю. В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск, 2012. Вып. 2. С. 152–158.

Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации в России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 127–131.

Л. В. Намруева
(г. Элиста, Россия)

Сельский образ жизни в современной Калмыкии*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-08005.

Проведенный анкетный опрос, проведенный автором в 2015 г. в семи районах республики (N=302), позволил определить многие стороны сельской жизни. Большую часть опрошенных (65,6 %) составляют те, кто может приобрести только самое необходимое. Каждый пятый опрошенный (20,2 %) еле сводит концы с концами, постоянно берет продукты в долг, так как ни на что не хватает средств. Можно констатировать, что подавляющее большинство сельского населения (85,8 %) испытывает финансовые затруднения. Оставшаяся небольшая часть, напротив, подобные проблемы не имеет.

Несмотря на сложные социально-экономические условия, сельское население республики активно включилось в процессы активного возрождения различных элементов культуры (обрядов, верований, музыкальной культуры, традиционной кухни и др.), которые направлены на удержание и возрождение ценности этнической идентичности.

На вопрос «Что сближает вас с представителями одной и той же этнической группы?» большая часть опрошиваемых (59,3 %) отметила «традиции и обычаи». Далее следует ответ «общая территория, родная земля» (44,0 %). Более трети (37,4 %) опрошенных указали на такой этноинтегрирующий фактор как язык. 23,8 % респондентов указали, что их с этносом сближает историческое прошлое. 21,5 % отметили в качестве объединяющего фактора культурное наследие, 19,2 % указали на общность черт характера, психологию, а 17,9 % — на общую религию.

Результаты анализируемого исследования свидетельствуют, что большая часть опрошенных селян (59 %) не желает менять место жительства, так как дорожат родственными отношениями, работой, которая их материально обеспечивает, поддержкой односельчан. Миграционный потенциал на селе составляет более 38 %, т.е. более трети сельских жителей планируют уехать за пределы сельской местности, замечая лишь одни негативные стороны, свидетельствующие об ухудшении жизни сельчан. Как видим, в сознании селян происходит смешение традиционных устоев (значимость родственных связей, взаимопомощь со стороны односельчан) и новых прагматичных взглядов на жизнь (стремление к комфортности, материальной выгоде). Таким образом, современные села Калмыкии, в определенной степени сохраняя культурно-нормативную стабильность, претерпевают активные процессы трансформации.

Досуг элистинских подростков (на материалах социологического опроса)

Организация свободного времени детей является одним из условий развития ребенка и способом активного времяпровождения. На помощь родителям приходят система дополнительного образования, спортивные секции и частные образовательные центры. Дополнительное образование признается «уникальной и конкурентоспособной социальной практикой наращивания мотивационного потенциала личности и инновационного потенциала личности» [Концепция]. В столице Республики Калмыкия, Элисте, существует достаточно развитая система учреждений дополнительного образования и спортивно-досуговых организаций. Согласно данным Управления образования Администрации г. Элисты, в столице имеется 5 муниципальных учреждений дополнительного образования: Дворец детского творчества, Детская музыкальная школа № 1 имени С.-Г. Доржина, Детская школа искусств № 1, Детская школа искусств № 2, Детская художественная школа имени Г. О. Рокчинского, в которых занимаются 3 333 детей [Сведения]. Кроме них, дополнительную образовательную деятельность осуществляют частные образовательные центры, число которых ежегодно растет. Основными направлениями этих центров являются лингвистическое образование, занятия с логопедом, шахматы, изостудии, дополнительные занятия по отдельным предметам, подготовка к школе и т. д. Другим направлением развития детей являются физическая культура и спорт. Таким образом, элистинские подростки имеют достаточно широкий выбор для организации своего свободного времени и развития.

В республике существует ряд молодежных организаций, объединяющих подростков и молодежь в рамках своей деятельности. Анализируя деятельность молодежных организаций М. Б. Марзаева пишет, что «многоплановая деятельность Ассоциации детей и подростков «Хамдан» связана с возрождением национальных культур и традиций, воспитания патриотизма и милосердий, экологическим воспитанием» [Марзаева 2014: 150]. Хамдановцы принимают активное участие в мероприятиях, приуроченных к праздничным и памятным дням, организуют фестивали детских организаций, ярмарки и т.п.

В данном докладе рассмотрим структуру свободного времени современных подростков. В рамках социологического исследования по проблемам подростков, проведенного автором в 2015 г. в школах г. Элисты, было опрошено 237 учеников 6–10-х классов г. Элисты, из них 132 девочки и 105 мальчиков.

Одним из вопросов анкеты был вопрос о посещаемости детьми спортивных секций, музыкальной и художественной школ. Согласно опросу более половины детей (55,8 %) занимаются дополнительным образованием в спортивных, музыкальных и художественных школах. Из них 37,3 % посещают спортивные секции, 12,0 % — музыкальную и художественную школы, 6,4 % — танцевальные группы. И 44,2 % не имеют постоянных занятий. Таким образом, чуть более половины опрошенных элистинских школьников заняты спортивной или кружковой деятельностью, при этом с возрастом доля таковых сокращается.

Представляется интересным проанализировать структуру свободного времени детей. Основными способами времяпровождения современных подростков можно считать интернет и социальные сети (56,5 %), встречу с другом (48,1 %), сон (46,6 %), чтение (33,6 %) и игры во дворе (32,1 %). Если рассматривать этот вид досуга, то можно выделить, что «Интернет и социальные сети» выбирают 56,5 % девочек, 42,7 % мальчиков также указали этот вариант. Таким образом, «Интернет и социальные сети» является распространенным занятием подростков в свободное время.

Гендерные различия присутствуют в выборе таких видов занятия, как встреча с другом, игры во дворе, чтение и сон. Девочки предпочитают встречаться с другом/подругой чаще, чем мальчики (48,1 % и 36,9 % соответственно). Также среди девочек в два раза больше тех, кто предпочитает в свободное время спать (46,6 % напротив 20,4 %) и в три раза больше тех, кто

любит читать (33,6 % напротив 10,7 %). У мальчиков наиболее распространенным занятием являются компьютерные игры, этот вариант указали 46,6 % мальчиков, а среди девочек — всего 7,6 %. И мальчиков, предпочитающих играть в дворовые спортивные игры, в два раза больше, чем среди девочек (42,7 % и 23,7 %). Можно сделать вывод о наличии некоторых гендерных особенностей в структуре свободного времени современного подростка, а также высокую распространенность такого вида занятий, как «Интернет и социальные сети».

Исследование структуры свободного времени подростков г. Элисты показывает, что наибольшую вовлеченность в кружковый и спортивный досуг имеют дети 6–8 классов. Интернет и социальные сети являются самым распространенным способом времяпровождения у современных элистинских подростков. Основные виды занятий в свободное время не имеют зависимости от возраста детей.

Литература

Концепция дополнительного образования детей [электронный ресурс] URL: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf> (дата обращения: 16.05.2016 г.).

Марзаева М. Б. Молодежные организации Республики Калмыкия // Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия. Коллективная монография. Л. В. Намруева, Е. А. Гунаев, Д. А. Шарманджиев, М. Б. Марзаева, Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С.138–175.

Сведения о численности образовательных учреждений дополнительного образования детей Управление образования Администрации г. Элисты.

И. И. Осинский, Ч. М-Х. Тензин
(г. Улан-Удэ, г. Кызыл, Россия)

Социальная структура тувинской национальной интеллигенции в годы советской власти

Новый этап в формировании тувинской национальной интеллигенции был начат в середине 1940-х годов с момента вхождения Тувы в СССР (11 октября 1944 г.). Тувинская Народная Республика была принята в СССР в статусе автономной области. Тувинский народ получил возможность в решении кадровых проблем, подготовка специалистов для всех сфер народного хозяйства стала опираться на мощный экономический, научный, культурный и образовательный потенциал Советского Союза. Этот этап в становлении интеллигенции в целом был связан с созданием необходимых предпосылок и условий роста численности работников интеллектуального труда. В числе таких предпосылок и условий в политической сфере являлось вхождение в политическую систему другого государства, изменение структуры партийных и государственных органов, вовлечение в различные их звенья представителей трудящихся. Новый общественный строй, его власти были заинтересованы в специалистах, интеллигенции, так как без них невозможно нормальное функционирование и развитие общества, требующие профессиональных знаний и опыта. В этой связи важным является их присутствие в органах власти, в политических организациях. Необходимо отметить, что уже в конце 1944 г. государственные органы ТНР были преобразованы в местные органы советской власти. Состоявшиеся в 1947 г. выборы в эти органы обеспечили победу трудящихся, в числе депутатов оказались многие представители интеллигенции. Благодаря близости и доступности местных органов власти всем слоям населения они объединяли массы трудящихся, в том числе представителей других национальностей, направляли их энергию на строительство новой жизни. Доминирующую роль в организации подготовки кадров интеллигенции, повышении их роли в созидательном процессе области играла партийная организация.

В области социально-экономических отношений предпосылками и условиями формирования интеллигенции являлись дальнейшее преобразование старой экономики, утверждение

новых производственных отношений, развитие науки, техники, осуществление индустриализации, кооперирование крестьянства, переход от кочевничества к оседлому образу жизни. В числе важных предпосылок были государственное освоение природных богатств и создание крупной промышленности, образование национальных кадров рабочего класса и городского населения. Необходимым было включение экономики Тувы в плановую систему народного хозяйства СССР, что создавало возможности ускоренного завершения начатой ещё в период функционирования ТНР реконструкции сельского хозяйства.

От осуществления указанных преобразований зависело создание многоотраслевой, прежде всего производственной интеллигенции Тувы, в том числе её национальных кадров. Интеллигенция — во многом продукт реализации этих преобразований. В то же время сами преобразования — это деятельность интеллигенции, что свидетельствует о тесной взаимозависимости процесса подготовки специалистов и процесса осуществления названных выше мероприятий. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, формирование данного слоя составляет важнейшее условие осуществления других обязательных компонентов процесса ликвидации фактического неравенства народов. Переход к социализму, становление народной интеллигенции у тувинцев, как и у других народов Сибири, были неразрывно связаны с освоением новых, коллективных форм ведения хозяйства. Первые формы производственного кооперирования ТОЗы были созданы ещё в 1929 г. К моменту вхождения Тувы в СССР (а точнее в 1945 г.) в колхозы было объединено 22% всех крестьянских (включая аратские) хозяйств. В конце 1940-х годов колхозное движение в Туве приняло всеобщий характер. К 1955 г. была завершена коллективизация крестьянских хозяйств. В процессе развития коллективизации большую роль сыграли разнообразные формы простейшей кооперации. Будучи связующим звеном между индивидуальным, частнособственническим крестьянским хозяйством и социалистическим коллективным хозяйством они организационно и психологически подготавливали крестьян для перехода к социалистической форме хозяйствования — сельхозартели.

В процессе коллективизации образовавшиеся хозяйства были резко ограничены в самостоятельности, им были навязаны обязательные поставки колхозной продукции государству. Образовалась система директивного планирования и бюрократического командования колхозами со стороны аппарата. Не случайно, в процессе коллективизации игнорировались ленинские указания о постепенном, более медленном, более осторожном переходе к социализму малочисленных народов. Эти исторически необходимые преобразования осуществлялись форсированными темпами, игнорировался принцип добровольности, практиковалось принудительное обобществление скота, применялись меры насилия, что нередко вызывало протест у трудового населения, выражавшийся в сопротивлении проводившимся мероприятиям.

Особенностью коллективизации в Туве являлось то, что здесь этот процесс осуществлялся одновременно и во взаимосвязи с переводом кочевых хозяйств на оседлый образ жизни. Кочевое хозяйство задерживало социальный прогресс, препятствовало развитию экономики, культуры, формированию интеллигенции. Переход на оседлость, как и коллективизация аратских хозяйств, — это глубокая революция в жизнедеятельности тувинцев, связанная с коренными изменениями в укладе, образе жизни кочевника. Это ломка, разрушение традиционной культуры, формировавшейся тысячелетиями. Трудно не согласиться с Х. М. Сейфулиным, который писал: «Тувинцы любят кочевать, не могут жить без кочевки, для тувинцев и для их скота вредна оседлость и т. д.» [Сейфулин 1954: 138].

Привязанность к природе, природным явлениям, вековые взаимоотношения человека и природы, ритуалы, верования — все это в сознании тувинца рушилось. Не случайно, переход на оседлость осуществлялся трудно, болезненно. К тому же требовались огромные материальные средства (каждой семье нужно было построить дом). В то же время без решения этой проблемы невозможно было достичь прогресса ни в одной сфере общественной жизни, в том числе в формировании интеллигенции. Нельзя не согласиться с мнением Н. П. Москаленко, что переход аратов на оседлость является закономерным явлением, следствием всеобщего исторического процесса, ставшим неизбежным в условиях современной цивилизации. «Гра-

диционный кочевой быт и хозяйство тувинцев не могли сохраниться законсервированными в современном мире» [Москаленко 2004: 174].

Переход на оседлость в Туве начался ещё в годы существования ТНР. Массовый характер этот процесс получил в конце 1940-х годов. К 1955 г. перешли на оседлый образ жизни около 80% семей аратов-колхозников. Осуществление столь радикальных преобразований имело огромное значение, оно открывало путь развитию экономики, культуры, социальной сферы, в том числе образованию большого количества работников умственного труда.

Столь же значимым фактором для формирования интеллигенции была индустриализация Тувы (становление рабочего класса). Промышленное освоение области, как и других национальных районов Сибири, неразрывно связано с возрастающими потребностями в работниках интеллектуального труда — инженерах, техниках, экономистах, других специалистах.

Следует отметить, что индустриализация Тувы осуществлялась при непосредственном участии рабочего класса и интеллигенции. Она здесь началась позже, чем в развитых экономических районах страны. Большую роль в промышленном развитии Тувы сыграла, прежде всего, золотодобывающая отрасль, затем каменноугольная, лесная, деревообрабатывающая. В последующие годы были созданы такие крупные предприятия, как Тувакобальт и Туваасбест, Тувинстрой и др., где трудились не только крупные рабочие коллективы, но и много инженерно-технических специалистов. Трудовые коллективы складывались на интернациональной основе.

В процессе активной созидательной деятельности тувинского народа, опиравшегося на всестороннюю помощь и поддержку русского и других народов СССР, в Туве в исторически короткие сроки были созданы необходимые предпосылки и условия для быстрого роста специалистов различных отраслей народного хозяйства и культуры. Сформировалась тувинская национальная интеллигенция — неотъемлемая часть многонациональной интеллигенции республики. Тем самым была заложена прочная база для ее дальнейшего динамического развития.

Как свидетельствуют статистические материалы, в Туве шел неуклонный рост специалистов с высшим и средним специальным образованием. В 1965 г. насчитывалось 9,1 тыс. человек, в 1970 г. — 13,3 тыс., в 1975 г. — 18,8 тыс., в 1980 г. — 24,1 тыс. человек [Народное хозяйство Тувинской АССР 1976: 169, 1980:169, 1984: 106].

Как видим, в 1980 г. в небольшой по численности население Туве насчитывалось большое количество квалифицированных специалистов. Интеллигенция и служащие в 1979 г. составляли 27,2% занятого населения республики, в 1959 г. их насчитывалось только 18%. При этом темпы роста этой социальной группы были более высокими, чем в РСФСР и стране в целом, где за этот период число специалистов с высшим и средним специальным образованием увеличилось соответственно в 2,3 и 2,4 раза (в Туве — в 2,6 раза). Это, естественно, было крупным шагом в интеллектуальном прогрессе Тувы. Без привлечения кадров со стороны был бы невозможен мощный и динамичный подъем производства, культуры, который характерен для национальных районов Сибири. Приток в Туву специалистов увеличивал степень многонациональности работников интеллектуального труда, усиливал интернациональный характер трудовых коллективов. Так, в Тувинской АССР в 1980 г. было занято в народном хозяйстве 24079 специалистов с высшим и средним специальным образованием. В их числе русских насчитывалось 13994, тувинцев — 9911, украинцев — 323, хакасов — 204, бурят — 126, представителей других национальностей — 450. За период с 1970 по 1980 гг. количество специалистов нетувинской национальности в республике увеличилось в 1,6 раза. В свою очередь специалисты тувинской национальности пополняли ряды интеллигенции других республик, областей СССР. Так, в Бурятской АССР только за десятую пятилетку (1975–1980) число специалистов тувинской национальности увеличилось в 11,5 раза [Осинский 1985: 29].

Обмен кадрами специалистов различных национальностей давал возможность динамично развивать промышленность, сельское хозяйство, культуру, образование, совместными усилиями создавать интернациональные материальные и духовные ценности.

Рост интеллигенции в Туве сопровождался ростом кадров из среды коренных жителей республики. В условиях социализма были созданы благоприятные условия для приобщения трудящихся Тувы, как и других республик, областей, округов СССР, к интеллектуальному профессиональному труду.

Особенностью подготовки специалистов из числа коренного населения Сибири является создание системы специфических мер, благоприятствующих приобщению молодежи к интеллектуальному труду. Среди них — подготовительные отделения, направления на обучение в порядке внеконкурсного приема в вузы и средние специальные учебные заведения, полное государственное обеспечение во время учебы.

Все перечисленные формы в той или иной мере были использованы в процессе подготовки специалистов из среды тувинской молодежи. Важным каналом пополнения интеллигенции являлась учеба представителей Тувы за пределами республики, в крупных вузовских и научных центрах СССР.

Планомерная подготовка специалистов из числа тувинской молодежи привела к созданию многочисленного отряда национальной интеллигенции, играющего важную роль в жизни республики. При братской помощи русского и других народов, их интеллигенции тувинским этносом сделан крупный шаг в развитии своей национальной интеллигенции. Об этом свидетельствуют данные в приводимой ниже таблице. Для сравнения использованы соответствующие данные по Бурятии и Якутии [Осинский 1985: 42].

Таблица 1

Динамика роста числа специалистов в автономных республиках Сибири с 1966 по 1980 гг.

	1966	1980	В 1980 г. увеличилось по сравнению с 1966 г. (в раз)
Бурятская АССР	37554	94936	2,5
буряты	8847	26233	3,0
русские	26594	64512	2,4
другие национальности	2113	4191	2,0
Тувинская АССР	9961	24079	2,4
тувинцы	2911	8811	3,0
русские	6442	13994	2,2
другие национальности	608	1274	2,1
Якутская АССР	45717	118700	3,0
якуты	13806	32800	2,4
русские	27369	68100	2,5
другие национальности	4542	17800	3,9
В целом по СССР	12924 тыс.	28612 тыс.	2,2

Из таблицы видно, что во всех трех автономиях Сибири в обозначенный период рост численности специалистов с высшим и средним специальным образованием был более высоким, чем в целом в СССР. Что касается темпов увеличения количества специалистов коренных национальностей, то оно было преобладающим у бурят и тувинцев по отношению к русским; у якутов этот показатель был почти одинаковым с русским. Доля же тувинцев в составе специалистов равнялась 36,6%. У бурят и якутов данный показатель составлял 27,6% и 27,6%, то есть существенно уступал тувинцам, хотя абсолютные данные у них примерно в 3–3,5 раза были больше, чем у тувинцев.

Интеллигенция Тувы, как и других национально-государственных образований Сибири, формировалась и продолжала свое развитие как многонациональная социальная группа.

Необходимость в динамичном развитии экономики, культуры республики требовала большого количества квалифицированных специалистов, которые направлялись в республику или самостоятельно приезжали из других регионов страны.

Литература

- Москаленко Н. П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004. 221 с.
Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат. сборник. Кызыл, 1971. 307 с.
Народное хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке. Стат. сборник. Кызыл, 1976. 237 с.
Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке. Стат. сборник. Кызыл, 1986. 211 с.
Осинский И. И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. М., 1985. 187 с.
Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002 г.: в 14 т. Т.14. 1322 с.
Сейфулин Х. М. Образование Тувинской автономной области РСФСР (краткий исторический очерк). Кызыл, 1954. 157 с.
Социологическая характеристика городского населения Тувинской АССР (материалы социологического исследования). Новосибирск, 1982.

А. Д. Осмаев
(г. Грозный, Россия)

Духовное наследие чеченцев (героический эпос «Илли») в воспитании молодежи

В воспитательной работе с молодежью необходимо использовать духовно-культурные и традиционные ценности народов Северного Кавказа, в частности, чеченский героический эпос «Илли», который ставит во главу угла любовь к родине, верность традиционным религиозным ценностям, дружбе, уважение к старшим, женщине и т. д.

Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики ставит целью привитие подрастающему поколению основополагающих ценностей, идей и убеждений, отражающих сущность чеченского менталитета, и формирование активной гражданской и личностной позиции молодежи [Единая концепция].

Чеченский героический эпос «Илли» — концентрированное выражение народных обычаев, традиций, менталитета — со времен Кавказской войны XIX в. был в центре внимания различных исследователей, писателей (Л. Толстой, П. Услар, И. Цискаров, У. Лаудаев, Т. Эльдарханов, С. Бадуев, А. Нажаев, М. Сальмурзаев, С.-Б. Арсанов, Х. Ошаев и др.), ему посвящены монографические и диссертационные исследования [Джамбеков 2008], однако сегодня ему уделяется мало внимания, но он имеет непреходящую ценность, так как народ создавал его, выражая в нем свои стремления и надежды, а в героях сконцентрировал лучшие человеческие качества.

Главным героем эпоса является Клант — молодец, который обладает всеми качествами положительного эпического героя. Девушки, женщины-героини илли также образец высоко-нравственного поведения.

Во многих илли проявляются особенности демократической культуры чеченцев: уважение к представителям других народов, открытость и толерантность, отношение к человеку в зависимости от его личных качеств, а не этнической, религиозной или социальной принадлежности, предпочтение личной свободы и достоинства любым материальным ценностям.

Один из важных моментов пропагандирования героического эпоса то, что значительная часть его героев — реальные исторические личности. Безусловен воспитательный и обучающий эффект использования тематических илли в изучении истории Кавказской войны, народа, села, семьи.

Герой илли — явление национальное, он действует во имя народных интересов и его качества — образец подражания для всей чеченской молодежи. Герои эпоса действуют в дружбе и согласии с такими же молодцами — представителями соседних народов, причем родина этих друзей называется крайне уважительно: Мать Грузия, Мать Кабарда и т. п.

Пропаганда лучших человеческих качеств героев эпоса илли, на наш взгляд, должна вестись в детских садах, школах, средних специальных учебных заведениях, вузах, трудовых коллективах через постановки в кукольных театрах, мультфильмы, комиксы, художественные фильмы, телевидение, радио, интернет, театральные постановки, тематические группы в социальных сетях, популярных у молодежи, видеоролики в YouTube. И это должны быть не усилия и порывы энтузиастов, а государственная политика и государственный заказ.

Литература

Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики // <http://mkchr.com/images/2015/oficial.dokuments/duxovno-nravstvennoe-vospitanie/Ed.Kon.doc>.

Джамбеков О. А. «Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен Илли»: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филолог. наук. Майкоп. 2008.

И. Ю. Подковыров, Е. С. Семенова
(г. Волгоград, Россия)

Культурное наследие В. И. Вернадского в формировании экологического императива молодых ученых

Стратегия перехода к устойчивому развитию основана на идеях В.И. Вернадского, которые развились в учении о ноосфере и породили образование новой науки — ноосферологии. Переход к устойчивому развитию возможен при уменьшении возникших противоречий, только при условии «разумного преобразования первичной природы Земли с целью создать её способной удовлетворять все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения» [Вернадский, 1988].

Формирование экологического императива во многом зависит от инициатив молодёжи [Подковыров, 2001]. Советы молодых учёных, образованные научными учреждениями, доказали эффективность своей деятельности на локальном уровне. Они расширяют возможности и создают необходимые условия для разнопланового сотрудничества. Совет призван формировать высокопрофессиональной и творчески активной личности специалиста и ученого. Общественная деятельность молодых людей служит самореализации творческих способностей, расширению возможностей приложения их интеллектуального потенциала.

В образовательных стандартах предусмотрено освоение соответствующих компетенций. Однако в формировании экологического императива особое значение приобретает самообразование через подготовку конкурсных работ, выставочных экспозиций, заявок на гранты.

Таким образом, общественные объединения молодых учёных являются проводниками экологических знаний среди молодёжи и во многом формируют политику, общественное мнение и стратегию решения экологических проблем.

Литература

Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. // Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

Подковыров И. Ю. Роль учения В.И. Вернадского в защитном лесоразведении // Межгосударственная конференция «Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации», 23–25 мая 2001 г. Доклады. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2001.

К исследованию этносоциальных последствий создания горного кластера Зимней Олимпиады 2014 г.

В 2013–2014 гг. лабораторией этносоциальных проблем СНИЦ РАН был реализован проект «Этносоциальный и социально-экономический мониторинг развития туристической инфраструктуры на особоохраняемых природных территориях (на примере районов проведения Зимней Олимпиады Сочи–2014 г.)».

В процессе исследований, проведенных в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, был сформирован банк данных по структуре населения горного кластера Зимней Олимпиады 2014 г., охватывающий население 5 селений по трем хронологическим срезам (1953–1989 гг). На основе регистра населения была сформирована поисковая система; выявлено этническое ядро (русских, украинских, эстонских семей); определены уровень их мобильности и системы занятости на предприятиях лесной промышленности [Садовой, Белозерова 2013: 211–215].

На завершающем этапе исследований были разработаны: концепция регионального этнологического мониторинга [Садовой 2013: 67–83] и типовой регламент этнологических экспертиз, опубликованные при поддержке гранта Президента РФ [Кудрина, Белозерова, Садовой 2013: 289–335]. Тематика дальнейших исследований лаборатории отражена на сайте СНИЦ РАН (www.snic.ru).

Литература

Кудрина Е. Л., Белозёрова М. В., Садовой А. Н. и др. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект. Кемерово, 2013. 383 с. Доступ: www.academia.edu.

Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири. Кемерово, 2013. С. 67–83. Доступ: www.academia.edu.

Садовой А. Н., Белозерова М. В. Этнодемографические процессы в рекреационных районах Черноморского побережья Кавказа: методология и методы исследования // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности». Ростов-на-Дону. 2013. С.211–215. Доступ: www.academia.edu.

Л. Ю. Спиридонова, С. Э. Лиджи-Горяева, Э. Ю. Ункуров
(г. Элиста, Россия)

Об исследовании удовлетворенности населения Республики Калмыкия муниципальными услугами (на основе социологических опросов)

С января 2012 года в отделе социологических исследований БНУ РК «ИКИАТ» осуществляется разработка темы НИР: «Организация и проведение социологического опроса при определении уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия».

Целью исследования является выявление мнения населения, проживающего на территории муниципального образования, о работе органов местного самоуправления и качестве предоставляемых муниципальных услуг, непосредственно затрагивающих интересы жителей городского округа и районных муниципальных образований [Лиджи-Горяева 2014: 59]

В статьях 14–17 Федерального закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определен круг обязанностей, входящих в компетенцию органов местного самоуправления [ФЗ № 131]. На основе данного документа были сформированы показатели и критерии оценки населением эффек-

тивности деятельности органов местного самоуправления. Таким образом, гражданам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся удовлетворенности получаемыми муниципальными услугами, а именно:

- Качество транспортного обслуживания
- Качество автомобильных дорог
- Качество услуг ЖКХ
- Деятельность органов местного самоуправления, в том числе их информационная открытость
- Деятельность главы сельского (городского) муниципального образования
- Деятельность главы районного муниципального образования, главы администрации городского округа

В 2016 году, помимо основного метода сбора первичной информации (*массового анкетного опроса*), использовалось *фотонаблюдение*. Выборка исследования составила 896 респондентов во всех районах республики и в городе Элиста.

Анализ полученных данных за 2016 год позволяет говорить о том, что ситуация в сфере предоставления муниципальных услуг населению в Республике Калмыкия достаточно проблематичная, особенно в организации дорожного хозяйства (уровень удовлетворенности — 12,5%), транспортного обслуживания (22,5%) и водоснабжения (37,5%). Наиболее острая ситуация в организации транспортного обслуживания населения наблюдается в Ики-Бурульском, Малодербетовском, Приютненском и Октябрьском районах. По организации водоснабжения населения наихудшая ситуация в Ики-Бурульском, Приютненском и Юстинском районах [Соц. опрос 2016].

Литература

Лиджи-Горяева С. Э., Спиридонова Л. Ю., Ункуров Э. Ю. Мнение населения республики о качестве предоставляемых муниципальных услуг по материалам социологического опроса // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2014. № 1(28). С. 58–72

Определение уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия: социолог. опрос [проводился в 2016 году в г. Элиста и 13 районах Респ. Калмыкия; выборка – 898 респондентов] / Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, Л. Ю. Спиридонова, Э. Ю. Ункуров // Архив отдела социологических исследований ИКИАТ.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // www.consultant.ru

А. А. Ташинова
(г. Элиста, Россия)

Характеристика основных типов почв юга Ергеней

Ергенинская возвышенность входит в зону сухих и пустынных степей, а в почвенном отношении представлена как автоморфными почвами каштанового типа, так и полугидроморфными и гидроморфными почвами лугово-каштанового и лугового типа. Видовое разнообразие естественных почв Ергеней относительно широкое и обусловлено дифференцированным рельефом, различным уровнем грунтовых вод, гранулометрическим составом почвообразующих пород. Поэтому почвенный покров Ергеней характеризуется пространственной неоднородностью. Пределы изменчивости свойств почв, как по генетическим горизонтам, так и в пространстве, определяются комплексностью почвенного покрова и многообразием почвообразующих факторов [Труды Прикаспийской экспедиции 1957: 112].

Исследованная геосистема степной зоны в пределах Ергенинской возвышенности включает две основные почвенные комбинации: первая — развита на мощных лессовидных су-

глинках с импермацидным типом водного режима на зональных светло-каштановых почвах в комплексе с солонцами и лугово-каштановыми почвами; вторая — приурочена к территории с гидроморфным типом водного режима на глинисто-аллювиальных отложениях, с близким залеганием грунтовых вод [Ташнинова 2000: 53].

А. И. Перельман определил эти комбинации как автономный и подчиненный ландшафты [Перельман 1961: 201]. Естественное плодородие, характерное для целинных почв, определяется биологической продуктивностью растительных сообществ и зависит от климата, химических, физических и биологических свойств почвы, содержания элементов питания растений. Для автономного типа характерны почвы, сформированные в условиях сухого климата при изреженном травостое и ослабленной биологической активности почвенной микрофлоры. Бонитировочный балл — 30–40. Содержание гумуса — 3%, полевая влагоемкость находится в пределах 18–20%, реакция pH — 7,2–7,5, степень засоления меняется от незасоленной в верхнем полуметровом слое до средnezасоленной, тип засоления — хлоридно-сульфатный. Гранулометрический состав — суглинистый с содержанием физической глины 30–40%. Емкость поглощения в пределах 17–27 мг/экв с преобладанием кальция и магния. Содержание общего азота — 0,10–0,17%, валового фосфора — 0,08%–0,10%, калия 1,0% [Ташнинова 2006: 43].

Примером таких почв может служить тип почв участка «Найн-Тахн». Основным типом почв на участке являются светлокаштановые слабо-и среднесолонцеватые суглинистые, в комплексе с солонцами глубокими и средними. Почвы объекта в слое 0–30 см — незасоленные; слой 30–43 см — слабозасоленный, тип засоления сульфатно-хлоридный, в катионной части преобладают ионы Na^+ , в анионной — Cl^- ; слой 43–70 см — средnezасоленные, тип засоления сульфатно-хлоридный. В катионной части преобладают ионы Na^+ , в анионной — ионы Cl^- .

Анализ химических данных свидетельствует, что гумусированность светло каштановых почв невысокая — 0,6–2,0% у супесчаных и легкосуглинистых; 1,0–2,5% — у средне- и тяжелосуглинистых. Реакция почвенного раствора в верхних горизонтах — от нейтральной до щелочной (pH 7,7–8,6). Вниз по профилю щелочность возрастает, достигая максимума в карбонатном слое (pH 9,1–9,6). Плотный остаток варьирует по профилю от 0,039 до 0,673%, что свидетельствует о слабой засоленности верхних горизонтов и средней засоленности нижних горизонтов. Засоление легкорастворимыми солями отмечено в основном во втором метре почвенной толщи.

Таким образом, солонцеватость светло-каштановых почв, их эродированность, залегание в комплексе с солонцами, в условиях резкого дефицита влаги существенно ограничивают их использование в составе пашни, но позволяют использовать их как пастбища. По данным отчетов Калмыцкого филиала ЮжНИИгипрозема общая площадь светло-каштановых почв 945,0 тыс.га, что составляет 12,64% в структуре почвенного покрова; в пашне используется 301,8 тыс.га, в пастбищах — 600,7 тыс.га. [Технический отчет по геоботаническому 1987: 12].

Почвы подчиненных ландшафтов юга Ергеней — лугово-каштановые, аллювиально-луговые, влажно-луговые на древнеаллювиальных слоистых отложениях, с близким залеганием грунтовых вод разной степени минерализации. Бонитировочный балл — 40–50. Эти типы почв характеризуются более мощным гумусовым горизонтом с содержанием гумуса до 4%, плотный остаток составляет от 0,050–0,100% и выше. Гранулометрический состав почв варьирует от глинистых до супесчаных, содержание питательных элементов выше, чем в автономном типе (валовый азот — 0,10–0,18%, валовый фосфор — 0,09–0,15%, калий — 1,40), pH от 6,5 до 7,35, емкость поглощения — 25 мг/экв, наименьшая влагоемкость — 18–22%.

В качестве примера могут служить почвы объекта «Хар-Бурук». Морфологический профиль почвы представлен темно-серым, комковато-зернистым дерновым горизонтом (13 см), ниже следует увлажненный, черного цвета, с признаками слитости уплотненный горизонт (46 см), глубже — очень влажный, темно-серый с включениями песчаников и железистых конкреций. Вода — глубже 53 см (реакция pH нейтральная, сухой остаток — 0,428% (верхний горизонт), глубже — незасоленный (0,192–0,120%). Емкость поглощения 44–26 мг-экв/100 г почвы, в составе поглощенных оснований — Ca^{++} и Mg^{++}).

Лугово-каштановые почвы относятся к полугидроморфным и характеризуются незасоленным в слое 0–120 см профилем за счет супесчаного и легкосуглинистого гранулометрического состава, дополнительного поверхностного увлажнения и слабоминерализованных грунтовых вод на глубине 1,5–2 м. Этот подтип полугидроморфных почв распространен и имеет относительно широкое распространение в подчиненных ландшафтах Ергеней [Ташнинова 2000: 48].

Исследования на почвах подчиненных ландшафтов (какими являются ландшафты южно-ергенинских балок) показали, что на этих объектах, в отличие от автономных, практически отсутствуют нуклеарные пастбищные экосистемы и в большей степени выражено растительное разнообразие. Увлажненность этих почв, связанная с близким залеганием грунтовых вод, влияет на аккумуляцию химических элементов, обладающих наибольшей миграционной способностью. Процесс самовосстановления деградированных экосистем происходит быстрее, чем на водоразделах; гранулометрический и химический состав почв и грунтовых вод играют определяющую роль при формировании данных природных экосистем [Ташнинова 2006: 44].

Литература

- Перельман А. И.* Геохимия ландшафта. М: Изд. Географическая литература, 1961. 495 с.
- Ташнинова Л. Н.* Красная книга почв и экосистем Калмыкии. Элиста, АПП «Джангар», 2000. 214 с.
- Ташнинова А. А.* Характеристика основных типов почв Ергеней // Материалы Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы современных аграрных технологий». Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2006. С. 42–44.
- Труды Прикаспийской экспедиции МГУ.* Растительность и кормовые ресурсы западной части Прикаспийской низменности и Ергеней. М., Изд. МГУ. 1957. 314 с.
- Технический отчет* по геоботаническому обследованию кормовых угодий совхоза «Прудовый» Целинного района Калмыцкой АССР, Калмыцкий филиал Института ЮжНИИ-ГИПРОЗЕМ, Элиста, 1987. 43 с.

Л. Н. Ташнинова
(г. Элиста, Россия)

Основные этапы развития экологических исследований в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН

Оптимальное состояние окружающей природной среды — это один из важных факторов устойчивого развития общества, а деградация экосистем, истощение природных ресурсов, потеря биологического разнообразия, загрязнение природной среды и другие отрицательные явления соответственно отражаются на экономическом развитии территории и создают социальную напряженность в регионах.

Экологическая политика в республике приобрела системный характер после введения Указом Президента Калмыкии 1 августа 1993 года Чрезвычайного экологического положения. Наиболее важной частью этой политики явилась разработка программ по спасению и рациональному использованию крупных экологически значимых объектов природы. В республике практически началась борьба за сохранение природных экосистем, об этом свидетельствует открытие биосферного заповедника «Черные земли», ряд указов Президента РК «О создании национального парка «Бамб цецг», «Об оптимизации сети особо охраняемых территорий», «О создании национального парка «Волго-Ахтубинское междуречье». Было принято постановление Республики Калмыкия №322 от 10.08.94 г. «О ведении мониторинга

земель Республики Калмыкия» и создана республиканская целевая программа «Мониторинг земель», где был предусмотрен комплекс научно-исследовательских, проектно-изыскательских, производственно-технических и других мероприятий, направленных на обеспечение ведения мониторинга на землях Калмыкии [Ташнинова 2000].

В 1991 году в Калмыцком институте гуманитарных и прикладных исследований РАН – КИГПИ РАН (нынешний КИГИ РАН) был создан отдел пустынь. Инициаторами создания отдела пустынь стали заведующий отделом археологии КИГПИ Цуцкин Е. В., директор КИГПИ Биткеев П. Ц. и преподаватель КГУ биологического факультета Бананова В. А.

В созданном отделе в течение 8 лет велась активная работа по изучению процессов опустынивания как экологического явления. В отделе пустынь была создана комплексная программа изучения процесса опустынивания и мероприятий борьбы с деградацией экосистем Калмыкии. Работы велись по общей концептуальной схеме-парадигме, в которой природно-территориальные комплексы рассматривались как сочетание экосистем, обладающих свойствами единого типа пространственной дифференциации, индивидуальными особенностями в окружающей среде, специфической эволюцией свойств сообщества живых организмов, приспособленностью их к абиотическим компонентам. В качестве критериев экологической оценки природно-антропогенных ландшафтов использовались изменения состояния экосистем. Эти изменения устанавливались посредством экологического мониторинга, который представлял собой систему наблюдений за состоянием экосистем, регистрацией их современной структуры и контролем за их динамикой.

Также в отделе долгое время велись исследования характеристик лесорастительных свойств почв южных Ергеней, проводился подробный лесоводственный анализ и изучались условия создания устойчивых защитных лесонасаждений с перспективой их роста и развития. Результатом этих исследований стала коллективная монография «Биоэкологические условия роста защитных лесонасаждений на юге Ергеней», вышедшая в 1998 году. Данная работа представляет научный и практический интерес в деле предупреждения процессов деградации земель и улучшения экологической среды обитания в сухостепных ландшафтах Калмыкии [Ташнинова и др. 1998].

Стратегия рационального природопользования включала применение комплексных мероприятий и формирования адаптивных ландшафтов с более высоким уровнем эффективного и потенциального природопользования. Для ослабления кризисного состояния была необходима стратегия, сочетающая наряду с восстановлением нарушенных экосистем борьбу за их сохранение [Виноградов 1993].

В Республике Калмыкии велась определенная работа по данной проблеме: был разработан «Национальный план действий по борьбе с опустыниванием в Калмыкии» (под эгидой ЮНЕП). В этой работе приняли активное участие сотрудники отдела пустынь Ташнинова Л. Н., Богун А. П. и заведующий отделом пустынь Бананова В. А.

Одним из основных критериев оценки экологического благополучия ландшафтов считается степень сохранности полезного генофонда естественных почв, контролирующих необходимое разнообразие биогеоценозов. Предотвращение процессов опустынивания невозможно без организации сбалансированного соотношения между эксплуатацией, консервацией и улучшением природно-ресурсного потенциала территории [Зонн 1995, Конвенция 1995].

Поэтому важнейшее место в системе мероприятий по охране и восстановлению почв и экосистем отводится почвенно-экологическому мониторингу. Именно проблема сбережения почвенных ресурсов вызвала необходимость проведения в 1997–2000 гг. в Калмыкии работ по созданию «Красной Книги почв и экосистем Калмыкии». Работа была выполнена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант №98-52231). Благодаря грантовой поддержке были проведены научные экспедиции по территории республики, принято участие в работах Международных симпозиумов (г. Улан-Батор (Монголия), г. Солт-Лейк-Сити (США)) и региональных конференциях, а также были подготовлены к публикации научные статьи по этой теме и монография «Красная Книга почв и экосистем Калмыкии» (автор Ташнинова Л.Н.) [Ташнинова 2000].

В конце 1999 г. сотрудники отдел пустынь (Ташнинова Л. Н., Богун А. П., Ташнинова А. А.) были переведены во вновь созданный Калмыцкий институт социально-экономических исследований (ныне БНУ РК Институт комплексных исследований аридных территорий), где был образован в 2000 году отдел экологических исследований; заведующим отделом экологических исследований стала Ташнинова Л. Н., заместителем директора по научной работе стал Богун А. П. (ныне директор БНУ РК ИКИАТ).

В отделе экологических исследований КИСЭПИ проводились исследования по теме «Проблемы сохранения биосферы и рациональное использование природных ресурсов». В 2003 году, по эгидой Российской академии наук и Калмыцкого отделения Докучаевского общества почвоведов, вышел сборник научных трудов «Охрана почв Калмыкии и прилегающих территорий», где приняли участие не только сотрудники КИСЭПИ, но и ученые МГУ, Института географии РАН, ВНИАЛМИ, Института Прикаспийских ресурсов ДНЦ РАН, КНИ-ИСХ, Калмыцкого предприятия «ЮжНИИгипрозем», Калмыцкого филиала «ВолжНИИгим», Агротехслужбы «Калмыцкая», Калмыцкого государственного университета и многих других [Охрана почв 2003].

В 2004 году Южный научный центр РАН (председатель академик Г. Г. Матишов) и Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (директор Н. Г. Очирова) создали лабораторию экологии степи. Тема научных исследований — «Географические особенности биоты (пространственно-временной аспект) в условиях недостаточного увлажнения». Заведующим назначена Ташнинова Л. Н. Сотрудники лаборатории экологии степи провели ряд экспедиций по Кумо-Манычской впадине, в пределах Ростовской области и Республики Калмыкия. Исследования проводилась по таким показателям как морфологическое строение, гранулометрический и химический состав почв, видовое разнообразие растительности и химический состав грунтовых вод и открытых водоемов. Одновременно в КИГИ РАН был создан сектор экологии, где велись темы «Антропогенная трансформация и мониторинг природных экосистем Калмыкии», «Комплексная геоинформационная и социально-экологическая оценка состояния природной среды Калмыкии (пространственно-временной и гуманитарно-экологические аспекты)».

В этот период вышла коллективная монография «Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии», в создании которой приняли участие историки, этнографы, социологи, экологи, политологи и экономисты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. В этой работе отмечены традиции неразрушающего природопользования и представления о природе в традиционных культурах, что можно рассматривать как пример междисциплинарных исследований в области гуманитарной экологии [Традиционное природопользование 2006].

Литература

- Виноградов Б. В.* Современная динамика и экологическое прогнозирование природных условий Калмыкии // Проблемы освоения пустынь. 1993. № 1. С. 29–37
- Зонн С. В.* Опустынивание природных ресурсов аграрного производства Калмыкии за последние 70 лет и меры борьбы с ними. Москва-Элиста. 1995. С. 19–25.
- Конвенция* Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке. Женева. 1995. 78 с.
- Охрана почв* Калмыкии и прилегающих территорий // Сборник научных трудов, вып. 2, Элиста. 2003 г. 175 с.
- Ташнинова Л. Н.* Красная книга почв и экосистем Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар». 2000. 214 с.
- Ташнинова Л. Н., Химина Е. Г., Богун А. П.* Биоэкологические условия роста защитных лесонасаждений на юге Ергеней // коллек. монография – АПП «Джангар», Элиста. 1998. 105 с.
- Традиционное природопользование* и степные экосистемы Калмыкии // коллек. монография – Элиста: НПП «Джангар». 2006. 112 с.

Экологическая паспортизация водных объектов Республики Калмыкия

Экологическая паспортизация водных объектов в аридных условиях республики является одним из этапов в решении проблемы экологического контроля за состоянием природно-антропогенных геосистем водоемов и сохранением их биоразнообразия.

Геоданные, необходимые для паспортизации водных объектов получены в результате долговременного геоэкологического мониторинга, проводимого сотрудниками отдела экологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий с 2001 года. Геоэкологический мониторинг водных объектов и прилегающих к ним экосистем включал получение многообразных в течение года количественных значений нескольких показателей: гидрологических (уровень и площадь водоема), гидрохимических (минерализация, тип химизма), экологических — состав лимнофильной орнитофауны, гидробиологическое состояние водных объектов, функционирование экотонной системы «вода-суша» на побережье. В результате был создан детализированный банк геоданных, включающий на основе применения ГИС-технологий информацию, полученную с помощью наземных полевых исследований, камеральных лабораторных исследований и анализа материалов космической съемки. Созданная База данных была положена в основу разработки стандартного экологического паспорта водного объекта как новой формы целевого мониторинга, контролирующего и оценивающего состояние и использование водных и биологических ресурсов конкретного водоема и зоны его воздействия на побережье. Такие паспорта были составлены для водных объектов Кумо-Маньчской впадины (в пределах Республики Калмыкия) [Уланова, 2014: 25] и Прикаспийской низменности.

Структура созданных экологических паспортов состоит из разделов экологического кадастра, инфраструктуры водоемов и сведений о разрешениях (лицензиях) на природопользование и природоохранную деятельность (при наличии). Раздел «экологический кадастр водного объекта» включает информацию о гидрологических и гидрохимических параметрах водного объекта, об окружающих водоем ландшафтах, почвах и растительности прилегающих к водоему территорий. Особое внимание уделено флористическому богатству и фитоценологическому разнообразию растительности, кормовым растениям, редким и исчезающим растениям. Даны сведения по лимнофильной орнитофауне, с указанием редких и краснокнижных видов птиц, гнездящихся или находящихся на пролете на данном водоеме; представлен видовой состав ихтиофауны водоема и указаны количественные данные об основных промысловых видах рыб. Раздел «инфраструктура водного объекта» включает фрагмент топографической карты водного объекта (М. 1:200000); карто-схему водного объекта на основе актуальной космической информации; карто-схему инфраструктуры водного объекта, с информацией, снятой с топокарт о питающих водотоках, положении береговой линии, ее высотных отметках, положении плотин, системе каналов, места мониторинговых наблюдений и отбора проб и т.д. (М 1:200000). Раздел «сведения о разрешениях (лицензиях) на природопользование и природоохранную деятельность» включает основные сведения по официальному водопользованию объекта и его изменению, источником которых являются отдел водопользования Министерства природных ресурсов Республики Калмыкия.

Для заполнения разделов экологических паспортов водных объектов нами были проведены исследования на ключевых водоемах, расположенных на территории Республики Калмыкия в разных ландшафтных условиях: на Прикаспийской низменности в границах степной зоны — водохранилища Цаган-Нур, Деед-Хулсун; в условиях опустыненной степи — водохранилище Красинское; в Кумо-Маньчской впадине в условиях сухой степи — Чограйское водохранилище, в условиях пустынной зоны — Состинские водоемы.

Исследования проводились с использованием собственной методики комплексной геоэкологической оценки искусственных водоемов аридной зоны и прилегающих к ним территорий с использованием ГИС-технологий, апробированной нами ранее [Новикова, Уланова 2007:107]. Данная методика сочетает наземные исследования с геоинформационными технологиями. Для определения современных гидрометрических параметров по данным дистанционного зондирования (ИСЗ «Landsat-7») были просчитаны площади изучаемых водоемов Калмыкии в годы различной водности. Изучение экотонных территорий проводилось методом экологического профилирования побережья вкост береговой линии, сопровождавшегося заложением ключевых участков и отбором проб для изучения: минерализации поверхностных вод, структуры и солевого режима почв, видового состава, обилия, проективного покрытия растительных сообществ, глубины залегания и минерализации грунтовых вод. Карто-схемы инфраструктуры водного объекта составлены на основе топографических карт и на основе космической информации в ГИС-программе MapInfo. База данных, созданная по результатам многолетнего мониторинга, отражает состояние основных компонентов экосистем: почв, растительности, подземных и поверхностных вод. ГИС, созданная на основе такой БД, позволяет анализировать материал в пространственно-временном аспекте. За период с 2001 года по настоящее время для исследуемых водных объектов было выполнено 775 геоботанических описаний, отобрано 276 проб почв, 282 пробы поверхностных и грунтовых вод, собрано более 500 растительных укосов.

Анализ химизма и минерализации поверхностных и грунтовых вод был выполнен в Калмыцком филиале ГНУ ВНИИГиМ Россельхозакадемии им. А.Н. Костюкова в соответствии со стандартом ГОСТ 26449.1-85: катионно-анионный состав — титриметрическим методом, определение сухого остатка — гравиметрическим, определение pH — потенциометрическим. Водная вытяжка почвенных проб была проанализирована в этой лаборатории в соответствии с ГОСТами: 26425-85; 26424-85; 26426-85; 26427-85; 26428-85; 26483-85.

По гидрологическим и гидрохимическим показателям практически все изучаемые водные объекты нестабильны, минерализация воды в водоеме и грунтовых вод высокая, их значения колеблются в многолетнем аспекте в широких пределах. Несмотря на всё ухудшающуюся ситуацию, все без исключения искусственные водоемы имеют важное водохозяйственное значение и продолжают использоваться и для водопоя скота, и для любительского рыболовства, и для рекреации, и даже для питьевого водоснабжения (Красинское водохранилище). Кроме того, нахождение на побережье краснокнижных видов растений, появление на пролете многочисленных стай мигрирующих птиц, наличие ООПТ на побережьях большинства изучаемых водоемов, позволяет считать исследуемые водные объекты важными с позиций сохранения биоразнообразия локального и регионального уровня.

Экологическая паспортизация водных объектов на основе долговременного геоэкологического мониторинга – важный шаг к развитию методов оптимального управления водным хозяйством республики.

Литература

Экологическая паспортизация искусственных водоемов Кумо-Маньчской впадины в пределах Республики Калмыкия: монография / С. С. Уланова; Ин-т комплексных исслед. аридных территорий; отв. ред. Н. М. Новикова; рец.: Ж. В. Кузьмина, А. П. Богун. Элиста: Джангар. 2014. 168 с.

Новикова Н. М., Уланова С. С. Геоэкологический мониторинг водных объектов Калмыкии с использованием информационных технологий / Н. М. Новикова, С. С. Уланова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. 2007. № 4. С. 106–109.

Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия

Институтом комплексных исследований аридных территорий осуществляется социологическое исследование «Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия» [Лиджи-Горяева С.Э. 2015].

Исследование проводится по общероссийской методике [Методика 2012].

Цель исследования: выявление степени достижения установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» целевых значений [Указ № 601 2012].

Основной задачей исследования является выявление уровня удовлетворенности граждан республики качеством предоставления государственных и муниципальных услуг.

По результатам опроса 2015 года подавляющее большинство получателей государственных и муниципальных услуг (86,6%) положительно оценили качество предоставления услуг.

Одной из ключевых задач при повышении качества предоставления государственных и муниципальных услуг является сокращение временных издержек заявителей, т. е. минимизация времени, затрачиваемого на подачу запроса и получение результата каждой государственной и муниципальной услуги гражданами республики.

По нашим данным, среднее время ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти на подачу документов для получения государственной/муниципальной услуги при таком подсчете составило **23 минуты**. Среднее время ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти для получения результата услуги составило **28 минут**.

Мы попытались проследить, какому количеству респондентов удалось сдать документы/получить результат услуги, ожидая в очереди не более 15 минут (целевой показатель на 2014 год). Получили следующие результаты: на подачу документов — 61,6%; на получение результата — 72,4%.

Целевой показатель по среднему числу обращений представителей бизнес-сообщества для получения конечного результата государственной/муниципальной услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности на 2014 год, составляет **2** обращения. На 2015 год данный показатель составил **2,26 раза**.

Полученные в ходе опроса по Методике Министерства экономического развития РФ данные от получателей государственных и муниципальных услуг Республики Калмыкия позволяют говорить о том, что для достижения целевых показателей качества предоставления этих услуг необходима определенная работа по совершенствованию инфраструктуры и административного процесса предоставления государственных и муниципальных услуг в республике.

Литература

Методика проведения социологического исследования и оценки удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг, среднего числа обращений представителей бизнес-сообщества в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения одной государственной (муниципальной) услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности, времени ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения государственных (муниципальных) услуг.

Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия: социолог. опрос [проводился в 2015 году в г. Элиста, районах республики, выборка 700 респондентов] // Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий; С. Э. Лиджи-Горяева, А. Б. Хашаева, Л. Н. Сангаева // Архив отдела социологических исследований ИКИАТ.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Современные этнокультурные тенденции в Нижневолжском пространстве*

** Выполнено при поддержке РГНФ проект № 15-03-00402 Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации.*

Осмысливая культуру такой страны, как Россия, необходимо учитывать множество факторов, повлиявших на ее облик. Это многонациональное и многоконфессиональное государство с огромной территорией, освоение которой не закончено до сих пор. Проблема пространства в судьбе российского государства имеет глубокие исторические корни. Возможно, что именно неосвоенность пространства усиливает центробежные тенденции в кризисных ситуациях. Ведь в данном случае, это не только географическая протяженность территории, но и «ментальная конструкция» [Мурзина 2004: 3], представление о конкретном пространстве, закрепленное в сознании людей.

Самобытность каждой культуры является столь же закономерным явлением, как и наличие широко очерченных стадий развития, через которые проходит человечество в своем развитии. Основой самобытности является культура, которая может как объединять, так и разделять народы. Культура пронизывает ценностным содержанием всю общественную жизнь и проявляется в общественно-значимых образцах деятельности членов социума, базируясь на особом восприятии окружающего мира, что определяет мировоззренческую картину мира. В реальной жизни функционирование национальных культур во многом обусловлено наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением – отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций.

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от эволюции идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп, особенно быстрой в современных условиях. Длительное совместное проживание разных этносов в близком соседстве, в одинаковых природных условиях, сходные пути исторического развития народов приводят, как правило, к общности занятий, семейного быта, материальной и духовной культуры. Здесь существует сложное переплетение мировоззрения оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов, рыбаков и купцов. Все эти миры с соответствующими установками сложились в одну культурную традицию, имеющую много общего с культурными ценностями всего общества, но и обладающую своими особенностями.

Процесс формирования подобной транскультурной традиции хорошо демонстрирует Юг России, представляющий собой разновидность геокультурного пространства со специфичным типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др.

Этнокультура, как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способна сохранить уникальность только в рамках диалога, и при условии опоры на общечеловеческие нравственные ценности, а именно: уважение себя и себе подобных, умение понять себя через других.

Культурное многообразие — показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций. Появление изолированных территорий, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, окажутся неспособными выйти на общегосударственный уровень, непременно создаст пригодную почву для межэтнических столкновений. Поэтому необходимы действия по снижению деструктивных характеристик данных сигнификатов.

В конце XX века в Нижнем Поволжье проявились две тенденции: во-первых, край становится приграничным регионом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из

новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего из Северного Кавказа; во-вторых, в связи с распадом СССР, здесь, как и во всех полиэтничных российских регионах, наблюдается рост этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к этнокультурным традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния. Рост преступности, социальной напряженности прочно связывается с мигрантами. Отсюда — растущее стремление жителей отгородиться от переселенцев.

«Старые» этнические группы, исторически проживающие на территории Астраханского региона, различаются по своему языку, культуре, «стажу» проживания в крае, но, так или иначе, все они живут бок о бок на протяжении столетий. За это время сложились общие традиции внутрикультурного взаимодействия, был установлен известный баланс или динамическое равновесие между ними. Недавние выходцы из горных местностей Кавказа далеки от традиций, сложившихся в Астраханском крае, поэтому воспринимаются населением как «иные», а отношения с ними проецируются через призму «свои – чужие» [Мукомель 2005: 61]. В результате появляются этнические группы кавказского происхождения, довольно замкнутые по отношению к социальному окружению (особенно в случае с чеченцами). Специфическими особенностями новообразованных общин становится заметное преобладание мужчин и ярко выраженный религиозный характер.

Различаются этнические общности и в отношении профессиональных предпочтений. Русскоязычное население имеет довольно прочные позиции в сферах мелкого и среднего бизнеса. В то же время татары и казахи ориентированы на сельское хозяйство и мелкую торговлю, а также на работу в государственных учреждениях. Такой традиционный набор социальных предпочтений, сельское происхождение мигрантов обусловили «локальный характер казахской миграции, ее направленность не в крупные городские центры, а в сельские населенные пункты, граничащие с Казахстаном» [Трансформация миграционных процессов 2009: 98]. Во многом благодаря родственным связям легко адаптируясь к социальной среде принимающего общества, такие мигранты обладают низкой социальной мобильностью.

Азербайджанцы и чеченцы более мобильны в социальном плане, чем местное астраханское население, поэтому активно заполняют ниши, образовавшиеся в условиях рыночной экономики. И те, и другие занимаются преимущественно торговлей, при этом образуют довольно замкнутые и малопроницаемые для взаимодействия с внешней средой сообщества. Такая «обособленность и конфликтность придают кавказским общинам полумаргинальный статус» [Разгонникова 2007: 139], что в условиях недостаточной социально-правовой отрегулированности отношений является фактором, усиливающим социальную напряженность. Добровольная сегрегация таких общин этнических мигрантов чаще всего является «осознанной стратегией адаптации к принимающему обществу» [Мукомель 2005: 62], демонстрирующей низкий уровень готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом.

Еще более дестабилизирующее влияние на межнациональное равновесие в регионе оказывает незаконная миграция из стран среднеазиатского региона и Закавказья. Основное число мигрантов составляют граждане Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, пребывающие по частным делам и по вопросам трудоустройства. Миграционные потоки создают проблемы для коренного населения. За последние годы отмечается увеличение конфликтов, начинающихся с бытовых разборок и заканчивающихся «межнациональным противостоянием» [Новичкова 2010], что негативно отражается на восприятии мигрантов местным населением. Страхи вторжения «иного» в определенной степени заставляют рассматривать приезжих как «чужеродных, незваных гостей» [Трансформация 2009: 114].

Настороженность вызывают и нормы поведения, не соответствующие с нормами и традициями принимающего общества. Особенно это проявляется в отношении религиозных экстремистских объединений. Например, в прошлом году в Астраханской области было возбуждено 24 уголовных дела, среди которых фигурировали случаи вербовки в ряды террористических организаций, распространение запрещенной литературы, спонсирование экстремистских организаций [<http://astrakhan.site> 2016]. Не прекращается деятельность экстремистского

международного религиозного объединения «Таблиги Джамаат», представители которого появляются и в Астрахани, внушая местному мусульманскому населению, что те «ведут неправильный религиозный образ жизни» [Кириллов 2010]. Особый упор делается на «обработку» молодежи, причем не только мусульманской веры. В рядах уже действующих приверженцев этого течения есть и русские, и казахи, и узбеки. Главное — поселить раскол среди населения.

Стабилизации положения препятствует ряд внешних и внутренних факторов: постоянная угроза и периодическое проявление терроризма; приграничное положение территорий, неадекватная оценка миграционной ситуации и мигрантофобия, и как результат — «широкая распространенность этнических фобий, сопровождающаяся консервативностью общественного сознания на фоне относительно низкого уровня развития гражданского общества» [Назарова 2006: 75].

Большое влияние на межэтнические отношения оказывает «культурная дистанция» — степень фактического различия во внешних признаках, поведении, образе жизни. В поликультурном астраханском регионе исторически сложилась открытая, незамкнутая система. Новые элементы (в основном мигранты из Средней Азии и Кавказа) не вписались в эту систему, что привело к нарушению традиционно сложившегося паритета этносов и культур, мигранты «вклинились в сложившееся разделение экономических зон, в традиционные взаимоотношения этносов» [Романова 2010: 18].

В этом случае стоит обратить внимание на низкий образовательный уровень переселенцев, приехавших в регион за последние несколько лет, что существенно затрудняет (или делает практически невозможным) социальную адаптацию к российским условиям, и на рынке труда, и в быту. Как следствие, растет культурная дистанция между мигрантами и местным населением.

Между тем сегодня знаковым маркером становится переосмысление картины мира, что особенно актуально для традиционных культур. Суть происходящего заключается в необходимости изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагая признание культурного разнообразия неотъемлемой частью современного глобального процесса. А это влечет за собой более широкие формы самоидентификации. Хотя именно на этом пути возникают большие сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира.

Администрация Астраханской области исходит из того, что власть «не должна делать никакого различия между этносами, что представители всех национальностей должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые обязанности» [Постановление от 22 ноября 2010]. В Астраханском регионе существует база, на основе которой может развиваться диалог культур, поддерживающий многообразие этнокультур при сохранении единства самого общества.

В астраханских школах ведется преподавание на родных языках: татарском, ногайском, казахском и калмыцком, а в АГУ готовятся преподаватели национальных языков. Периодически проводятся научно-практические конференции с участием ученых представителей этнических общностей, выходят газеты на родных языках. Астраханская государственная теле и радиовещательная компания готовит телепередачи на татарском, ногайском и казахском языках; осуществляется ретрансляция телепередач из Казахстана, Татарстана и других областей страны.

Народные праздники проходят не только с участием представителей национальных объединений, родственных по языку и культуре, но и при активной поддержке иных объединений и их творческих коллективов. Вместе с тем, развитие этнических языков и культур должно быть уравновешено общими образовательными программами, направленными на укрепление в российском обществе идеалов взаимоуважения и сотрудничества разных народов.

Процесс осознания своего места в окружающем пространстве всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий. Этот процесс неоднозначен. Он может сопровождаться усилением в массовом сознании

ксенофобии, этнофобии и т.д. как реакции на встречу с «чужим», что, как правило, связано с ростом неприязни, дискриминации и национализма. В таком контексте представляется необходимым воспитание особого восприятия культурного кода «чужой» культуры, не худшей и не лучшей, а просто «другой», которую надо понять и принять в целях осуществления мирного диалога.

Литература

Кириллов О. Кто вносит смуту в мусульманскую среду? В астраханских селах замечены странные бородачи // Волга. 2010. 2 ноября. № 163.

Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя. 2001.

Миронова Д. Без русского языка не обойтись // Деловой вторник. 2011. 18 января. С. 6.

Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия) // Социологические исследования. 2005. № 2.

Мурзина И. Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования/Проблемы образования, науки и культуры. 2004. вып.15. №30. С.3.

Назарова Е. А. Особенности миграционных процессов в южных регионах России // Социс. 2006. № 6.

Новичкова А. Скажи, в чем сила, брат?! Комсомолец Каспия. 2010. 15 декабря. №99(6640).

По гражданству Российской Федерации для граждан России и иностранцам // URL: <http://tuttracker.org>.

Постановление от 22 ноября 2010 г. № 9285-м по вопросам межэтнических отношений, формирования гражданской солидарности, противодействия экстремизму/Региональное законодательство: Астраханская область // URL: <http://www.regionz.ru>

Разгонникова Н. В. Исследование проблем миграции с Северного Кавказа в Астраханскую область: социальные и экономические факторы адаптации (на материале социологического опроса) // сб. науч. трудов. Вып. 11. Волгоград. 2007.

Романова А. П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона/Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. №4(25).

Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед.: Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М., 2009.

URL:<http://astrakhan.site/astr-news/14-06-2016/894-v-astrahani-obsudili-religioznyy-ekstremizm>

А. С. Хныкин, М. В. Костин
(г.Волгоград, Московская обл., Россия)

Население пауков Аршань-Зельменского стационара Института лесоведения РАН

Аршань-Зельменский стационар Института лесоведения РАН расположен в п. Годжур Сарпинского района Республике Калмыкия в долине балки Аршань-Годжур на восточном отроге Ергеней.

Сбор материала проводился в начале августа 2013 года, а также в середине июня и конце августа 2014 года на территории и в окрестностях Аршань-Зельменского стационара Института лесоведения РАН (Респ. Калмыкия, Сарпинский р-н). Климат местности характеризуется значительной сухостью, обусловленной малым количеством осадков (около 330 мм в год) и высокой температурой воздуха в летний период [Поляков, Антипов-Каратаев, 1955]. Применялись ловушки Барбера диаметром 100 мм с 6%-ным раствором уксусной кислоты, размещенные в одну линию на расстоянии 5 м друг от друга. Экспонировались в течение 7 дней. Дополнительно использовался энтомологический сачок. Им проводилось 100 взмахов сквозь травостой с максимальной густотой вдоль наиболее репрезентативной линии. Полученный материал консервировался в спирте. Основную часть пауков, добытых кошением, составили неполовозрелые особи, не поддающиеся определению в силу неразвитости половых органов. Материал идентифицировался при помощи определителей [Ажеганова, 1968; Тыщенко, 1971; Roberts, 1995]. Достоверность определения подтверждена сотрудником Института аридных зон ЮНЦ РАН Пономарёвым А. В.

Список обнаруженных пауков: *Argiope bruennichi* – 2♂, *Berlandina cinerea* – 3♀, *Civizelotes caucasicus* – 2♂, 1♀, *Dysdera ukrainensis* – 1♀, *Eratigena agrestis* – 2♂, 1♀, *Gnaphosa dolosa* – 2♂, *Gnaphosa mongolica* – 1♂, *Heriaeus horridus* – 3♂, *Mustelicoso dimidiata* – 4♂, 1♀, *Oxyopes globifer* – 3♂, *Ozyptila praticola* – 2♂, *Pardosa agrestis* – 1♀, *Pardosa alacris* – 6♂, *Pseudeuophrys obsoleta* – 1♀, *Thanatus atratus* – 3♂, *Thanatus vulgaris* – 3♂, 3♀, *Thomisus onustus* – 1♂, 1♀, 56 juv., *Titanoeca schineri* – 3♂, 1♀, *Xerolycosa miniata* – 1♂, 2♀, *Xysticus ninnii* – 2♂, *Yllenus arenarius* – 1♂, *Zelotes segrex* – 2♂, а также 115 особей из разных видов, не подлежащих идентификации.

Всего в ходе данного исследования было отловлено 190 особей пауков из 31 вида.

Литература

Ажеганова Н. С. Краткий определитель пауков (Aranei) лесной и лесостепной зоны СССР // Определители по фауне СССР, издаваемые Зоологическим институтом АН СССР. Л.: Наука. 1968. Т. 98. 147 с.

Поляков Ю. А., Антипов-Каратаев И. Н. Природные условия района деятельности Аршань-Зельменского стационара // Труды Института леса / Том XXVIII. Почвы и растительность опытных участков Аршань-Зельменского стационара. М.: Изд. Академии наук СССР. 1955. С. 5–54.

Тыщенко В. П. Определитель пауков европейской части СССР. Л.: Наука. 1971. 281 с.

Roberts M. J. Collins Field Guide: Spiders of Britain & Northern Europe. London: Harper Collins. 1995. 383 p.

С. В. Церенов
(г. Элиста, Россия)

Проблемы демографии и экономики Калмыкии в 2010–2015 годах

Население Калмыкии за период 2010–2015 гг. сократилось с 289,6 тыс. чел. до 280,5 тыс. чел. (для сравнения в 1991 г. 326,7 тыс. чел.). Основной причиной сокращения численности являлась продолжающаяся с предыдущих лет относительно высокая миграционная убыль.

В 2010–2015 гг. уменьшение сельского населения республики (с 161,9 тыс. чел. до 154,0 тыс. чел.) происходило опережающими темпами по сравнению с уменьшением городского населения (с 127,7 тыс. чел. до 126,5 тыс. чел.), что влияет на территориальную структуру экономики Калмыкии.

Сокращение численности населения Калмыкии в 2010–2015 гг. сопровождалось увеличением количества граждан нетрудоспособного возраста. Численность населения моложе трудоспособного возраста выросла с 58,4 тыс. чел. до 60,4 тыс. чел., старше трудоспособного возраста выросла с 45,6 тыс. чел. до 54,3 тыс. чел., в трудоспособном возрасте уменьшилась с 185,6 тыс. чел. до 165,8 тыс. чел.

Указанные процессы совместно привели к росту коэффициентов демографической нагрузки. В 2010 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста приходилось 560 чел. нетрудоспособных возрастов, в 2014 г. 692 чел.

При этом произошел опережающий рост количества людей старше трудоспособного возраста в 1,19 раза, в то время как количество людей младшего поколения увеличилось в 1,03 раза.

На начало 2015 г. количество 15–19 летних жителей республики в 1,62 раза меньше количества 25–29-летних, а количество 40–44-летних в 1,49 раза меньше количества 50–54-летних. В указанных возрастах в структуре населения республики отчетливо наблюдается эффект «бутылочного горлышка».

Суммарный коэффициент рождаемости для одной женщины в Калмыкии в 1996–2015 гг. находился в пределах значений 1,55–1,89 (максимальное значение достигнуто в 2012 г.), не достигая минимальных критических значений 2,10–2,20 с 1995 г., что означает отсутствие воспроизводства населения республики и будущее сокращение его численности.

Расчеты по одному из демографических прогнозов предполагают, что население Калмыкии к 2031 г. составит около 260 тыс. чел., из которых 140 тыс. чел. трудоспособного возраста, 50 тыс. чел. моложе и 70 тыс. чел. старше трудоспособного возраста.

Данные процессы привели к ситуативному «снижению» показателя безработицы, который составил 14,7% в 2010 г. и 10,9% в 2014 г. Изменение показателя безработицы сопровождается сокращением среднесписочной численности работников с 60 тыс. до 51,6 тыс. и численности занятых в региональной экономике с 114 тыс. чел. до 111,9 тыс. чел. Это происходит на фоне стагнации региональной экономики.

Производительность труда в Калмыкии в 1996–2013 гг. составляла около трети от среднероссийской [Добыть 2015], что свидетельствует о технологическом отставании экономики республики.

Продолжение таких процессов, как технологическая отсталость экономики, низкая производительность труда, неэффективность государственного управления, при соединении со снижением численности населения трудоспособного возраста создают «гремучую смесь» для будущего Калмыкии.

Для решения экономико-демографических проблем республики следует безотлагательно перейти к практическому развитию Калмыкии на основе комплексной долгосрочной федеральной программы.

Литература

- Добыть* или не добыть // Коммерсантъ-Огонек. 2015. 8 июня.
Республика Калмыкия. Статистический ежегодник 2015. Элиста. 2015.
Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/>

Д. А. Шарманджиев
(г. Элиста, Россия)

О состоянии института семьи и семейных ценностях в средствах массовой информации Республики Калмыкия (2012–2015 гг.)

Средства массовой информации (радио, телевидение, периодическая печать, Интернет и т.д.) как одни из основных форм системы человеческих коммуникаций, безусловно, оказывают влияние на формирование духовно–нравственных ценностей каждого человека и, прежде всего, молодого. В работах современных исследователей подчеркивается роль СМИ в формировании позитивных, в том числе семейных ценностей [Антонов 2012]. Изучая отражение семейных ценностей в медиaprостранстве Калмыкии, в первую очередь, нами рассматривались основные печатные средства информации: газеты «Известия Калмыкии», «Хальмг Унн», «Элистинский курьер». Меньше здесь представлены материалы Калмыцкого телевидения и из сети Интернет. В материалах Калмыцкого филиала ВГТРК присутствуют достаточно много репортажей о семьях и семейных ценностях Калмыкии. Вот лишь названия некоторых из них: «Самая лучшая мама-2014», «Многодетные семьи получают бесплатную подписку на республиканские издания», «Сегодня по всей стране отмечается Международный день защиты детей», «В Элисте состоялся традиционный творческий конкурс многодетных семей», «В Элисте чествуют многодетные семьи Калмыкии», «Многодетная семья из Приютненского района награждена медалью ордена “Родительская слава”», «Престиж молодой семьикрепили в состязаниях», «Семья Манджиевых из Приютненского района удостоена медали ордена “Родительская слава”», «Секрет семейного счастья от Саргсян».

В то же время в материалах калмыцкого телевидения есть телерепортажи, отражающие негативные явления происходящих в некоторых семьях Калмыкии. Они свидетельствуют, в

том числе и о трансформационных процессах, происходивших в российской семье в условиях периодических социально-экономических кризисов на протяжении всего постсоветского времени в Российской Федерации и Калмыкии.

Литература

Антонов А. И. Катастрофические изменения института семьи и крайняя настоятельность просоциальной политики // Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Уфа. 2012. С. 3314.

Г. И. Юсупова
(г. Махачкала, Россия)

К проблеме трансформации этнической структуры населения Дагестана в постсоветский период

С одной стороны, этнический фактор в республике играет стабилизирующую роль. Однако, этот же фактор несет в себе и значительный конфликтогенный потенциал, на который могут повлиять многие сложные тенденции политического, экономического, социального, культурного характера. В долгосрочной перспективе этот фактор может стать серьезным тормозом на пути демократического и стабильного развития республики.

Динамика развития этнической структуры населения республики всегда представляла собой сложный и противоречивый процесс с поочередным усилением интеграционных и дезинтеграционных факторов. В последние же годы, особенно в молодежной среде, складывание общедагестанской идентичности, как оппозиционной общероссийской, идет на отрицательном опыте переживания роста кавказофобии и антидагестанских настроений.

В последние десятилетия источником конфликтогенности в республике Дагестан выступали трансформации традиционно сложившейся этнической структуры населения республики, а также линий соприкосновения ареалов расселения этнических групп дагестанцев.

Многонациональный характер структуры населения Республики Дагестан определяет ключевое значение фактора этничности и соответственно этнической идентичности в обозримой перспективе. Народы республики обладают высокой степенью консолидации. Однако, наряду с тем, что этническая идентичность в Дагестане исторически являлась и по сегодняшний день является одним из главных мобилизирующих и консолидирующих отдельные народы факторов, она сохраняет и латентный конфликтогенный потенциал, ограничивающий и регламентирующий социальные общности рамками только своей национальности. Нельзя отрицать наличие конфликтного потенциала и в такой характерной особенности последних десятилетий в республике, как этническая мобилизация.

На территории Дагестана проживают представители 102 национальностей, которые принадлежат к 3 языковым семьям. Аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры и чеченцы относятся к нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи. Тюркские языки представлены кумыками, азербайджанцами, ногайцами и татарами, а индоевропейская языковая семья — русскими, украинцами, белорусами, евреями, горскими евреями, татами, армянами и другими народами.

Важно иметь в виду при анализе современных трансформаций этнической структуры населения республики, что линии соприкосновения ареалов расселения этнических групп на территории республики всегда оставались динамично развивающимися и структурно подвижными.

Численный и национальный состав населения, основные тенденции этнического расселения, особенности трансформации этнической структуры населения на отдельных территориях, а также этнодемографического развития современного Дагестана определяют его наи-

более многочисленными национальностями: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, русские, лакцы, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, ногайцы, евреи, рутульцы, агулы, украинцы, армяне, татары и цахуры, на долю которых приходится 99,9% населения.

Современное расселение народностей на территории Дагестана складывалось на протяжении длительного периода времени. Население большинства национальностей проживает компактно на территории отдельных административных единиц (районов, городов). Исторически сложилась относительная устойчивость национального состава населения всех горных и части предгорных районов Дагестана. Многие из них и по настоящее время продолжают оставаться традиционно однонациональными. Однако и в горах имеются населенные пункты, где проживает население другой национальности. Так, в Агульском районе в селе Амух проживают даргинцы, в Акушинском районе в селах Балхар, Кули, Уллучара и Цуликана — лакцы, в Кайтагском районе в селах Янгикент, Туменлер и части села маджалис — кумыки, в Левашинском районе в селах Ахкент, Кулецма, Кутиша, Нижние Чугли, Охли, Орда-Чугли, Урма, Хихита и Чуни — аварцы. В Рутульском районе в селах Аракул, Верхний Катрух — лакцы, в селе Нижний Катрух — азербайджанцы, в селе Кусур — аварцы. В Чародинском районе в селе Шалиб — лакцы. Жители этих аулов, как правило, имеют тесные связи с окружающими их народами, свободно владеют языком основной национальности района.

Кардинальные трансформации в расселении и этническом составе ряда районов произошли во второй половине 20 века, особенно в последние 2-3 десятилетия. Этнические изменения произошли в равнинных сельских районах, которые из относительно национально однородных превратились в национально смешанные, а в некоторых случаях этническая трансформация привела к резкому увеличению соотношения пришлого населения по сравнению с традиционно проживавшими в регионе народностями. В большей степени это относится к Бабаюртовскому, Хасавюртовскому, Кизлярскому, Ногайскому и Дербентскому районам, национальный состав каждого из которых включает представителей всех народов, населяющих республику.

Одним из основных источников этнической трансформации равнинного населения можно считать урбанизацию, приведшую к сокращению численности сельского населения по сравнению с городским в результате массовых переселений с горных районов республики на равнину.

На 1 января 1986 года на территории бывшей Дагестанской АССР было расположено 8 городов республиканского подчинения, 15 поселков городского типа. Численность населения в городах республиканского подчинения была соответственно следующей: Махачкала — 335,5 тыс. чел.; Буйнакс — 51,9; Дербент — 94,5; Каспийск — 59,7; Кизляр — 50,7; Хасавюрт — 73,6. На 1 января 1986 года всего в республике городское население составляло 762,8 тыс. чел. или 43% населения, а соответственно сельское население — 990,2 тыс. чел. или 57% всего населения республики. Города являлись зонами наиболее интенсивного этнического контактирования и продолжают оставаться ими по настоящее время.

В 2015 году численность населения городов Республики Дагестан была представлена следующим образом: Махачкала — 583233 чел.; Хасавюрт — 136789 чел.; Дербент — 121251 чел.; Каспийск — 107329 чел.; Буйнакс — 63312 чел.; Избербаш — 56914 чел.; Кизляр — 48102 чел.; Кизилюрт — 34939 чел.; Дагестанские Огни — 28669 чел.; Южносухокумск — 10359 чел.

В следующей таблице представлены населенные пункты с численностью населения более 10 тысяч человек в 2015 г.

Махачкала	↗583 233	Ленинкент	↗16 027	Белиджи	↘11 796
Хасавюрт	↗136 789	Бабаюрт	↗15 984	Новый Хушет	↗11 371
Дербент	↗121 2511	Тарки	→15 443]	Каякент	↗11 144
Каспийск	↗107 329	Нижнее Казанище	↗13 823	Мамедкала	↗11 035
Буйнакск	↗63 312	Семендер	↗13 777	Леваши	↗10 860
Избербаш	↗56 914	Ахты	↗13 400	Южно-Сухокумск	↗10 359
Кизляр	↗48 102	Касумкент	↗13 232	Шамхал-Термен	↗10 260
Кизилюрт	↗34 939	Альбурикент	↗12 653		
Дагестанские Огни	↗28 669	Ботлих	↗12 159		
Карабудахкент	↗16 582	Шамхал	↗11 881		

В равнинной зоне Дагестана расположены все города (за исключением Буйнакска) и значительная часть поселков городского типа, население которых также отличается большой национальной мозаичностью. В настоящее время более половины численности основных национальностей по-прежнему проживает в сельской местности. Наиболее высокий удельный вес из общей численности городского населения характерен для аварцев, русских, кумыков, даргинцев, лезгин и лакцев. По сравнению с переписью населения 2002 года численность населения Республики Дагестан, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, увеличилась на 333,7 тысяч человек, составив 2910,2 тысяч человек. Рост численности городского населения (212,3 тысячи человек) опередил рост численности сельского населения (120,4 тысячи человек). **Направленность изменения этноструктуры населения Дагестана также несколько раз менялась.**

Для анализа этнических трансформаций считаем целесообразным сравнение с данными по всему Северо-Кавказскому федеральному округу. Площадь территории СКФО – 170 тысяч кв.км., плотность населения в СКФО – 57 человек на кв.км. Площадь территории Республики Дагестан – 50 тысяч кв.км. Ранг территории субъекта по отношению к территории всех субъектов России – 52, субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ – 2. Удельный вес территории субъекта в общей территории в процентах -России – 0,29, СКФО – 29,49. Плотность населения Республики Дагестан – 59 человек на кв.км. Ранг плотности населения РД по отношению к плотности населения всех субъектов России – 14, субъектов, входящих в СКФО – 5.

Наиболее многообразной по числу входящих в нее народов является дагестанская подгруппа: всего в Дагестане насчитывается около 30 народов и этнических групп с самостоятельными языками. Наиболее крупными являются аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и цахуры. Как отмечают демографы, эти народы характеризуются относительно незначительной миграционной подвижностью и в основном проживают на территории Дагестана. Пожалуй, исключением являются лезгины, значительная часть которых проживает в Азербайджане.

По переписи 2002 г., численность этих народов в России определялась так: аварцы — 814 тыс. чел., даргинцы — 510 тыс., лезгины — 412 тыс., лакцы — 157 тыс., табасаранцы — 132 тыс., рутульцы — 30 тыс., агулы — 28 тыс., цахуры — свыше 10 тыс.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года население Республики Дагестан составило 2910249 человек, что на 333718 человек (на 13%) больше по сравнению с результатами всероссийской переписи 2002 года. 1594367 человек (54,8%) проживают на селе, 1315882 человека (45,2%) — в городе. В республике преобладает женское население — 1509684 (51,9%), мужское насчитывает 1400565 (48,1%).

Трудоспособное население республики составляло 1810165 человек (62,2% от общей численности населения). Высшее образование имели 393064 чел. и 12740 чел. — послевузовское образование, что составило 18,6% от общей численности населения старше 15 лет, указавшего уровень образования. Неграмотных насчитывалось 17201 чел. (0,8).

Численность населения республики по данным Росстата, в 2016 году составляет 3056600 человек. Плотность населения составляет 59,99чел./кв.км. Географически территорию Дагестана делят на три зоны: горная, предгорная и равнинная или плоскостная. Этнические перемещения происходят также в границах этих зон. Анализ современных этнических трансформаций в наиболее многонациональных регионах республики показывает, что необходимость эффективной национальной политики будет усиливаться, а методы государственного управления динамичными процессами этнодифференциации и этноинтеграции должны соответствовать современным реалиям.

В развитии этносоциальных процессов в Дагестане важную роль играет высокая доля сельского населения. Аграрная занятость характеризуется ограниченностью сферы приложения труда, сокращением трудовой миграции населения республики в другие регионы России при одновременном усилении притока возвращающихся в Дагестан (в определенные периоды), падением спроса на рабочую силу в связи с углублением кризисных явлений в сфере многих отраслей народного хозяйства.

Одним из факторов изменения ареалов этнического расселения населения в республике, переселения с горных районов в равнинные, внутриреспубликанской миграции и миграции за пределы республики, можно считать безработицу. На 1 января 2008 года численность безработных составляла около 300 тыс. чел. На современном этапе число безработных снижается. По результатам мониторинга численность зарегистрированных безработных в РД на 1 января 2014 года составляет 27,3 тыс. чел. Численность граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости населения Республики Дагестан в качестве безработных за период с 1 января по 23 марта 2016 года выросла на 5,2% и составила 28,5 тысяч человек [РИА Дагестан].

На протяжении последних десятилетий усугубляла проблему безработных миграция дагестанского населения из бывших республик СССР. В 1989–90 гг. около 800 семей дагестанцев были вынуждены покинуть Гурьевскую область Республики Казахстан. В 1992–93 гг. в Дагестан прибыло 2 тысячи беженцев: из Азербайджана — 340 чел., из Таджикистана — 900 чел., из Чечни — 405 чел., из Грузии — 210 чел., из других мест — 146 чел. По данным Управления по делам миграции МВД, с 1 августа 1999 года по апрель 2003 года из Чеченской Республики прибыло 2509 семей общей численностью 8591 человек. Летом 2014 года в Дагестан прибыли беженцы из Украины, весной этого же года жители сел Храх-уба и Урьян-уба Республики Азербайджан переселились в Магарамкентский район РД.

Этническое разнообразие нередко выступало серьезным конфликтогенным фактором. Потенциальная конфликтогенность этнического многообразия региона определяется многоаспектностью социально-политических факторов, которые можно условно разделить на долгосрочные и ситуативные.

К долгосрочным факторам принято относить исторически сложившуюся полиэтничность населения Дагестана, наличие многочисленных языковых групп народов, обладающих самостоятельными национальными интересами в различных областях общественной жизни. Исторически сложившейся традицией является влияние на политические институты традиционных систем внутриэтнической регуляции, таких как тухумы, семейные кланы и т.д. Историческая память как элемент национального самосознания часто выступала в ходе межэтнических конфликтов и противоречий основой консолидации национальных интересов.

Литература

РИА Дагестан. Дата обращения: 25.08.2016.

К. А. Асаналиева, С. М. Трофимова
(г. Элиста, Россия)

**Место пословиц и поговорок с зоонимами в системе
паремиологических единиц киргизского и русского языков**

В киргизском языке, как и в сопоставляемом с ним русском языке, существуют пословицы и поговорки о животных, похожие по смыслу и лексическому значению слов. Есть поговорки, где смысл немного меняется, но характеры животных похожи. Или есть пословицы, где смысл выражен совершенно разными словами, присущими только киргизам или русским. Поговорки и пословицы о животных отражают многолетние наблюдения человека за повадками животных и их внешним видом, передают наше отношение к «меньшим братьям».

В горах Ала-Тоо условия жизни никогда не были легкими. Суровые климатические условия, изнурительная борьба за выживание, тяжелый труд требовали большой выносливости и оптимизма от жителей гор. И это нашло свое выражение в пословицах и поговорках киргизского народа, например, *Малчы малчы болсо, мал мал болбой калбас* 'Будет пастух / хорошим / пастухом, будет животное / хорошим / животным'. В пословицах и поговорках о животных высмеивается лень, неумение вести хозяйство, незнание природы и повадок животных, небрежное отношение к живности, например, *Жаман малчынын уйлары сутсуз, койлору жунсуз болот* 'У плохого пастуха коровы без молока, овцы без шерсти'; *Жаман малчы соз ташуучу болот* 'Плохой скотовод любит спорить'; *Жаман малчынын кайнаткан эти бышпас* 'У плохого пастуха мясо не сварится'; *Жаман малчы тан атканчы ойгонбос, ойгонсо да, туруп малын жаялбас* «Плохой пастух до восхода солнца не проснется, а если и проснется, не может встать и вывести скот пастись».

Многие пословицы и поговорки, включающие названия животных, направлены против праздности, безделья, лени, неумения трудиться, например, *Уйду саай билбегенге короо кынгыр корунот* 'Тому, кто не умеет доить коров, двор кажется неровным'; *Иши болбогон иттерди сууга алып барат* 'Не имеющий дела ведет к водопою собак'; *Жаман койчу койлорун карышкырга кырдырыр* 'Овец плохого пастуха волк задерет'. Также в пословицах характеризуют тех, кто умеет хорошо трудиться. Они получают соответствующую оценку: восхваляются их расторопность, умение, знания, например, *Мыкты малчынын торт козу болот* 'У хорошего чабана четыре глаза'; *Мыкты жылкычынын минген аты тез чабар* 'У хорошего табунщика конь скачет быстрее'.

Отсутствие чувства ответственности трактуется в пословицах, как корень зла и источник всевозможных бедствий, например, *Малчылар коп болсо, кой арам олот* 'Если пастухов будет много, овца подохнет харам' (букв.: подохнет от голода, ее и зарезать некому).

Типизация явлений — неотъемлемое свойство пословиц и поговорок. При типизации наиболее существенные черты и свойства субъекта выдвигаются на передний план, например, *Бир огуздун кучунон мин огуз суу ичер* 'Благодаря одному волу тысяча волов напьются воды'; *Буканын кучу — бойнунда* 'Сила быка — в его шее'; *Жаткан бору — ток болбос* 'Лежачий волк сытым не будет'.

В первой пословице ясно выражена мысль о значимости каждой личности для многих других, следовательно, об общественной значимости каждого человека. Во второй — мысль о том, что каждый силен по-своему, следовательно, каждая личность индивидуальна, каждый проявляет себя в соответствии со своими достоинствами и пороками, и с этим необходимо считаться. В третьей пословице выражена мысль о том, что все достигается трудом, даже таким ловким существом, как волк, и отступление от этого — неестественное состояние для живых, в том числе и для человека. Сказки, с детства окружая людей, укрепили в их сознании определенные устойчивые образы животных, ставшие как бы носителями определенной модели нравственности и типа поведения.

Трансплантация готовых моделей образов дала мощный импульс к возникновению многообразных и многочисленных паремий о животных. В результате в настоящее время пантеон животных персонажей киргизской (тюркской) паремиологии гораздо богаче и шире, чем сказочный. Пословичный и поговорочный фольклор «усеян» яркими, многогранными образами животных, зверей, птиц и тварей, которые не встречаем в сказках.

В. В. Баранова
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Отрицание эс в калмыцком языке

В калмыцком языке представлено значительное количество показателей отрицания. Наиболее существенными признаками являются положение показателя после или до отрицаемого, полная или краткая форма. Другие важные параметры — с какими формами употребляется показатель отрицания, в каком синтаксическом окружении, какие функции выполняет.

В докладе рассматривается препозитивное отрицание эс с различными финитными и нефинитными формами в калмыцком языке. В «Грамматике калмыцкого языка» указано, что отрицание эс принимают причастия будущего и прошедшего времени, условное, соединительное, разделительное и продолжительное деепричастия, а также личные формы глагола в настоящем и прошедшем времени и отглагольные существительные [Грамматика калмыцкого языка 1983: 292]. Тексты показывают, что такое широкое перечисление не вполне достаточно: с одними формами этот показатель используется достаточно регулярно, тогда как с другими, как в случае крайне редко используемой формы причастия на *-сар*, не встречается.

Современные методы работы с текстами позволяют описать не только допустимое в принципе употребление, но и показать частотность того или иного контекста и сопутствующие синтаксические и семантические условия. Созданный коллективом КИГИ РАН Национальный корпус калмыцкого языка (<http://kalmcorp.ru>), небольшой корпус А. Ванькаевой (<http://web-corpora.net/KalmykCorpus>) и полевые записи автора и коллег, образующие маленький корпус глоссированных устных текстов, позволяют показать основные синтаксические контексты, в которых выступает отрицание эс, и описать семантику данной формы. Этим задачам и будет посвящен данный доклад.

Исторически во всех монгольских языках произошло (частичное) вытеснение препозитивных форм постпозитивными (см., например, недавнюю статью [Brosig 2015]). Для анализа формирования современного употребления формы эс в калмыцком привлекаются исторические данные: в докладе современное употребление рассматривается в сравнении с использованием формы эс в текстах начала XVIII в. — письмах хана Аюки, опубликованных Д. А. Сусеевой [2003] и в письмах XIX в. от разных корреспондентов И. Я. Шмидту в период его пребывания в немецкой общине Сарепты [Krueger, Service (eds) 2002]. Деловые письма представляются удачным источником, поскольку отражают черты калмыцкого языка, репрезентируют язык разных авторов и позволяют проследить изменения в употреблении форм отрицания в деловом языке с интервалом примерно в 100 лет.

Литература

- Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.). Элиста, 2003.
- Brosig Benjamin. 2015. Negation in Mongolic, *SUSA / Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 95: 67–136.
- Kalmyk* old-script documents of Isaac Jacob Schmidt 1800–1810. Todo Biciq texts, transcription, translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Edited by John R. Krueger and Robert G. Service. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

Лексикографические источники Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: обзор и анализ

В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, как мы писали раньше¹, продолжается работа над созданием Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». Опираясь на предыдущий лексикографический опыт с привлечением существующих современных толковых словарей, в начале работы мы проанализировали существующие двуязычные, переводные, толковые словари, по какому принципу они составлены, что включено в словарную статью, какие части речи рассматриваются в качестве заголовочных слов, а какие нет.

Ниже приведена таблица, где кратко продемонстрированы общие и дифференциальные признаки различных по своей структуре и формату словарей.

На примере данной таблицы видно, что все словари построены по различным принципам. В некоторых словарях в качестве заголовочного слова выступают диалектизмы, причастия, деепричастия, существительные в родительном и совместном падежах, супплетивные формы местоимений. Лексические и лексико-грамматические омонимы выделяются по-разному: лексические омонимы даются отдельными словарными статьями и обозначаются римскими цифрами или снабжены цифровыми указателями. Лексико-грамматические омонимы отделяются полужирными арабскими цифрами с точкой или арабскими цифрами со скобкой. Сложные и парные слова включены во все словари, но в различном объеме. Ни в одном из словарей постпозитивные частицы, пишущиеся слитно, не выделяются в заголовочное слово. Транскрипция имеется только в КРС (1977) и ССКЯ.

В словарной статье КРС (1977) даются заглавное слово, различные пометы, сложносочиненные слова, аббревиатуры, перевод на русский язык, иллюстративные примеры. Калмыцким словам, обозначающим специфические понятия в области этнографии, истории и не имеющим соответствий в русском языке, дается описательное толкование в круглых скобках. Идиоматические выражения приводятся в конце словарной статьи за знаком \diamond в таких словарях, как ОЛИЭД, ССКЯ, ТСКЯ, КРС. Во всех словарях для демонстрации значений заглавных слов и словосочетаний используется обширный иллюстративный материал: пословицы, поговорки, загадки, меткие выражения, примеры из героического эпоса «Джангар», произведений калмыцких писателей.

Сокращения

ТСТБК – Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

ОЛИЭД – Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического эпоса «Джангар». Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1976. 530 с.

КРС – Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Типография императорской академии наук, 1911. 306 с.

КРС – Калмыцко-русский словарь под ред. Муниева Б. Д. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

ТСКЯ – Толковый словарь калмыцкого языка. Сост. Манджикова Б. Б. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.

ССКЯ – Словарь синонимов калмыцкого языка (пособие для учащихся). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.

Литература

Бачаева С. Е. Грамматические и стилистические пометы в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и пер-

¹ По данной тематике опубликованы статьи, подготовлены выступления на конференциях Э. У. Омакаевой [2015], Н.М. Мулаевой [2015], С. Е. Бачаевой [2014].

Таблица № 2. Сравнительный анализ словарей

Наименование	КРС (1911)	КРС (1977)	ОЛИЭД	ТСТБК	ТСКЯ	ССКЯ
Диалектизмы	+	+	+	+	-	+
Лексические омонимы	Даются через	Даются отдельными статьями и обозначаются римскими цифрами	Даются отдельными статьями и обозначаются римскими цифрами	Снабжены цифровыми указателями	Даются отдельными статьями и обозначаются арабскими цифрами с запятой	Римскими цифрами после заглавного или осовного слова
Лексико-грамматические омонимы	Даются через	Различные части речи отделяются полужирными арабскими цифрами с точкой	Отделяются полужирными арабскими цифрами со скобкой	Обозначаются арабскими цифрами с точкой	Обозначаются арабскими цифрами с точкой	Отделяются полужирными арабскими цифрами со скобкой
Залоговые формы	+	+	+	+	-	-
Транскрипция	-	+	-	-	-	+
Причастия, деепричастия, существительные в родительном и совместном падеже	+	+	+	+	-	+
Местоимения в супплетивной форме	-	+	+	-	-	-
Сложные слова	+	+, не всегда, только те, которые пишутся через дефис	+	+	+	+
Постпозитивные частицы, пишущиеся слитно	-	-	-	-	-	-
						Парные слова

спективы развития. Мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 182–185.

Мулаева Н.М. К вопросу о возрастных числительных (на материале Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2015. С. 106–107.

Омакаева Э.У. Проблемы лексикографической фиксации многозначности глагола и имени в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: типологические и идиоэтнические аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 210.

С. Е. Бачаева
(г. Элиста, Россия)

Сочетаемость прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности (на материале калмыцкого языка)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-08005.

В настоящее время у лингвистов огромный интерес вызывает выявление сочетаемостных ограничений, типов употреблений, описание конструкций и семантических компонентов. Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, И. А. Мельчук, В. В. Морковкин, А. М. Пешковский, А. А. Потемня, Е. В. Рахилина и мн. др. в своих трудах рассматривали сочетаемость лексических единиц. В калмыцком языкознании, к сожалению, данная проблема не исследована, за исключением работы автора данного тезиса [Бачаева 2015].

В. В. Морковкин считает, что сочетаемость слова есть его способность объединяться в речи с определенными словами для выполнения того или иного смыслового задания [Морковкин 1979: 132]. Изучению сочетаемости имен прилагательных посвящены работы: С. М. Гетманцева [2014], Е. В. Рахилина [2008] и др.

Прилагательные по своей семантике весьма неоднородны, их классификации разнообразны, можно выделить следующие лексико-семантические группы: прилагательные, указывающие на форму, размер, вес; прилагательные, выражающие свойства, которые воспринимаются органами чувств (цвет, вкус, звук); прилагательные, обозначающие моральные, внутренние и внешние, физические свойства; прилагательные оценки. К лексике, обозначающей прилагательные размера, пространственные измерения, можно отнести: *ут* 'длинный', *зузан* 'толстый', *нэрхн*, *нимгн* 'тонкий', *ахрхн* 'коротенький', *ахр* 'короткий'; прилагательные величины объекта: *бичкн* 'маленький, крошечный', *ик* 'большой, огромный'; прилагательные, обозначающие объем: *өргн*, *йир ик* 'объемный, объемистый, обширный', *у* 'просторный'.

Целью данного исследования является изучение наиболее частотных лексических сочетаний имен прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности в калмыцком языке, выявление ограничений, характеристика общих свойств, анализ примеров употребления. Общеизвестно, что пространственная протяженность характеризуется тремя основными параметрами: длиной, шириной и высотой. Материалом для анализа послужили данные Национального корпуса калмыцкого языка (kalmcorp.ru).

Рассмотрим прилагательное *ут* 'длинный', которое имеет значение большой длины, характеризует плоские вытянутые и гибкие «веревкообразные» поверхности, протипоставлено слову *ахрхн* 'коротенький'. Прилагательное *ут* сочетается с рядом существительных, обозначающих вытянутые поверхности, например, *ут ширэ* 'длинный стол'; бесконечные пространства *ут хол* 'длинная река'; части тела *ут күзүн* 'длинная шея', *ут хар* 'длинные руки', *ут бий* 'длинное тело', *ут көл* 'длинные ноги', *ут хоңшар* 'длинный клюв', *ут сурмесг* 'длинные ресницы', *ут үсн* 'длинные волосы', *ут хурһн* 'длинные пальцы'; помещение *ут өрэ* 'длинная комната', *ут гер* 'длинный дом', *ут кошар* 'длинная кошара', *ут барак* 'длинный барак', *ут хаша* 'длинный скотный двор'; вертикальные стержни (колонны) *ут тасм* 'длинный ре-

мешок', *ут бахн* 'длинный столб', *ут модн* 'высокое дерево', *ут утан* 'длинный дым', *ут арһмжэ* 'длинный аркан, лассо'.

Рассматривая сочетаемость прилагательного *ут*, мы пришли к выводу, что оно чаще всего сочетается со словами, обозначающими части тела, но не сочетается со словами, обозначающими углубление в поверхности, отверстие, полые вытянутые предметы, нельзя сказать *ут нүкн* 'длинная яма', говорят *гун нүкн* 'глубокая яма'. Таким образом, рассмотренные прилагательные дают основу для дальнейшего исследования сочетаемости имен прилагательных.

Литература

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Гетманцев С. М. Национальная специфика лексической сочетаемости прилагательных, обозначающих пространственные измерения (на материале русского и английского языков) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 2. С. 88–90.

Морковкин В. В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: сборник научных трудов. Вып. 145. М.: МГИИЯ им. М. Тореза, 1979. С. 129–138.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

А. Т. Баянова, В. В. Куканова
(г. Элиста, Россия)

Безэквивалентная лексика калмыцкого языка и способы ее передачи в немецком языке

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002.*

В условиях глобализации и расширения международных культурных контактов остро встает проблема сохранения национальных языков. В связи с этим вопросы перевода безэквивалентной лексики (в дальнейшем — БЭЛ) — большой и важной проблемы трансляции национального своеобразия языка — активно рассматриваются в современном переводоведении, сопоставительном и типологическом языкознании, лингвистике, лингвострановедении, лексикографии.

Поскольку БЭЛ рассматривается в рамках двух языков — исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ), то современными исследователями чаще всего рассматриваются вопросы перевода БЭЛ в русском (ИЯ) и иностранных языках (ПЯ). Перевод БЭЛ в национальных языках (чаще всего рассматриваются реалии) изучается в сравнении с русским языком (см. работы Замалетдиновой Г. Ф., Егодуровой В. М., Федорова А. В., Тюркан Е. А., Олядыковой Л. Б.)

В последние годы БЭЛ национальных языков исследуется в сопоставлении не только с русским или близкородственным языками, но и с другими генетически отдаленными языками. Так, например, вопросы перевода БЭЛ на английский язык рассматриваются в татарском языке [Нуртдинова 2014], языках народов Севера [Салимова 2007], калмыцком языке [Биткеева 1998] Следует отметить, что вопросы компаративного изучения БЭЛ в национальных и восточно-европейских языках не получили еще достаточного освещения.

Целью нашего исследования является анализ способов переводов безэквивалентной лексики с калмыцкого на немецкий язык. Материалом для исследования послужили тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом и переведенных им на немецкий язык. Выбор данного жанра для исследования обусловлен тем, что язык сказок наиболее полно отражает национальные и культурные традиции народа и содержит наибольшее количество культурно-маркированной лексики. Теоретической основой исследования послужили работы известных специалистов в области перевода В. Н. Комиссарова [1990], Л. С. Бархударова [1975], А. Д. Швейцера [1973], С. Влахова и С. Флорина [1980] и др.

Вопросы перевода безэквивалентной лексики в калмыцком языкознании рассматривались в исследованиях Л. Б. Олядыковой [2007], А. Н. Биткеевой [1998] и др. По мнению Л. Б. Олядыковой, исследовавшей проблемы перевода безэквивалентной лексики на примере русских переводов произведений поэта Д. Кугультинова, «этнокультурный компонент лексического значения безэквивалентных слов опирается на особые фоновые знания о предметах и явлениях действительности» [Олядыкова 2007: 10] и является культурно-маркированным явлением, понятным носителям одной культуры [Олядыкова 2007: 11]. А. Н. Биткеева рассматривает данную проблему через призму передачи национального своеобразия в художественных текстах при переводе с калмыцкого на английский язык (о термине БЭЛ автор не говорит, но рассматривает такие аспекты, как способ перевода на английский язык экзотизмов и фразеологизмов, а также слов «с четкой закрепленной принадлежностью к определенной стране, национальности» и слов, передающих «особенности жизни и быта», национального колорита) [Биткеева 1998: 39].

Основными приемами передачи БЭЛ являются транслитерация, транскрипция, калькирование, лексико-семантическая замена, переводческий комментарий, адекватная замена, включающая описательный перевод, антонимичный перевод и перевод при помощи компенсации [Нелюбин 2009].

Сравнительный анализ текстов калмыцких сказок на калмыцком и немецком языках показал, что основными приемами перевода БЭЛ с калмыцкого на немецкий язык являются транслитерация, транскрипция и калькирование. Автором применяются также комбинированные способы перевода: транслитерация + описательный перевод (или переводческий комментарий), калькирование + транслитерация. Такие приемы, как антонимичный перевод и перевод при помощи компенсации, являются нетипичными в переводах БЭЛ в калмыцком языке.

Анализ текстов сказок Рамстедта показал, что проблема перевода БЭЛ исключительно важная и вместе с тем сверхсложная, требующая от переводчика знаний специфики национальной культуры и традиций народа.

Литература

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Биткеева А. Н.* Национальное своеобразие в переводах художественного текста в английском и калмыцком языках // Гегэрлт. 1998. № 3. С. 33–42.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- Егодурова В. М.* Лингвокультурологическое описание безэквивалентной лексики в составе регионального русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (30). С. 10–13.
- Замалетдинова Г. Ф.* Реалии как отражение самобытности татар // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 101–105.
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Нелюбин Л. Л.* Введение в технику перевода: уч. пособие. М.: Флинта, 2009. 216 с.
- Нуртдинова Г. М.* Татарские реалии на фоне английских эквивалентов (на примере татарских народных сказок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №16 (345). С. 102–107.
- Олядыкова Л. Б.* Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.
- Салимова Р. И.* Безэквивалентная лексика Севера как один из способов заимствований в английский язык // Северо-восточный научный журнал. 2007. № 1. С. 7–10.
- Тюркан Е. А.* Некоторые проблемы перевода национально-культурной лексики (на примере перевода названий национально-культурных реалий саамского языка // Национально-культурные реалии саамской культуры: переводческий аспект. Мурманск: Изд-во Мурманского государственного гуманитарного университета, 2015. С. 142–150.
- Федорова А. В.* Безэквивалентная лексика чувашского языка, характеризующая национальные украшения // Актуальные проблемы лингвистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2015. С. 384–389.
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика (газетно-информационный и публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.

О научной экспедиции к шира югурам

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-18012е*

С 5 июля по 5 августа 2016 г. состоялась Международная научная экспедиция «Язык шира югуров Китая: полевое исследование», которая проходила по территории провинции Ганьсу Китая. Во время подготовительного этапа были изучены доступные материалы по исследованию шира югуров. Первые сведения о шира югурах были сделаны еще в конце XIX–начале XX вв. известными путешественниками Г. Н. Потаниным [1883], бывшим русским офицером К. Г. Маннергеймом [Mannerheim 1911], ученым С. Е. Маловым [1912; 1914]. Используя материал С. Е. Малова, В. Л. Котвич опубликовал работу о языке шира югуров [Kotwicz 1939]. В середине 1960-х г. благодаря работе Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаевой «Язык желтых уйгуров» в научный оборот были введены новые сведения о языке шира югуров [Тенишев, Тодаева 1966]. В последующие годы значительный вклад в изучение шираюгурского языка внесли китайские ученые [Bulchuluu 1981, 1982, 1985, 1992; Jalsan 1982, 1990; Mengheboyan 1989; Nadmid 1988 [Siqinchaoketu 1999 и др.]].

При подготовке экспедиции были проведены консультации с коллегами из КНР, которые порекомендовали поработать в Сунань-Югурском автономном уезде (центр уезда — Ху ан сы) провинции Ганьсу, где компактно проживает основная часть шира югуров (около 10 000 чел.). Меньшая их часть (около 2 000) проживает в округе Цзюцюань провинции Ганьсу, небольшие группы расселены в других местностях этой провинции. Уезд входит в городской округ Чжанье и находится в 85 км к юго-западу от него. На сегодняшний день общая численность шира югуров составляет около 13,5 тысяч человек, из них монголоязычных насчитывается чуть более 4000 человек [Ujiyediin Chuluu 1994; Zhang Juan, Kevin Stuart 1996]. Национальный состав Сунань-Югурского автономного уезда, в котором проживает около 40 000 человек, представлен следующими народами: хань (ок. 18000 чел.), шира югуры (ок. 10 000 чел.), тибетцы (ок. 8 000 чел.), монголы (ок. 350 чел.), хуйцзу, дуньсяне, туцзу (монголы).

Шира югуры делятся на две группы: одних называют ши бу югу [shí bu yugu], или западные югуры, а других — дон бу югу [don bu yugu], или восточные югуры. «Восточные» югуры говорят на одном из древних монгольских языков, а «западные» — на одном из древних тюркских языков. Языком межгруппового общения западных и восточных шира югуров является китайский язык, за редким исключением встречаются билингвы, знающие как монгольский, так и тюркский языки. Важно отметить, что оба народа исповедуют буддизм направления гелук. У них нет собственной письменности, что является главной проблемой в деле сохранения и развития языка шира югуров. В настоящее время они используют китайское письмо.

Центр уезда Ху ан сы представляет собой небольшой населенный пункт, в котором проживает около 9 000 человек. Здесь сосредоточены административные учреждения, образовательные, культурные, спортивные и торговые заведения. Здесь находятся Музей культуры шира югуров, Культурный центр, библиотека, 3 образовательные школы, музыкальная школа.

В уездном центре наша группа провела запись информантов Ан Дунг [шира югур — Pagan, тиб. имя Anja, 50 лет], Анжанхуа [шира югур — Zubshed, 73 года], Церен Медок [шира югурка, 69 лет], Ганжинжун [тиб. имя Jugjerjab, шира югур, 49 лет], Гежин Менг [Ge Jing Meng, шира югур, 69 лет]. Были записаны сведения по традиционной культуре шира югуров, фольклору, быту и т. д.

Во время экспедиции нам удалось принять участие в работе научной конференции, посвященной проблемам языка, истории и культуры шира югуров, которая состоялась 11–13 июля 2016 г. на базе Университета Хайси (Hexi University) городского округа Чжанье [Zhāngyè] провинции Ганьсу КНР. В конференции участвовало более 20 ученых, специализирующихся по шира югурской проблематике, а также представители шира югурской интеллигенции. Доклады затрагивали различные проблемы языка шира югуров, истории, фольклора, археоло-

гии, образования и т. д. В одном из докладов были приведены данные, наглядно показывающие актуальность сохранения шираюгурского языка. Например, отмечается, что проведенное в 2014 г. в Сунань Югурском автономном уезде лингвосоциологическое исследование показало, что из 325 шира югуров (173 тюркоязычных и 152 монгольязычных), обучающихся в школах уезда, только 68 знают свой родной язык.

13 июля работа конференции продолжилась в Сунань-Югурском автономном уезде, где обсудили проблемы создания нового алфавита шираюгурской письменности на основе латиницы, а также способов передачи звуков. Этот вопрос является одним из самых дискуссионных и болезненных. В ходе конференции было принято решение о создании латинизированной письменности и написании первых учебников для начальных классов.

В Ху ан сы группа работала до 22 июля, там нам удалось провести запись информантов совместно с профессором Цеценцокту [Siqinchaoketu], с которым нам посчастливилось познакомиться во время конференции. Он не только любезно предоставил нам возможность вести запись в специальной студии, но также дал ценные советы и консультации по шираюгурскому языку. Цеценцокту на протяжении последних 4 лет проводит работу по фундаментальному проекту Академии общественных наук Китая по созданию «Всекитайского Музея языков». В его задачу входит аудио- и видеозапись носителей шираюгурского языка, которые должны соответствовать возрастным и гендерным признакам этого проекта. По специальной программе, разработанной по единому принципу, проходит запись лексического материала, фольклора и т. д. Совместно с профессором Цеценцокту нам удалось записать около 1 000 слов по шираюгурскому языку. Кроме этого, проводилась работа по записи информантов – носителей устного народного творчества (песни, пословицы, поговорки, сказки).

Затем группа направилась в местность Шара Тала, что находится в 250 км от Ху ан сы. Здесь удалось вновь провести запись информанта Эржин Намч [Erjin Namchi, тиб. имя Хуанзын Рчед, шира югурка, 63 года, малч (крестьянка)], с которой мы встречались в 2014 г. Она исполнила протяжные песни, а также сказки (по-шира югурски «ломок»), пословицы, поговорки, загадки. В целом запись всех информантов составила более 20 часов.

Важно отметить, что как тюркоязычные, так и монгольязычные шира югуры, находясь в изоляции на протяжении многих веков, в окружении китайской культуры, несмотря на немногочисленность сохраняют свой язык и национальную идентичность. Таким образом, любые зафиксированные данные (в первую очередь на цифровые носители) важны не только для будущих исследований, но и для сохранения национально-культурной идентичности шира югуров.

Литература

Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Импер. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 1–4. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1881–1883. 4 т.; 23. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-з. Монголии. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1883. X. 372 с., 5 л. карт., черт.: табл.

Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966. 84 с.

Bulchuluu. Jegün Yogur kele ba Mongyol kele [Jegün Yogur and Mongolian languages], Huhhot. Inner Mongolian People's Press. 1992.

Bulchuluu. Jegün Yogur kelen-ü üges [Vocabularies of Jegün Yogur language]. Huhhot: Inner Mongolian People's Press. 1985. 157 p.

Bulchuluu, Jalsan. Jegün Yogur kelen-ü üge kelejge-yin materiyal [Language Materials for Jegün Yogur]. Huhhot: Inner Mongolian People's Press. 1988.

Ujiyediin Chuhuu (Chaolu Wu) Introduction, Grammar, and Sample Sentences for Jegün Yogur // Sino-Platonic Papers, 54 (November, 1994). Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania. 1994. 34 p.

Zhang Juan, Kevin Stuart, et al. Blue Cloth and Pearl Deer: Yogur Folklore // Sino-Platonic Papers, 73 (June, 1996). Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania. 1996. 76 p.

Kotwicz W. L. La langue mongole, parlè par les Ougours Jaunes rès de Kan-tcheou. D'après les materiaux recueillies par S. E. Malov et autres voyageurs. Wilno, 1939.

Mannerheim C. C. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs // Journal de la Societé Finno-Ougrienne. 1911, t. XXVII.

Siqinchaoketu Kangjia yu yanjiu. Zhongguo Xin Faxian Yuyan Yanjiu Congshu. Shanghai: Yuandong Chubanshe 1999.

Шира югуры [электронный ресурс] // URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Yugur> (дата обращения: 02.04.2015).

Е. В. Бембеев
(г. Элиста, Россия)

Устаревшая лексика калмыцкого языка (на материале письменного памятника XIX века «Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши»)

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-24-03006а(м)*

Калмыцкий язык, закономерно развиваясь вместе с материальной и духовной культурой народа, располагает значительным по объему и богатым по разнообразию лексическим фондом. Образ жизни, условия и среда обитания, род занятий наших предков нашли отражение в языке, в его словарном составе. Между тем, в связи с социально-политическими изменениями и экономическими трансформациями, влияющими на развитие жизни общества, медленно, но постоянно в языке протекают два взаимообратных процесса: исчезновение одних лексем, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, и появление новых слов. Памятники письменности калмыцкого языка располагают большим пластом устаревшей лексики и выражений, которые вышли из активного фонда языка и малопонятны (или же совсем не понятны) говорящим на современном калмыцком языке. Однако отдельные группы архаичных слов, к примеру, религиозная лексика, в связи с новыми социальными реалиями сегодня вновь входят в активный словарь калмыцкого языка.

Анализируя лексику памятника старокалмыцкой письменности калмыцкого языка XIX века «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши», необходимо отметить ее специфические особенности. Во-первых, в зависимости от сословной принадлежности автора к буддийской церкви и оттого, что путешествие было осуществлено к буддийским святым местам, произведение богато буддийско-религиозными терминами, во-вторых, являясь произведением «географической» литературы, в нем в огромном количестве изобилует топонимическая лексика. По этому поводу справедливо высказывание А. Позднеева о том, что «Бааза-багши пишет преимущественно о буддийских монастырях и кумирнях, о святых местах, мало уделяя внимание описаниям внешнего вида городов, степени их населенности, промышленном и торговом значении, ограничиваясь, порой, простой номенклатурой урочищ» [Позднеев 1897: XII-XIII].

Устаревшие слова буддийско-религиозной тематики:

ayiladqal – «доклад, представление» [П 1911: 1] *Tere kebe:re:n bide, de:düstü ayiladqal örgön...* [Сказание 14] – «Точно также мы, доводили до сведения [представляли] всевышним богам». Ср. совр. калм: *уст.* «доклад, рапорт; предначертание» [КРС 1977: 62].

badariyin – *род. п.* от **badar** «санск. **патра** – чашка, введенная Буддою для сбора подаяний нищенствующими монахами (бикшу)» [П 1911: 119]. *Badariyin üldel-dü basa kürtebe* [Сказание 107]. – «Тоже угостили (нас) остатками подаяний». В современном калмыцко-русском словаре «П. *уст. рел.* чашка (для сбора подаяний странствующими монахами)» [КРС 1977: 76].

bişilgaji [Сказание 47] – «созерцать» [П 1911: 126]. Ср. совр. монг. **бясалгах** «созерцать; размышлять, мыслить» [МОТ 1957: 103].

nirba – «казначей при ламской кумирне» [П 1911: 68]. *Ene to:ta:n beledkü arga bideni Yonzan qamboyin nirba Cembel gedeg töböd küün sayina:r za:ži ögči bayibai* [Сказание 13]. – Все вопросы по подготовке и снаряжению нам хорошо объяснил казначей Хамбо Йонзана, тибетец, по имени Цембел.

Устаревшие слова географической и хозяйственно-бытовой тематики:

asar – «палатка, шатер» Пример: *Mörgöl qayiraladag yanzuni, sümeyin gaza: asar tata:d, asar dotoro šire: beledeži...* [Сказание 8] – «Порядок проведения обряда у монголов: у главного монастыря (сюмэ) натянули палатку, в палатке установили столик». Ср. совр. монг. **асар** 1) «палатка, шатер; 2) башня» [МОТ 1957: 103]. В Калмыцко-русском словаре (1977 года) данное слово отсутствует.

mayimačın – «торговец» от **mayıman** – «торговля» (кит.) (иначе - *nayıman*) [П 1911: 228]. *Tere sümetei zalgaži tögölgö:n-ni barıgsan töböd bayišingguud-tu kitad balbu qoyor mayımačın ola:r suuna* [Сказание 76]. – Вокруг того монастыря в домах, построенных по тибетскому типу, проживают в большом количестве китайские и непальские торговцы.

mayıqan – «полотняная палатка» [П 1911: 228]. *Tege:d bide töüniyiği zöbšö:rö:d külen, öbörön zamiyin keregseltü aguurasun mayıqan, togo: bolon qoto kümüsün bügüde:n beledküyin aruda orobai.* – «Таким образом, ожидая его одобрения, мы стали собирать все то, что необходимо в дорогу: провизию, палатку, котел, тягловый скот» [Сказание 12]. Ср. совр. калм. **мэахн** – уст. «палатка, шатер» [КРС 346].

Таким образом, необходимо отметить, что анализ старописьменных памятников позволяет восполнить некоторые пробелы в изучении лексики современного калмыцкого и, шире, монгольских языков. В связи с этим словарный фонд современного языка необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, так как границы между пассивным словарным фондом, куда в первую очередь и относятся устаревшие слова, и активным словарем всегда подвижны. Так, к примеру, религиозные термины и понятия, относящиеся к устаревшей лексике, в силу произошедших в последние 20 лет социально-политических трансформаций вновь возвращаются в активный словарный фонд языка.

Источники

Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленным А.Позднеевым. СПб., 1897.

Литература

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1985. 153 с.

БАМРС – Большой Академический монголо-русский словарь. В 4-х тт. Издательство Академия, Москва, 2001.

КРС – Калмыцко-Русский словарь. М., 1977. 769 с.

МОТ – Монгол-Орос толь. (Монголо-русский словарь). М., 1957. 716 с.

П – Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. 306 с.

М. Р. Валиева
(Уфа, Россия)

К вопросу этимологии лексемы *бурзай*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-34-01021.

Настоящий доклад посвящен описанию и этимологии лексемы *бурзай* в значении 'охотничья собака; борзая' в башкирском языке и его говорах. Основной целью данной статьи является попытка анализировать существующие этимологии данной лексемы. В тюркологии лексема *бурзай* не подвергалась специальному этимологическому исследованию. Однако небольшие информативные словарные статьи имеются в этимологических словарях Макса Юлиуса Фридриха Фасмера, Р. Г. Ахметьянова.

В Академическом словаре башкирского языка (2-й том) *борзая* описывается как быстрая охотничья собака с длинными ногами и вытянутым корпусом. Также приведен перевод на турецкий язык лексемой *tazi* [Академический словарь 2011: 403]. Нами было проведено целенаправленное исследование функционирования данной лексемы *бурзай* в тюркских, финно-

угорских и славянских языках. Выявлено, что она имеется в чувашском (*нурсай*), башкирском (*бурзай*), татарском (*бурзай*), марийском (*бурзай*), мордовском (*борзой*) языках. В уйгурском, турецком, азербайджанском, караимском, казахском языках данная реалия обозначается словом *tazi* или *тазы*, ср. таджикское *саги този*, тувинское *аңчы ыт*, хакасское *чүгүрчөң адай*, киргизское *тайган* и т. п.

Из этимологического словаря М. Фасмера известно, что данное наименование наблюдается в славянских языках в значении ‘особая порода охотничьей собаки’: ст.-слав. *брьзь tacЪj*, рус. *борзая*, укр. *богрзий*, болг. *брьз*, *брьз*, сербохорв. *брза*, слов. *brz*, чеш. *brzug*, др.-польск. *barzo* [Фасмер: 59]. Возможно, все эти вариации в разных языковых семьях восходят к греческой форме *bracЪj*. **Интересно, что** старославянская форма состоит из двух компонентов *брьзь+tacЪj*. По приведенным наименованиям данной реалии можно заметить, что первый компонент распространен в тюркских и финно-угорских языках Поволжья (*бурзай/нурсай*), а второй компонент *tacЪj* функционирует в таджикском, уйгурском и огузских языках (*tazi*).

По фонетическому составу слово *бурзай* не оставляет сомнения о том, что данная форма является собственно башкирской. Однако распространение этого слова не только во многих тюркских, но и в финно-угорских, славянских языках заставляет задуматься о более древнем происхождении слова. Попробуем выявить, как была заимствована в башкирский язык лексема *бурзай* в значении ‘собака’ и приблизительно в какое время.

Бурзай ‘борзая’ — порода охотничьей ловчей собаки. Башкиры использовали борзых для безружейной охоты на зайца, лису, волка и копытных с целью поймать живого зверя на бегу. Хорошо приученные собаки не травили зверя без разрешения хозяина. В башкирских народных пословицах ясно излагается, на каких зверей охотились с борзыми. См. следующие пословицы: *Куян тоткоң килһә, бурзай ал* ‘Хочешь поймать зайца, возьми (приучай) борзую’. *Буре тотор бурзай эт бөйөрөнән беленер, буре һугыр ир-егет беләгенән беленер*. ‘Борзая, способная поймать волка, заметна по талии, а мужчина, способный поймать волка, заметен по руке’ и т. п.

Бурзай может долго преследовать добычу на открытой местности. Данная порода отличается своей выносливостью и смело охотится на волка в отличие от других пород. В древние времена среди башкир были распространены только борзые и приученные волки для охоты с погоней за зверем. На основе анализа лексики текстов песен, входящих в восемнадцатитомное издание башкирского народного творчества можно отметить, что борзая — единственная собака, зафиксированная в устнословесном творчестве башкир. Приведем примеры из текстов башкирских сказок, эпосов, народных песен, загадок, пословиц и поговорок: *Бурзай эте бүренән яман* ‘Борзая собака хуже (злее) волка’. *Көнһылыузың тағы ла кеше үткәрмәй торған кырк карауылы, кырк бурзай эте, кырк көңө, йәнә эргәһендә йөрөүсе бер көңө бар* ‘У Көнхылу есть сорок охранников, сорок борзых, сорок прислуг, и еще одна прислуга постоянно бывает рядом с ней’ (из сказки «Икмәкбай»). *Эңйекәй: Атакайым, Изеүкәй /Күк бурзайын эйәртеп, /Буз толпарга атланып, /Кайтыр юлга китмәне...* ‘Энже: Отец мой, Идукай, /взяв с собой свою сивую борзую, /оседлав сивый тулпар, /не направился домой...’ (из эпоса «Изеүкәй менән Моразым»). *Юлдаш булыр бурзайын, Сит кешегә тилегән* ‘Своего дружка борзую собаку чужому человеку отдал’ (из эпоса «Һабрау»). *Камалдың үзенән бер азым да ситкә китмәй йөрөй торған саптар аты менән ерән бурзайы була* ‘У Камала были игренева лошадь и рыжая борзая, которые ни на шаг не отходили от него самого’ (из легенды). *Уның [Муйнактың] күззәре атылып сығырзай булып акайған, ауызынан кан катыш күбеге борколоп, үзе алкымынан бурзай алған которған бүре һымак, тештәрән шығырзатып ята ине* ‘У Муйнак (кличка собаки переводится как ‘белая шея, грудь’) глаза вытаращены, из пасти идет пена с кровью, словно бешеный волк, которого взяла за шею **борзая**, зубы скалит’ (из эпоса «Зөһрә менән Алдар»).

У башкир не было культа собаки, она особо не обожествлялась, хотя лексема *бурзай* употребляется довольно активно в текстах устного народного творчества башкир. Поэтому существование лексемы *бурзай* с давних времен позволяет предполагать, что *борзая* — это порода, а само слово заимствовано через персидский язык. Известно, что исторические корни

борзых восходят к Аварии, Древнему Египту и Месопотамии. Фрагменты керамики с их изображением обнаружены в одном из древнейших городов мира – Сузы (Шиш) – в Иране и датируются 4000 г. до н. э. На наскальных рисунках на берегах Нила борзые изображены похожими на слуг [Борзые]. Многие кинологи и историки считают, что борзые собаки еще в древности были импортированы во время торговых и военных походов через Иран, Афганистан на территорию Кавказа и в приволжские степи.

Эпизоды конной охоты с борзыми содержатся также в текстах башкирских народных песен: *Акбуз атым менеп, бурзай алып, /Сызып киттем яңғыз һунарға* ‘Оседлав акбузата, взяв борзую, / вышел на охоту один’; *Ишеккәйем асып қараниһәм, /Ак бурзайы килә, үзе юк* ‘Открыв дверь, увидела — его белая борзая идет, а его нет’. Также фрагменты конной охоты киммерийцев с борзыми собаками изображены на античных вазах. Данный вид охоты был забавой среди правящей элиты в Московской Руси и в Европе. Для древних охотников-башкир она была способом добывания пропитания для семьи круглый год.

В заключение отметим, что языковеды связывают этимологию слова *бурзай* с греческой лексемой *bracβj*. Древние керамические и наскальные фрагменты с изображением борзых свидетельствуют о ввозе данной породы из Ирана. Все продемонстрированные примеры с данной лексикой из текстов башкирских народных песен, сказок, эпосов и пословиц **позволяют** отметить факт заимствования слова в древние времена. Слово не является исконным, несмотря на некоторую схожесть с фонетическим обликом башкирского слова, так как у данной лексемы отсутствуют дериваты и глагольная форма в башкирском языке.

Литература

- Академический словарь башкирского языка*: в десяти томах. Т. II. Буква Б. – Уфа. 2011. 568 с.
- Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка: в четырех томах. Т. I. Бирск. 2004. 233 с.
- Борзые* [Электронный ресурс] // Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 22.08.16).
- Валиева М. Р.* К вопросу этимологии названий съедобных луковичных растений башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365) С. 25–31.
- Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А. Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д.* Информационные системы и базы данных башкирского языка. Уфа, 2013. 116 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: vasmer.narod.ru копия с. 59. (дата обращения: 22.08.16).

Е. В. Голубева
(Элиста, Россия)

Устойчивые сравнения в калмыцком языке

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-00312

Сравнительные обороты в речи носителей любого языка занимают большое место, так как человек при помощи сравнения оценивает различные явления, происходящие в реальной действительности. Сравнение как один из способов когниции является богатым материалом для анализа репрезентирующих качеств определенных языковых единиц.

Сравнение в калмыцком языке оформляется разными морфологическими и синтаксическими средствами: используются частицы (например: *-иң*); некоторые частицы, способные выполнять союзную функцию в подчинительных предложениях (*кевтә, мет, дүңгә*), вводящие придаточные сравнения. В отличие от других частиц указанные единицы способны передавать грамматические связи между частями сложноподчиненных предложений (уподобление).

В Грамматике калмыцкого языка [1983: 289] в составе частиц описана уподобительная частица *-иң*: «Значение уподобления и сравнения одного предмета с другим или же одного действия с другим в калмыцком языке передается частицей *-иң*. Обычно эта частица нахо-

дится при именах существительных, прилагательных и причастиях: *Эзнэс гэсн нохашц арһул жчивэд орндан орж кевтв* ‘Подобно собаке, которая боится хозяина, он потихоньку залез в свою постель и лег’. *Муутл өөрэн зогсчсн Жишжэс, чон хө бахлурддгшиң, авад гедргэн уңһав* ‘Как волк хватает овцу за горло, так Муутл схватил рядом стоявшего Джиджю и повалил его навзничь’ [Грамматика калмыцкого языка 1983: 289].

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» часто употребляются сравнения, оформленные данными частицами: *Эдл (27)* ‘как, подобно’; *Орчлңгин сээхн Миңиянла эдл һольшиг 65* (он) элегантен, как Мингиян – первый красавец Вселенной [Тодаева 1976: 200]. *Мет (114)* – как, словно, точно, подобно; *эмн мет көвүһэн өвр деерэн авад 315* усадил к себе на колени своего сына, дорогого, как жизнь [Тодаева 1976: 333].

Сравнения часто используются и в калмыцких фразеологизмах: *бурнтгта темәнлә эдл*. ‘Послушный, словно верблюд с кольцом в носу’; *сүрә-халан геечксн бээдл*. *Номһрж одсн бээдл*. *Эн амт гүвдэд, амтнд эрк шил үзүләд бээдгән невчк татхм болвза, баажса*. *Эвлэд эдләд бээхлә, амтн бурнтгта темәнлә эдл болдг*. – Басңга Б. [Бардаев 1990: 24]. Устойчивые сравнения калмыцкого языка можно дифференцировать по семантическим признакам, выделив группы, связанные с миром человека, животных, природных явлений, растений, миром мифов и фантазий.

Таким образом, являясь когнитивным механизмом, сравнения позволяют выявить универсальные и специфические свойства национального мировидения.

Литература

Бардаев Э. Ч. и др. Фразеологический словарь калмыцкого языка / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.

Грамматика калмыцкого языка / под ред. Г. Д. Санжеева. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983. 335 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1976. 530 с.

П. П. Дамбуева
(Москва, Россия)

Двучленные страдательные конструкции в «Алтан Тобчи»

Двучленных страдательных конструкций, состоящих из предиката и объекта (при отсутствии субъектного дополнения), в тексте Алтан Тобчи достаточно много. Их можно поделить на следующие группы:

1. Страдательные конструкции с объектом в винительном падеже (чаще в составе сложных предложений):

Ulus-iyab abtasu ulus ugekun bolbasu yakiqun tede kemejukui ‘Когда (Тумуджин) лишится своих людей, (он) останется без народа, что ж (тогда) они смогут сказать?’ [Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang 1992 : 42 (858)].

Ere-yugen alagdar-un ‘Моего мужа хотят убить!’ [Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang 1992: 32 (1388)].

При рассмотрении винительного падежа в конструкциях АТ обращает на себя внимание то, что существительное (местоимение, причастие) в этом падеже может иметь подобающую случаю флексию, а может и не иметь:

Tumujin ogulerun unen teyin ulus medegulbesu tumenu noyan bolgasu ‘Если вправду ханом сделаете (меня), поставлю (тебя) во главе тысячи’ [с. 23 (1016–1017)].

Думается, что неформальность винительного падежа, совершенно равноправно употребляющаяся, наряду с его формой, может указывать на древнее, неизвестное нам состояние монгольского предложения, когда весь семантический ряд в предложении — субъект, объект, инструмент, адресат и др. — имели каждый свое местоположение, жестко закрепленное за

ним, отчего субъектно-объектные отношения были прозрачными и в маркировании не нуждались. Ведь даже на современном этапе развития монгольских языков, когда порядок слов в предложении особенно «расшатан», в разговорной речи в функции формы винительного падежа очень активно употребляется основа.

2. Бессубъектные страдательные конструкции с устанавливаемым субъектом

Основное назначение двучленных страдательных конструкций заключается в том, чтобы избежать обозначения субъекта. Причины необозначенности субъекта могут быть разными (начиная с этического аспекта и заканчивая таким грамматическим, когда важен результат действия и не актуален его источник или носитель). Чаще это явление связано с тем, что конкретный субъект может быть уже известен из контекста и упоминание о нем было бы избыточным. В таком случае отсутствующий субъект легко восстанавливается из контекста или в соответствии с глагольной формой. В АТ таковы следующие предложения (как правило, это короткие предложения, нередко односоставные, неполные, включенные в состав сложного предложения):

Kobegud-iyen cirai ker ujeku kemedged guyiju sigui oi-tur sirgujuqui tedui ese olda-luga ‘Сказав: Как посмотрю в лицо сыновьям — [мать] ускользнула и убежала в лес. Там [она] не была найдена’ [с.21 (916–917)].

Kumun-e ese ugdegsen bogesu deguu-degen cimada guyisu kemeju ‘Если (она) не отдана (какому-либо) человеку, то мы для тебя, моего младшего брата, ее попросим’ [с. 3 (127–128)].

Предложения, подобные этим двучленным конструкциям, вероятно, можно рассматривать как прообразы односоставных — определенно-личных и неопределенно-личных, неполных предложений, которые все больше вызывались к жизни по мере развития языка и «языкового вкуса» его носителей. Функциональная синонимия пассивных, определенно- и неопределенно-личных односоставных предложений со временем составила круг деагентивных конструкций, позволяющих избежать в речи повторения обозначения одних и тех же субъектов, конструкций с одним и тем же глаголом, т. е. они широко используются говорящим в стилистических целях.

3. Безличные страдательные конструкции

Tayicig-ud dagudaju oguler-un aq-a-yugan Tumujin-i ilige busud tanu kereg ugei kemedgeju. ‘Тайчигуты крикнули: «Пошлите своего старшего брата Тумуджина!». «Остальные не нужны», – сказано [с. 13 (567–568)].

Jamuga anda uyidumuqai kemedgen boluge ‘Джамуха, говорили, заскучал’. Букв.: *говорено* [с. 22–23 (975–976)].

Приведенные примеры не относятся к редким случаям, но они отличаются однотипностью: обычно образуются от одних и тех же глаголов. Тем не менее их наличие в памятниках письменности интересно по той причине, что подобные бессубъектные страдательные обороты получили широкое распространение в современных монгольских языках как неотъемлемая часть научно-публицистической речи.

Двучленные пассивные конструкции, отличающиеся от трехчленных отсутствием субъектного дополнения, а также бессубъектные, безличные страдательные конструкции, пожалуй, более, чем конструкции трехчленные, призваны с помощью морфологических средств выполнять коммуникативную, прагматическую задачу: когда говорящего не занимает субъект, он предельно, вплоть до элиминации, снижает его коммуникативный ранг (делая его «неопределенным лицом», потому что у говорящего в данный момент иные акценты), минимизирует до лично-предикативной частицы вербальное выражение объекта. Это отражение тех ситуаций, когда для говорящего объект важнее, чем субъект или, как в случае с безличными конструкциями, в фокусе внимания говорящего находится действие, совершенное кем-то со стороны, а не его производитель (носитель).

Литература

Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang, Altan Tobci. Eine mongolische Chronik des XVII. Text und Index. – Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. – Tokio, 1992. 278 p.

Хронология разделения монгольских языков по данным тюркских заимствований

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00370а.*

Последние исследования по глоттохронологии монгольских языков (см. Грунтов, Мазо 2015) вновь подтверждают небинарную классификацию монгольских языков. Большинство обоснованных, как лексикостатистикой, так и учетом фонетических и грамматических инноваций, классификаций монгольских языков выделяет в качестве приблизительно равноправных по времени отделения группу «северно-монгольских» языков (халха, бурятский, ордосский, ойратско-калмыцкий и под.), группу языков Ганьсу – Цинхай («кукунорских», по предложению Е.А.Кузьменкова), дагурский язык и могольский язык. При этом, возможно, могольский язык попадает в рано отделившиеся в силу особенностей фиксации (значительная степень креолизации; мало описан). По историческим данным, могольский связывается с группой населения, отделившейся в XIII веке; для кукунорской группы Е.А.Кузьменков предполагал связь с сяньбийским родом, переселившимся в соответствующий регион в IV в. н. э.

Что касается тюркских языков, то существенные для рассматриваемого вопроса датировки следующие:

Первый распад тюркских языков — отделение болгарской группы — по глоттохронологическим данным и данным древнекитайских заимствований, датируется приблизительно рубежом эры; источники заимствования в основном характеризуются особенностями языка эпох Западной и Восточной Хань. «Пратюркское» (до отделения болгарской группы) и «общетюркское» состояния различаются по ряду фонетических признаков. Фонетические особенности пратюркского состояния отразились в заимствованиях в прасамодийский (распад датируется несколькими веками ранее рубежа эры) и в праенисейский (распад датируется рубежом эры). Несомненные тюркские заимствования «общетюркского» типа фиксируются для «пра-коттского» узла енисейского генеалогического древа, т. е. были заимствованы не позднее VI в. н. э. Тюркизмы в табгачском не дают формальных оснований для их отнесения к «пратюркским» или «общетюркским».

Анализ лексики, возводящейся к прамонгольскому состоянию (в основном по списку в Nugteren 2013), показывает следующие результаты:

1. Не обнаруживается прамонгольских (т. е. встречающихся в дагурском, могольском и кукунорской группе) древне-китаизмов и древне-иранизмов, которые не были бы заимствованы через тюркское посредство.
2. Имеются заимствования в прамонгольский из среднекитайского без тюркского посредства.
3. Имеются заимствования в прамонгольский из согдийского через древнетюркский.
4. Ряд формально прамонгольских тюркизмов (с развитием $t > \dot{c}$) отсутствует в дагурском.
5. Ряд заимствований из (ранне)древнетюркского (с фонетическими приметами общетюркского) не обнаруживается в языках кукунорской группы; другая группа таких заимствований не обнаруживается в дагурском.

Речевой этикет — универсальное средство отражения лингвокультурных традиций народа

Национальная специфика речевого этикета у каждого народа чрезвычайно интересна, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете.

Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин.

Речевая коммуникация — не просто свидетельство богатой речевой палитры языка, но также отражение опыта общения многих поколений и сохранения его для своих потомков. Так, благодаря речевому этикету порой самым неожиданным образом проявляются национально-культурные особенности речевого поведения говорящих.

В калмыцком дискупсе можно обнаружить множество вариантов речевых ситуаций, связанных с национальным этикетом калмыцкого народа и отражающих в числе других форм бытовой речи и характер, и нрав народа.

Характерной особенностью калмыцкого разговорного языка является наличие в нем лексических единиц, обозначающих понятия вежливости, почтительности, даже некоторой ласковости. Этнографическими элементами окрашены обращения, приветствия, а также ряд определенных номинаций, функционирующих как обращения: собственные имена, наименования родства.

В современном мире тем более в городской культуре постиндустриального и информационного общества понятие культуры речевого общения меняется коренным образом. Скорость изменений, происходящих в современном обществе, ставит под угрозу сами традиционные основы речевого этикета, основанные на представлениях о незыблемости социальной иерархии, религиозных и мифологических верований.

Вместе с тем, в последние годы заметен интерес у молодежи к отдельным образцам речевого этикета, изучение норм **речевого общения для них** превращается в практическую цель, ориентированную на достижение успеха в конкретном виде коммуникации — при необходимости обратить на себя внимание, продемонстрировать уважение, вызвать доверие у адресата, его симпатию, создать благоприятный климат для общения.

Роль национального речевого этикета остается важной — знание особенностей речевой культуры языка является обязательным признаком свободного владения родным языком.

В. И. Карасик
(Волгоград, Россия)

Оценочные векторы иронической афористики

В афоризмах — универсальных авторских высказываниях с глубоким смыслом — отражены размышления о человеческой природе. В отличие от пословиц, в образной форме выражающих назидания, афоризмы часто представляют собой критические комментарии по поводу поверхностных истин [Ваганова 2002; Гаврилова 1986; Гонгало 2007; Дмитриева 1997; Сазбандян 2008; Федоренко, Сокольская 1990]. Такая критика выдержана в иронической тональности, т.е. проявляется в дуплановом выражении: внешне даётся положительная оценка тому или иному явлению, но ощущается усмешка автора по поводу этой оценки. Можно выделить следующие векторы критической оценки в иронических афоризмах: нравственная, волевая и интеллектуальная несостоятельность людей. В первом случае осуждаются те, кто ведет себя безответственно по отношению к другим, во втором объектом насмешки выступают те, кто оказывается в проигрыше из-за нежелания приложить усилия для улучшения своего положения и положения других, в третьем в смешном свете показаны те, кто ведет себя глупо.

Наиболее детально в афористике представлена критика нарушений норм этики.

Людям свойственно казаться лучше, чем они есть, в частности демонстрировать желание защитить кого-либо или оказать помощь, но за этим зачастую скрываются корыстные интересы: *Как только ты станешь сильным, у тебя сразу появится масса защитников (В. Жемчужников)*. Демонстрируя лояльность по отношению к сильным, слабые пытаются обезопасить себя и получить репутацию верных друзей.

Осуждаются те, кто по разным причинам не предпринимает нужных действий для исправления неблагоприятных ситуаций: *Чем хуже дороги, тем лучше путеводители* (Б. Крутиер). Вместо того чтобы сделать хорошие дороги, люди описывают достоинства тех местностей, через которые проходят эти дороги, и тем самым показывают свое безразличие к путникам и ездокам, из года в год преодолевающим рытвины и выбоины.

Люди часто критикуют тех, кому завидуют: *«У него птичьи мозги», - сказали об орле* (Е. Лец). Формально эти критики правы, но суть состоит в том, что они – не орлы.

Мастер парадоксов Оскар Уайльд показал точную картину человеческих отношений в своих афоризмах. Например: *Прощайте врагов ваших — это лучший способ вывести их из себя* (О. Уайльд). Вражда питается постоянной ненавистью к тому, кто ее вызывает, прощая врага, мы отнимаем у него основание для такой ненависти. Но получается, что в таком случае ему нечем заполнить свою жизнь, и поэтому приведенное высказывание обличает не столько ненависть, сколько душевную пустоту людей. При этом первая часть этой фразы — цитата из Евангелия.

Достижение своих целей часто сопряжено с причинением неудобств и неприятностей окружающим: *Откуда такой грохот? Каждый кует свое счастье* (В. Колечицкий). В приведенной фразе сталкиваются прямое и переносное значение глагола «ковать». Автор констатирует неизбежность столкновений интересов в жизненной борьбе.

Часто в ироничных афоризмах сталкиваются известные речения, восхваляющие человека, и горькие наблюдения по поводу распространенного поведения: *Все люди — братья: живут, как будто делят наследство* (К. Елисеев). Делёж наследства часто сопровождается обидами и проявлением неприязни к родным и близким.

В основе многих этических нарушений лежит эгоизм: *«Плохие времена наступают, — говорил Людоед. — Человечество может погибнуть»* (В. Голобородько). Ирония в данной фразе состоит в том, что сожаление по поводу неблагоприятных перспектив для человечества продиктовано у персонажа сугубо заботой о своём пропитании.

Осуждается беспринципное поведение тех, кто жестко исполняет любые приказы: *Твердость руки может быть основана на гибкости спины* (А. Фюрстенберг). Принято считать, что твердость характера должна вызывать уважение, но всегда нужно видеть, насколько самостоятелен тот, кто последовательно ведет свою линию.

Людам свойственно оценивать мир только со своей позиции: *Все, у кого есть зонтики, одобряют круговорот воды в природе* (А. Кулич). В этой фразе перифрастически обозначен дождь, который в данном случае относится к любым непредвиденным и неблагоприятным обстоятельствам. Многим свойственно игнорировать неприятности, которые происходят с другими, считая, что таковы неизбежные условия жизни.

Подхалимаж вызывает презрение: *Беспозвоночные кланяются изящней* (Н. Полотай). Нормальному человеку унижаться трудно, а тому, кто имеет эластичные принципы, легко приспособиться к меняющимся обстоятельствам.

Людам свойственно находить этические оправдания своим неблагоприятным устремлениям: *Это ли не вероломство — внезапность защиты* (Г. Яблонский). Столкнувшись с ответной реакцией того, кого считали слабым соперником, некоторые никак не могут с этим смириться.

Критически оценивая безвольных людей, великий афорист Станислав Ежи Лец подчеркивает, что у каждого есть шанс проявить себя, но многие упускают момент: *Поздно стучать по столу, когда ты уже только блюдо* (Е. Лец). Из этого следует, что такой шанс у каждого был.

Волевая несостоятельность свойственна тем, кто считает, что ничто и никогда не следует менять. Соответственно, тот, кто хочет что-либо улучшить для людей, должен отдавать себе отчет, что неизбежно найдутся противники его идей и действий: *Изобретение — это новшество, уцелевшее при внедрении* (Д. Рудый). Многие попытки усовершенствовать мир сводятся на нет при их реализации в силу явного или скрытого противодействия тех, кто имеет полномочия способствовать прогрессу. Причина этого состоит в инертности мышления и опасении потерять какие-либо блага в случае изменения сложившихся обстоятельств.

Потеря контроля над своими действиями приводит к необратимым последствиям: *Не так страшны шальные пули, как ошалевшие стрелки* (В. Сумбатов). За каждым случайным действием, которое привело к трагическому результату, стоит человек, который пустил на само­тёк события.

Человек, который не способен контролировать свои поступки, обычно сравнивается с куклой, марионеткой или манекеном, т. е. неодушевленным предметом: *Манекены всегда одеты безукоризненно* (Ц. Меламед). Соответственно, те, кого упрекают в волевой несостоятельности, вкладывают все свои силы в поддержание имиджа.

Наша общечеловеческая черта — доверять прежде всего чувственному опыту. Отвлеченные или опытно неустановленные сведения воспринимаются некритично, и это часто выглядит смешно: *Скажи человеку, что на небе 978 301 246 569 987 звёзд, и он поверит, но повесь табличку «Свежеокрашено», и он непременно проверит пальцем* (Б. Шоу).

Разум — важная характеристика человека, и поэтому неспособность вести себя разумно безоговорочно осуждается: *Самые страшные драконы — безголовые* (Г. Малкин). Перед нами метафорически выраженная гипербола: драконы, как принято считать, изрыгают пламя, и поэтому она вызывает у всех ужас. Но лишенный головы дракон — символическое обозначение глупца — представляется еще более опасным.

Смешно выглядит любая попытка найти какое-либо оправдание глупости: *От слабоумия голова не болит* (А. Петрилин). Интеллектуальные усилия могут быть болезненными, но отсутствие соображения вызывает неизбежную критику, в данном случае — под видом констатации безмятежного состояния глупца.

Интеллектуальная несостоятельность характеризует тех, кто не может соотнести свои возможности и желания: *Вероятность выпадания из рук бутерброда прямо пропорциональна желанию его съесть* (Л. Сухоруков). Осуждаются те, кто перестает контролировать свои действия, полагая, что достижение желаемого результата придет автоматически.

Мечты украшают действительность, но мечтатели неизбежно проигрывают заземленным практикам, твердо знающим, как нужно себя вести, чтобы получить желаемое: *Пока одни ловят жар-птицу, другие едят курятину* (С. Цыпин). Жар-птица символически обозначает недостижимую мечту. Впрочем, подобным едокам курятины недоступна радость тех, кто умеет мечтать. В этой фразе выражена констатация наблюдателя, который и сочувствует мечтателям, и в определенной мере критикует их.

Абсурд — неизбежная часть жизни. Есть ситуации, которые не поддаются рациональному осмыслению. В таких случаях имитируется интеллектуальная деятельность: *Объяснить можно всё, даже то, что невозможно понять* (И. Иванюк). Горькая усмешка по поводу абсурда примиряет нас с ним.

Подведем основные итоги.

Содержанием многих афоризмов является критический комментарий поведения людей. Такая ироническая критика обличает неуважение к людям, с одной стороны, и волевою и интеллектуальную несостоятельность индивидуумов, с другой стороны. Преимущественно осуждаются лицемерие, зависть, эгоизм, беспринципность, равнодушие и глупость.

Литература

Ваганова Е. Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2002. 20 с.

Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986. № 3. С.56–62.

Гонгало В. М. Природа и ценностная интенциональность философской афористики: автореф. дис. ...канд. фил. наук. Омск, 2007. 18 с.

Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.

Сазбандян Т. В. Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 28 с.

Федоренко Т. Н., Сокольская Л. И. Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.

О буддийских сочинениях класса «Ламрим»

Буддийские сочинения класса «Ламрим» существуют во всех школах тибетского буддизма. Однако наиболее заметное место среди всех «ламримов» занимает «Ламрим», созданный выдающимся тибетским религиозным деятелем Цонкапой Лобсанг Драгпой (тиб. *tsong-kha-pa blo-bzang grags-pa*). Являясь основателем самой поздней по времени возникновения тибетской буддийской школы Гелуг (тиб. *dge-lugs*) в 1410 г., Цонкапа в своем главном религиозном сочинении – «Ламрима» собрал воедино и подвел итоги развития всей индийской и тибетской буддийской философской мысли. По этой причине сочинение Цонкапы по праву является одним из самых значительных в северном буддизме махаяны собраний не только философских идей и понятий, но и буддийской терминологии, выработанной тибетскими переводчиками на протяжении более чем восьмисот лет существования буддизма.

В плане изучения ойратской буддийской терминологии перевод имеющегося «Ламрима» интересен тем, что принадлежит перу основателя ойратского литературного языка Зая-пандите Намкай Джамцо (тиб. *dza-ya pandita nam-mkha'i rgyam-tsho*; ойр. *oqtoruyiyin dalai*). В списке буддийских сочинений, переведенных ойратским просветителем, и указанных в биографии Зая-пандиты «Лунный свет» его учеником Ратнабхадрой, этот перевод значится под номером 42 (ойр. *bodhi mör*) [Ратнабхадра 1999: 62]. Известно, что за время своей переводческой деятельности Зая-пандита перевел все важные и нужные для буддийской практики сочинения, в том числе и «Ламрим», о котором, как необходимом для буддистов сочинении он упомянул лично [Ратнабхадра 1999: 80].

Являясь переводным произведением, ойратский «Ламрим» содержит эквиваленты всех буддийских терминов, использованных Цонкапой при написании оригинального произведения.

Н. А. Красавский
(Волгоград, Россия)

Лингвоконцептология: состояние и перспективы развития

В лингвоконцептологии, активно развивающейся в России в последние два десятилетия, сегодня нет дефицита в исследовании концептов национальных языков, что, однако, на наш взгляд, не свидетельствует о бесперспективности дальнейших исследований в данном направлении в филологии и в гуманитарных науках в целом.

Лингвоконцептологами накоплен большой опыт описания концептов национальных языков, получены стимулирующие научный поиск результаты по изучению национального менталитета, особенностей его ценностной составляющей. Особенно продуктивными оказались те работы, авторы которых в качестве исследовательского материала привлекали данные различных языков. Изучение концептов в сопоставительном аспекте выявило их этнокультурную маркированность (русская душа, немецкая пунктуальность и др.).

Все более заметное место в лингвоконцептологии занимают исследования лингвокультурных типажей как разновидностей концептов. Теория лингвокультурных типажей, предложенная В.И. Карасиком, развивается в двух направлениях: 1) изучение этнокультурных типажей и 2) исследование социокультурных типажей. Очевидно, что количество первых типажей ограничено. Их ряд уже описан лингвоконцептологами, в то время как социокультурные типажи в силу их большого количества в перспективе окажутся в поле зрения ученых. Можно прогнозировать интенсивное появление все новых и новых социокультурных типажей по мере развития усложняющейся практической деятельности человека.

Перспективны, вне сомнения, и работы, направленные на изучение индивидуально-авторских концептов. При изучении индивидуально-авторских концептов определяется, с одной стороны, специфика их содержания, выявляются закодированные в них смысловые приращения, часто противоречащие стандартному, если так можно сказать, общенациональному пониманию конкретного концепта, а с другой – устанавливаются номинативные особенности вербализации данного ментального образования. При исследовании индивидуально-авторских концептов ученый определяет когнитивную специфику того или иного понятия, вскрывает посредством интерпретации коммуникативной деятельности человека механизм сложного индивидуального мыслительного конструкта, фиксирующего ценностные установки его создателя. Поскольку «добраться до мысли можно только через слова» (А. Вежицкая), изучение индивидуально-авторских концептов выводит ученого на описание идиолекта языковой личности. Специфика использования ею языка устанавливается, в частности, при выявлении *образной* составляющей индивидуально-авторского концепта, являющейся его облигаторным признаком. Через образную (перцептивно-образную) составляющую индивидуально-авторского концепта выражаются оценочные характеристики объекта, являющиеся производными ценностных установок языковой личности.

Ценностная составляющая концепта, наряду с его понятийным и перцептивно-образным признаками, признается в современной лингвоконцептологии большинством исследователей в качестве обязательной в структуре этого когнитивного образования. Ценности являются важнейшей характеристикой любой цивилизации. В ценностях выражена система приоритетов социума и его отдельных представителей, чем обусловлен повышенный интерес к аксиологической проблематике в гуманитарном знании. Процесс оязыковления культурных ценностей по своему характеру избирателен: чем более культурно значим тот или иной феномен для социума, тем более детально семиотически он оформлен.

Крылов С. А.
(Москва, Россия)

О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00353а.*

Автоматический синтаксический анализ (АСАн) сводного корпуса монгольских языков (ГСК МЯ) основан на следующих принципах.

Приоритет имеют параметры, наиболее поддающиеся АСАн (т. е. имеющие чётко выраженные формальные признаки):

1.1) аналитические маркеры:

1.1.1. сегментные (служебные и полуслужебные слова); в т. ч. послелого, артикли, резумптивы, модусные и акцентирующие частицы;

1.1.2. несегментные. В письменной речи они включают:

1.1.2.1. аранжировку (порядок слов) и

1.1.2.2. пунктуацию.

Словоформа (СФ) сопровождается формально-грамматической характеристикой (ФГХ).

Знаки препинания (ЗП) считаются квазисегментными квазисинтетическими маркерами: сведения о ЗП, контактно примыкающих к данной СФ (слева или справа), непосредственно включаются в её ФГХ.

Аранжировка считается супрасегментным позиционным маркером, т. е. сведения о линейной позиции СФ относительно границ протяжённых пунктуационных (П-) единиц (П-синтагмы, П-клаузы, П-фразы) также включаются в её ФГХ. В ГСК МЯ используются следующие 6 бинарных элементарных «позиционных» маркеров: “фразовые” (± начало, ± конец); “клаузные” (± начало, ± конец); “синтагменные” (± начало, ± конец). Сложные маркеры — результат комбинации этих 6 простых.

- 1.2) синтетические маркеры (суффиксы):
 - 1.2.0. синтаксически нейтральные (индифферентные);
 - 1.2.1. вершинные (= предикативные);
 - 1.2.1а. финитные (= финитно-предикативные);
 - 1.2.1б. таксисные (= полупредикативные = сочинительные);
 - 1.2.1в. каузальные (= обстоятельственно-предикативные);
 - 1.2.1г. причастные (= потенциально-предикативные);
 - 1.2.2. объектные и обстоятельственные;
 - 1.2.3. атрибутивные (генитив, общереляционный атрибутив, комитатив, каритив);
 - 1.2.4. возвратно-притяжательный;
 - и т. п.

АСАн ориентирован на общеалтайскую специфику синтаксиса МЯ: центростремительность, таксисное неоднородное сочинение, квазикомпозиты (парные именные и парные таксисно-сериальные глагольные сочетания) и т. п.

С. К. Кулманов
(г. Алматы, Казахстан)

Принципы работы лексического и морфологического анализаторов автоматического анализа словоформ казахского языка

Введение

Настоящая работа связана с разработкой лингвистического процессора текстов на казахском языке LinProc v1.0. Одним из важнейших компонентов лингвистического анализатора (ЛА) является алгоритм автоматического морфологического анализа. При построении алгоритма ЛА основная задача заключается в оптимальном разделении словоформы на основу и последующее множество аффиксов [Жубанов 2002].

1. Структура системы ЛА

В состав лингвистического анализатора входят четыре анализатора (лексический, морфологический, синтаксический и семантический), которые обрабатывают данные последовательно друг за другом. Выходной поток одного анализатора будет служить входом следующего анализатора.

Задачей лексического анализатора является определение границ предложений, выделение слов, идентификаторов и пунктуации. Морфологический анализатор выполняет поиск леммы (нормальной словарной формы) в словаре (отдельная БД) и определяет их морфологические параметры (например, часть речи, род, число, падеж и т. д.). Синтаксический анализатор выполняет построение синтаксического графа предложения.

В данной работе мы исследуем два анализатора — лексический и морфологический, которым дали соответствующие названия.

2. Лексический анализатор

Лексический анализатор — это программный модуль начального анализа естественного текста, обрабатывающий информацию, которая передаётся на вход морфологического и синтаксического анализаторов (процессоров). Текст представляется в виде последовательности Unicode символов. В задачу лексического анализа (модуль Tokenizer) входят:

- 1) разделение входного текста на слова, числа, разделители и т. д.;
- 2) выделение устойчивых фразеологизмов;
- 3) выделение ФИО (фамилия, имя, отчество), когда имя и отчество написаны инициалами;
- 4) выделение электронных адресов и имен файлов;
- 5) выделение предложений из входного текста.

Исходными данными для лексического анализатора служит текст документа в виде массива Unicode-символов. На выходе лексический анализатор строит таблицу, состоящую из

двух столбцов. В первом столбце стоит лексема, во втором столбце стоят лексические дескрипторы, характеризующие лексему [Сокирко 2001].

Процедура выделения из текста слов, чисел и знаков препинания не вызывает особых затруднений. После считывания очередного абзаца текста лексический анализатор разбирает токены (буквенно-цифровые последовательности символов, имеющие самостоятельное лексическое значение) и приписывает им соответствующие графематические характеристики. На этом этапе выделение токенов производится по пробелам и знакам препинания. Однако наибольшую сложность составляет определение начала и конца предложения. Лексический анализатор содержит эвристический механизм определения границ предложения и результатами лексического анализа является не только массив лексем, но и указатели на начало и конец текущего предложения в тексте.

3. Морфологический анализ

Морфологический анализатор (Stemmer) осуществляет морфоанализ и лемматизацию казахских словоформ (лемматизация — приведение текстовых форм слова к словарным; морфоанализ — определение морфологических характеристик словоформ).

Мы будем рассматривать словоизменяющие аффиксы, что же касается словообразующих аффиксов, то они включаются в основы слов, которые будут входить в словарь основ слов. ЛА должен предусмотреть не только отделение основ от словоизменяющих аффиксов, но и одновременное разделение аффиксов. Это дает возможность фиксировать для каждого аффикса присущие ему морфологические характеристики, что позволяет учесть основную грамматическую информацию, содержащуюся в словоформе [рис. 1].

Рис. 1. Схема морфологического анализа текстов на казахском языке

Наиболее существенным в ЛА являются способы выявления и снятия омонимии, которые должны быть присутствовать на синтаксическом и семантическом этапах анализа. Однако омонимия частично снимается на морфологическом уровне при помощи модели конечных автоматов.

4. Обзор морфологического анализа на основе модели недетерминированных конечных автоматов

Для морфологического анализа мы используем недетерминированный конечный автомат (НКА) [Громкович 2010], который, по нашему мнению, подходит наилучшим образом для описания модели соединения аффиксов.

Общая формулировка задачи морфологического анализа.

Недетерминированный конечный автомат (НКА) — это пятерка $\langle X, Q, \delta, S, F \rangle$, где X — конечный алфавит входных символов, $\delta: X \times Q \rightarrow 2^Q$ — функция переходов, $S \in Q$, — начальное (стартовое) состояние, $F \subset Q$ — множество допускающих состояний [Griberg, Lafferty 1955].

Нами были разработаны четыре модели недетерминированных конечных автоматов {автомат существительного, автомат глагола, прилагательного, причастия}. Аффиксы нами были разделены на 9 классов {аффиксы простого склонения (С), аффиксы множественности

(М), притяжательности (Р), прилагательные (П), личные окончания 1 (О), личные окончания 2 (У), отрицательности (Т), причастия (Ч), глагола (Г)}. Алфавит состояний автомата (НКА) соответственно {С, М, Р, П, О, У, Т, Г, Ч}, т. е. он равен входному алфавиту.

Автоматы являются недетерминированными, потому что существуют аффиксы казахского языка, которые могут входить в состав нескольких классов (входного алфавита). Например, аффиксы *-ды\ді* могут входить в состав простого склонения, глагола и личных окончаний.

Распознающий недетерминированный конечный автомат (НКА) — это пятерка $\langle X, Q, \delta, y_0, F \rangle$.

Q — множество состояний { С, М, Р, П, О, У, Т, Г, Ч };

X — множество входных сигналов {С, М, Р, П, О, У, Т, Ч, Г };

S — начальное состояние;

$\delta: X \times Q \rightarrow 2^*Q$ — функция переходов;

$F \subset Q$ — множество заключительных состояний;

Например, существуют аффиксы причастия *-ған\-ген, -атын\-етін* Они присоединяются к основе слова глагольного типа, обозначающего давнопрошедшее время, либо как причастие, переводящее глагол в прилагательное, либо в существительное.

Например *Айтыл+ған, келме+ген*.

По диаграмме состояний слово *Айтыл+ған* будет выглядеть так:

- S ->Г
- S ->Ч

Автомат выдаст два результата данной словоформы в форме глагола прошедшего времени и в форме причастия. При этом при подаче на вход буквы принадлежащей к причастиям (глаголу), то автомат, распознающий глагол, порождает второй автомат, распознающий причастие. Данные модели частично снимают омонимию уже на стадии морфологического анализа.

5. Заключение

Недетерминированные конечные автоматы успешно используются в качестве моделей при описании процессов лингвистического анализа. Также они показали свою универсальность в отношении языков тюркской группы.

Программная реализация процессора выполнена на языке Object Pascal. В качестве базы данных для хранения словарей использован MSSQL 2008. Настоящий процессор, в первую очередь, рассматривается как экспериментальное пространство для создания промышленных систем синтаксического анализа для языков тюркской группы.

Литература

Громкович Ю. Теоретическая информатика. Введение в теорию автоматов, теорию вычислимости, теорию сложности, теорию алгоритмов, рандомизацию, теорию связи и криптографию. пер. с нем. СПб.: БХВ-Петербург, 2010. С. 87.

Жубанов А.К. Основные принципы формализации содержания казахского текста // Дис. док. Алматы, 2002. 309 с.

Сокирко А.В. Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы Диалинг): автореф. дисс. к.т.н. М., 2001.

D. Grinberg, J. Lafferty. A robust parsing algorithm for Link Grammars. CMU-CS-95-125, School of Computer Science, Carnegie Mellon University, Pittsburg, 1995. 250 pp.

Происхождение служебных слов и проблема грамматикализации в калмыцком языке

Калмыцкий язык относится к числу языков с развитой системой служебных слов и отличается высокой частотностью их употребления в речи. Союзы, предлоги, послелого, частицы, разнообразные связки одновременно служат структурными показателями синтаксических единиц и их разновидностей, средствами связи и выразителями семантико-синтаксических отношений. Они являются одними из ведущих строевых элементов языка, которые формируют высказывание в качестве языковой единицы, обеспечивающей необходимый и достаточный уровень коммуникативности синтаксических единиц.

Известно, что в частях речи протекают глубокие процессы постепенного отмирания старого качества и накопления нового, в результате чего становится возможным переход слова из одной части речи в другую. Многие служебные слова представляют собой застывшие отглагольные и именные формы, возникшие в результате грамматикализации знаменательных слов, изоляции и функционального переосмысления их отдельных словоформ.

Под грамматикализацией понимается «процесс, при котором значение языкового элемента, слова или морфемы, меняет свой статус; из лексического оно становится грамматическим» [Супрун 1983: 240-241]. Замечено, что во многих языках чаще всего источниками грамматикализации выступают существительные, обозначающие части тела, пространственные указатели, глаголы движения, а также наиболее частотные обстоятельственные наречия.

В процессе развития калмыцкого языка благодаря абстрагирующей деятельности человеческого мышления возникали новые производные служебные слова, генетически связанные со знаменательными. Например, часть производных послелогов в калмыцком языке образовалась от имен, субстантивированных форм других частей речи, наречий и глагольных форм (*захд* – к краю, на краю; *у*, около, *кемд* – во время, в, когда, *хажуһас* – со стороны, сбоку).

Т.А. Майсак отмечает, что грамматикализация является процессом постепенным и ступенчатым: переход осуществляется через большое количество промежуточных стадий, по мере прохождения которых показатель охватывает все новые контексты [Майсак 2005: 42]. Многие отыменные послелого калмыцкого языка проходят обязательную ступень онаречивания (*ард* – сзади, за, после, *дотр* – в, внутри, среди, в течение, *заагар* – сквозь, из-за). Переход имени в послелого происходит часто по схеме: имя существительное > наречие > послелог.

Преобладающая часть союзов калмыцкого языка восходит в основном к глаголам (причастным и деепричастным формам: *болн* – и, *тишгхлэ* – коль так, раз так, *тегэд* – поэтому, потому), а частицы к различным местоимениям, которые образовались в результате постепенной редукции гласных (-*тн* от *тана* (ваш), -*чн* от *чини* (твой)).

В монгольских языках служебные слова могут приобретать более грамматикализованное, абстрактное значение, приближаясь к аффиксам. Например, послелог *уруу* (по направлению) утратил первоначальную фонетическую структуру (*уруу* > *уруу* (*уру*) > *ур*) и стал употребляться в грамматическом значении, показывающем направленность действия на предмет. В современных монгольском и калмыцком языках, он стал показателем направительного падежа.

Таким образом, служебные слова не представляют собой закрытого множества, их число пополняется за счет грамматикализации определенных форм других частей речи.

Литература

- Лиджиева Л. А. Семантика пространственных послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Элиста, 2008. 62 с.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 480 с.
- Орловская М. Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 25–33.
- Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008. 234 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, образительные слова. Л., 1987. 149 с.

Общее языкознание / Ред. А. Е. Супрун. Минск, 1983. 456 с.

А.Б. Лиджиев, Е.В. Бембеев
(г. Элиста, Россия)

Краткое сообщение о современном состоянии шира югуров

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-18012е*

В рамках выполнения гранта РГНФ «Язык шира югуров Китая: полевое исследование» (№ 16-04-18012е) был собран материал о немногочисленном и неоднородном этносе — шира югуры, сведения о котором крайне скудны и недостоверны. Дело в том, что впервые в широкий научный оборот сведения о шира югурах были введены немногим более 60 лет назад Б. Х. Тодаевой, именно благодаря ее работам мировое востоковедение пополнилось сведениями об еще одном монголоязычном народе.

В настоящее время возникает большая угроза исчезновения или ассимиляции не только языка, но и самой этнической группы. Это связано с малочисленностью народа, а также с тем, что сам народ или этническая группа бесписьменная, а языком межнационального и субэтнического общения является китайский язык. Более того важно отметить, что тюрко- и монгологоворящие не знают языка друг друга, за редким исключением, а языком межсубэтнического общения является китайский. В быту каждая из подгрупп использует родной язык, однако в повседневной речи и жизни шира югуров большое место занимает китайский язык, который является языком образования, как начального, среднего, так и высшего. Более того шира югуры являются билингвами, что, безусловно, влияет на процессы языкового сдвига, переход с родного языка на китайский. Однако до настоящего времени всем этническим группам Китая позволяла сохраняться определенная степень изоляции, а некоторым этносам — большая численность населения и удаленность от центра. Но в настоящее время наблюдается кардинально иная ситуация как с языками, так и этносами, поскольку не представляется возможным избежать глобальных интеграционных процессов, значительно влияющих на языковую ситуацию.

Так, согласно официальной переписи населения Китая, проведенной в 2010 году, количество шира югуров составляет 14 378. Шира югуры как они сами себя называют, ёгоры делятся на два субэтноса: одних называют шира ёгоры, т. е. желтые уйгуры, а других — хара ёгоры, или черные уйгуры. Разница заключается в том, что первые говорят на одном из древних монгольских языков, а вторые — одном из древних тюркских языков. Существует также деление шира югуров на западных и восточных, где под западными, или черными, подразумевают тюркоговорящих, а под восточными, или желтыми, — монгологоворящих. В литературе и официальных источниках чаще используются названия «западные» и «восточные». Это связано с тем, что шира югуры проживали по берегам реки Луанчан-хэ, которая и служила границей: на левом ее берегу, т. е. на западе, проживали тюркоговорящие, а на восточном — соответственно, монгологоворящие. Шира югурское название реки — Нэйман-гол (кстати, сунанские шира югуры не знают, точнее, не помнят шира югурское название реки). Название реки может быть связано с отоком хара югуров *şayes otok*. Монгологоворящие называют их *ar neiman* (тюркское *şayes* 'восемь'), по территории которого она протекает. Относительно топонимов стоит сказать, что большинство их забыто и в основном используются китайские названия географических объектов.

В количественном отношении тюркоговорящих шира югуров больше на две-три тысячи, чем монгологоворящих. По словам самих шира югуров, носителей же языка насчитывается приблизительно около 4-5 тысяч, говорящих на монгольском языке, и столько же — на тюркском языке, оставшаяся часть относит себя к шира югурам, но не говорит. Основная часть шира югуров проживает в Сунань-Югурском автономном уезде провинции Ганьсу, недалеко

от г. Чжанье с центром Сунань. Другая же группа, территориально оторвана от большинства, административно относится также к Сунань-Югурскому автономному уезду с центром в поселке Хуан-ченг монгольское название Шара-тала. Небольшие группы расселены в других местностях провинции Ганьсу. В Хуан-ченг, или Шар-тала, шира югуры переехали в 1958 г., когда власти по рекомендации советских военных и ученых выбрали земли в провинции Цинхай для своих нужд. А проживали они в местности Эджен-гаджар (которую также называют Моонти), граничащей с основным местом проживания югуров.

Китайские власти, понимая исключительность шира югуров, всячески поддерживают их. Тем, кто ведет традиционный образ жизни, т. е. занимается скотоводством, выделяют различные субсидии. Вкладываются большие деньги в развитие внутреннего туризма.

Проводятся региональные конференции, посвященные проблемам истории, языка, литературы, культуры шира югуров, в которых принимают участие в основном узкие специалисты по шира югурской проблематике, а также наиболее активная интеллигенция. На конференциях активно обсуждаются вышеуказанные проблемы, а в последнее время еще добавились вопросы шира югурской письменности, поскольку народ бесписьменный. Обсуждаются проблемы алфавита и способы передачи некоторых звуков. Очевидно, что китайское правительство озадачило местную администрацию выработать единый стандарт передачи топонимов на китайском и шираюгурском языке.

Относительно активистов стоит сказать, что сами шира югуры также осознают угрозу исчезновения, поэтому есть энтузиасты, собирающие лексику и создающие словники. Также предпринимаются попытки сбора фольклора и выяснения исторического прошлого народа.

В заключение стоит отметить, что в быту шираюгурский язык еще используется, хотя количество носителей сокращается. Молодое поколение говорит на родном языке, но гораздо меньше, чем старшее. Что касается сбора фольклорного и этнографического материала, то это довольно проблематично, поскольку людей, знающих сказки, пословицы, песни и пр., осталось очень мало.

М. И. Магомедов
(г. Махачкала, Россия)

Язык как хранитель и способ существования национальной культуры

Язык является необходимым условием существования и развития общества, элементом духовной культуры нации и важнейшим средством человеческого общения, особенно межкультурного. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений языкового сообщества о мире. Язык и культура тесно связаны и взаимозависимы. Культура как комплексный человеческий опыт (национальный, этнический, религиозный и т. д.) находит свое отражение в языке, стиле общения, традициях, обычаях, верованиях, представлениях и ценностях общества.

Язык всегда был признаком, идентифицирующим нацию, отсюда и постулат «Нет языка — нет нации». Без него нет и культуры — все структуры национальной культуры пронизаны им, т. е. язык является способом существования национальной культуры.

Вопрос связи языка с культурой — это один из тех вопросов языкознания, изучение которого имеет действительно практическую пользу. Прежде всего, при изучении родного языка и его истории [Магомедов 2013: 371].

Наиболее наглядно разнообразные функции языка проявляются в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена явлениями материального мира, социальными факторами. Прежде всего, в лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа [Магомедов 2014: 6].

Связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Большое число пословиц, поговорок отражают специфические национальные черты, корнями своими уходят в историю народа, его быт, обычаи, традиции. Язык — кладовая культуры. Язык хранит культурные ценности в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах и поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Сравним, например, аварские и русские фразеологизмы: *Цоцлул боце, анкьцлул къотле* – *Семь раз измерь, один раз отрежь*. *Вакъарасда гIорцIарав лъаларо* – *Сытый голодного не разумеет*. *Ришдал тIимугъ босе, хасало буртина босе* ‘Летом шубу покупай, а зимой — бурку’ — ‘Готовь сани летом, а телегу — зимой’ и т. д.

Как доказывают многочисленные примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, а особенно в практике преподавания и изучения родного языка.

Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет значительную роль в формировании личности, национального характера и этнической общности народа в целом.

Литература

Магомедов М. И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала, 2013. 558 с.

Магомедов М. И. Лексика — национальное богатство народа // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. Махачкала, 2014. 461 с.

Д. М. Магомедов
(г. Махачкала, Россия)

Актуальные проблемы функционирования дагестанских языков

Как известно, к дагестанской группе генетически родственных языков относятся: аварский, андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский, бежтинский, гинухский, гунизбский, хваршинский, цезский, лезгинский, агульский, арчинский, будухский, крызский, рутульский, табасаранский, хиналугский, удинский, цахурский, лакский, даргинский [Языки Дагестана 2000: 18].

Перечисленные языки, кроме будухского, крызского, хиналугского, удинского, находящихся в сопредельном регионе – Республике Азербайджан, представлены в Дагестане.

Каждый бесписьменный народ пользуется в качестве письменно-литературного тем языком, который является для них близким. Так все носители андо-цезских языков и арчинцы стали пользоваться аварским литературным языком. Им они пользовались и раньше в качестве регионального языка межнационального общения [Магомедов 2013: 11–12].

Все письменные языки Дагестана являются языками обучения в начальных классах общеобразовательной школы, им обучают во всех классах средней школы, на факультетах филологического профиля Даггосуниверситета и Даггоспедуниверситета. В последние годы осуществляется преподавание родных языков в городских школах.

На сегодняшний день наиболее распространенным и многофункциональным является русский язык. Он стал занимать преобладающее место в экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни республики и ее народов [Магомедов 2010: 38].

В языковой ситуации Дагестана имеются и тревожные стороны. В Дагестане, по нашим данным, в среднем от 30 до 45 % людей от каждого коренного народа (а от лакцев – более 70 %) живут в городах и находятся «в зоне повышенного риска» – они во втором-третьем поколении, по сути, полностью отрываются от родного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Городские жители (аварцы, даргинцы, кумыки и т.д.) за исключением тех, кто в свое время учился в сельской школе, не умеют ни читать, ни писать на родном языке.

Литература

Магомедов М. И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала, 2013. 558 с.

Магомедов М. И. Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.

Языки Дагестана. Махачкала: М., 2000. 553 с.

Е. К. Манджиева, Д. Менглинова
(г. Элиста, Россия)

Эргонимы коммерческих объектов города Элисты

Каждый день мы проходим мимо бесчисленного множества магазинов, организаций, учреждений в нашем родном городе Элисте, даже не задумываясь над тем, почему они так называются и что каждое название — это своего рода социальный знак.

Человеческое общество постоянно развивается, а вместе с ним и язык: появляются новые слова, старые заменяются новыми или исчезают совсем. Лексический состав любого языка всегда чрезвычайно чувствителен к переменам в обществе, он фиксирует почти все: от смены общественно-экономических формаций до уклада общества. Особенно это относится к названиям. Пример тому — появление в конце XX в., в период коммерциализации, совершенно нового разряда онимов — эргонимов. Эргонимы — это достаточно малоизученный раздел ономастики, который вызывает особый интерес исследователей-лингвистов. Эти положения определили тему нашего исследования.

С началом новых экономических отношений появилась совершенно новая особая категория слов, имеющая свой собственный облик, различимая и отличимая от других лексических классов — эргонимы. Это целый мир хитроумных слов, обозначающих созданные трудом человека вещи, не называя их прямо. Эргоним (греч. «труд», «деятельность» + оним) — разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка.

Мир эргонимов — это мир смелых неологизмов, и чем более неожиданным является слово, тем лучше достигается цель — привлечь внимание.

Широкое применение в эргонимии находят калмыцкие слова с положительной семантикой: «Ицл» («Надежда»), «Буйнта» («Добродетельный») и др.

В качестве эргонимов часто используются связанные и свободные сочетания, чаще всего — двусложные словосочетания, которые могут быть представлены двумя существительными в форме единственного числа, где второе выступает в роли дополнения («Город цветов», «Долина роз», «Магазин горящих путевок») или определения («Капризная леди», «Кишгтя белг» («Подарок на счастье»), «Теегин герл» («Степной свет»), «Цаһан Сар» («белый месяц»). Причем прилагательное *алтн* 'золотой' встречается чаще всего: «Алтн шаһа» («Золотой альчик»), «Алтн назр» («Золотая земля»), «Алтн булг» («Золотой родник»), «Алтн насн» («Полярная звезда», букв. «Золотой кол»).

Но встречаются и названия объектов, где существительное сочетается с разными частями речи: 1) с числительным: «Сто мелочей», «Four oirad» — «4 ойрата» (магазин стильной одежды с калмыцкой символикой), «Семь слонов» (салон сувениров), «Шаг к 5», 2) с предлогом: «Окна без проблем», «У Стаса».

Необходимо отметить, что названия коммерческих структур создаются по традиционным моделям образования сложных слов посредством соединения основ соединительной гласной (мясная лавка «Мясоед»).

В последнее время все большую популярность приобретают названия, представленные простыми предложениями, близкими к разговорной речи: «Дарим вместе, дарим оригинально» (магазин подарков). В данном примере повтор придает названию оттенок активной на-

стойчивости. По своему содержанию, форме и интонационной окраске предложения могут быть побудительными («Строй дом с нами» — магазин стройматериалов).

В некоторых названиях используется интернациональная лексика, а также слова, указывающие на свойства, или знаки, в которых угадывается связь обозначения с признаками вида деятельности: «Step by step» («Шаг за шагом») — лаборатория танца, «Сувенир-хаус» («Дом сувениров»), «Baby-line» («Детская линия»).

У людей, принадлежащих к разным культурным кругам и возрастным группам, одни и те же эргонимы могут вызывать разные ассоциации. В ходе исследования был проведен опрос детей в возрасте 7–17 лет. Анализ полученных ответов позволил выявить следующие группы ассоциаций:

1) ассоциации, связанные с потребительской характеристикой. Например, предложение пойти в «Багеш» ассоциируется с посещением спортивного комплекса, тренажерного зала;

2) ассоциации чувственного восприятия: например, слуховые (кафе «Синнабон»), зрительные (рекламная вывеска «всемирно известных булочек»), обонятельные (аромат корицы) и эмоционально-образные (радость, веселье);

3) интеллектуальные ассоциации: названия школ «Буратино», «Мальвина» и «Маленькие Эйнштейны» ассоциируются с ранним эстетическим воспитанием и подготовкой дошколят к первому классу;

4) лингвистические ассоциации: школы изучения иностранных языков «Лингво-центр», «Ступени».

В анкету были включены названия с использованием имени собственного «Джангар». У большинства информантов возникли ассоциации с одноименным всемирно известным калмыцким эпосом, и у единиц — с 3D кинотеатром и одноименным полиграфическим предприятием. В данном случае ассоциация обусловлена исторической привязанностью образа и основывается на национальных фоновых знаниях.

Иногда владельцы небольших торговых организаций придумывают забавные названия. Их сочинительство является индивидуальным. В результате появляются слова, отличные от всех известных нам типов лексических единиц, например, мясной бутик «Чабан-хаус». Такие названия можно отнести к рекламным неологизмам.

По итогам исследования были установлены отдельные характерологические особенности эргонимов:

1) многие эргонимы содержат прилагательные–эпитеты, которые характеризуют товар, его свойства, качество и применение;

2) для эргонимов характерны многоассоциативность; стремление к раскрытию характеристик товара или деятельности организации; формирование ассоциации на основе национальных фоновых знаний; возникновение звуковых ассоциаций; влияние возраста и среды на возникновение ассоциаций.

Таким образом, каждое название — это своеобразная находка, меткая, неповторимая, нацеленная на определенную реакцию человека, привлечение внимания, возбуждение интереса, вызывающая положительные эмоции и известный комплекс ассоциаций.

Н. М. Мулаева
(г. Элиста, Россия)

Синтагматика имен прилагательных *тəгрг* ‘круглый’, *утулц* ‘овальный’

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-08005.*

Как известно, синтагматика включает в себя языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц языка и их реализаций в речи. Слова обладают определенными сочетательными свойствами, так имена прилагательные, на первый взгляд, обычно соединяются с именами существительными.

Семантика и сочетаемость предметных имен на материале русского языка детально исследована в трудах Е. В. Рахилиной [2000; 2008]. В калмыцком языкознании монографические работы, посвященные данной проблематике пока отсутствуют. Лексическая сочетаемость имен прилагательных рассматривалась в ряде статей, в частности, в статье С. Е. Бачаевой [2015].

Описание сочетаемости прилагательного включает обязательный анализ его связей в системе языка и особенностей функционирования в тексте [Аракин 1972: 5–8]. На синтагматическом уровне выявляются лексические наполнения каждого соединения, порядок размещения компонентов и синтаксические позиции, на парадигматическом уровне — одинаковые и отличительные признаки в семантике и место и роль в системе языка [Аузяк 2015].

Цель доклада заключается в выявлении на синтагматическом уровне связей прилагательных *төгрг* ‘круглый’ и *утулң* ‘овальный’ с именами, называющими части тела, на материале Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ), (kalmcorp.ru).

Сочетаемость прилагательного *круглый* на материале русского языка подробно изучена в работе Е. В. Рахилиной [2008]. Как считает автор, «единство значения прилагательного *круглый* оказывается не в общности результата этой своеобразной семантической трансформации — т. е. не в том, чтобы все объекты, к которым оно применяется, стали шарами, а в общности самих изменений, которые претерпевают разные формы, оказываясь круглыми». Лингвистический интерес, по мнению автора, представляют случаи, когда языковой образ объекта расходится с обыденным. Например, есть объемные объекты, которые воспринимаются как плоскостные: *круглое лицо*, *круглые глаза*, где возникает «плоскостная» интерпретация. Хотя с денотативной точки зрения глаза являются объемными объектами — тем не менее, *круглые глаза* не значит ‘выпученные’, а ‘удивленно раскрытые’ — так что границы видимой плоскости представляют круг’ (ср. *большие глаза*) [Рахилина 2008: 153–162].

В результате сплошной выборки из НККЯ имён, называющих части тела и сочетающихся с прилагательным *төгрг* ‘круглый’, было выявлено, что наиболее частотными являются сочетания с именами *толһа* ‘голова’ и *чирэ* ‘лицо’ (*төгрг толһа* ‘круглая голова’, *төгрг чирэ* ‘круглое лицо’). «Голова относится к топологическому типу шаров («образцовая» голова имеет форму вытянутого шара), а лицо — к выступам, поверхностям и контурам. Частотное сочетание *круглая голова*, означает «голова правильной шарообразной формы», то есть в данном случае мы имеем дело с переходом объемных фигур в плоские [Махова и др.: электронный ресурс]. Следующим по частотности в НККЯ является сочетание *төгрг нүдн* ‘круглые глаза’, реже встречается сочетание *төгрг цогц* ‘букв. круглое тело’ (*төгрг цогцнь, мээчг кевтэ, гер дотраһар нааран-цааран долдалж...* ‘его круглое тело, словно мяч, перекатывалось по дому’).

Прилагательное *утулң* ‘овальный’ чаще всего встречается в сочетании с существительным *чирэ* ‘лицо’, где описательными компонентами служат слова *эцин* ‘худой’, *шовасн* ‘заостренный’, например: *эций утулң чирэ* (*утулң эцин чирэ*) ‘худое овальное лицо’, *эциэвр утулң чирэ* ‘худощавое овальное лицо’, *шовасн утулң чирэ* ‘заостренное овальное лицо’. Встречается сочетание *утулң һу толһа* ‘овальная дынеподобная голова’, где слово *һу* ‘дынеподобная’ является «ярким оценивающим компонентом».

Таким образом, в данном докладе сделана попытка проанализировать некоторые синтагматические особенности прилагательных на материале НККЯ. Изучение синтагматики имен прилагательных на материале калмыцкого языка требует дальнейшего тщательного исследования.

Литература

Аракин В. Д. О лексической сочетаемости // К проблеме лексической сочетаемости. Сборник статей. М.: Наука, 1972. С. 3–12.

Аузяк Г. Т. Семантическая сочетаемость прилагательных с существительными в современном немецком языке // Science Time. 2015. № 1 (13) // [электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sochetaemost-prilagatelnyh-s-suschestvitelnyimi-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> [дата обращения: 05.09.2016].

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Национальный корпус калмыцкого языка // [электронный ресурс] URL: <http://kalmcorpora.ru/> [дата обращения: 05.09.2016 г.].

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Р. Т. Муратова
(г. Уфа, Россия)

Значения цветообозначения ‘красный’ в тюркских языках Урало-Поволжья

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-34-01049*

Пратюркская форма цветообозначения ‘красный’ реконструирована в форме **qyzyl*. Основное значение слова в тюркских языках – красный. Большинство исследователей придерживаются мнения, что общетюркское прилагательное *qyzyl* происходит от глагольной основы *qyz-* ‘накаляться’, при этом исходная форма связана не с цветом, а с сильным нагреванием, накаливанием [СИГТЯ 2001: 602–603].

В тюркских языках Урало-Поволжья прилагательное имеет следующие формы: башк. *кызыл*, тат. *кызыл*, чув. *хёрлэ*. Эти фонетические различия произошли в соответствии с изменениями, происходящими в данных языках: 1) переход анлаутного $q > x$ (чув.: *qyzyl > хёрлэ*), опереднение $q > k$ (тат.: *qyzyl > кызыл*); 2) переход инлаутного $z > \delta$ (башк.: *qyzyl > қудыл*), переход $z > r$ (чув.: *qyzyl > хёрлэ*), 3) переход; 4) опереднение гласных заднего ряда $y > э$ (чув.: *qyzyl > хёрлэ*) [СИГТЯ 1984].

Лексическая семантика слова *qyzyl* заключается в обозначении красно-оранжевой части спектра (золотисто-красный): башк. *кызыл яулык* ‘красный платок’, тат. *кызыл күлмәк* ‘красная рубашка’, чув. *хёрлэ сарй* ‘красная краска’.

Кроме того, в тюркских языках Урало-Поволжья также встречаются следующие основные значения цветообозначения ‘красный’:

- составная часть при обозначении сложных цветовых значений с оттенком красный: башк. *кызыл күк* ‘фиолетовый’, тат. *куе кызыл* ‘пурпурный’, чув. *тёксём хёрлэ* ‘темно-красный’;
- ист. красный: башк. *Кызыл Армия* ‘Красная Армия’, тат. *кызыл командир* ‘красный командир’, чув. *хёрлэ гвардеец* ‘красногвардеец’;
- румянец, румяный: башк. *кызыл алмалар* ‘румяные яблоки’, тат. *кызыл таң* ‘румяная заря’, чув. *хёрлэ титсәмарти* ‘румяные щеки’;
- рыжий: тат. *кызыл чәчле* ‘рыжеволосый’, чув. *хёрлэ ёне* ‘красная корова’;
- спелый: башк. *кызыл еләк* ‘спелые ягоды’, чув. *хёрлэ сырли* ‘спелые ягоды’;
- яркий, солнечный: чув. *хёрлэ кун* ‘солнечный день’;
- хороший, красивый, прекрасный: чув. *йышира вилём те хёрлэ, теҫсе* ‘на миру и смерть красна’;
- в составе названий болезни: башк. *кызыл һыр* ‘рожа, рожистое воспаление’, тат. *кызылча* ‘краснуха’, чув. *хёрлэхен* ‘корь’;
- как элемент ботанических и зоонимических терминов, минералов: башк. *кызыл бөрләгән* ‘костяника’, тат. *кызыл карлыган* ‘красная смородина’, *хёрлэ кукамай* ‘божья коровка’.

Таким образом, в тюркских языках Урало-Поволжья цветообозначение красный восходит к пратюркской форме *qyzyl*, образованной от глагольной основы *qyz-* накаляться. Основное значение лексемы — обозначение красно-оранжевой части спектра. Оно также приобрело следующие значения: ‘спелый, яркий, насыщенный, хороший, прекрасный’. Используется в составе терминов.

Литература

- Академический словарь башкирского языка. Т.5. Уфа, 2013.
СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
Толковый словарь татарского языка. Казань, 2005.
Чувашско-русский словарь. М., 1985.

\

В. Н. Мушаев
(г. Элиста, Россия)

К вопросу о синтаксической омонимии в калмыцком языке

С многозначностью слов связаны различные вопросы лексикологии, в частности проблемы полисемии и омонимии, связь между которыми обусловлена развитием языка. В ряде случаев омонимы возникают из полисемии в результате процесса разрушения. Проблема разграничения полисемии и омонимии сложна и многопланова, и предлагаемые критерии их разведения разнообразны.

В общем и частном языкознании проблематика омонимии рассматривается в трудах В. В. Виноградова, тюркологов Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, из современных разработок следует назвать классификацию синтаксических омонимов, предложенную А. В. Гладким, который выделяет разметочную, стрелочную и конституентную омонимию. Все эти виды синтаксической омонимии различными формами выражаются в современном калмыцком языке.

Функциональные омонимы — это одинаково звучащие этимологические родственные слова, относящиеся к разным частям речи. Лексические омонимы — это одинаково звучащие слова одной части речи, совершенно различные по значению.

В базовой части для выявления особенностей функциональных и лексических омонимов следует учитывать их специфику в соответствии с критериями классификации частей речи: морфемный состав, морфологические категории, лексические и категориальные значения и синтаксическую функцию.

Кроме этого в качестве более конкретного и актуального аспекта синтаксической омонимии можно обратиться к области калмыцких полипредикативных конструкций. В этом плане по нашему мнению интерес представляет реализация таких моделей, у которых совпадают синтаксические схемы, но выражаются несколько смещенные отношения, т. е. форма полипредикативных конструкций одна и та же, а значение различные. Однако самым главным элементом структурной схемы модели полипредикативной конструкции, конечно же, является показатель синтаксической связи. Означающее модели полипредикативных конструкций — смысловые отношения, которые устанавливаются (выражаются и воспринимаются) между двумя или более отдельными событиями: время, причина, цель, уступка и т. д. Подобное понимание синтаксических омонимов встречается в разработках по синтаксису тюркских и других алтайских языков и безусловно требует специальных исследований по данной проблематике на материале монгольских (калмыцкого) языков.

Литература

- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения М.: Наука, 2007. 152 с.
Шкурко Е. В. Синтаксическая омонимия и способы предупреждения ее возникновения // Уч. записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации», Т. 24 (63). 2011, № 2. С. 109–113.
Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.

А. В. Олянич
(г. Волгоград, Россия)
Г. М. Боваева
(г. Элиста, Россия)

Паремиология калмыцкой глуттонии как образная и ценностная семиотизация народных пищевых предпочтений

Калмыцкая лингвокультура адекватно и бережно рефлектирует ценностное отношение народа к пище как к средству и способу здорового бытия. В жизни и быту калмыцкого кочевника с давних времен сложилась стройная, но, в силу простоты и неприхотливости калмыцкого быта – не сложная и не разветвленная глуттоническая (гастрономическая) система, тем не менее, позволявшая народу выживать в трудных условиях степного существования. Это отношение семиотизировано в парадигме глуттонических знаков паремиологического свойства, в которых центральным смысловым компонентом выступает пища, расцениваемая как ценностный элемент существования, образующий концептосферу и вербализуемый паремиологически в виде фразеологических единиц, передающих разнообразные коммуникативно и этнокультурно значимые жизненные ситуации [Пюрбеев 1974; 2006]:

– обеспечения или удовлетворения потребностей (*һолан девтаһ* ‘насытить себя калорийной пищей’; *хорха көндрх* (*күрх*) ‘почувствовать аппетит’; *гесндэн зэнг орул*; *араһан харһулх* ‘слегка закусить’, *бахнь хантлан, цадтлан хот идх* ‘есть пищу до пресыщения’; *һанһһ улалһжэ ирх* ‘возвращаться с добычей’; *ундан хэрүлх* ‘утолить жажду’; *гесэн тежэх* ‘прокормить себя’; *өлян авх, дарх* ‘утолить голод’; *нег кишһэр уух* ‘выпить одним залпом’;

– рефлексии человеческих качеств: а) положительных (например, ум, прозорливость, догадливость — *уснд хэлэсн мет* ‘как в воду глядел’; молчаливость, сдержанность — *амндан ус балһсн кевтэ* ‘как в рот воды набрал’; красноречивость — *хар усн деер өрм тогтам келтэ* ‘и с воды может снять сливки’; добропорядочность — *үсн цаһан седклтэ күн* ‘человек с чистой, как молоко, душой’; б) отрицательных (горячность, гневливость — *амнасн көөсн цахртл келх* ‘говорить с пеной у рта’; *цөснь буслх* ‘быть в гневном состоянии, досл. желчь закипает’; нерасторопливость, медлительность, неповоротливость — *аман аңһаһад суух* ‘быть разиней’; болтливость — *кел-аман бүлүдх* ‘точить лясы’; *амндан орсан келх* ‘говорить, что вздумается’; *хоосн амарн саатулх* ‘убаюкивать пустыми обещаниями’; лицемерие — *элкн деер өөк шарх* ‘на печени жарить сало, т. е. лицемерно поддакивать кому-либо, поступив впоследствии жестоко’; жестокость, способность издеваться над ближним — *эврәннь махан күүнэ хээснд чанулх* ‘давать кому-либо в обиду своего человека, позволять издеваться над ближним’; *һолынь хорсхах*; *хорынь буслһаһад келх* ‘задеть за живое’; *кү давслх* ‘язвить, насолить кому-либо’; неаккуратность, небрежность — *идэн-будан келһад хайчкх*; *ээдмг-хөөрмг кех* ‘привести в состояние полного беспорядка’; беспринципность, недоверие — *ааһ цэ уутлан 10 хүврнэ* ‘за время приема одной порции чая 10 раз изменится’; *келсн үгэн идх* ‘отказаться от своих слов’; *амтнго элмр* ‘человек, потерявший доверие людей к себе и свою совесть’.

Образный компонент этнокультурного концепта «Пища» в калмыцкой лингвокультуре представлен парадигмой фразеологических единиц, семантическим центром (внутренней формой) которых являются глуттонимы: *тосн* ‘масло’, *өөкн* ‘жир’, *махн* ‘мясо’. Семантика этих этноспецифических глуттонимов рефлектирует в ниже приведенных фразеологизмах благополучие, богатство, пресыщение, достаток, использование обстоятельств в корыстных целях, кровное родство и способствует образной актуализации концепта «Пища»: *тосар иләд, торһар ораһад*; *тослх кергтэ* ‘задобрить кого-либо’; *һал деер тос кех* ‘подливать масло в огонь’; *ямана бөөрин өөкн мет царцж одх* ‘глубоко обидеться, досл.: застыть как жир козьей почки’; *цаһан махнь өөклжэх күн* ‘человек, который бесится с жиру’; *өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет* ‘словно почки в сале, словно желток в яйце’; *тасрсн махн, асхрсн цусн* ‘о дальних родственниках’; *гер-мал болх* ‘жениться, создать семью’; *махан идх* ‘истязать себя, мучиться’; *махсг, махсч* ‘любитель мяса’; *хахсн деер мах булах* ‘воспользоваться случаем в свою пользу’; *мах цус бәрлдһн* ‘кровное родство’.

Калмыцкие идиомы с глоттоническим значением способны придавать речи, коммуникации эмоциональность: *ноха идг!* (*чирг!*)! ‘пусть собака ест’; *нохан цох ид*; *хар ус у!* ‘чтоб вместо еды водой питался!’ — бранное выражение, употребляемое при отказе дать кому-либо поесть. Образность коммуникативной ситуации малодушия, робости реализуется при помощи глоттонической идиомы *келсн үгэн идх* ‘отказываться от своих слов, забрать свои слова назад’. Сугубо глоттоническая ситуация одобрения вкусно приготовленной пищи семантически актуализована во фразеологизме *кел-ам долам* ‘о чем-либо вкусном — пальчики оближешь’. Пресыщение, переедание — в центре фразеологизмов предельного значения *хот деер шиңгрх*, *машурдтлан хот идх* ‘чувствовать тяжесть от переедания’; *белн хотын эзн* — нахлебник; *хотрхг кун* ‘обжора’.

Образный компонент этнокультурного концепта «Пища» в калмыцкой лингвокультуре также репрезентирован лингвосемиотическими средствами разрешений и запретов, которые метафорически рефлектируют хорошие и плохие приметы (сэн /му йор), наполненные глоттоническим смыслом.

Так, считается доброй приметой, если человек пришел во время подачи горячей пищи: (*болсн хотла харһад оржс ирхлә* [Амбекова 2006: 96–97]; на пороге пролилась горячая пища (*үүднэ хоорнд идэн асрхлә*); гость пришел во время топки масла, сбивки сметаны (*тос хээлжэхлә, өрм бүлжэхлә харһлә*); на подол платья пролился бульон, масло (*хорма деер шөлн, тосн асрхлә*).

Дурная примета имеет место, если после захода солнца заносят в дом сырое мясо (*нарн суусн хөөн улан мах гертэн орулиго*); после захода солнца выносят продукты белого цвета (молоко, соль, муку) (*нарн суусна хөөн хурвн цаһан юм харһиго* (*үс, давс, һуйр*)); на свадьбу едут с сырым (не отваренным) мясом (*хурмд улан махн өгддго, болһад авч одх зөвтэ*).

Ценностный компонент этнокультурного концепта «Пища» широко рефлектирован в обширном паремиологическом (пословично-поговорном) фонде калмыцкого народа. Пословицы (*үлгүрмүд*) вобрали в себя всю мудрость калмыков, их богатейший исторический и коммуникативно-поведенческий опыт, позволявший народу выживать в суровых условиях степной кочевой жизни. Именно поэтому «...потребностная (глоттоническая или пищевая) составляющая так обширно представлена в многочисленных паремиях. Пословицы с глоттоническим компонентом метко характеризуют те непреходящие ценности, которые встроены в общую концептосферу жизни этноса» [Олянич, Боваева 2013: 34].

Эти ценности паремиологически отражены в следующих конструкциях (фреймах), насыщающих семантику коммуникации:

1) «Мудрость — умеренность в питии и чревоугодии»: *Цадхла цаһан хурһна сүл һашун* ‘Когда насытишься — и курдюк белого ягненка кажется горьким’; *Сэн жилив — һал хэлэжс, Му жилив — хээс хэлэжс* ‘Повар следит за костром, а обжора — за котлом’; *Эрк уув чигн, ухаһан бичэ ге* ‘Водку хоть и пей, но ум-то не пропивай’; *Хуваж идсн хот амтэхн болдг* ‘Разделенная пища вкуснее’; *Цадад, цар болдго, идэд, ирг болдго* ‘Наевшись, не становятся быком, покушавши, не становятся бараном-кастратом’; *Шөлэр цаддг, төлэр байждг* ‘Бульоном наедаются, молодняком богатеют’.

2) «Мудрость — трудолюбие, сытость и достаток, лень — голод и бедность»: *Мал тежэхлә — амн тоста* ‘Когда выращиваешь скот — рот в масле’; *Күүнэ һарт наалдсн тос долахд хату* ‘Трудно лизать масло с чужой руки’; *Ажл кү асрдг, залху кү харһнадг* ‘Труд кормит человека, а лень морит голодом’; *Һар көндрхлә, амн чигн көндрдг* ‘Если руки потрудились, то и желудок сыт’; *Өрм хутххла, һаран доладг* ‘Кто сбивает сметану, тот и облизывает руки’; *Залхуһин герт түлэн уга, Зальгдгин герт хот уга* ‘В доме ленивого нет топлива, в доме обжоры (пьяницы) нет пищи’; *Урч күүнэ урл тоста* ‘У мастера губы в масле’; *Гертэн кевтсн ноха өлсдг, Гермүд төгэлсн — яс кемлдг* ‘Собака, лежащая дома голодает, обходящая дворы — гложет кости’; *Залху күн завгтк маһдан күрдго* ‘Ленивый человек и до мяса, висящего на стене, не дотянется’.

3) «Всею свое время — мудро поступает тот, кто все делает вовремя»: *Альмн темсн амтта цагтан сэн, ээрг, тарг шин цагтан сэн* ‘Кумыс и простокваша хороши, когда они свежие, а яблоко — в соку»; *Маһдурк өөкнэс эндрэк оошк амтта* ‘Легкие, которые будешь

есть сегодня, вкуснее жира, который будешь есть завтра»; *Өлсхдэн идсн бүкл, цадхла сангддго* 'Дорога ложка к обеду'.

4) «Мудрость — в понимании и соблюдении порядка вещей»: *Хорн һазрт бээдг, хорһн шөлнд бээдг* 'Яд — в земле, жир — в бульоне'; *Хөөһәр мал кедго, хөөрмгәр хот кедго* 'Овцу не считают скотиной, хермг — кушаньем'; *Әлд бээхлә күртдг, альхнд наалдхла доладг* 'Если есть у соседа, то делятся, если прилипнет к ладони, то лижут'; *Аһинь халәж, хот у, ээжинь халәж, күүк ав* 'Прежде чем есть, посмотри на посуду, прежде чем свататься, узнай мать'; *Керүлин экн — цусн, эвин экн — тосн* 'Начало ссоры — кровь, начало мира — масло'; *Сурһулин амнь — тосн, харһһуһин амнь — цусн* 'Результат учебы — масло, результат темноты — кровь'; *Махлаг зала сээхрүлдг, махиг өөкн сээхрүлдг* 'Украшение шапки — кисточка, украшение мяса — жир'.

5) «Мудрость — в совершении добра и возмездие тому, кто вершит зло»: *Чолуһар шивсн күүг өөкәр шив* 'На зло отвечай добром, (досл. 'Если кинули в тебя камнем, кинь в него салом'); *Күн дургодан — күзү өгдг, Теңәр дургодан — күүк заядг* 'Невзлюбившемуся человек дает мясо из шейной части, Всевышний невзлюбившемуся дарит дочерей'; *Өшәтә кү өөкәр шивдг* 'Врага оплати добром'; *Керүләс — цусн, эвәс — тосн* 'От ссоры — кровь, от мира — масло'.

6) «Мудрость — в гостеприимстве, хлебосольстве, поддержании очага»: *Хатуч күүнд нөкд холл* 'Если скуп в угощении — приятели далеко'; *Хур орв гижә, адуһан услл уга бичә бә, Хурм орв гижә, күүкдән хот өгл уга бичә бә* 'Как бы ни шел дождь, не забудь напоить табун, Как бы свадьба ни шла, не забудь накормить детей'; *Даарснд һал түл, Өлсснд хот ке* 'Продрогшему зажги огонь, Проголодавшемуся приготовь кушать'; *Хотын сәәг гишчд өг, хувцна сәәһинь эврән өмс* 'Лучшую еду отдай гостю, лучшую одежду носи сам'.

7) «Мудрость — в извлечении пользы из любой ситуации»: *Ной дахжә өлсдг уга, Нар дахжә даардг уга* 'Последуешь за нойоном — будешь сыт, последуешь за солнцем — будешь обогрет'; *Уснас өрм уһһаж авдг күн* 'О прыныре: даже с воды снимет сливки'.

8) «Мудрость — в понимании богатства, достатка» *Тоһацаһан — тоснд, өвдгцәһән — өөкнд* 'По локоть — в масле, по колено — в сале'; *Өөкн деер доһх, тосн деер тогльх* 'Валяться в жиру, кататься в масле'; *Салаһарнь хорһн, тосн һооһжә, сахларнь әәрг, чигән һооһжә бәәтхә* 'Пусть текут между пальцами жир и масло, а по усам кумыс и айран'.

Некоторые паремиологические фреймы рефлектируют смыслы, связанные с метафорой лицемерия (*Кельн деернь — бал-бурм, Кеврдг дотрнь — күд-чолун* «На языке — мед, сахар, в душе — камень, скала»), преемственности или наследственности (*Альмн ишәсн холд ундго* 'Яблоко от яблони далеко не падает'), бережливости (*Әрвлхлә — әмнд туста, аршалхла — бийд туста* 'Будь бережлив во благо себе').

Таким образом, этнокультурный концепт «Пища» в калмыцкой лингвокультуре представляется как прототипическое когнио-ментальное образование, являющееся одним из ключевых феноменов рефлексии бытия калмыцкого этноса, вербально репрезентированное в спектре его глуттонических предпочтений через паремиологические образования.

Прототипичность концепта в калмыцкой лингвокультуре подтверждается фактами фиксации в когнитивной и лингвосомиотической картине мира калмыков таких его компонентов, как семиотическая первостепенность ценности пищи как сущности, способствовавшей выживанию этноса. Она вербализована в целом ряде речевых и дискурсивных проявлений, при этом ее ценностный компонент обнаруживается в паремиологическом фонде калмыцкого языка. Изученные нами паремии свидетельствуют о том, что пища представляла и представляет базовую аксиологическую константу лингвокультуры калмыцкого этноса.

Литература

- Амбекова Б. П.* «Цецн булг» – Родник мудрости. Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006. 190 с.
Олянич А. В., Боваева Г. М. Лингвокультурная специфика знаков этнических пищевых предпочтений калмыцкого, русского и немецкого народов. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. 200 с.
Пюрбеев, Г. Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов. М.-Э., 1974. 57 с.
Пюрбеев Г. Ц. Антропоцентричность картины мира в калмыцких фразеологизмах // IX Международный конгресс монголоведов. М: ИВ РАН, 2006. С. 315–319.

Гендерный аспект изучения калмыцких личных имен

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-24-03002а(м)

Значительную часть лексикона любого языка составляют онимы (имена собственные). Оним является прежде всего объектом изучения такой лингвистической науки, как ономастика, рассматривающей собственное имя как языковой знак и исследующей его семантическую и словообразовательную структуру. Но задача изучения феномена имени собственного не ограничивается только языковыми аспектами: ономастика вырастает в комплексную проблему, затрагивающую самые разные аспекты материальной и духовной сферы.

Важнейшим фрагментом ономастикона любого языка является антропонимия (личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы), изучение которой, особенно в гендерном аспекте, тесно связано с целым комплексом смежных гуманитарных наук, среди которых можно выделить литературоведение, фольклористику, этнологию, культурологию [Борджанова 1983; Монраев 1998; Омакаева, Бадгаев 1998; Лиджиев 2010; Омакаева 2008; 2014; Басангова 2011 и др.]. Полиаспектность личного имени предполагает комплексный подход к его изучению, позволяющий рассматривать данный феномен под разным ракурсом, с разных сторон при сохранении целостного восприятия проблематики.

В рамках фольклорно-литературоведческого направления имя персонажа выступает как средство создания художественного образа. Историко-этнографическое исследование представляет имя собственное как знак социальный, отражающий историю, быт, культуру, мировоззрение народа. В рамках этого направления изучаются экстралингвистические аспекты антропонимов — мотивы имянаречения, социальные функции имени и т. д.

У калмыков много красивых и оригинальных имен. Ответственность за выбор имени для ребенка лежит на его родителях. В последнее время все чаще в калмыцких семьях детей называют именами, исторически присущими калмыкам, возрождаются старые, полузабытые имена.

Наречение именем — важнейший инициационный акт, придающий новорожденному статус человека [Омакаева 2003; 2010]. Это нужно не только для самоидентификации человека, но и для самоидентификации калмыцкого этноса. Рождаясь, человек получает в подарок не только самое прекрасное на свете — жизнь, но и имя, с которым он отождествляет себя всю жизнь.

Традиционно имя считалось сутью человека. У калмыков есть пословица *Зун күүнэ чирэ үхэр, нег күүнэ нер мед* ‘Чем знать 100 человек в лицо, лучше знать одного по имени’.

С древнейших времен известно, что имя влияет на судьбу его обладателя. Значение имени человека изучают лингвисты, астрологи, нумерологи, психологи.

В прошлом часто ребенку давали тотемное имя (Чон ‘волк’, Ноха ‘собака’ и т. д.). Имена животных носят двойственный характер: с одной стороны, с их помощью ребенок получал защиту, вновь нарекаемому должны были передаваться качества соответствующих животных — сила и неуязвимость волка, живучесть и крепость собаки, с другой — ребенок причислялся к миру природы с целью обмана злых духов.

В целях обмана злых духов мальчикам давали женские имена: например, Окн ‘девушка’, Күүкн ‘девочка’ и т. д., которые носят и поныне мужчины среднего и старшего возраста. Хотя сегодня вряд ли будут называть так мальчиков, этот обычай зафиксирован в калмыцких фамилиях Оконов, Кукинов, Мукинов и т. п.

Очень популярны у калмыков благожелательные имена: *Киштэ* ‘счастливая’, *Байн* ‘богатая’, *Цаһан* ‘букв. белая’, *Улан* ‘букв. красная’ [Куканова, Омакаева 2011], *Мергн* ‘меткий’, *Цецн* ‘мудрый’, *Баатр* ‘богатырь’ и др.

Имя — не просто звуковой комплекс, а носитель очень важной информации, в нем частичка истории общества. *Цаг селгэтэ*, как говорят калмыки. Смена эпохи влечет за собой изменение структуры калмыцкого имени.

Так, в советское время были популярны такие имена, как *Вилен* (В. И. Ленин), *Велира* (Великий Рабочий), *Дамир* (Даешь мировую революцию), *Нинель* (Ленин, если читать наоборот).

Довольна устойчива мода на имена героев калмыцкого эпоса «Джангар», имена великих ханов. Но такие имена, как Джангар, Чингис, калмыки считают «тяжелыми» (*күнд нерн*). В отдельных случаях, когда имя «не идет» (*зокчахи*) его носителю, лучше сменить это имя.

Любое имя, имеющее «тяжелую наследственность», каким бы благозвучным и красивым оно ни было, неизбежно попадает в разряд «запретных». Вот что пишет калмыцкий писатель Алексей Балакаев в своем романе «Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил» о женском имени *Төгрәи*: «Красивое имя. Но, видимо, калмыки от суеверия не называют эти именем своих дочерей. На это есть причина».

Традиция именника калмыков, имеющая центральноазиатское происхождение, с буддизмом впитала в себя санскритские и тибетские имена. Такие имена очень популярны среди калмыков. Среди них можно обнаружить попавшие в калмыцкий язык в разное время через уйгурский и тибетский языки санскритизмы (Эрднь, Радна, Эрнци, Эрнжән ‘драгоценность’, Очр, Баазр ‘ваджра’, Дәр ‘Тара’ и др.), а также тибетские имена: Санж ‘просветленный, будда’, Церн ‘долгая жизнь’ (калмыцкий эквивалент Утнасн), Чагдр ‘Ваджрапани’, Мингъян ‘благозвучное имя’, Луузн ‘хороший ум’ и т. д.

Очень распространено было календарное имянаречение. Имя определялось в соответствии с астрологическими признаками дня рождения ребенка. Не случайно у калмыков многие имена обозначают названия планет и созвездий, что связано с днем недели, в который родился человек. Следует отметить, что в калмыцкий именник попали не только исконные имена, но и заимствования. Например: санскр. *Адъян*, тиб. *Нимэ*, калм. *Нарн* ‘Солнце’, санскр. *Сумъян*, калм. *Сарң*, тиб. *Дава* ‘Луна’, тиб. *Мигмр* ‘Марс’, калм. *Улмж*, тиб. *Лавга* ‘Меркурий’, тиб. *Пурвэ* ‘Юпитер’, тиб. *Басн*, санскр. *Шуһр* ‘Венера’, тиб. *Бемб*, санскр. *Санчр* ‘Сатурн’. Хотя такие имена давали в основном мальчикам, встречались они и у девочек, поэтому у калмыков было много общих имен.

Благоприятным временем для наречения именем считались периоды нахождения Солнца в зодиакальных созвездиях Стрельца (*Нумн*), Водолея (*Бумб*, *Хумх*), Рыб (*Заһсн*), Близнецов (*Хурцл*). Весы и Скорпион относились к неблагоприятным созвездиям для имянаречения.

В воскресенье предписывалось давать имена ханские. Но такие имена могли носить только особы княжеского рода (нойоны). В понедельник можно было давать имена чиновников и простых людей. В среду — мужские имена, в четверг — буддийские имена гелюнгов, в пятницу — женские имена и имена, обозначающие животных, вещей, драгоценностей.

С приходом буддизма исконно калмыцкие имена стали использоваться больше в домашнем обиходе, в лучшем случае они стали фамилиями (Чонаев, Нохаев и т. д.).

Очень символично для калмыков имя *Манжэ*, которое определяет национальность его носителя (у русских это *Иван*). За этим именем мы видим самоуважение калмыцкого народа, национальную идею и гордость.

Личное имя, будучи объектом междисциплинарного изучения целого ряда наук, нуждается в дальнейших серьезных исследованиях не только с точки зрения гендера, но и в таких аспектах, как имя собственное и языковая картина мира, личное имя и идентичность, этническое имя и глобализация, литературная ономастика, имя в СМИ и т. д. Необходим анализ современной антропонимической ситуации в Калмыкии с использованием компьютерных методов и инновационных технологий.

Сохранение этничности мы связываем с жизненностью калмыцких личных имен, ибо в них воплощены этические и эстетические ценности народа, которые, с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой — отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

Литература

Басангова Т. Г. Обережные имена и фамилии у калмыков // Проблемы гуманитарных исследований. Улан-Удэ, 2011. С. 182–184.

Борджанова Т. Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 96–100.

Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цвето-обозначением *улан* в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2 (65). С. 44–48.

Лиджиев А. Б. К сравнительному изучению антропонимов западномонгольских народов // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 2. С. 51–54.

Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста, 1998.

Омакаева Э. У. Родины в обрядовой культуре калмыков // V Конгресс этнографов и антропологов. Омск, 8-12 июня 2003. М., 2003. С. 199.

Омакаева Э. У. Триада «язык – культура – этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 62–67.

Омакаева Э. У. Родинный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 229–249.

Омакаева Э. У. Лингвокультурный ономастический код названий произведений Гари Рокчинского: новые грани исследования творчества художника // Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Элиста, 2014. С. 89–93.

Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Калмыцкая фамильная антропонимия // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII Междунар. конф., г. Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 111–113.

В. С. Очирова
(г. Элиста, Россия)

Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

Гендерный фактор является одним из важнейших параметров личности и общества в целом. Представления о мужском, мужественности, маскулинности имеют свою специфику в разных культурах, что непременно находит отражение в языке. Источниковой базой в сфере гендерной номинации для лингвистов все чаще служат фольклорные тексты разных жанров. Нас интересует прежде всего то, какими способами располагает калмыцкий язык для конструирования эпической гендерной идентичности.

Рассмотрим способы языкового маркирования маскулинности в эпическом тексте. Среди средств лексического маркирования семантики «мужское» важную роль в эпосе играют термины родства, под которыми мы имеем в виду группу слов, объединенную общей темой родства, гендерно маркирующую статус отношений в семье и в роде. Родство (калм. *төрл*) может определяться не только как генетически кровная связь (калм. *цусн төрл*), но и как возникающая в результате брака (калм. *худ*).

В системе калмыцких терминов родства отражается этнокультурная модель традиционной семьи. Идея родства реализуется в номинациях, последовательно разграничивающих названия родственников мужского и женского пола. Иными словами, для обозначения родственных отношений в калмыцком языке предназначена детально разработанная терминология родства, основной оппозицией которой является маскулинность/фемининность.

Системы терминов родства монгольских народов были уже неоднократно предметом рассмотрения в лингвистической литературе. Несмотря на имеющиеся исследования, посвященные изучению терминов родства в калмыцком и монгольском языках [Бурыкин, Омакаева 2001; 2007; 2009; Омакаева, Бурыкин 1999а; 1999б; Рыкин 2009; Пюрбеев 2013; Очирова, Омакаева 2014 и др.], проблематика в этой сфере ещё не исчерпана, что актуализирует исследование мужских терминов родства, являющихся ключевыми словами эпического текста [Омакаева 2013; Омакаева 2013].

Из числа лексических единиц, определяемых нами как термины родства, в текстах эпических песен были выявлены «маскулинные» лексемы, различающие лиц мужского пола по линии родства и возрасту. Прежде всего речь идет о самом Джангаре и его богатырях.

Следует отметить, что генеалогия Джангара в различных локальных субэтнических традициях несколько разнится. Так, при перечислении его предков до четвертого колена в цикле Ээлян Овла Джангар выступает как потомок Таки Зула-хана, внук Тангсак Бумба-хана, сын славного Узюнг-хана.

Для обозначения отца в эпосе используются две лексемы – *эцк* и *аав*, хотя в современном калмыцком языке только первый термин служит для номинации данного понятия, второй же имеет значение ‘дед, дедушка’. Но в эпическом тексте лексема *аав* регулярно выступает в значении ‘отец’: *Көвүн эцкдэн келжэ бэдэнэ!* — *Эмн мет аав минь!*; *Буйн төгс ааван буй уга оркад...*

В первом примере слово *аав* выполняет функцию обращения (‘мой отец!’). В обоих случаях маскулиная лексема употребляется с эпитетом: в первом примере отец сравнивается с жизнью (самым драгоценным, что есть на свете), во втором примере эпитет к номинации отца означает ‘преисполненный добродетели’.

Термин *аав*, изначально предназначенный в монгольских языках для обозначения старших родственников класса отцов, видимо, какое-то время бытовал параллельно с *эцк*, но впоследствии был вытеснен последним.

В системе калмыцких терминов родства значимую роль играет возрастной признак, что обусловлено традицией уважительного отношения к старшим не только в пределах семьи или рода, но и социума в целом. В качестве примера можно привести такой термин, как *ах* ‘старший брат’ [Рыкин 2005]. Для обозначения младшего брата используется термин *дү* ‘младший брат’. В качестве обобщенного названия фигурирует сложное слово *ахнр-дүүнр* ‘братья’.

Некоторым терминам родства в калмыцком языке присущи дополнительные значения. Так, термин *көвүн* ‘мальчик; сын’ обозначает не только ребенка мужского пола по отношению к своим родителям, но и представителя мужского пола определенного возраста.

В заключение отметим, что выявленные нами в калмыцком эпическом тексте «мужские» лексемы, номинирующие степень родства, являются важным индикатором отношения к родственным связям, к роли каждого члена семьи в жизни рода.

Литература

Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Термины родства и свойства монголов и бурят // Алгебра родства. СПб.: Наука, 2001. Вып. 7. С. 240–248.

Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Система терминов родства и свойства в монгольских языках: сходства и различия // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 4. – Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007. С. 40–57.

Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Система родства и нормы гендерного этикета у калмыков как возможная причина изменения лексического фонда монгольских языков // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 533–534.

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального и специфического (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 183–187.

Номинханов Ц. Д. Термины родства в тюрко-монгольских языках // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958.

Омакаева Э. У. «Жангар» тууль түлхүүр үгийн толинд: ХХ1 зууны орчуулга, тайлбарын асуудлууд // Тов Азийн тууль. Симпозиум, Наадам-II. Улаанбаатар, 2013. 111–113 т.

Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. К описанию терминологии родства и свойства у калмыков // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы междунар. симпозиума. Ч. 1. Язык и литература. Элиста: КИГИ РАН, 1999а. С. 40–43.

Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Система терминов родства и свойства калмыков // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1999б. Вып. 4. С. 212–221.

Очирова В. С., Омакаева Э. У. Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком языке (на материале песенных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 1. С. 42–46.

Пюрбеев Г. Ц. Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике мон-гольского права XVIII в. «Халха джирум» // Вестник КИГИ РАН. 2013. № 3. С. 121–123.

Рыкин П. О. Семантический анализ термина *аа* в среднемонгольском языке: к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // Алгебра родства. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Вып. 9. С. 32–44.

Рыкин П. О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Серия “Урало-алтайские исследования”. 2009. № 1(1). С. 80–91.

Отмакаева Е. У. Jangar Epic in the mirror of keywords: Problems of Translation and Interpretation in the 21st century // Tuw Asiin tuuli-II. Central Asian Epic Symposium Festival-II. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 291–293.

Ю. В. Псянчин, З. М. Раемгужина
(г. Уфа, Россия)

**Ф. Г. Хисамитдинова — известный российский диалектолог, лексиколог и этнограф
(штрихи к портрету ученого-тюрколога в связи с юбилеем)**

19–21 ноября 2015 г. в г. Уфе состоялась XV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», посвященная 65-летию известного российского и башкирского лингвиста-тюрколога, общественного деятеля и педагога, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Башкортостан, директора Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН **Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой**.

К началу конференции были изданы сборник ее материалов [Актуальные проблемы диалектологии ... 2015] и новая редакция библиографического указателя юбиляра [Хисамитдинова Фирдаус ... 2015]. Надо сказать, что указанные издания очень скоро превратились в библиографическую редкость, поскольку оказались весьма востребованными в кругу отечественных ученых-гуманитариев.

Ф. Г. Хисамитдинова получила широкую известность в мире филологической науки как ведущий российский тюрколог-кыпчаковед. Научная деятельность Фирдаус Гильмитдиновны весьма многогранна, поскольку включает в себя фундаментальные исследования в области исторической фонетики, ономастики, диалектологии, этнолингвистики, мифологии и этнографии.

Началом ее большого пути в отечественной науке следует считать защиту кандидатской диссертации в 1980 г. на тему «Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении» [Хисамитдинова 1980]. В качестве ее научного руководителя выступил выдающийся советский языковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев (1921–2004).

Позже на основе кандидатской диссертации ею была подготовлена монография «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» [Хисамитдинова 1989а], которая увидела свет в 1989 г.

В качестве исследовательского материала ее монографии была выбрана лексика среднего говора южного диалекта. Основными специфическими особенностями башкирского языка следует считать отдельные явления в системе ее консонантизма. Позиция автора в этом вопросе предельно ясна: по ее мнению получается, что только «... всестороннее исследование всех особенностей системы консонант дает возможность уточнить процесс формирования башкирского языка в целом ...» [Хисамитдинова 1989а: 5], с чем мы выражаем свое согласие.

Далее Ф. Г. Хисамитдинова делает краткий обзор изучения консонантных сочетаний типа «сонорный+глухой смычный» в истории башкирского и тюркского языкознания.

Получается, что цель ее монографии — это изучение «...лишь башкирских сочетаний сонантов и глухих смычных согласных в середине слова ...» [Хисамитдинова 1989а: 11]. Но, тем не менее, обозначенный ею подход еще не означает, что автор поставила перед собой очень узкую цель.

Итак, изучение этого типа сочетаний: а) сможет помочь выяснению отдельных проблем этнической истории башкирского народа; б) сможет содействовать реконструкции системы смычных звуков в диалектах башкирского языка [Хисамитдинова 1989а: 10].

Вернемся к монографии Ф. . Хисамитдиновой «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» [1989а] и попробуем определить ее статус и значение для башкирской диалектологии. Да, действительно, нет сомнения в том, что автор Ф. Г. Хисамитдинова при работе над ней очень четко придерживалась междисциплинарного подхода, т. е. ее идеи были реализованы на стыке проблем исторической фонетики и диалектологии. Говоря по-другому, отдельные актуальные вопросы истории башкирского языка исследуются через призму исторической фонетики, где в качестве основного материала выступают сочетания типа «сонорный+глухой смычный». Эти сочетания, в свою очередь, являются с одной стороны показателями фонетических особенностей башкир — катайцев и табынцев, а с другой стороны — они выполняют еще и функции изоглосс среднего говора. В этом и есть новаторство Ф.Г.Хисамитдиновой в области диалектологии кыпчакской группы тюркских языков. Данная работа Ф. Г. Хисамитдиновой не потеряла своей актуальности и сегодня.

Ф. Г. Хисамитдинова также внесла значительный вклад и в дальнейшее развитие такого направления в башкирском языкознании, каким является отраслевая лексикология. Область ее научных интересов — это мифологическая лексика башкирского языка. Начальный этап ее работы в данном направлении относится к 80-м–90-м гг. прошлого столетия [Хисамитдинова, Шарипова 1987; Хисамитдинова 1988а; Хисамитдинова 1988б; Хисамитдинова 1989б; Хисамитдинова 1991; Хисамитдинова, Торма 1993; Хисамитдинова 1995; Хисамитдинова 1996; Хисамитдинова 1998].

Ее первая статья «Термины башкирской демонологии», написанная в соавторстве с З. Я. Шариповой, была опубликована в 1987 г. в журнале «Советская тюркология» [Хисамитдинова, Шарипова 1987]. В ней лексика демонологии впервые в истории башкирского языкознания была представлена в виде трех групп; это «...1) названия демонов, враждебных человеку (*аждаһа, албаҫты, банак, капак, дейеу, ен, иблес, мәскәй, убыр, сарпыу, шайтан, юха*); 2) названия духов, ему покровительствующих (*шурәле, ярымтык, эйә*); 3) названия духов, с которыми человек мог вступать в интимные отношения (*бисура, пәрәй/бәре/буре*)...» [Хисамитдинова, Шарипова 1987: 46; 45–50]. Всего же автором для анализа из различных источников были извлечены 20 единиц терминов демонологии. Надо отметить и тот факт, что представленная классификация является первой не только в истории башкирской лексикологии, но и кыпчаковедения. Более того, данная статья написана еще и в историко-этимологическом плане.

Сама статья явилась знаковой для отечественной тюркологии, поскольку заложила теоретические основы для дальнейшего изучения терминов демонологии как части мифологической лексики тюркских языков кыпчакской группы.

В итоге ею в 2010 г. в издательстве «Наука» был издан «Мифологический словарь башкирского языка» [Хисамитдинова 2010], куда вошло около 5000 слов и словосочетаний, связанных с мифологией башкир.

Основных этнографических работам у Ф. Г. Хисамитдиновой две: это составительские работы — «Книга башкирских заговоров. Лечебная и охранительная магия» [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006] и «Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты» [Лечебная и охранительная магия башкир...2009].

Обе работы представляют собой хрестоматии, в которых собранные и систематизированные Ф. Г. Хисамитдиновой тексты размещены в книге в форме двух больших глав: 1) «Заговоры, связанные с детьми» [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006: 4–52]; 2) «Заговоры, связанные со взрослыми» [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006: 53–161]. Далее в книге следуют три приложения: 1) список информаторов [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006:162–169]; 2) указатель населенных пунктов [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006:170–171]; 3) список мифологических персонажей [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006:172–173]. Всего в первой главе представлено 40 заговоров [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006:4–52], тогда как во второй — уже 110 [Башкорттарзың им-том китабы ... 2006: 53–161]. Все это еще раз свидетельствует о том, что у башкир заговоров, связанных со взрослыми, намного больше.

Вторая книга «Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты» [Лечебная и охранительная магия башкир...2009] претендует на статус оригинального труда по этнографии. Надо заметить, что в обоих случаях Ф. Г. Хисамитдинова выступила в качестве подготовленного этнографа-полевика. Тексты заговоров являются богатым источником для сбора терминов-мифонимов башкирского языка.

Таким образом, на сегодняшний день Ф. Г. Хисамитдинова является одним из ведущих отечественных специалистов-тюркологов в области диалектологии, отраслевой лексикологии и этнографии.

Литература

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции, посв. юбилею д. филол. н., проф. Ф. Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. 340 с.

Башкорттарзың им-том китабы: Дауалау һәм һаклау магияһы / автор-төзөүсене Ф.Г.Хисамитдинова.Өфө, 2006. 180 б.

Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты. Составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2009. 380 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении: Автореф. дис. ...канд. филол. наук (10.02.06) /АН СССР. Институт языкознания. М., 1980. 21с.

Хисамитдинова Ф. Г., Шарипова З. Я. Термины башкирской демонологии // Советская тюркология. 1987. №4. С.46–51.

Хисамитдинова Ф. Г.(а) Дух болезни Сарпыу в верованиях кубалякских башкир // Тюркология-88. Тез. докл. Фрунзе, 1988. С. 552–553.

Хисамитдинова Ф. Г.(б) Термины иранского происхождения в демонологии башкир // Взаимодействие и взаимовлияние культур на Востоке. III Всесоюз. конф. востоковедов (тез. докл. и сообщ.). М., 1988. С.43–44.

Хисамитдинова Ф. Г.(а) История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа.1989. 96 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Термины башкирской теонимии и проблема реконструкции доисламских верований башкир // VI конференция по ономастике Поволжья. Тез. докл. Волгоград, 1989. С. 137–139.

Хисамитдинова Ф. Г. Демоны болезней в традиционной башкирской этиологии // Восток. Прошлое и будущее народов. IV Всесоюзн. конф. (тез. докл.). М., 1991. С. 225–226.

Хисамитдинова Ф. Г., Торма Й. Демоны болезней в традиционной башкирской этиологии // Башкорт фольклоры. Өфө, 1993. С.95–99.

Хисамитдинова Ф. Г. Некоторые демоны болезней в традиционной башкирской этиологии // Тюркология. 1996. № 1–6. С. 75–79.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. 456 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологик лексика — башкорт тарихының сығанағы // Ағизел. 1995. № 11. С. 169–172.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкорттарза һүз магияһы// Профессор Н.К.Дмитриев и башкирская филология. Матер. конф. Уфа, 1998. С.209–210.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдинова: Библиографический указатель / Сост. Р. Г. Закирова, Г. Ю. Юнусова, Г. Г. Исхакова. Уфа, 2015. 52 с.

П. О. Рыкин
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Расщепление аффрикат в монгольском диалекте словаря *Дада юй/Бэйлу юй* (конец XVI – начало XVII в.)

Словарь *Дада юй / Бэйлу юй* (далее DY) относится к целому ряду китайско-монгольских лексикографических памятников рубежа XVI–XVII вв., которые представляют значительный интерес для сравнительно-исторической монголистики как единственные надежные источники по разговорному монгольскому языку конца минского периода. Словарь датируется

периодом между 1567 и 1603 гг. и отражает один из поздневосточносреднемонгольских диалектов того времени. В фонетической системе этого диалекта выделяются 6 аффрикативных согласных, которых можно считать аллофонами двух аффрикативных фонем, как показано в таблице (1) (маргинальные аллофоны выделены круглыми скобками):

(1) Система аффрикативных согласных в монгольском диалекте DY

Фонема	Аллофон	Определение	Фонетический контекст
/tʃʰ/	č [tʃʰ]	Глухая аспирированная палатоальвеолярная аффриката	В начале слова/ слога
	(tɕ [tɕʰ])	Глухая аспирированная альвеопалатальная аффриката	В начале слова/ слога перед *i
	(c [tsʰ])	Глухая аспирированная дентальная аффриката	В начале слова перед *ayi
/tʃ/	č̣ [tʃ]	Глухая неаспирированная палатоальвеолярная аффриката	В начале слова/ слога
	(tɕ [tɕ])	Глухая неаспирированная альвеопалатальная аффриката	В начале слова/ слога перед *i
	(z [ts])	Глухая неаспирированная дентальная аффриката	В начале слова перед *iga

Как можно видеть, структура аспирированной и неаспирированной серий полностью идентична: в каждой из них выделяется основной аллофон ([tʃʰ] vs. [tʃ]), наименее зависимый от контекста, а также два неосновных (факультативных) варианта с более или менее четкой контекстной обусловленностью, при этом второй из данных вариантов ([tsʰ] vs. [ts]) в силу крайне узкой дистрибуции обладает проблематичным или маргинальным статусом. Интересно, что дистрибуция основного аллофона каждой из аффрикативных фонем связана с дистрибуцией факультативного немаргинального аллофона отношением включения, а с дистрибуцией факультативного маргинального аллофона (насколько об этом можно судить) отношением противопоставления: так, [tʃʰ] может встречаться в тех же позициях, что и [tɕʰ], при этом имея гораздо более широкую сферу употребления, но не встречается в позиции, характерной для [tsʰ]. То же самое действительно и для отношений между аллофонами неаспирированной аффрикаты /tʃ/ — [tʃ], [tɕ] и [ts], соответственно. Впрочем, предложенный нами анализ имеет силу только в том случае, если мы признаем фонетическую самостоятельность обоих маргинальных сегментов, а не считаем их употребления банальными ошибками транскрипции.

Система (1) представляет собой частный случай расщепления протомонгольских аффрикат, как это видно на схеме (2):

(2) Расщепление протомонгольских аффрикат в монгольском диалекте DY

$$\begin{aligned}
 &*č \rightarrow \check{c} [tʃʰ]/_V \\
 &\rightarrow tɕ [tɕʰ]/_ *i \\
 &\rightarrow (c [tsʰ])/ \# _ *ayi \\
 &*č̣ \rightarrow \check{c}̣ [tʃ]/_V \\
 &\rightarrow tɕ̣ [tɕ]/_ *i \\
 &\rightarrow (z [ts])/ \# _ *iga
 \end{aligned}$$

Расщепление аффрикат представляет собой один из важных таксономических критериев, используемых при классификации монгольских языков и диалектов. В соответствии с этим критерием, выделяются идиомы, в которых имело место такое расщепление, и идиомы, где оно не произошло (см., напр. [Тодаева 1960: 26–27; Doerfer 1964: 45–47; Čenggeltei 1980: 40–41; Binnick 1987: 188; Manduqu 1992: 231; Sečen 1998: 115; Norjin 2001: 278; Qasbayan-a 2001: 261–

271; Дэлигээрма, Бо Содэ 2006: 67–70]). В общих чертах, можно выделить два основных типа расщепления — бинарный и тернарный, в зависимости от числа сегментов, на которые распалась каждая из протомонгольских аффрикат. Подавляющее большинство монгольских языков, демонстрирующих расщепление аффрикат, относится к бинарному типу. При этом следует оговориться, что бинарный тип сам по себе не является однородным и, в свою очередь, состоит из двух подтипов. Первый из них характеризуется тем, что сегменты, возникшие в результате расщепления первичных аффрикат, на синхронном уровне образуют отдельные фонемы. Таким образом, данный подтип есть основания назвать *бинарным фонематичным*. К нему относятся, прежде всего, монгольские языки центральной группы — халхаский, бурятский и калмыцкий (включая ойратские диалекты). Так, например, в халхаском рефlekсами каждого из протомонгольских аффрикативных согласных выступают сегменты двух локальных рядов — альвеопалатального и дентального, различающиеся преимущественно в зависимости от их позиции перед историческим *i или другими гласными (3а) [Poppe 1955: 110–119; Svantesson et al. 2005: 200–201; см. также: Sečen 1998: 568–573; Sečenbaɣatur 2005: 377; Baɣatur, Sodu 2009: 324–325].

(3) *Расщепление аффрикат в центральных монгольских языках*

<p>а. Халхаский *č → /tɕʰ// __ *i → /tsʰ// __ V, кроме *i</p> <p>*j → /tɕ// __ *i → /ts// __ V, кроме *i</p>	<p>б. Калмыцкий *č → /tʃʰ// __ *i → /tsʰ// __ V, кроме *i</p> <p>*j → /dʒ// __ *i → /z// __ V, кроме *i</p>	<p>в. Бурятский *č → /ʃ// __ *i → /s// __ V, кроме *i</p> <p>*j → /ʒ// __ *i → /z// __ V, кроме *i</p>
---	--	---

Расщепление по халхаской модели произошло также в старобаргутском (где, впрочем, вместо альвеопалатальных сегментов употребляются палатоальвеолярные и наблюдаются нерегулярности в употреблении рефлексов *č: [tɕʰ] свободно чередуется с [s], а [tʃʰ] является нестандартным факультативным вариантом [ʃ]) [Bousiyang, Ĵirannige 1996: 85–88; Sečen 1998: 484–485; Sečenbaɣatur 2005: 437–438; Baɣatur, Sodu 2009: 249–251], цонгольском и сартульском говорах бурятского языка, исторически диалектах халхаского типа [Бураев 1965: 122; Будаев 1965: 153; Poppe 1971: 146; Clark 1979: 16–17], некоторых ойратских говорах (синьцзянских, алшаа-эджнээ, дээд монгол) [Lüntü 1994: 17–20; Sečen 1998: 229–230; Sečenbaɣatur 2005: 272; Baɣatur, Sodu 2009: 158–160; Оунчеѳег 2009: 27–29; Balogh 2012: 181–182] и отдельных региональных вариантах монгольского языка Внутренней Монголии (авга, сунитском), объединяемых Б. Х. Тодаевой в т. н. шилингольский говор [Тодаева 1985: 107–109; Sečen 1998: 115, 129–131; Baɣatur, Sodu 2009: 86].

В других центральных языках бинарное расщепление аффрикат имеет свои специфические особенности. В калмыцком и ойратских диалектах присутствует противопоставление сегментов по звонкости/глухости, а не по аспирированности/неаспирированности, при этом неаспирированная дентальная аффриката [ts] в результате спонантизации и озвончения развилась во фрикативный [z] (3б) [Sečen 1998: 418–421; Sečenbaɣatur 2005: 404; Baɣatur, Sodu 2009: 279–280; Rákos 2012: 36–37; Трофимова 2012: 123–126]. Особый вариант бинарного фонематичного расщепления представлен в бурятском языке, где имела место спонантизация всех рефлексов общемонгольских аффрикат: *č перешел в [ʃ] и [s], а *j — в [ʒ] и [z] (3в) [Рассадин 1982: 75–77, 132–149].

Второй подтип бинарного типа отличается тем, что сегменты, возникшие в результате расщепления первичных аффрикат, на синхронном уровне образуют не отдельные фонемы, а аллофоны двух аффрикативных фонем, находящиеся друг с другом в отношениях дополнительной дистрибуции. В силу этого данный подтип может быть назван *бинарным нефонематичным*. Насколько известно, он встречается в трех монгольских языках — хамниганском, дагурском и мангуэр. В хамниганском аффрикативные согласные реализуются как альвеопалатальные только в позиции перед гласным [i], тогда как перед другими гласными они полу-

чают дентальное произношение (4a) [Janhunen 1990: 39–40; ср. также: Yu Wonsoo 2011: 30–32]. Для дагурского языка характерна ситуация, при которой палатоальвеолярные сегменты перед [i] или другими гласными переднего ряда ([e], [y]) произносятся как альвеопалатальные (4b) [Сунь Чжу 1985: 567; Engkebatu 1988: 115–116]. В языке мангуэр зафиксировано противопоставление альвеопалатальных и ретрофлексных аллофонов, выбор которых также определяется рядностью последующего гласного (4c) [Slater 2003: 26, 41, 45–48].

(4) *Расщепление аффрикат в хамниганском, дагурском и мангуэр*

<p>a. Хамниганский</p> <p>*č → [tʰ]/__ [i] → [tʰ]/__V, кроме [i]</p> <p>*j → [tɕ]/__ [i] → [tɕ]/__V, кроме [i]</p>	<p>b. Дагурский</p> <p>*č → [tʰ]/__V [+ переднего ряда] → [tʰ]/в прочих контекстах</p> <p>*j → [tɕ]/__V [+ переднего ряда] → [tɕ]/в прочих контекстах</p>
<p>c. Мангуэр</p>	<p>*č → [tʰ]/__V [+ переднего ряда] → [tʰ]/в прочих контекстах</p> <p>*j → [tɕ]/__V [+ переднего ряда] → [tɕ]/в прочих контекстах</p>

Наконец, тернарный тип расщепления достоверно засвидетельствован в одном-единственном идиоме — харчин-туметском говоре монгольского языка Внутренней Монголии. В нем имеются аффрикаты трех локальных рядов: палатоальвеолярного, альвеопалатального и ретрофлексного. Все они встречаются в общемонгольской лексике и представляют собой дополнительно распределенные варианты двух базовых аффрикативных фонем, обусловленные конкретным фонетическим окружением (5) [Цаодаобатээр 2007: 138–141, 143–150].

(5) *Расщепление аффрикат в харчин-туметском говоре*

<p>*č → [tʰ]/__ [ɛ], [œ], [u] → [tʰ]/__ [i] → [tʰ]/в прочих контекстах</p> <p>*j → [tɕ]/__ [ɛ], [œ], [u], [y] → [tɕ]/__ [i] → [tɕ]/в прочих контекстах</p>
--

Вероятно, система монгольских аффрикат в монгольском диалекте DY (далее МЯД) по своей структуре является своего рода промежуточным вариантом между бинарным (в обеих его разновидностях) и тернарными типами расщепления. Как и при бинарном фонематическом расщеплении, рефлекс протомонгольских аффрикат различаются в ней в зависимости от позиции перед историческими гласными, а не перед реальными сегментами синхронной вокалической системы языка. Как и при бинарном нефонематическом расщеплении, они представляют собой скорее аллофоны двух аффрикативных фонем, нежели самостоятельные фонемы. Как и при тернарном расщеплении, мы имеем дело с тремя локальными рядами аффрикат, но дентальные сегменты следует признать проблематичными или маргинальными, возможно, не до конца оформившимися. Складывается впечатление, что МЯД фиксирует один из начальных этапов фонетической эволюции аффрикат от бинарного типа к тернарному, при этом комбинация локальных рядов аффрикативных согласных является уникальной для монгольских языков: ближе всего она стоит к системе харчин-туметского говора, но отличается от нее тем, что вместо ретрофлексных там фигурируют дентальные сегменты. Еще одна особенность си-

стеми аффрикат монгольского диалекта DY заключается в противопоставлении основного и факультативных аллофонов, которое является нерелевантным для современных монгольских языков и диалектов, где варианты аффрикативных фонем находятся между собой в строго дополнительном распределении.

Чем же было обусловлено расщепление аффрикат в монгольских языках и диалектах? В большинстве современных исследований указывается на то, что развитие двух или трех локальных рядов аффрикативных сегментов на месте одного протомонгольского (скорее всего, палатоальвеолярного) может быть связано с иноязычным, преимущественно китайским влиянием. Так, например, в мангуэр альвеопалатальные и ретрофлексные аллофоны, судя по всему, появились по аналогии с фонологическими системами соседних китайских диалектов [Slater 2003: 38–49]. Китайское происхождение ретрофлексных и альвеопалатальных аффрикат постулируется также и для харчин-гуметского говора [Цаодаобатээр 2007: 139, 148; ср. также: Jiyang Gen Siyüing 2012: 70]. Даже в тех монгольских идиомах, в которых не произошло расщепления аффрикат, сегменты дентального, альвеопалатального и/или ретрофлексного рядов могут употребляться как заимствованные фонемы только в китайской или тибетской лексике. Такая ситуация характерна прежде всего для языков ганьсу-цинхайского комплекса. В дунсянском языке регулярными рефлексам протомонгольских *j и *č выступают сегменты ретрофлексного ряда, но в китайских заимствованиях встречаются еще дентальные и альвеопалатальные аффрикаты [Böke 1986 41, 51–52; Field 1997: 37, 40–41, 48, 75–83; Kim 2003: 349–350; Nugteren 2011: 214]. В баоаньском языке в общемонгольской лексике представлены только альвеопалатальные сегменты, а два других ряда аффрикативных согласных (дентальные и ретрофлексные) присутствуют исключительно в словах тибетского и китайского происхождения [Чэнь Найсюн 1987: 60–62; Wu Hujiltu 2003: 329; Fried 2010: 16–18, 24–26]. То же самое наблюдается и в языке канцзя, с тем отличием, что вместо альвеопалатальных аффрикат там употребляются палатоальвеолярные [Сыциньчаокэту 1999: 24, 26, 28–29]. В монгульском языке *j и *č отражаются в виде альвеопалатальных сегментов, но в отдельных общемонгольских основах также встречаются аффрикаты [ts^h] < *č, [ts] и [tʂ] < *j, более характерные для китайских и тибетских заимствований [Mostaert, de Smedt 1930: 664; Čenggeltai 1991: 75–78, 99–103; Georg 2003: 290–291]. Шира-югурский язык, занимающий особое положение в ганьсу-цинхайской группе, демонстрирует своеобразную систему из четырех локальных рядов аффрикат, которая объединяет все возможные в монгольских языках варианты аффрикативных согласных. При этом, однако, дентальные, альвеопалатальные и ретрофлексные употребляются преимущественно в заимствованиях, а в собственно монгольской лексике могут встречаться по существу лишь палатоальвеолярные сегменты [Bulučilaγu, Jalsan 1992: 90, 100–101, 110–113, 115–116].

В некоторых диалектах Внутренней Монголии, находящихся в тесных контактах с китайским языком, также имеются совершенно аналогичные явления. К примеру, система из трех рядов аффрикат (дентального, палатоальвеолярного и ретрофлексного) присутствует в чахарском и ордосском говорах, но, как и в языках Ганьсу и Цинхая, дентальные и ретрофлексные сегменты фигурируют там только в заимствованной лексике [Сунь Чжу 1985: 46, 48–50, 53; Norjin 2001: 82–84; Sečen et al. 2002: 41–42, 53; Sengge, Jin Iüi 2010: 31, 33–34, 36–37].

По-видимому, развитие альвеопалатальных и дентальных сегментов в МЯД следует сходным образом объяснять влиянием китайского языка, с которым восточносреднемонгольские диалекты имели длительные и интенсивные контакты. В пользу этого может свидетельствовать и показанная в (1) неравномерность дистрибуции аффрикативных согласных, которая выражается в том, что палатоальвеолярные сегменты, по своим фонетическим характеристикам полностью совпадающие с протомонгольскими, обладают максимальной шириотой употребления и, соответственно, минимальной зависимостью от контекста, тогда как сегменты альвеопалатального и (особенно) дентального рядов, напротив, употребляются лишь в весьма ограниченных и специфических контекстах, как если бы они сравнительно недавно проникли в фонологическую систему языка и еще не успели получить полноценную функциональную нагрузку.

В заключение имеет смысл сказать несколько слов о хронологии расщепления протомонгольских аффрикат. Вопрос о датировке тех или иных лингвистических явлений традиционно

считается одним из самых сложных в монгольском языкознании, однако в данном случае определенную подсказку могут дать сведения по исторической фонетике китайского языка. Если связывать расщепление аффрикат в МЯД с влиянием китайской фонологической системы, следует признать, что оно не могло произойти раньше появления в этой системе альвео-палатальных сегментов в результате т. н. палатализации велярных. Палатализация велярных, т. е. развитие [k^h] > [tɕ^h], [k] > [tɕ], [x] > [ç] перед [i] и [y], являлась одним из тех характерных для северных китайских диалектов фонетических процессов, которые М. Чэнь называл Великим Домандаринским Передвижением Согласных (Pre-Mandarin Great Consonant Shift) [Chen 1976: 165, 170–171]. В истории стандартной китайской фонетики она представляет собой сравнительно недавнее явление, которое произошло, по одним данным, в период между XVII и XIX вв. [Tōdō 1964: 39], а по другим, в XVI или XVII в. [Chin-Chuan Cheng 1973: 37]. Велярные перед гласными переднего ряда верхнего подъема сохранялись в ПМГХ, а также в пришедшем ему на смену нанкинском *гуаньхуа* еще в середине XIX в. [Coblin 1997a–b; 2000]. Что касается мандаринских диалектов, достоверные свидетельства о начале в них палатализации велярных относятся к рубежу XVI и XVII вв. [Chen 1976: 246, 258]. Интересно отметить, что в ДУ она предстает уже как далеко зашедший и даже близкий к завершению процесс [Рыкин 2012: 104], а это является весомым свидетельством в пользу его более ранней датировки. Как бы то ни было, ДУ представляет собой один из самых ранних памятников монгольского языка, фиксирующих расщепление аффрикат, наряду с некоторыми другими китайско-монгольскими глоссариями конца XVI–начала XVII в., на материале которых, впрочем, эта особенность нуждается в специальном рассмотрении. Таким образом, прошло весьма немного времени между формированием согласных альвеопалатального ряда в северных китайских идиомах и их заимствованием в восточносреднемонгольские диалекты, один из которых получил отражение в нашем словаре.

В. В. Салькова
(г. Элиста, Россия)

Бытовые реалии в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

Среди разнообразных жанров традиционного калмыцкого фольклора особое место занимает народный героический эпос «Джангар». Это уникальное творение, проникнутое беззаветной любовью к стране Бумба, где образно и детально показаны разнообразные стороны жизни калмыков. В эпосе дано подробное описание общественного и хозяйственного быта, жилища, одежды, пищи, нравов и обычаев народа. Концепт быт и вербализующая его бытовая лексика уже были предметом анализа калмыцких лингвистов [Омакаева 2008; Бачаева, Очинова, Мулаева 2014].

Академик Б. Я. Владимирцов отмечал, что в «Джангаре» отражается сложная кочевая жизнь, причем жизнь не только самого кочевника, но и кочевого государства. Калмыки, будучи кочевниками–скотоводами, очень бережно относились к животным, старались умножить свои стада. Мясо домашних животных (лошадей, овец, коров, верблюдов) использовалось в пищу; животные служили средством передвижения, они обменивались на сельскохозяйственные продукты, предметы украшения и роскоши [Владимирцов 1923].

Эпос также повествует о чудесах строительного искусства народа, об искусных мастерах — зодчих, резчиках, живописцах, о строителях, воздвигших повелителю Джангару величественный дворец. В описании дворца-ставки Джангара и его богатырей четко прослеживаются этнические традиции, связанные с религией. К югу от бело-купольного высокого дворца великого и славного хана Джангара располагаются его бурханы, а в самом центре расположен белый монастырь, к северу от дворца — поселился народ.

Дворцы, описанные в эпосе, как бы объединяют государя, его витязей и их семьи. Кроме функции объединения, у жилища есть и гендерно-разделительная черта, поскольку дом есть место пребывания скорее женщин, чем мужчин. Мужчины проводят большую часть времени

вне жилья: на войне, битвах, походах, караулах, охоте и т. п. В доме всегда выделяется почетное место для главы семьи и для гостей.

Во всех песнях эпоса воспеваются изобилие мясной и молочной пищи, например: *Диких степных кобылиц / Молока потоки лились; В летописях не нашлось бы подобных удач, / Вдоволь хватило также пищи мясной.*

Героический народный эпос бессмертен так же, как и его герои. Разнообразное описание образа жизни, быта, жилища, утвари, одежды (мужской и женской), доспехов и оружия богатырей, пищи, пиров и свадеб говорит о том, что эпос «Джангар» является важным источником изучения этнографии калмыков.

Литература

Бачаева С. Е., Очирова Н. Ч., Мулаева Н. М. Лексика традиционного быта калмыков в эпосе «Джангар» в национально-культурном контексте // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 10, Ч. 2: Филология. С. 106–110.

Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. СПб.-М., 1923.

Омакаева Э. У. Концепт быт в калмыцкой языковой картине мира // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. мат.-лов I Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Красноярск, 2008. С. 175–180.

Д. Сувданцэцэг
(г. Томск, Россия)

Выделительная функция запятой при обособленном определении в русской и монгольской пунктуации

В докладе ставятся и обсуждаются некоторые проблемы интерпретации статуса и функции запятой при обособленном определении в русской и монгольской пунктуации. Под обособлением понимается интонационное и смысловое выделение второстепенных членов предложения с целью придать им большую самостоятельность, особую коммуникативную значимость в высказывании.

Проблемы пунктуации тесно связаны с изучением синтаксиса. Последнее нашло свое отражение в монголистике в работах известных ученых-синтаксистов (Г.Ц. Пюрбеев [2010], Э.У. Омакаева [2011]).

Проанализируем переводы русских предложений на монгольский язык с точки зрения пунктуации.

*Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала думать. А мысли были все те же, что в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые (А. Чехов) / *Өнгөрсөн таван сарын олон шөнийг өнгөрөөсөн шигээ Надя орон дээрээ өндийж суугаад юм бодож гарав* (Пер. Р. Гүрбазар) / *Бодол санаа нь яг л өнгөрсөн шөнийх шигээ нэг л хэлбэрийн, огт хэрэггүй, сэтгэл зовоосон янзтай байлаа* (перевод наш. – Д.С.).*

При переводе с русского языка на монгольский второе предложение, где обособляются и логически выделяются в постпозиции одиночные согласованные определения, пропущено переводчиком. Возможно, переводчик столкнулся с трудностями, как передать смысл, выражаемый постпозиционными обособленными определениями, которых не существует в монгольском языке как языке агглютивного строя.

*Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой (Паустовский). *Өвлийн дундуураас өмнө нэг хүний гараар бичигдсэн захиа Потаповын нэр дээр ирдэг болов.**

*На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова (Паустовский). Потаповаас өв болж үлдсэн Архип хэмээх бор муур олбогт вандан дээр хэржигнэн унтана. *Разговоры наши любил слушать внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати* (Паустовский) Ойн манаачийн арван таван настай ач хүү Ваня Малявин бидний яриаг сонсох дуртай билээ.*

В русском языке обособляются и отделяются запятой распространенные определения, выраженные причастием с зависящими от него словами (определительные обороты), стоящие после существительного. А в монгольском языке обособленные определительные обороты не отделяются запятой. Они отделяются запятой, когда составляют однородный ряд. В русском языке обособленные обороты находятся в постпозиции определяемого или препозиции, тогда как в монгольском языке такие конструкции всегда предшествуют определяемому.

Если определения, находящиеся в линейном ряду последовательности, имеют при себе зависимые слова, то они обособляются. Интонационно-смысловое членение при помощи запятой повышает уровень восприятия его смысла содержания, т. е. в целом имеет прагматическую направленность.

Баруун өмнөх том гэрээс хөх даалимбан дээлтэй, хуучивтар луучин гутал өмссөн, сийлмэл төмөр хэт билтэй үйсэн шитэй хутга зүүсэн, гялалсан дугуй бор царайтай, тогтож ядсан давхраа алаг хурц нүдтэй, бүдүүн хар гээгэтэй хүн гарч ирээд дөнгөж тэмдэг орж байгаа үүрийн гээгэнд дөрвөн зүг найман зовхисыг ажиглан зогсов. Энэ хүнийг Итгэлт гэдэг (Ч. Л) / На рассвете из большой юрты вышел смуглый человек с хитрыми бегающими глазами. Он был в терлике из синей далембы и поношенных гутулах. На поясе у него висел нож с берестяной рукояткой. Выйдя из юрты, мужчина осмотрелся (Пер. А. Ринчинэ) / Из юго-западной юрты вышел с круглым сверкающим смуглым лицом, хитрыми бегающими глазами, с толстой черной косой, в дэли из синей далембы, одетый в поношенные обуви, носивший на поясе нож с берестяной рукояткой и с резным железным огнивом и на раннем рассвете осмотрел четыре стороны и восемь азимутов (перевод наш. – Д.С.)

Смысл контекста передан обобщенно, отсутствует точное соответствие, и более того, в переводном варианте пропущены некоторые обособленные выражения при описании внешнего вида,

Итак, обособленные определения отличаются от необособленных осложненностью своих значений, что выражается выделительной интонацией. Использование обособленных определений в монгольском языке довольно ограничено.

Анализируя примеры предложений неродственных языков, мы пришли к выводу, что обособленные определения выполняют следующие функции: повышают грамматическую самостоятельность и смысловую роль определений, выделяют выражаемый им признак, конкретизируют, уточняют содержание определяемых слов, обнаруживают дополнительную предикативность.

Литература

Омакаева Э. У. Типология моделиобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улаанбаатар: Найман од, 2011. 240 с.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд., перераб. / Ин-т языкознания РАН, КИГИ РАН, КГУ. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.

Р. А. Сулейманова
(г. Уфа, Россия)

Отражение древних верований в мусульманских личных именах

На формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы башкирского языка большое влияние оказали и культурные традиции древних тюрков.

Как отмечают многие исследователи, тюркские имена очень устойчивы. В прошлом они были более конкретными, а их значение — прозрачным, понятным. В настоящее время тюркские имена стали употребляться все реже, они сохранились в основном в фамилиях и документах.

С принятием ислама домусульманские верования, в том числе древнетюркские личные

имена, стали вытесняться. Однако «башкиры, несмотря на то, что давно приняли ислам и являются народом, принадлежащим к мусульманской культуре», до сих пор сохраняют многое из того, что называется «доисламской культурой», «доисламским» мировоззрением [Аминев 2009: 5].

Исходя из этого, представляется возможным проследить некоторые элементы языческих верований в исламе. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые древнебашкирские антропонимы (по-другому мы их называем домусульманскими именами), отражающие такие формы верований, как анимизм. Отголоски древних верований в какой-то степени наблюдаются в именах, пришедших с исламом, и занимают основное место в имянаречении тюркских народов. Имена, особенно связанные с анимизмом, нашли свое продолжение в арабских именах: например, *Тәңребирзе / Аллабирзе / Хозайбирзе; Кунай / Кунтугмуш / Шәмсетдин / Шәмси / Шәмсун*.

Верховным божеством башкиры считали небо (*Тәңре*), космос, небесные силы. Следы культа Тенгри у тюркских народов можно найти в их антропонимической системе. Обожествление *тәңре* 'небо' и всего, что находится на нем, нашло отражение в антропонимической системе тюркских народов. «Мифологическая модель мира у древних тюрков включает в себя вертикальную систему размещения антагонистических миров — «голубого мира» вверху и «бурой земли» внизу» [Благова 2001: 665].

Башк. *танры* ('Бог', 'Всевышний' 'небо') < др. тюрк *tānri* [ДТС 1969: 544], ср.: чаг. *teŋri*, турк. *tanrı*, тат. *tānre*, каз. *tanrı*, кирг. *tanır* [Благова 2001: 626]. В тюркском именнике встречаются следующие имена с данным компонентом: *Tānri berdi, Tānri beren, Tāngri Quli* [Благова 2001: 627]. В системе личных имен многих тюркских народов зафиксированы антропонимы с компонентом *тенгри*, например, в узбекском языке встречаются такие имена, как *Тангриберган, Тангрикул*, в казахском именнике функционируют имена *Тәңірберген, Тәңірбирди, Тәңіркул*, у татаров зафиксированы имена *Тангригул, Танрибика*.

Хотя имя верховного божества *Тенгри* отражает мужское начало и, казалось бы, должно даваться только мальчикам, но в башкирском антропонимиконе функционирует женское имя — *Тәңребикә*. В башкирских шежере упоминается имя Арслан бия из племени табын. У него было три сына: *Ходайбирде, Тәңребирзе, Аллабирзе* [Кузеев 1960: 157]. Как видим из примеров, 'Тәңре', 'Алла', 'Хозай' являются синонимичными культовыми словами.

Таким образом, долю культовых лексем в фонде антропонимов составляют не только имена тюркского происхождения, но и антропонимы, заимствованные из арабского и персидского языков [Галиуллина 2009: 14]. *Алла* 'Бог, Всевышний' < восходит к арабскому *Allahu* id. ~ *Хозай* 'Бог, Всевышний' < перс. *худа, худай* id.

В отличие от имяобразующего компонента *Ходай*, слово *Алла* употребляется как в препозитивной, так и в постпозитивной позициях имени. Например, в башкирской антропонимической системе зафиксированы следующие мужские имена в постпозитивной позиции: *Абдулла, Заһидулла, Зәйнулла* [Сулейманова 2013: 91, 119, 127]. Как видим из примеров, в этой позиции претерпевает изменение фонетический облик слова.

О культуре Солнца свидетельствует наличие у тюркских народов личных имен с компонентом *kün* 'солнце'. Лексема *көн* во многих тюркских языках, в том числе и башкирском, была активным имяобразующим компонентом. Так, например, в системе личных имен казахского языка встречаются такие имена, как *Кунай, Кунсака, Кунсулу*, в татарском именнике функционируют имена *Көнбирде, Көнтимер, Көнбикә*, у чувашей зафиксированы языческие имена *Кондик, Кондраш, Кондуга, Конмурза, Кундуш, Кундяк, Кунзака* и т. д.

У башкир личные имена с компонентом *көн* также отражали поклонение солнцу, которое должно было покровительствовать ребёнку.

Анализ башкирских шежере XVIII в. показывает, что даже в период активизации мусульманских имен в башкирском именнике функционировали имена *Кунай, Кунтугмуш* [Кузеев 1960: 62, 67].

В современной антропонимической системе башкир с компонентом *көн* функционируют такие женские имена, как *Көнбикә, Көннур, Көнһылыу, Көнъямал* [Сулейманова

2013: 319]. Функционирование подобных имен, конечно же, уже никак не связано с древними верованиями. В большинстве случаев в таких именах лишь отмечается, «фиксируется» время появления (днем) младенца на свет, а также ими нарекают девочек с пожеланиями красоты и нежности. Ср.: *Шәмсибанат, Шәмсибану, Шәмсибикә, Шәмсибәзәр. Шәмсибәһәр, Шәмсикамал, Шәмсикамәр, Шәмсинаһар, Шәмсиниса, Шәмсинур, Шәмсиә, Шәмсиямал*. В башкирском антропонимиконе 19 в. активно функционировали личные имена с компонентом *Шәмс* (в переводе с арабского языка означает 'солнце'). В суре «*Әш-Шәмс*» есть такие строки: *Үә-шишәмси үә духәәһә (Ант итәм Кояш менән, уның балкышы менән — Клянусь Солнцем, его сиянием)* [Коран: 924].

Таким образом, можно предположить, что антропонимы *Аллагол* (ср. *Тәңрегол*), *Аллабирзе*, *Хозайбирзе* (*Тәңребирзе*), *Аллабиргән* (*Тәңребиргән*); *Шәмсетдин* являются отражением древних доисламских верований башкир.

Литература

Аминев З. Г., Ямаева Л. А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: Дизайн-Полиграф-Сервис, 2009. 184 с.

Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте. Автореф. докт. дисс. Казань, 2009. 43 с.

Древнетюркский словарь (ДТС) / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960. 304 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М., 2001.

Коран. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. 960 с.

Сулейманова Р. А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа, 2013.

Д. Д. Трезубова
(г. Москва, Россия)

Бурятский язык: пять плюс один рецепт спасения

По данным ЮНЕСКО, с 2002 г. бурятский язык считается вымирающим. И наша задача состоит в том, чтобы переломить существующую тенденцию. Но как?

1. Воссоздаём языковую среду. «Когда языковая среда искусственно уничтожена, человек забывает язык, – рассуждает известный ученый-востоковед и популяризатор бурятского языка Ж. Б. Бадагаров. – В первую очередь, необходимо воссоздать языковую среду, главным образом – медиа». «Все баннеры нужно дублировать на бурятском, – считает ведущая БГТРК Баярма Раднаева. – Вот едет за рулем мать и видит баннер: «Та бурядаар гэртээ хэлэнэгут?». Это должно ее подвигнуть к тому, чтобы она разговаривала по-бурятски со своим ребенком».

2. Говорим по-бурятски дома. Когда каждая бурятская семья будет чувствовать «свою ответственность... То будет и эффект... – убежден замминистра образования и науки РБ Б. Б. Жалсанов. – Конечно, и школа должна помочь...».

3. Изучаем бурятский литературный язык.

Литературный язык — язык нормированный, «необходимый для общения и взаимопонимания, его должны изучать в школе» как разъясняет литературовед И. В. Булгутова. К сожалению, с этим согласны не все. Поэтому почетный член совета Центра бурятской культуры Иркутской области Б. Э. Мункожаргалов предлагает в первую очередь заняться изучением разговорного языка.

4. Изучаем бурятский разговорный язык. На протяжении восьми лет Центр проводит трехмесячные курсы по изучению разговорной речи. После их окончания проводятся экзамены и выдаются удостоверения. С конца 2015 г. выходит газета «Нютаг хэлэн / Диалекты», публикующая тексты на различных диалектах бурятского.

5. «Вспоминаем» хушин бичиг. Владея *хушин бичиг* (старомонгольской вязью), можно объяснить не только с носителями различных диалектов бурятского, но и со всем монгольским миром.

Однако, ни один рецепт не сработает без **формирования понимания необходимости сохранения языка**. Вот в чём мы видим одну из важнейших социальных функций ученых и педагогов. Ведь жизненный опыт, накопленный на разных языках мира, достоин того, чтобы его сохранить.

Н. Н. Убушаев
(г. Элиста, Россия)

Вопросы орфографии и орфоэпии калмыцкого языка

Калмыцкий язык является агглютинативным, в котором слово-, формообразовательные элементы, аффиксы механически присоединяются к неизменяемым основам или корням. Об этом также говорит Б. Б. Бадмаев в своей «Грамматике калмыцкого языка» [1966: 24]. Однако дальше он противоречит самому себе и пишет, что если склоняемые имена в винительном падеже имеют аффикс *-г*, то при наращении возвратной частицы *-ан/ -эн*, аффикс *-г* заменяют на *-h*, например, *хөн - хөөг - хөөhэн*, *темэн - темэг - темэhэн*, *така – такаг – такаhан*, *бу – бууг – бууhан* [Бадмаев 1966: 44].

Б. Б. Бадмаев здесь никак не объясняет свою вольность, замену заднеязычного смычного *-г* на увулярный проточный *-h*.

Чтобы проверить правильность написания слова в винительном падеже с возвратной частицей *-ан/ -эн*, необходимо мысленно удалить эти частицы и поставить перед ними аффикс винительного падежа *-г*. Тогда все будет логично и последовательно: – *бууг – бууган*, *такаг – такаган*, *хөөг - хөөгэн*, *темэг - темэгэн*.

Здесь можно было не менять согласных, ибо с функцией соединительного согласного прекрасно справляется *-г*, который выполняет свою естественную функцию с соблюдением гармонии гласных и гармонии согласных: *махлаг – махлагар*, *көдэг -көдэгэс*, *ги-гигэд*, *ке-кегэд*.

Согласный же *-h*, являясь по позиции артикуляции увулярным не может сочетаться с гласными переднего ряда. Отдельные примеры типа *hэ*, *hэвhэ*, *hэхул*, *hэрэ*, где наблюдаются сочетания с гласными мягкого ряда, являются результатом монофтонгизации дифтонгов.

Д. А. Павлов путает интервокальный согласный *-h* в долготных комплексах, относящихся к XIII–XIV столетиям, с современным соединительным согласным *-г*, появившимся при словоизменении. Такая вольная, никак необъяснимая замена согласных является волюнтаризмом в калмыцкой орфографии.

Сплошная замена *-г* на *-h* превратила нашу орфографию в частокор из *-h*, а сплошное произношение этого увулярного согласного огрубело калмыцкую речь.

Подобных, мягко говоря, недочетов в нашей орфографии хватает. В старописьменном монгольском языке, в старописьменном калмыцком (ойратском) языке, да и в самих письменностях не было гласного *-ы*. В современных этих языках, вернее, в их орфографиях имеются буквы *-ы*, *-ыы*.

Спрашивается: откуда и почему они появились? Ясно, что они появились из кириллицы, которой мы пользуемся. Но прежде чем ответить на второй вопрос, следует отметить, что в наших языках переднерядные гласные не смягчают, не палатализируют впереди стоящие согласные, да и последующие тоже.

Дело в том, что тембровый сингармонизм, или деление слов по рядности, в монгольском и калмыцком языках не является идеальным, поскольку помимо деления слов на два ряда имеется еще третий ряд, называемый нейтральным, потому что может сочетаться с гласными того и другого ряда.

Этот нейтральный гласный в реализации своей функции, в зависимости от того, с гласными какого ряда сочетается, может иметь разные оттенки произношения, но в любом случае это был один гласный. Однако, как говорится, знание всегда лишнее, или говоря по-калмыцки – *дегд керсү бийән бардг* ‘слишком умный – себе вредит’, тонкое, глубокое знание ученых породило новые буквы – *ы*, *-ыы*, новые правила орфографии, а *-и* все равно остался. Ведь можно было не создавать новых букв. Великие народы веками обходились без этих букв, которые затрудняют современное письмо, огрубляют орфоэпию, да и зрительно никак не воспринимаются.

Двойственный характер произношения *-ы* очень хорошо показывает Д. А. Павлов. Он говорит, что слова, содержащие гласный *-ы*, при словоизменении после *-ы* принимают аффиксы переднего ряда: *лыж - лыжэр, мал - малыһән* [Павлов 1973: 200].

Возникает вопрос: надо ли было вводить букву *-ы* для обозначения оттенка гласного *-и*, а не самостоятельного гласного? Да и сейчас еще не поздно отказаться, оставив *-ы* для обозначения редуцированных гласных твердого ряда. Гласный же *-и* пусть будет выполнять все свои веками выполняемые функции. Тогда исчезнут трудности обозначения долгих гласных удвоением *-ии*, *-ыы* в непервых слогах калмыцкого языка, где долгота передается одинарной буквой. Исчезнет разнобой в обозначении долгих гласных.

Также в калмыцком языке наблюдается сингармонизм, который может выражаться в консонантной гармонии, или, как называют, гармония согласных. Здесь заднеязычные согласные *-к*, *-г*, сочетаясь с гласными обоих рядов и выступая в роли соединительного согласного, создают гармонию согласных, которая является естественным явлением языка.

Также, как кажется, гармонию согласных может создавать увулярный согласный *-һ*, сочетаясь с глубоко заднеязычными гласными. Помимо этого увулярный *-һ* может образовать лабиальный сингармонизм; сочетаясь же одновременно с огубленными и неогубленными гласными, может создавать сингармонизм сложного характера.

Говоря об огубленных гласных сложного сингармонизма, следует отметить, что калмыцкий язык, как и старописьменный монгольский, исторически не имел в непервых слогах гласных *-о*, *ө* и согласный *-һ* сочетается только с лабиальным *-у* заднего ряда.

В небольшой статье трудно охватить все вопросы. Мы коснулись лишь тех сторон, с которыми столкнулись в ходе работы. Очень хочется, чтобы мы в своей работе подходили вдумчиво и слепо не следовали за нашими старшими коллегами.

Литература

- Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966.
Павла Дорж. Чикэр бичлһнэ толь. Элст, 1973.

А. М. Хакимьянова
(г. Уфа, Россия)

Понятие красоты в песенной поэзии башкир

В настоящее время в ряде лингвистических работ активно используется методика концептуального анализа. Особое признание она получила и в лингвофольклористике, где анализ осуществляется на базе фольклорных текстов. В фольклорно-языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в ключевых концептах, изучение которых позволяет выявить национально-культурную специфику картины мира того или иного народа. В данной статье мы рассматриваем вербализацию концепта ‘матурлык’ (‘красота’) в текстах башкирских народных лирических песен. В Словаре башкирского языка ‘*матурлык*’ трактуется следующим образом: 1. Төсө, буй-һыны менән үзенә тартып торған матур киәфәт; сибәрлек (красота, влекущая к себе внешняя красота); 2) күнелгә рәхәтлек, йәнгә ләззәт биргән сифат; гүзәллек (качество, которое дает наслаждение душе) [Башкорт теленең һүзлеге 1993: 792.].

Ядро концепта *красота* представлена лексемами *матур*, *һылыу*, но в текстах песен, кроме этих ключевых лексем, в план выражения концепта входят также близкие друг другу по

семантическому значению варианты: *гузал* (красивый, прекрасный), *йәмле* (живописный), *нәфис* (изящный, нежный), *зифа* (стройный, статный), *кушы* (нарядный, изысканный, элегантный), *күркәм* (привлекательный) и др. Эти лексические единицы содержат один общий смысловой признак, относящийся к концепту *красота*. Это характеристики внешнего и внутреннего свойства, вызывающие то или иное отношение к человеку или предмету — проявление отношения к человеку или предмету через оценку внешних данных с целью воздействия на него, причем человеку или предмету приписывается то или иное количество характеристик [Вежбицкая 1999: 512].

Любовь к Родине считается — и, видимо, вполне справедливо — неотъемлемой чертой башкирского национального характера. Мотив любви к Родине характерен для всего песенного творчества башкир [Хакимьянова 2014: 387]. Образная идеализация красоты природы в песенной поэзии башкир достаточно разнообразна. Народ возвышает красоту пейзажа, времени года, погодного явления, животных и растений. Как показывает анализ материала, при описании красоты природы родного края наряду со словом *матур* часто употребляется слово *йәмле* (красивый, живописный): *Агизелкәй буйы бигерәк йәмле, Тирә-ягы тугай булганга* (Красивы долины реки Агидель, Вокруг луговины хороши); *Илгенәйем бигерәк йәмле ине, Моңланам бит шунда кайтырға* (Родина моя ведь так красива, Я тоскую и хочу туда вернуться); *Йәмле лә генә йәмле Кызыл буйы, Зифа һылыу бәзрә талдары* (Красивы, ой, красивы долины реки Кызыл, Стройны и кудрявы тальники) [Башкорт халык ижады 1974]. Восхищение красотой родного края часто передается в форме риторического вопроса или риторического восклицания: *Матур һыузар бик күп булыр, Димдән матур һыу кайза?* (Много красивых рек на свете, Но красивей Демы где?); *Ергенәйе алтын, һыуы һалкын, Башкорт ере кеүек ер кайза!* (И земля, и воды здесь прекрасны, Где еще земля такая есть!).

Красота во все времена и у всех народов являлась качественной характеристикой женщины. В песнях женщина описывается как обладательница невиданной красоты, от которой нельзя оторвать глаз: *Бик күп йөрөп илдә, күпте күрзем, Һиндәй һылыу һирәк донъяла!* (Я много в этой жизни повидал — Как ты прекрасной не встречал на свете!) Примеры показывают, что из внешних признаков в песнях чаще всего воспевается красота лица: *Йөзөң кояшмы ни, балкып яна, Диңгез кеүек зәңгәр күззәрең / Лик твой светел, словно солнце, Очи голубые, как волна; Озон керпек күзең, нурлы йөзөң, Күрһәң ине озак ултырып / Лик лучист и длинные ресницы, Любоватся готов ей всегда.* Во внешнем облике женщин внимание акцентируется не только на лице, но и на фигуре. Например, стан молодой девушки обычно сравнивается со стройной березкой, яблоней, ивой и т. д.: *Буйкайзаның зифа, үзең күркәм, Йо-соф пәйгәмбәрзең нуры бар* (Стан твой величав, ты лучезарна, Добрый свет Юсуф-пророка есть); *Кашкынайың кара, ай, кем кеүек, Буйың зифа тутый кош кеүек* (Ты чернорова, величав твой стан, Ты словно птица — сказочные перья). Очень часто она уподобляется солнцу и луне: *Айга ла гына көнгә тиңләмәйем, Һылыулыгың, Шәүрәкәй, шул саклы* (Не сравню тебя ни с солнцем, ни луною, Ты прекрасна, Шауракай, так и знай); прекрасной девушке «завидуют» даже сами небесные светила: *Сәлимәкәй төндә йоклаганда Ай көнләшә кыйгас кашынан* (Салимакай, когда ты ночью спишь, К твоим бровям тебя ревнует месяц); *Көндөззәрен бакһа, көн ояла, Төндәрәндә тулы ай нур ала* (Если днем она взглянет, солнце стыдится, Ночами полная луна (от нее) свет берет).

Как мы уже отмечали выше, в описании девичьей красоты широко используются сравнения и эпитеты, которые являются одним из основных средств эмоционально-чувственного изображения. Например: *бал кортондай нескә билле* (с тонкой талией, как у пчелы), *ауыззаның шәкәр, телдәрең бал* (как мед, уста твои), *һары камыш кеүек, ай, бармагың* (твои пальцы, словно камышинки), *ак көмөшкә миҫал тырнагың* (ноготочки — как из серебра), *болан балаһылай үскән кыз бала* (как олененок, выросшая девушка) и т. д.

Представление о красоте девушки, женщины в народном сознании обычно связано с другими, более важными для жизни качествами. Красота мало значима без соответствующего морального облика, без чувств, без особого внутреннего мира. Сочетание красоты и ума составляет в песнях единое целое: *Буйгынайың зифа, гакылың камил, Гөлбаксала йөрөп үстеңме?* (Величав твой стан и разум светел, Где, в каком саду ты возросла?). Ум выступает

как гарант людских отношений: *Төс матурлыккайзары ғына етмәй, Акылың булһын бәндәгә ярарға (Не хватает красоты одной, Умной будь, чтоб оценил народ)*. Характер и поведение также представляют «внутренний аспект» красоты женщины. Так, в песне «Кушъяулык» («Платок») не только идеализируется внешний вид молодой красавицы, но и восхваляются ее внутренняя чистота и благовоспитанность. Внешняя красота признается источником возникновения любви. Возлюбленный (возлюбленная) лирического героя, сумевший (сумевшая) разжечь огонь в сердце егета или девушки, является воплощением красоты: *Сәлимәкәй һылыу, бик матурһың, Фашик булдым кара ла кашыңа (Салимакай, милая, ты так красива, Влюблен я в твои черные брови)*.

Красивая девушка в песнях — это умная и благовоспитанная девушка с черными дугообразными бровями (*кыйгас кара каш, кәләм каш, кара каш*), красивыми глазами (*зәңгәр күзәр, кара күзле*), длинными ресницами (*озон керпек күзе, йөз илле лә керфек йөзлө*), бело-снежной улыбкой (*тешкенәйең ынйы*), красивой фигурой (*нескә билле, зифа буйлы*). Из таких деталей слагается образ, вернее, идеал женской красоты в башкирских песнях.

К многочисленным визуальным признакам, акцентирующим внимание на внешнем облике мужчины, относятся рост, телосложение, ширина плеч, волосы, одежда и т. д.: *Үзең генә батыр, йөзөң матур, Гинең генә кеүек ир кайза? (Силен ты духом, краси лицом, Есть ли мужчина, похожий на тебя?); Кашкынайың кара, буйың зифа, Исемең әйтсе, егет, кайһы ауыл? (Чернобровый статный, Как зовут тебя, егет, далеко ль твой аул?)*. Для описания мужской красоты в песнях активно используются лексемы *егет* и *ир* в сочетании с прилагательными *матур, асыл, йәш, дан, шәп* (*красивый, благородный, молодой, славный, замечательный*) и т. д. [Хакимьянова 2014: 19]

Таким образом, красота как базовый этнокультурный концепт активно функционирует в народных песнях. Лексические единицы, выражающие этот концепт, содержат положительный оценочный компонент. Согласно народному представлению, красота мало значима без соответствующего морального облика, без чувств, без особого внутреннего мира.

Литература

Башкорт халык ижады: Йырзар / Төз., инеш һүз һәм аңл. авторы С. Галин. Яуаплы ред. К.А. Әхмәтйәнов. Өфө, 1974.

Башкорт теленең һүзлеге. Ике томда. М.: “Русский язык”, 1993. Т. 1.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Хакимьянова А. М. “Тыуған ил” (“Родина”) в башкирских народных лирических песнях // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 385–389.

Хакимьянова А. М. Башкирские народные лирические песни: поэтическое своеобразие жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2014. 25 с.

В. Н. Хонинов
(г. Москва, Россия)

Семантическая и звуковая символика имени собственного (на материале калмыцкого и тувинского языков)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-21-03002

Имя человека отличается неповторимой самобытностью, в которой отражается национально-культурная специфика, а также взгляд человека на окружающий мир и его лингвистическая картина мира.

Краткий обзор истории изучения калмыцких и тувинских личных имен позволяет утверждать, что накоплен большой фактический материал, который требует детального обследования в русле приоритетных направлений современной лингвистики. Так как антропонимические единицы активным образом участвуют в формировании языковой картины мира,

то комплексное обследование антропонимии способно внести огромный вклад в изучение истории, культуры народа, а также обогатить и другие гуманитарные науки.

Антропонимическая система того или иного народа, будучи результатом многовековой эволюции, является одним из важных компонентов культуры народа, а также составной частью национального языка.

Имена собственные являются неотъемлемой частью культуры и истории народа, отражая языковую картину мира этноса, они закрепляются в разговорной речи за конкретным лицом и превращаются в индивидуальный знак, идентифицирующий личность.

Обращает на себя внимание тот факт, что антропонимические традиции любого народа оригинальны и отличаются своей самобытностью, отражающей особенности взаимоотношения человека и окружающего его мира.

Как уже отмечалось, имя новорожденного отражает мировоззрение наших далеких предков и неразрывно связано с обычаями, обрядами, религиозными ритуалами, что обуславливает специфику имени.

Традиционно, калмыки и тувинцы, называя ребенка, придерживались следующих правил или норм:

1. основными критериями выбора имени являлись его красота, эстетичность – как в звуковом, так и в смысловом плане, хотя этот критерий субъективный. Например: калм. *Алдр* ← *алдр* ‘великий’, *Баатр* ← *баатр* ‘богатырь’, тув. *Буян* ← *буян* ‘милость, доброта’, *Алдын-кыс* ← *алдын* ‘золото’, *Шолбанмаа* ← *шолбан* ‘яркая звезда’;
2. приемлемы были описательные имена, характеризующие новорожденного, такие как: калм. *Баһ* ← *баһ* ‘маленький, мелкий’, *Харда* ← *хар* ‘черный, смуглый’, тув. *Сарыг* ‘желтый, светлый’, *Кызыл-Уруг* ‘красный; рыжий’;
3. давались имена, связанные с флорой и фауной: калм. *Кермн* ← *кермн* ‘белка’, *Харцх* ← *харцх*, *Альмн* ← *альмн* ‘яблоко’, тув. *Анай-оол* ← *анай* ‘козленок’, *Коданмай* ← *кодан* ‘заяц’, *Чойганмаа* ← *чойган* ‘пихта’;
4. широко использовались имена-пожелания: *Ут Насн* ← *ут насн* ‘долгая жизнь’, *Цаһан Хаалһ* ← *цаһан хаалһ* ‘белая (счастливая) дорога’, *Мөңкэ* ← *мөңкэ* ‘вечность; вечный’, *Мөңк Насн* ← *мөңк насн* ‘вечная жизнь’ и т.д.;
5. применялись лексемы со значением цвета и числа, имеющие сакральный характер: калм. *Тавн* ← *тавн* ‘пять’, *Зурһан* ← *зурһан* ‘шесть’, тув. *Дөртөн-оол* ← *дөртөн* ‘сорок’, *Улан* ← *улан* ‘красный’, *Цаһан* ← *цаһан* ‘белый’, тув. *Кызыл* ← *кызыл* ‘красный’;

На сегодняшний день молодые родители при выборе имени ребенку большее внимание уделяют звучности и сочетаемости его с отчеством, нежели лексическому значению и традиционным правилам наречения, что нельзя сказать о тувинцах. «У тувинцев до настоящего времени сохранились обычаи имянаречения, имеющие глубокие корни и восходящие к быту древнего народа, его верованиям и мировоззрению» [Сувандии 2004: 19].

Изучение антропонимической системы калмыцкого и тувинского языков, несомненно, представляет большой научный интерес. Мы коснулись лишь некоторых особенностей современной калмыцкой и тувинской антропонимии, но и они, как нам представляется, с достаточной убедительностью подтверждают необходимость ее изучения, как в научном плане, так и в практическом.

Литература

Сувандии Н. Д. Наречение именем у тувинцев // Материалы международной конференции «Становление и развитие науки в Туве». Кызыл, 2000.

Сувандии Н. Д. Тувинская антропонимия. Дисс. на соиск.к.ф.н. М., 2004.

**Переводческий метод Зая-пандиты: имена собственные
(на материале «Сутры Золотого Блеска»)**

Ойратский Зая-пандита Намхайджамцо (1599–1662), создатель алфавита «тодо бичиг» («ясное письмо»), является автором многочисленных переводов с тибетского языка. Среди основных канонических сочинений, которые он перевел с использованием новой письменности, важное место занимает перевод «Сутры Золотого блеска». Знаменитая Сутра была создана на санскрите и позже переведена на многие языки, в том числе и тибетский. Из существующих трех редакций, которые входят в состав тибетского канона, на ойратский была переведена краткая, которая ближе всего стоит к дошедшему до нас санскритскому оригиналу.

В списке переводов Зая-пандиты, приведенном в его биографии, «Сутра Золотого блеска» стоит пятой по порядку, названа она кратко (как и остальные сочинения): *altan gerel* 'Золотой блеск'. Её полное название *Xutuqtu dēdū altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkü yeke kölgöni sudur* 'Сутра Великой колесницы, называемая «Святая, высшая Золотого блеска, могущественный хан из собрания сутр». Переводы краткой редакции (тибетский, монгольский, ойратский) состоят из 21 главы, в отличие от санскритской, в которой 19 глав. Деление на двадцать одну главу появилось в тибетском переводе (а затем в монгольском и ойратском) за счет более дробного деления на главы при одинаковом содержании.

Переводческий метод Зая-пандиты отличают строгое следование тибетскому тексту, стремление переводить все его элементы, попытка использовать одни и те же ойратские слова для перевода одинаковых тибетских слов, что в совокупности часто приводит к отступлению от монгольских языковых норм в пользу тибетских, вплоть до искажения смысла.

Стремление следовать тибетскому тексту и переводить все тибетские слова на ойратский касается и имен собственных, которые в подавляющем большинстве переведены и в тибетском переводе, сделанном с санскрита. Перевод имен собственных отличает ойратский перевод от монгольского перевода той же редакции, который известен, в первую очередь, по тексту из Ганджура. Неизвестный переводчик на монгольский использовал запись санскритских имен монгольской графикой, а не их перевод.

Количество имен собственных в Сутре превышает 150, и они встречаются во всех главах, кроме шестой. Среди таких имен — имена будд, татхагат, бодхисатв, ханов, принцев, некоторые географические названия. Некоторые имена короткие (одно слово), другие состоят из десятка слов. С точки зрения точной передачи смысла текста, перевод имен собственных, а не их запись, важен для понимания и естественно вписывается в канву повествования. В первую очередь это касается двух глав, содержащих джатаки: семнадцатой и восемнадцатой. В первой из них, рассказывающей о том, как царевич (которым был Будда Шакьямуни) дал десяти тысячам рыб, страдающим от жажды, воду, а затем пищу и указал им путь к просветлению, все имена действующих лиц в составе имеют компонент со значением 'вода'. Однако и в других главах присутствуют «говорящие» имена. Особенно много в Сутре имен, в состав которых входит слово 'золото'. Интересно, что в санскритском оригинале в некоторых именах из главы 5 употребляются два синонима с одинаковым значением 'золото', тогда как в тибетском (и далее в ойратском) — только одно слово, поэтому в результате есть имена, различающиеся в санскритском тексте, но совпадающие в ойратском переводе.

Большой перечень имен нагов, якшей, гандхарв и некоторых других персонажей приведен в четырнадцатой главе. Многие из этих имен известны в индийской мифологии. В переводе этих имен, которые в большинстве случаев лаконичны, встречаются неточные переводы, вызванные неправильным прочтением санскритских слов при переводе на тибетский или тибетских при переводе на ойратский.

Ограниченное количество имен в ойратском переводе представлено в записи санскритских слов. Таких имен чуть больше десятка, и они делятся на две группы: те, которые вос-

производят запись санскритских имен в тибетском тексте, и те, которые уже вошли в состав ойратской лексики в записи санскритского слова и употребляются независимо от их перевода в тибетском тексте.

Подводя итог, нужно сказать, что выбранный Зая-пандитой метод дословного перевода для имен собственных представляется более удачным с позиции доступности для читателя, чем транслитерация санскритских имен.

Г. А. Ачинова, Р. Г. Саряева
(г. Элиста, Россия)

Трансформация регионального детского журнала «Байр»

Детский журнал играет важную роль в развитии ребенка. В Калмыкии сегодня выходит одно такое издание — «Байр» (если не считать газету «Байрта», изменившую недавно свою концепцию и ставшую изданием для семейного чтения). В соседнем Дагестане детских журналов больше: «Соколенок», «Детский годекан», «Орленок Дагестана». «Баир» пока не удостоился специального исследования, этим и обусловлена актуальность темы доклада.

Исследователями И. Н. Арзамасцевой [2013], Е. Е. Зубаревой и др [2004] были сформулированы требования к детскому журналу: это широта тем произведений, их реалистичность; ясная композиция, динамичный сюжет, выразительный язык, доступный текст; удобочитаемость текста, уместность и яркость иллюстрации, броскость заголовков, не мелкий шрифт; учет психологических характеристик детей; учет особенностей каждой возрастной группы; принцип гуманизма, развитие эстетического вкуса, чувства и разума; выполнение образовательной, воспитательной, коммуникативной, эстетической, гедонистической, риторической функций.

С января 1989 г., когда вышел первый номер журнала «Байр», такое явление, как республиканский детский журнал, было в новинку для калмыцкого читателя. Тираж его составлял 14500 экз. Подобную планку журнал держал и с 1990 по 1992 гг.: количество экземпляров колебалось от 13600 до вышеуказанного числа. Читали его не только в пределах республики, но и еще в 12 регионах, о чем свидетельствует объявление, данное в одном из номеров. В настоящее время отмечается значительное снижение тиража: если даже в 2011 г. тираж составлял 2650 экз., то в декабре 2015 г. — 1400 экз., в марте 2016-го — 2000 экз., в апреле 2016 г. — 1910 экз.

В первых номерах 1989-1990 гг. журнал еще публикует материалы о пионерском движении, о труде, стихи о Ленине, т. е. идеология уходящей эпохи пока еще присутствует. Постепенно она исчезает со страниц журнала, а с 1993 г. в нем появляются и религиозные материалы, например, в первом номере можно увидеть статью Н. Санджиева о символике и истории буддизма. Примечательно, что подобные работы были обширными, печатались довольно мелким текстом и сопровождалась одной-двумя иллюстрациями (так обстояло дело не только с материалами о религии). А это вряд ли привлечет дошкольника или младшего школьника, поэтому можно говорить о том, что журнал был рассчитан если ж и не на все детские возрастные категории, то, как минимум, еще и на средних школьников.

Сегодня «Байр» сохраняет такие свои традиции, как обращение к рубрике «Школа безопасности», публикации на английском языке, ознакомление читателей с фольклором калмыков и других этносов, интерактивность, конкурсы, головоломки. На каждой странице присутствуют иллюстрации, дополняющие текстовую информацию и служащие для лучшего ее усвоения. Изобразительный ряд журнала уместен и не вычурен, как бывает в некоторых журналах. В нем нет вымышленного персонажа, что характерно для детских изданий, но, как представляется, он все-таки имплицитно присутствует: об этом говорит и само название журнала (калмыцкое мужское имя *Baiр*), и нарисованный мальчик на титульной странице журнала, иногда появляющийся в рубриках, а также употребление этого имени без кавычек в рубрике «Путешествие с Байром».

Вместе с этим наблюдаются отличия журнала «Байр» настоящего времени от прошлого. Прежде всего, четкая возрастная направленность. В старых номерах журнала можно было найти материалы, предназначенные для средних или старших школьников, по соседству с публикациями для младших групп, а также для родителей. Сегодня журнал рассчитан на

младших школьников и дошкольников. Наблюдается уменьшение количества материалов просветительского характера. Ранее в журнале были статьи о религии, о деятелях культуры и т. д. Также отмечается снижение количества литературных материалов, делается акцент на развлекательном контенте. Наблюдается отсутствие собственно журналистских материалов.

По сравнению с другими российскими журналами, предназначенными для того же возраста, «Байр» выделяется не только «этническим» компонентом, но и характером материалов и иллюстраций. Но он меркнет рядом с выпусками журналами прошлых лет, что связано с изменениями требований рынка к детскому журналу. Стандарт оформления можно соблюдать и при бедности содержания, что характерно для многих детских журналов («Микки Маус», «Winx»).

Желательно ввести постоянные рубрики, информирующие об окружающем мире вообще и о происходящих в нем событиях. Не лишним было бы создать приложение для смартфона, в котором пользователи смогут оставлять отзывы, предлагать идеи. Это даст возможность журналу проводить голосования, делать видео, какие-либо другие дополнения к выпуску — таким образом можно, увеличить посещаемость сайта (который давно не обновлялся), что привлекло бы желающих дать появиться рекламе, а следовательно, средства на развитие журнала.

Литература

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. М.: Академия, 2013. 576 с.

Зубарева Е. Е. и др. Детская литература. Учебник / Под ред. Е. Е. Зубаревой. М.: Высш. шк., 2004. 551 с.

Орлова В. В. Особенности редактирования детских иллюстрированных журналов // Труды Белорусского гос. технолог. университета. Серия 9: издательское дело и полиграфия. Выпуск №9, 2012. С. 15–17.

Т. Г. Басангова
(г. Элиста, Россия)

Бытовые сказки в «Своде калмыцкого фольклора»

В калмыцкой фольклористике жанр бытовой сказки сих пор не был предметом специального изучения, хотя общепризнанно, что бытовые сказки относятся к одному из наиболее высокохудожественных образцов фольклора. Они имеют отчетливо выраженную специфику, проявляющуюся в особенностях их сюжетов, в системе образов и персонажей, в своеобразии художественно-изобразительных средств. К настоящему времени у калмыков накоплен обширный материал по сказочному творчеству. Часть его опубликована в различных изданиях, еще более значительная часть хранится в научных рукописных фондах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Обращение к данной теме исследования связано с тем, что калмыцкими фольклористами создается «Свод калмыцкого фольклора», куда войдут лучшие образцы народного творчества, в том числе и бытовых сказок.

М. Э. Джимгиров одну из глав посвятил изучению бытовых сказок [Джимгиров 1970]. В основу своего анализа исследователь взял книгу, составленную Б. О. Джимбиновым. М. Э. Джимгиров отмечает: «составитель собрал воедино» народные новеллистические и бытовые произведения, сатирическая острота которая достигается путем сознательного преувеличения». К другому подтипу бытовой сказки — новеллистической — исследователь относит сказки о приключениях и событиях в семейной и личной жизни человека. Среди новеллистических сказок М. Э. Джимгиров особо выделяет особую подгруппу — авантурные, сказки героями которых является хитрый человек, вор, путешественник, шут и обманщик. В бытовых сказках прослеживается мотив «бедной сироты» и «младшего брата». Проанализированы следующие сюжеты известных бытовых сказок, таких как «Черт и торговец», «Кедея», «Два обманщика», «Рыбак», «Старик и старуха». Сюжеты калмыцких бытовых сказок могут быть

классифицированы следующим образом: 1) о хитрых и ловких людях, ворах; 2) о мудрых отгадчиках; 3) о поисках счастья; 4) о супругах; 5) о духовных лицах. Как полагают исследователи, в бытовых сказках мало сохранились фантастические элементы, присущие другим жанрам сказки, они в своих сюжетах склонны к реальности, описывают вполне возможные события разных лет. Этими качествами бытовые сказки могут быть близки к устным рассказам, анекдотам и новеллам.

Е. Д. Мучкинова посвятила одну из работ классификации калмыцкой народной сказки. Она отмечает, что бытовые сказки, опубликованные в первом томе «Калмыцких сказок», можно разделить на две группы: сказки, направленные против социальных врагов народа, и сказки, осмеивающие пороки человека. В сказках первой группы отражена надежда на лучшую жизнь, в сказках второго типа высмеиваются пороки человека, такие как лень, жадность, скупость [Мучкинова 1970: 112].

И. С. Надбитова приводит свою классификацию бытовых сказок. К первой группе она относит сказки о мудрецах, верных и неверных женах, ко второй — сказки о ловких ворах, хитрецах и глупых людях. Перед фольклористами стоит задача составления «Указателя мотивов и сюжетов калмыцкой сказки», в том числе и бытовой. Исследователями изучены следующие сюжеты бытовых сказок: № АТ 875 – Мудрая жена, о ловких ворах (АТ 1525), о хитреце (АТ 1539) [Надбитова 2011: 248–251].

В бытовых сказках отсутствуют фантастика и вымысел, их сюжетика близка к реальности. Уже в зачине получила отражение структура калмыцкого общества — это хан, сановники, судьи, духовные лица [Басангова 2016: 300–302]. Сюжеты бытовых сказок присутствуют в репертуаре современных сказителей Ш. В. Боктаева и Т. С. Тягиновой [Манджиева 2013: 90–100; Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгэс 2011].

Литература

- Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. 104 с.
- Мучкинова Е.* «Хальмг туульс» (к вопросу о классификации) // Филологические вести № 2. Элиста, 1970. С. 112–115.
- Надбитова И. С.* Бытовые сказки калмыков // Гуманитарная наука Юга России: Международное и региональное взаимодействие. Ч. 2. Элиста 2011. С. 248–251.
- Басангова Т. Г.* Кочевая культура в бытовых сказках калмыков // Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность. Материалы российской научной конференции с международным участием. 16–19 марта 2016 г. Элиста, 2016. С. 300–302.
- Манджиева Б. Б.* Сказитель Ш. В. Боктаев и его репертуар // Новые исследования Тувы, 2013. № 1. С. 90–100.
- Тягинован Т. С.* Амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с.

Б. А. Берберов, З. А. Кучукова
(г. Нальчик, Россия)

Элементы вагантской поэтики в творчестве Аппы Джанибекова

Как справедливо отмечают современные ученые, «позитивные изменения, происшедшие на постсоветском пространстве в последней четверти XX в., содействовали развитию в науке таких направлений, как историческая антропология и социальная история» [Тетуев 2012: 33]. Научное литературоведение, являющееся структурно-содержательной частью исторической антропологии, в указанный период обогатилось множеством забытых и полузабытых по идеологическим причинам имен писателей, поэтов. К числу таких национально-культурных «возвращенцев», бесспорно, относится карачаево-балкарский поэт-самородок Аппа Джанибеков (1864–1934) с весьма оригинальным художественным языком и специфическим свойством эстетического мировидения.

Процессы, связанные с глобализацией, с особой отчетливостью обозначают общность культурно-исторических явлений на Западе и Востоке, Европе и Азии. При этом каждое явление имеет свои этнические оттенки, обусловленные фактором культурной стадиальности, географическими особенностями, народными традициями и обычаями, другими словами, «единое материальной вселенной приобретает специфический образ у каждого народа» [Гачев 2003: 32].

В данной статье на материале художественных текстов А. Джанибекова предпринята попытка исследовать преломление универсальных архетипических образов на локальном северокавказском материале.

Жизнь поэта-импровизатора А. Джанибекова пришлось на расширенное порубежье двух веков. После знакомства со стилистикой его бытия и творчества у читателя может сложиться впечатление, что перед нами абсолютный уникал, стоящий в стороне от «столбовой дороги» цивилизации. Из-за нестандартного образа жизни, оригинального мировосприятия, чудаковатых стихов поначалу хочется назвать его «альтернативным классиком», составляющим отдельную ветвь в древе национальной культуры. Однако любой читатель с системным мышлением и привычкой раскладывать региональных «уникумов» по всемирным культурным нишам, найдет много общего между «литературным портретом» Джанибекова и его зарубежными «коллегами». Не зря авторы предисловия к сборнику «По следам Калай улу Аппы» Р. Ортабаева и А. Биджиев, осторожно пытаются приписать его то к греческим фетам (безземельные общинники в древних Афинах), то к турецким меддахам (бродячие рассказчики-импровизаторы в Османской империи).

И нам, в свою очередь, видится много общего между художественным феноменом Джанибекова и вагантской культурой, если учесть, что атрибутивными признаками ваганта являются «добровольное выпадение из общественной системы», «культ дорог», «сочинительство». При этом никого не должна смущать аристократическая фамилия Джанибекова, по М.М. Гаспарову, ваганты как раз чаще всего были выходцами из высшего сословия, принадлежали ему «плотью и кровью», но его же нещадно и бичевали [Гаспаров 2003].

Удивительным образом кавказская этнокультурная среда внесла свои поправки в «вагантскую» природу Джанибекова: да, он странствует, но гордо восседая на породистом скакуне. Да, он аскет, но при этом носит нарядный национальный костюм. Да, он неимущий, но не попрошайничает, а, наоборот, требует к себе, как к гостю, величайшего уважения и почета. Вообще, весьма интересно, как Джанибеков умело и на свой лад воспользовался привилегиями, которые давал кавказский институт гостеприимства. Вольно или невольно каждый хозяин сакли или кошары вынужден был принять странствующего поэта достойнейшим образом, потому что перед ним, в первую очередь, был «кунак». Кавказскому ваганту в отличие от его европейских собратьев повезло: он полностью занял социокультурную нишу «культа гостя», которая разом решала все его бытовые проблемы, связанные с ночлегом, пропитанием и потребностью в культурном общении.

Переходя от описания его социального статуса к творчеству, отметим, что тема гостеприимства у него одна из приоритетных. Поэт почти всегда детально описывает реакцию хозяев на его появление в доме (кошаре), «гастрономию» вплоть до указания заколотого в его честь животного (баран, коза), количества сваренных яиц, качества хычинов и т. д. Иной раз читатели могут даже раздражать необоснованные, далекие от скромности, «кулинарные» претензии гостя, который, к несчастью для хозяев, свою критику тут же отчеканивает в звонкий сатирический стих, чаще всего с упоминанием конкретных имен-фамилий прижимистых хозяев.

Все дело в том, что стол для Джанибекова не просто набор продуктов питания, это своего рода этико-метрический текст, показывающий уровень человеческого в человеке. Переходя от одного дома к другому, странствующий поэт испытывает хозяев на щедрость души, на их способность не утаивать богоданные блага, а делиться с миром. Богат не тот, кто обладает многим, а тот, у кого душа богата и ладонь раскрыта. Сам он ни обжорой, ни чревоугодником не был, но ему важно было вычислить индекс альтруизма соплеменников.

В высшем философском смысле качество пиршественного стола для поэта является антропологической мерой, мерой уважения человека к человеку вообще, безотносительно к его общественному статусу. Недаром он подтрунивает над Тазартуковыми, которые сначала снисходительно отнеслись к умствующему пилигриму (калмыцкий чай, лакумы), но, узнав в нем именитого остролова, переменились в лице и предложили «царский» прием (ягненок, запеченный в углях). Конечно, наблюдательный поэт подмечает и фиксирует истину о том, что «скорее бедняк поделится последним, нежели богач – излишеством». Все эти парадоксы, связанные с общественным лицемерием, с внутренней и внешней сутью человека, хорошо описаны в мировой литературе. Достаточно привести пример из Генри Торо: «Соорудите чучело, наденьте на него самое лучшее платье, сами же встаньте рядом и вы увидите, что прохожие будут здороваться с чучелом, а не с вами» [Торо 1979: 189]. Здесь на ум приходит и другая интертекстуальная параллель, связанная с кораническим образом пророка Хызыра (Ильяс), который в образе нищего приходит к людям, чтобы испытать на прочность их духовно-нравственные качества. Вслед за великими мудрецами карачаевский поэт призывает не делить людей на большие и малые величины, уважать каждую личность.

У Аппы Джанибекова совершенно определенная концепция эмансипированного человека, связанная, в первую очередь, с внутренней свободой. Лично для него категория свободы настолько важна, что он даже не обзаводится семьей. Весьма остроумно, не без иронии поэт описывает «прелести» семейной жизни в стихотворении «Юйдегиленсем» («Если я женюсь»)¹.

Кеси отоумда джашарма,	В своей комнате буду жить,
Кеси орнумда джатарма,	В своей постели буду спать,
Кеси отумда джылынырма,	У своего очага буду греться,
Кеси хантымы ашарма, -	Свою пищу буду есть, -
Алаймыды? Огъай.	Думаете, так? Нет.
Къатын алсанг, ал къолунга балта,	Если женишься, бери в руки топор,
Башынга уа – хата.	А на свою голову – беду.

[Ортабайланы, Биджиланы 1995: 43].

«Кесим» (я сам) – ключевое слово в художественной антропологии Джанибекова:

Тылмач керек болмайды	Я не нуждаюсь в переводчике,
Хар джерде меннге,	Где бы я не был,
Джол уста излемейме,	Не ищу проводника,
Мен базама кесиме.	Полагаюсь только на себя.

[Ортабайланы, Биджиланы 1995: 41].

Шапка издревле на Кавказе символизировала самостоятельность мужского ума, духовную независимость, выраженное человеческое достоинство. Джанибеков высказывает презрение к авторитетам, и, подчеркивая собственное личностное начало, пишет:

Беркюм мени башымда,	У меня на голове шапка,
Оноууму бермезме!	Свое право решать я никому не дам!

[Ортабайланы, Биджиланы 1995: 68].

В той же стилистике поэт устраивает «шапочный разбор» недостойному поведению горца в стихотворении с примечательным названием «Кечеги беркдю сеннге табы» («Тебе больше подходит ночной колпак»).

Къазма чычхан, бухар беркню	Самец крысы, бухарскую шапку
Нек къаблагъанса башынга.	Зачем водрузил на голову?
Джарашмайды кезюнге, къашынга,	Она не идет твоим глазам, твоим бровям,
Кечеги беркдю сеннге табы.	Тебе больше подходит ночной колпак.

[Ортабайланы, Биджиланы 1995: 104].

¹ Все подстрочные переводы на русский язык выполнены авторами статьи.

Поистине это четверостишие по глубине филологической мысли и красоте ее художественного выражения может быть причислено к шедеврам мировой поэзии.

Идеей сохранения «человеческого в человеке» продиктовано частое обращение Джанибекова к зооморфным образам:

Эт-джен кьошум деб махтандым	Плоть от плоти мои -
Ол хали керекли джашлагъа,	Эти невоспитанные юноши,
Ушаб кьалалла маллагъа,	Не уподобляйтесь животным,
Къарнашча кьоркъмай айтдым.	По-братски, не боясь, я сказал им.

[Ортабайланы, Биджиланы 1995: 126].

В стихотворении «Ол рысхыдан не келеди?» (Какая польза от богатства?) поэт сравнивает бездуховную деятельность меркантильных «нуворишей» Карачая с суетливым бегом собак [Ортабайланы, Биджиланы 1995: 102].

По мнению автора, далеки от совершенства полуграмотные священнослужители, бессмысленно произносящие арабские сакральные тексты. Такого рода лже-проповеди сатирик сравнивает с «криком осла» [Ортабайланы, Биджиланы 1995: 106]. Девушку, проявляющую во время танцев свой дикий нрав, сатирик уподобляет «армянской кошке» («Эрмен киштик») [Ортабайланы, Биджиланы 1995: 122]. Всеми этими анималистическими сравнениями А. Джанибеков предохраняет личность от утери человеческого начала, отката назад к «миру животных».

Своими редкостными нравственными качествами Аппа Джанибеков напоминает известную плеяду «свободных людей» в мировой культуре, которые с самого рождения хотели жить по законам своего внутреннего Я, а не отбывать социальную повинность в этом сложном и прекрасном мире. Стойкое нежелание народного поэта жить в «смирительной рубашке» общественных предубеждений естественным образом оборачивалось конфликтом с властями, этапированием в Сибирь, тюремными застенками.

К сожалению, во все времена участь изгоя, изгнанника достигала тех вольнодумцев, которые видели и понимали больше, чем обычные люди. В то же время эти независимые личности, способные жить вразрез с социальными стереотипами, раздвигали бытийное пространство человечества, расширяли сознание, дарили людям чувство внутренней свободы. Такие люди, как Аппа Джанибеков своей жизнью, своим творчеством «подготавливают прорыв к новому, более высокому, более совершенному состоянию» [Борев 1975: 86].

Мы все сегодня должны жить, мысленно ожидая прихода в гости великого златоуста Карачая. Если он появится на пороге нашего Дома, какие ценности материального и духовного порядка мы сможем ему предъявить? Смогут ли нынешние горцы Кавказа вдохновить его на создание одических стихов или нам всем придется, сгорая от стыда, слушать сатиру?

Литература

- Борев Ю. Б. Эстетика. М., 1975.
Гаспаров М. М. Словарь средневековой культуры. М., 2003.
Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М., 2003.
Ортабайланы Р., Биджиланы А. Къалай улу Аппаны ызын ызлай. Черкесск, 1995.
Тетуев А. И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. 2012. С. 33–42.
Торо Г. Уолден или жизнь в лесу. М., 1979.

Калмыцкие народные сказки в фонограммархиве КИГИ РАН

Устное народное творчество калмыков привлекало внимание у ученых-востоковедов. Сразу после восстановления Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории (1960 г.) началась работа по публикации, изданию, собиранию калмыцкого фольклора. Первая экспедиция состоялась в 1962 г., в исследование были вовлечены калмыки, проживающие в Астраханской области. Ученые исследовали также фольклор, язык и этнографию иссык-кульских калмыков [Басангова 2009: 51–53].

В 1962 г. была создана фонотека Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН), в которой хранится около четырехсот магнитных лент. В 1960–1990 гг. упорядочением фонотеки НА КИГИ РАН занималась его заведующая Е. Г. Бембеева. Ею были составлены описи звукозаписей фольклора из фонда № 16 [www.tuva.asia].

В 1967 и 1968 гг. под руководством М. Э. Джимгирова был проведен сбор фольклорного материала в Юстинском и Яшкульском районах. В экспедиции принимали участие Кичиков А. Ш., Джимгиров М. Э., Убушаев Н. Н., Бадмаев А. В., Улюмджиева З. Б., А. Л., Джамбинова Р. А., Мучкина Е. Д. и др. В 1970 г. состоялся очередной выезд сотрудников института в Городовиковский, Целинный, Приозерный, Ики-Бурульский и Юстинский районы [Горяева 2011: 15–16].

В ходе экспедиций по районам республики учеными Калмыцкого НИИЯЛИ были записаны репертуары исполнителей сказок С.-Г. Г. Очирова (Каспийский р-н), Н. К. Тюрбеева (Юстинский район), А. Д. Утнасунова (Яшкульский р-н), О. Манцаева (Ики-Бурульский р-н) и др. [Ф. 16. Оп. 1. НА КИГИ РАН]. В сказках, легендах, преданиях и коротких рассказах переданы многовековой опыт житейской мудрости, наставления потомкам, воспитание лучших черт национального характера. По словам сказителя Н. К. Тюрбеева, каждая пословица имеет свою историю, которая рождает сказку. В «Улгүрмүдин тууж» «История пословиц» он раскрывает глубинный смысл, который кроется в каждой сказке. Смысл сказки «Күмн–эмтнэ кел меддг залу» «Мужчина, знающий язык живых существ» сказитель объясняет следующим образом: «Счастье дается свыше, и никто не в силах отнять его у другого. Нельзя обмануть судьбу» [Ф. 16. Оп. 1. НА КИГИ РАН].

В 2009 г. в Институте на базе отдела фольклора и джангароведения в целях сохранения записей устной традиции калмыцкого народа конца XX в. и фиксации современного фольклорного материала была создана Лингвофольклорная лаборатория. Также решалась задача создания научного архива современного уровня [Манджиева 2011: 177–182].

Учеными КИГИ РАН ведется работа по созданию фольклорных баз данных и включения фольклорных произведений в Национальный корпус калмыцкого языка [Куканова 2013]. О проблемах разработки и использования электронного каталога и электронной библиотеки фольклорных материалов, в т. ч. сказочных текстов, писали Э. У. Омакаева [2001], Э. У. Омакаева и С. С. Бадмаева [2001], Т. Г. Басангова и А. А. Бурькин [2013].

Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН изданы сборники фольклорных материалов в серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»): «Сказки Санджи Бутаева» («Бутан Санжин туульс») [2008], «Хранитель мудрости народной» – Ш. Боктаев» («Алтн чеежтэ келмрч») [2008], «Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой» «Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс» [2011], «Сияющая жемчужина» («Герлтсн сувсн») [2012]. Имеются публикации, посвященные изучению калмыцких народных сказок, легенд и мифов [Манджиева 2011; Осорин 2015]. В фонограммархиве также сохранились редкие записи детского фольклора калмыков [Басангова 2009].

Важнейшие задачи фольклористов — компьютеризация фольклорных фондов, оцифровка всех видов носителей: бумажных, фото-, аудио- и видеоматериалов. В настоящее время в Институте обработана и систематизирована большая часть материалов, записанных на 80 ленточных кассетах, в Лаборатории информационных и компьютерных технологий КИГИ РАН

ведется работа по расшифровке фольклорных материалов Фонда № 16, опись № 1, который содержит аудиозаписи 1962–1978 гг.

Сбор, хранение фольклорных материалов, их публикация и исследование, введение в научный оборот остаются одним из ведущих направлений работы.

Источники

Опись № 1 (1962–1977 гг.) // Научный архив КИГИ РАН. Фонд № 16.

Литература

Басангова Т. Г. К вопросу формирования полевой фольклористики в Калмыкии // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Мат-лы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2009. С. 51–53.

Басангова Т. Г., Бурыкин А. А. Новые ресурсы в фольклористике: опыт разработки и использования электронной библиотеки сказочных текстов. Вестник КИГИ РАН, 2013. С. 74–77.

Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 96 с.

Борлыкова Б. Х. Об аудиозаписях калмыцких народных сказок в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. [Электронная версия] // URL: www.tuva.asia (дата обращения: 20.07.2016).

Буутан Санжын туульс / сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. (На калм. яз.).

Герлтсн сувсн / Вступ. ст., предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 230 с. (На калм. яз.).

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б. Оцифровка калмыцких фольклорных произведений: Вызовы и решения // Участие калмыков в укреплении российской государственности. Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию рос. госуд-ти и Году рос. истории. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 123–129.

Манджиева Б. Б. Фольклорное наследие калмыков: сохранение, изучение, популяризация на современном этапе. Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (13). С. 100–104.

Манджиева Б. Б. Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов // Вестник КИГИ РАН № 1, 2011. С. 177–182.

Омакаева Э. У. Электронный каталог фольклорных материалов научного архива КИГИ РАН // Тез. 4 Межд. конф. «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы». М., 2001. С. 7.

Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. О создании базы данных по калмыцким волшебным сказкам // Тез. 4 Межд. конф. «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы». М., 2001. С. 8.

Осорин У. Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ (на калм. яз.) / отв. редактор, автор предисловия Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.

Тягинован Т. С. Амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Элиста: НПП «Джангар», 2011. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. (На калм. и рус. яз.).

Б. Х. Борлыкова
(г. Элиста, Россия)

Музыкальный инструмент домбра в этнографии и фольклоре калмыков

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-24-03005 а(м)*

Важнейшей составной частью музыкального фольклора калмыков являются музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Конструкция, ладово-акустические, исполнительские возможности музыкальных инструментов отражают социокультурную, этническую, природно-географическую среду их бытования, художественные вкусы, мастерство создателей и исполнителей.

Традиционные калмыцкие музыкальные инструменты и инструментальная музыка калмыков рассматривались в работах М. Л. Тритуза [1965], Н. Л. Луганского [1987], Э. У. Омакаевой и Н. Б. Бадгаева [1989], Г. Ю. Бадмаевой [1999], К. В. Кутушовой [2001], Б. Х. Борлыковой [2012, 2014] и др.

Наиболее распространенным на сегодняшний день музыкальным инструментом калмыков является домбра (*калм. домбр*). Традиционный музыкальный инструмент домбра -- двухструнный щипковый инструмент, имеющий корпус обычно грушевидной формы и гриф с 7-8 навязными ладами. Длина инструмента -- 1000-1200 мм.

В настоящем докладе рассмотрим домбру в аспекте этнографии и фольклора калмыков. «Для изготовления корпуса калмыцкой домбры использовались разные породы дерева: клен, ива, береза, акация, но чаще всего тутовое и абрикосовое деревья, в редких случаях домбру мастерили из сосны» [Луганский 1987: 27]. Струны применялись жильные, они изготовлялись из бараньих кишок. Современный реконструированный инструмент имеет треугольную форму и гриф с 19 ладами, которые разделяются деревянными (металлическими, костяными) порожками. В качестве струн применяются рыболовные лески. Калмыцкая домбра имеет две разновидности строя: квартный и квинтовый.

Сведения о существовании домбры в быту у калмыков дошли до нас в записях путешественников, в трудах ученых: П. С. Палласа ««Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Volkerschaften» (1776–1801), «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1809), Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (1834), П. Небольсина «Очерки быта калмыков» (1852), И. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков» (1893) и др.

Одно из первых по времени кратких описаний калмыцкой домбры содержится в фундаментальном труде П. С. Палласа «Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Volkerschaften» (1776–1801). Он пишет, что «у калмыков лучшие музыканты — девушки, почти все умеющие играть на двухструнной лютне (Laute), называемой домр (Dommer). Струны провололочные или кишечные, настроенные в унисон» [Pallas 1776-1801: 150].

Подробное описание калмыцкой домбры и игры на ней оставил И. Житецкий: «Музыкальный инструмент, под игру которого производятся танцы, — это «домбыр». «Домбыр» имеет большую аналогию с великорусской балалайкой, хотя форма ее более разнообразится, чем последняя. Устройство ее такое: к невысокому ящику 3-х угольной или закругленной формы приделана длинная ручка, так что весь инструмент в длину бывает 1 аршина. Струн в домбре две — бас и прима, настроенные в унисон: на ящике струны привязываются к колышкам и поддерживаются, как в скрипке подставкой («тепке»), а на ручке натягиваются двумя колышками («чикен») вдоль ручки расположены 8 ладов («берне»), навязанных из струн.

Судя по тому, как часто домбра упоминается в калмыцком устном народном творчестве, можно говорить, насколько она была распространена и любима в народе. Достаточно вспомнить содержание калмыцких загадок:

Хулһр кер ажрһ
Унһн дааһн дуута (домбр)

Чикн чинь делдн,
Нүдн чигн улан (домбрин айс)

Чиндһн чишкж,
Чикинь мошкж (домбр)

*Корноухий гнедой жеребец
имеет голос однолетнего и двухлетнего
жеребенка (домбра)*

*И уши ее отворочены,
И глаза ее красны (мелодия под аккомпанемент
домбры)*

*Закричал кролик,
Уши ему закрутили (домбра)*

Из текстов лирических песен можно узнать о строении и звучании домбры. В песне «Аакин куукн Котуш» («Дочь Котуш») дается описание грифа инструмента, его строения и формы, а также материал, из которого он изготовлен.

Долан бернтэ домбрнь гинэ Дордын хотн дунднь күңкнэд бээнэ.	<i>Домбра с семью ладами Звучит в нижнем хотоне.</i>
<i>Зурхан бернтэ</i> домбрнь гинэ, Зуурк захин хотнд күңкнэд бээнэ. [109-110]	<i>Домбра с шестью ладами Звучит в крайнем хотоне.</i>
Харһа иштэ домбринь гинэ Харһа басин үүднднь жиңнэд бээдмб.	<i>Домбра с сосновым грифом Звучит у дверей деревянной изгороди.</i>
Гедгр иштэ домбрнь гинэлэ Герин тал дунднь күңкнэд бээдмб?	<i>Домбра с изогнутым грифом Звучит посреди дома.</i>

В текстах песен «Эвэн көвүн Бадм» («Сын Яви Бадма»), «Шарлдан Гавн» («Шарлдаев Гаван»), «Байрин дун» («Песня счастья»), «Шин дун» («Новая песня») описывается звучание домбры: **Күңкнсн дуута** / Домбринь гинэ (*Со звучным звуком домбра*) [56], Эркэр гинэ, өссн Ноһан гинэ / **Еңсген домбртнь** орулад цокад бээнэ (*Нежно воспитанная Ноһан, играет на домбре с мелодичным звуком*) [83], **Жиңсн дуута домбртнь** гинэ / Жирн жилдэн нерэдэд келж бииллэв (*Под домбру со звонким звуком, Шестьдесят лет пел и танцевал*), **Көндэ дуута** модн домбр гинэ / Көгинь орулад цокхла [107] (*Деревянную домбру с пустым звуком, настроив играть*), **Жиңнич, жиннич домбрм** / Жирһлтэ айсар күңкнич (*Звени, звени моя домбра, звучи мелодией счастья*) [114].

Таким образом, из приведенных примеров видно, что в материалах по этнографии и фольклору калмыков сохранилось много подробных описаний струнно-щипкового инструмента — «домбры». В дальнейшем предстоит более полное и всестороннее исследование калмыцких музыкальных инструментов.

Литература

- Бадмаева Г. Ю.* Калмыцкая музыка в контексте культур Азии: Вып.1. Музыкальные традиции буддизма; Вып.2. Музыкальный инструмент в культуре калмыков и народов Азии: учеб. Пособие / каф. ист. зарубеж. музыки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М., 1999. 48 с.
- Борлыкова Б. Х.* Калмыцкая музыкальная терминология. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 179 с.
- Борлыкова Б. Х.* Домбра в инструментальной музыке калмыков // Ногайцы: XXI Ногайцы: век. история. язык. культура. от истоков - к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. Черкесск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева (Карачаевск), 2014. С. 374–378.
- Кутушова К. В.* Евразийский ренессанс музыкальной культуры калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 125 с.
- Луганский Н. Л.* Калмыцкие народные музыкальные инструменты. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1987. 63 с.
- Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б.* Калмыки (ойраты) в инструментальной музыке казахов // Инструментальная музыка народов Поволжья, Урала и Сибири (по полевым и архивным материалам). Докл. и сообщ. Всесоюзной конф. Йошкарала, 1989. С. 25–27.
- Тритуз М. Л.* Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка, 1965. 110 с.
- Pallas P. S.* Sammlungen histor. Nachrichten über die Mongol. Völkerschaften. СПб., 1776–1801. Т. I.

Символика образа орла в лирике китайского периода Валерия Перелешина

Орел — один из орнитологических образов в русской литературе. Его символика основана на славянской мифологии и фольклоре.

У Валерия Перелешина, представителя первой волны литературы русской эмиграции, образ орла — среди главных орнитологических образов. В стихотворении поэта «Совершенство» (1936) года «орлиный равнодушный глаз» [Перелешин 1989: 41] мотивирует дальнорукость, к которой стремится лирический герой, стараясь разглядеть с высоты все, что есть на свете. Образ орла как символ России предстает в стихотворении «К Польше» (1940) [Перелешин 1987: 39]. Поэт из польско-белорусского рода был озабочен судьбой Польши во второй мировой войне. В контексте стихотворения «Предсказание» (1940) автор сравнил орла с гордым и отважным человеком: символическое значение свободолюбия, храбрости, жизненной силы, возвышенной мечты. Те же «гордые орлиные мечты» [Перелешин 1989: 49] упоминаются в стихотворении «Над еврейской библией» (1937). Тема христианского смирения в стихотворении «Ниобея» (1941) перекликается с мотивом безрассудного орлиного полета [Перелешин 1989: 91].

Противопоставление бойца, царя и орла есть в стихотворении «Утром» (1942), где лирический герой сравнил себя с печальным растением, растущим сквозь камни [Перелешин 1987: 64]. В стихотворении «Бездна» (1943) орел наделяется семантическим значением силы [Перелешин 1987: 73].

Образ орла в «Последнем лотосе» (1943) связан с темой эмиграции [Перелешин 1968: 14] и имеет традиционное значение свободы: ее нет теперь у русских эмигрантов.

Следовательно, символические значения образа орла в лирике китайского периода Валерия Перелешина выражают в славянских традициях свободолюбие, храбрость, мечту, жизненную силу, гордость, свободу, Россию.

Литература

- Перелешин В. Ф. Русский поэт в гостях у Китая 1920–1952. The Hague: Leuxenhoff Publ., 1989. 214 с.
Перелешин В. Ф. Три Родины: десятая кн. стихотворений. Париж: Альбатрос, 1987. 165 с.
Перелешин В. Ф. Южный дом: пятая кн. стихотворений. Мюнхен: Изд. автора, 1968. 47 с.

М. В. Галимеева
(г. Элиста, Россия)

Женщина в калмыцкой семье (на примере калмыцких пословиц и поговорок)

Пословицы и поговорки выражают народную мудрость, богатейший опыт предыдущих поколений, нравственно-эстетические ценности народа. Дидактический смысл калмыцких пословиц и поговорок — «жемчужин народной мысли» — до сих пор не потерял своей актуальности. Вместе с тем следует заметить, что этот удивительный жанр с точки зрения антропоцентрической парадигмы современной науки о языке и устного народного творчества до сих пор относится к малоисследованной области калмыцкой фольклористики.

О. В. Магировская считает, что содержание пословиц специфично. Все вместе взятые они отражают жизнь полнее, чем какой-либо другой жанр фольклора. Тематика произведений других жанров (сказок, былин, исторических песен) в той или иной степени ограничена, а тематика пословиц буквально безгранична [Магировская 2005: 207].

Кочевой образ жизни, участие калмыцких воинов в многочисленных войнах, многовековая борьба за свою независимость наложили свой отпечаток на формирование характера, функциональных обязанностей калмыцких женщин.

В первую очередь, в калмыцких пословицах и поговорках женщина — хранительница домашнего очага: *Күүкд күн сун эҗирһдг, залу күн йовн эҗирһдг* (Женщина наслаждается домашней жизнью, а мужчина — походной). Женщина — хорошая хозяйка: *Күүкд күүнэ сээг гертнь одад мед, залу күүнэ сээг мөрн деер мед* (Хорошие качества женщины определяют, войдя в дом, хорошие качества мужчины определяют при езде верхом). Женщина — продолжатель калмыцкого рода: *Күүнэ экн — ээж, усна экн — булг* (Начало людей — мать, начало воды — родник). Женщина — мать, которая заботится о детях, занимается их воспитанием: *Аавин сурһмж алтын, ээжин сурһмж эрднь* (Отцовские наставления словно золото, а получения матери — драгоценность). Женщина должна быть красива изнутри: *Көләрн тәәлдг һоста бол, үгәрн болдг гертә бол* (Займай сапоги, которые снимались бы легко, заведи жену, которая была бы послушна).

Родственники по линии матери считаются более родными и близкими, нежели со стороны отца: *Экин элгнд сууһад һар, эцкин элгнд зогсҗаһад һар* (Навещая родственников по матери, уходи, немного посидев; навещая родственников по отцу, уходи немного постояв).

Идеальная калмыцкая женщина должна следить за хозяйством, содержать дом в чистоте, быть рукодельницей, воспитывать детей, быть немногословной и покорной, почитать мужа и родственников.

Литература

Калмыцкие пословицы и загадки. На калмыцком языке / сост. Букшаев Б. Д., Мацаков И. М. Элиста, 1982. 251 с.

Магировская О. В. Когнитивные особенности пословиц и загадок как единиц вторичной номинации // Филология и культура: Мат-лы V Международ. науч. конф. 19–21 октября 2005 года/ Отв. ред. Т. А. Фесенко; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. 592 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост. Б. Х. Тодаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Родники народной мудрости / сост. Оконов Б.Б. Элиста, 1984. 112 с.

Б. Б. Горяева, В. В. Куканова
(г. Элиста, Россия)

Традиционные формулы сказочного текста (на материале записей Г. Й. Рамстедта)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/а(р)

Известный ученый Г. Й. Рамстедт во время поездки в Калмыцкие степи в 1903 г. собрал обширный фольклорный материал [Рамстедт 1903: 13]. Зафиксированные исследователем сказки были изданы в двух частях [Kalmückische Sprachproben 1909; 1919]. Именно калмыцкие сказки в записи Г.Й. Рамстедта и выступили в качестве материала нашего исследования.

Среди прочих волшебные сказки выделяются единством композиции и устойчивостью стилистических средств, в число которых входят традиционные формулы (инициальные, медиальные и финальные).

В отечественной фольклористике зачин и присказку принято считать инициальными (начальными) формулами сказки. Зачин начинается сказку и является ее обязательным компонентом, присказка не связана с содержанием сказки, и ее исполнение не всегда обязательно. Касаемо присказки полностью согласимся с М. Э. Джимгировым в том, что «наблюдаемая в русской волшебной сказке присказка – «шутливая прибаутка» – не связанная с сюжетом сказки, которой привлекают внимание слушателей, начиная рассказывать ее, в калмыцкой отсутствует» [Джимгиров 1970: 32]. Волшебные сказки, зафиксированные Рамстедтом, начинаются зачином, который вводит в сказочный мир и знакомит с героями сказки: «Давно было, жили старик и старуха, было у них двое сыновей» (Кезәнә санж, эмгн өвгн хойр санж, хойр көвүтә санж) [Kalmückische Sprachproben 1909: 29]. Отметим, что в сборнике сказок Г. Рамстедта в зачине встречается только форма *санж* (состоящая из причастной формы омерт-

велого глагола бытия и формы соединительного деепричастия от того же глагола), хотя на материале калмыцких волшебных сказок больше всего примеров дает инициальная формула времени «Кезнэ бээж» («Было это давно») [Горяева 2011: 77].

Среди формул особое место занимают медиальные формулы, подразделяющиеся на внешние и внутренние [Рошияну 1974: 147–169]. Внешние медиальные формулы, назначение которых — проверка внимания слушателей в ходе повествования, в сказках, записанных Г. Рамстедтом, не выявлены.

Внутренние медиальные формулы сюжетно обусловлены и занимают значительное место в сказочном тексте, раскрывая главные образы и обобщая все важнейшие действия персонажей [Горяева 2011: 86–104].

Н. Рошияну выделил 17 медиальных формул, общих для румынской и восточнославянской сказки: 1) быстрый рост будущего героя; 2) необыкновенное свойство коня выбрасывать из ноздрей огонь; 3) место, куда антагонист уносит предмет похищения; 4) царский приказ, сопровождаемый угрозой смерти; 5) упрек царевне (жене) или царевичу (мужу); 6) красота царевны; 7) диалог между конем и героем; 8) продолжительность пути (боя); 9) скорость (высота) перемещения героя; 10) диалог между дарителем и матерью (женой, сестрой); даритель чует по запаху присутствие нездешнего человека; 11) диалог между дарителем и героем; 12) открытие дверей избушки дарителя; 13) сообщение об испытаниях, которым подвергся герой; 14) вызов признательных животных; 15) пуск в ход волшебных предметов, полученных от дарителя; 16) диалог между героем и антагонистом; 17) диалог между воскресшим героем и спасителем [Рошияну 1974: 175–176]. Формулы 1, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16 и 17 встречаются и в калмыцких сказках, опубликованных Г. Рамстедтом. В тексте каждой волшебной сказки есть устойчивые описания одних и тех же эпизодов, которые строятся по тому же принципу, что и типические места — совпадают «опорные» элементы, второстепенные же варьируются и заменяются синонимами.

Финальные формулы по их связи с конкретным сюжетным содержанием сказки разделяются на два типа: формулы-концовки, завершающие сюжет сказки, и «внесюжетные» финальные формулы [Каскабасов 1972; Хусаинова 2000: 20–24].

По нашим наблюдениям, сюжетно-завершающие формулы-концовки исследованных сказок представлены несколькими типовыми разновидностями. Первая — *завершение сюжета*, то есть сообщение об исходе событий и разрешении конфликта. Сообщается о возвращении героя домой, наказании виновных, женитьбе героя с описанием свадебного пира. В большинстве преобладают финалы сюжета выполнения героем полученных заданий, благополучного возвращения домой и счастливой жизни, выражаемой формулой «амр сээхн жирһэд бээж» (жили счастливо и спокойно) [Kalmückische Sprachproben 1919: 29, 31, 47, 56, 69, 73, 104, 138, 154, 184, 211].

Вторая разновидность сюжетно-завершающих — *о продолжении жизни героев* после всех событий сказки, т. е. говорится о том, что герои живут и поныне, занимаются своим делом. Например: «амр сээхн жирһнэ жирһэд бээнэ» (живут счастливо и спокойно) [Kalmückische Sprachproben 1919: 171, 211, 237].

Этиологические концовки о происхождении какого-либо события или чего-то иного и *концовки-сентенции* в виде пословиц или заключительных слов поучений и утверждений (см. Горяева 2011: 83–85) в рассмотренных сказках не отмечены.

Таким образом, можно сказать, что записанные Г. Й. Рамстедтом в начале XX века сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыцких народных сказок.

Литература

- Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. 103 с.
Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата: Наука, 1972. 260 с.
Отчет д-ра Г. И. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 2. С. 11–14.
Рошияну Н. Традиционные формулы сказок. М.: Наука, 1974. 216 с.
Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.

Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.

Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

Б. Б. Горяева
(г. Элиста, Россия)

Путешествие героя в нижний мир в калмыцких народных сказках

Мифологическая картина мира предков калмыков, представленная в том числе сказках, рисует трехмирие. Герой калмыцкой волшебной сказки в поисках своей суженой, выполняя «трудные задачи» хана — отца невесты, путешествует по мирам, то поднимаясь на небо, то опускаясь под землю. В настоящей статье нами предпринята попытка изучения мотива путешествия героя в нижний мир в калмыцких народных сказках.

Нижний мир мыслится враждебным, населенным хтоническими существами [Басангова 2011, 2014]. Попасты в этот мир можно через расщелину в земле (*һазрин шуурха*), иногда вход в подземный мир представляет собой огромную яму (*ик нүкн*).

Мотив путешествия героя в нижний мир в калмыцких народных сказках является сюжетообразующим для сказок на сюжетный тип 301 Три подземных царства Сравнительного указателя сюжетов (далее – СУС): 301 А Три подземных царства [ХТ–I: 159–164; ХТ–IV: 18–27]. Этот же тип встречается в следующей контаминации: 301 А Три подземных царства + 519 Слепой и безногий [Ramstedt 1909: 31–47, ее перевод на русский язык МД: 106–115; НТК: 195–209; КНС 1962: 240–254; Архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – далее КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 73].

Мотив путешествия в иной мир лежит в основе сказок на сюжетный тип СУС 313 Чудесное бегство: 313 С Чудесное бегство [ХТ–II: 161–163; БСТ: 73–79]; в контаминированных сюжетах: 313 Н* Бегство от ведьмы + 707 Чудесные дети [ХТ–II: 33–41; ХТ–III: 145–149].

В разделе СУС «Чудесный противник» (300–399) мотив путешествия в иной мир встречается также в сюжетных типах: 315 Звериное молоко [СК: 81–86; ХТ–IV: 15–18; АЗТ: 15–19; Илишкин 2001: 322–327; Архив КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 151. С. 49–55];

327 С Мальчик и ведьма [Архив КИГИ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 14];

– 327 В** 24 брата и 24 невесты + 513 А Шесть чудесных товарищей [СКС 1899, переиздана НТК: 215–217; Ramstedt 1909: 5–9; МД: 140–147; КӨД: 50–52].

Только один сюжетный тип СУС из раздела «Чудесный супруг» (400–459) зафиксирован нами на материале калмыцких волшебных сказок: 400 Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа) [Ramstedt 1909: 120–138; ХТ–I: 204–206; ХТ–IV: 11–15; ВМ: 58–61; Архив КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 139, 150].

Мотив путешествия героя в нижний мир представлен в трех сюжетных типах раздела СУС «Чудесная задача» (460–499): (460 А) Путешествие к богу за наградой [ХТ–II: 69–71];

460 В Путешествие к солнцу [ХТ 1979: 5–9];

465 А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда») [КС 1936: 79–87; ХТ–III: 186–197; АЗТ: 19–22].

В разделе СУС «Чудесный помощник» (500–559) четыре сюжетных типа, отмеченных нами на калмыцком материале, повествуют о хождении главного героя в ханство Эрлик Номин хана – повелителя умерших: 508 Благодарный мертвец [ЗВОИРАО. Т. IV. С. 307–346; ХФ: 121–127; ХТ–I: 121–127; ХТ–II: 121–127; Архив КИГИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 81. С. 1–2; Ramstedt 1909: 74–104];

530 Сивко-Бурко + 530 А Свинка золотая щетинка [ХТ–I: 43–49; ХТ–I: 107–110; ХТ–II: 199–203; МД: 39–61];

551 Молодильные яблоки + 460 В Путешествие к солнцу [ХТ–II: 20–25]; 551 Молодильные яблоки + 531 Конек-горбунок [БСТ: 64–72].

Таким образом, мотив путешествия героя в нижний мир присутствует в сказках на сюжетные типы разделов СУС «Чудесный противник», «Чудесный супруг», «Чудесная задача» и «Чудесный помощник». При этом отметим, что мотив путешествия героя в нижний мир в калмыцких народных сказках является сюжетообразующим в сказках, соотносимых с сюжетными типами раздела СУС «Чудесный противник» (300–399). Это объясняется тем, что представители нижнего мира мыслятся враждебными людям, их питание составляют не только насекомые, они не прочь полакомиться человеческой кровью и человечиною. Нижний мир – это вместилище зла, страна мертвых. На мифологические представления об этом мире наслочилась буддийская картина мира, рисующая в подробностях загробный мир (например, в сказках на сюжетный тип СУС 508 Благодарный мертвец).

Литература

- Алтн зүн темн. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1995. 120 х.
- Бууган Санин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1. / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста, 2008. 308 с. (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. М., 1958. Изд. 2-ое. 159 с.
- Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества.
- Калмыцкие народные сказки. 2-е изд., доп. и исп. Элиста, 1962. 331 с.
- Калян А. Кел өргжүллһнэ дегтр. Элст, 1994. 232 х.
- Калмыцкие сказки. Сталинград, 1936. 232 с.
- Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.
- Народное творчество Калмыкии. Сталинград–Элиста, 1940. 315 с.
- Седклин күр. Элст, 1960. 86 х.
- Сборник калмыцких сказок. Астрахань, 1899.
- Хальмг туульс. I боть. Элст, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс. II боть. Элст, 1968. 264 х.
- Хальмг туульс. III боть. Элст, 1972. 250 х.
- Хальмг туульс. IV боть. Элст, 1974. 272 х.
- Хальмг туульс. Элст, 1979. 158 х.
- Хальмг фольклор. Элст, 1941. 466 х.
- Ramstedt 1909 – Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G.J. Ramstedt. 1 Teil. Helsingfors, 1909.

Сокращения

ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества

Н.В. Екеев
(г. Горно-Алтайск, Россия)

«Этнокультурное наследие народов Республики Алтай — основа устойчивого развития региона»: об исследованиях НИИ алтаистики имени С. С. Суразакова (2012–2016 годы)

В 1952 г. создан как Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ), который с 2001 г. стал называться НИИ алтаистики имени С. С. Суразакова.

Начало XXI века стал третьим этапом в развитии НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, временем зрелости и интенсивности исследований по гуманитарным наукам. Изменения в общественно-политической и культурной жизни страны и региона обусловили новые теоретико-методологические подходы к научным исследованиям, переход к разработке современных актуальных научных тем.

В 2008 г. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова перешел к Ведомственно-целевой программе «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай — основа устойчивого разви-

тия региона». Это позволило повысить уровень научных исследований, уйти от мелкотемья и сконцентрировать усилия по крупным научным проектам. Потребовалось изменение организационной структуры Института: вместо секторов были созданы научно-исследовательские группы (авторские коллективы) по выполнению конкретных научно-исследовательских проектов (темы).

За 2008–2011 годы реализованы 4 проекта: «История Республики Алтай. Том 2. Горный Алтай в составе Российского государства (1756–1916 гг.)» (монография, 2010); «Республики Алтай. Краткая энциклопедия» (2010); Том «Несказочная проза алтайцев» (2011) в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; «Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай» (сборник, 2010).

В 2012–2015 годах выполнены:

1. 10 проектов (тем) по истории, этнографии и археологии: «Алтайцы: Этническая история и традиционная культура» (монография, 2014); «Очерки по новейшей истории Республики Алтай (1991–2010 гг.)» (монография, 2015); «Религиозные деноминации в Республике Алтай» (монография, 2015); «Трансформации общества и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX–начало XXI веков)». 3 монографии: «Республика Алтай в XX–начале XXI веков: трансформации социальных слоев и институтов» (2014); «Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX–начало XXI вв.)» (2016) и «Культурно-религиозное пространство Горного Алтая в конце XX–начале XXI веков: трансформации и инновации» (подготовлена к печати).

2. В серии «Алтай — Золотые горы (наследие традиционной культуры и памятники археологии)» подготовлено 7 сборников: «Уникальные объекты Горного Алтая» (2014), «Природно-культурные объекты и археологические памятники Республики Алтай» (2015), «Народные игры алтайцев» (2015), «Предания Улаганского района Республики Алтай» (сборник подготовлен к печати), «Топонимические предания Чуйской долины Алтая» (подготовлен к печати), «Символика пищевых продуктов в традиционной культуре алтайцев» и «Символика животного мира в духовной культуре алтайцев» (подготовлен к печати), «Древние охотники Алтая» и «Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в древности и средневековье» (подготовлен к печати).

3. 4 проекта (темы) по фольклористике: Серия «Сказочный мир Алтая» — 2 сборника («Челканские народные сказки» (2015) и «Алтайские народные сказки» (2016)); Серия «Алтайские героические сказания — Алтай баатырлар» (на алтайском языке). Том XV (2014); Серия «Алтайский героический эпос — Алтай баатырлар» (на алтайском и русском языках). Том II (2016).

3 проекта по языкознанию: «Орфография алтайского языка / Алтай тилдин орфографиязы» (2013), «Русско-алтайский словарь. Том 1 и 2» (2015; 2016), «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» (подготовлена к печати).

Продолжающиеся и новые проекты (темы) 2016 года: «Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1954 гг.)»; «Конструирование региональной идентичности в Республике Алтай (конец XX–начало XXI веков)»: Выпуск 1. Этническая мозаика и межкультурный диалог в Республике Алтай; Серия «Алтай — Золотые горы (наследие традиционной культуры и памятники археологии)» — 5 тем («Алтайский традиционный этикет», «Обрядовая культура алтайцев, связанная с природно-культурными объектами Республики Алтай (Обряды. Ритуальная атрибутика в культ природы)», «Ритуальные предметы алтайцев в фондах музеев Российской Федерации», «Культура населения Алтая эпохи древности и средневековья: проблемы реконструкции и сопоставления с традиционной культурой алтайцев»); Серия «Алтайские героические сказания — Алтай баатырлар» (на алтайском языке): Том XVI; Серия «Алтайские героический эпос — Алтай баатырлар / Алтайские богатыри» (на алтайском и русском языках): Том III; «Алтайско-русский словарь».

За прошедшие годы встречались определенные научно-методологические и организационные сложности в подготовке двух томов («Алтайские народные песни», «Алтайский обрядовый фольклор») в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего

Востока» и третьего тома «Горный Алтай в советское время (1917-1991 гг.» в четырехтомной серии «История Республики Алтай».

В начале XXI в. возобновились научные связи между НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова и Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН. Подтверждением тому служат взаимные рецензирования крупных коллективных трудов, публикации в сборниках статей и участие ученых в научных конференциях, проводимых двумя институтами.

Т. С. Есенова, В. В. Горяева, Г. Б. Есенова
(г. Элиста, Россия)

Влияние гендера на особенности лингвокультуры калмыков

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-24-03002*

Традиционный калмыцкий социум был организован на строгом гендерном принципе: дихотомии мужского и женского мира при главенстве мужского начала [Омакаева 2001; 2003]. Это положение, в частности, отражено в пословице *муха болвчн — утх, му болвчн — эр залу* 'хоть и тупой — но нож, хоть и плохой — мужчина'. Данный принцип находит отражение в языке, пронизывает материальную и духовную культуру. Так, юрта, традиционное жилище калмыков, делилась на мужскую и женскую половины. Размещение в юрте предметов, утвари основывалось на гендерном факторе: сельскохозяйственные принадлежности, домашняя утварь и др. размещались в соответствии с тем, лицу какого пола они предназначались. Расположение людей в небольшом пространстве юрты так же было строго регламентировано: женщины могли находиться только на женской (правой) половине, а мужчины – мужской (левой). Он определял и поведение при входе в жилище и выходе из него: обычаем первенство закреплялось за мужчинами. В связи с этим следует отметить, что у калмыков особенно тщательно соблюдаются приметы, связанные с входом и выходом из помещения. Принято пропускать входящего, т.к. люди верят, что он может быть вестником хороших новостей или может что-то принести в дом. Согласно правилам, споткнувшись при выходе из дома, следует вернуться назад и повторить процедуру снова. Если споткнешься при входе, то это хороший знак: примета скорого увеличения достатка дома.

Гендерный фактор определял не только порядок, но и последовательность размещения людей в пространстве: женщины располагались только после мужчин. В XX в. с переходом на оседлый образ жизни у калмыков многие элементы материальной культуры изменились, в частности калмыки отказались от юрт, типичных жилищ кочевников-скотоводов, живут в стационарных домах. В связи с этим в наши дни порядок размещения людей, основанный на гендерном принципе (мужской-женский, левый-правый), не соблюдается. Однако в знаковых ситуациях, связанных с жизненным циклом (свадьба, похороны, помолвка, поминки и др.), его строго соблюдают: женщины располагаются строго после мужчин, хотя и не на правой стороне.

Кроме того, во всех коммуникативных ситуациях существует определенный порядок, который так же основан на гендерном принципе. Так, во всех значимых ситуациях группу (свадебную, помолвку и др.) всегда возглавляют мужчины, им же первым предоставляется слово на любом мероприятии.

Коммуникативное и, в особенности речевое, поведение калмычек еще более регламентировалось после замужества. Поведение и речь замужних женщин нормировались обычаем *хадмлнн* 'запрет замужней женщине-калмычке произносить имена старших родственников мужа'. Соблюдение данного обычая создавало определенные ограничения в речи. Замужняя калмычка не должна была произносить имена родственников по линии мужа, даже умерших. А так как в систему личных имен калмыков входят слова с самой разной семантикой (к примеру, *нарн* 'солнце', *цахан* 'белый', *көвүн* 'сын' и т.п.), числительные (*дөрвн* 'четыре', *тавн*

‘пять’ и т. д.), то запрет касался и их. Вместо них использовались синонимы (*ээвр* вместо *нарн* ‘солнце’, *гилэн* вместо *цаһан* ‘белый’, *арут* вместо *көвүн* ‘сын’ и др.), описательные обороты (*иртэ юмн* ‘нечто острое’ вместо *утх* ‘нож’, *нэмнэс үлү* ‘больше восьми’ вместо *йисн* ‘девять’ и т. д.), модифицировался фонетический облик слова (*Ядм* вместо *Бадм* ‘лотос’, *Жанжа* вместо *Анжа* — имя собственное, *ярнг* вместо *сарнг* ‘луна’). Речь замужних калмычек отличалась лексически, но строилась грамматически по законам калмыцкого языка. Что касается фонетических особенностей женской речи, то характерны лишь фонетические изменения в облике отдельных табуированных слов.

Следует отметить, что после замужества «по желанию родителей или по указанию *зурхачи* «астролога» происходит перемена имени невесты; такая перемена происходит перед вступлением невесты в кибитку жениха и сопровождается особым обрядом — *сюр ясалган* или *дарлга ясалган*» [Житецкий 1893: 24]. Для обозначения мужа приходилось пользоваться словами *натка кун* «другой человек», *одака кун* «тот человек», *герин эзн* «хозяин дома», *мана кун* «наш человек». Жена могла обращаться к своему мужу только на «Вы», в ее словаре не существовало в обращении к мужу слова «ты» [Эрдниев 1985: 42]. Муж так же не называл жену по имени, никогда не интересовался ее самочувствием, настроением [Шалхаков 1982: 45]. В настоящее время обычай *хадмлһн* соблюдается только пожилыми калмычками и ревнителями национальной культуры. Мы были свидетелями случая, когда приехавшая из села калмычка на вопрос «*Кеняхнят?* ‘Какого вы рода?’» со смущением ответила «*Келж чадшгов* ‘Не могу сказать’», поскольку соблюдала обычай *хадмлһн*. В целом по отношению к родственникам мужа калмычки проявляют глубокое уважение, например, используют Вы-обращение.

Ранне замужняя калмычка не должна перечить мужу и его родственникам, высказывать свое мнение, говорить громко, хохотать и т.п. Помимо речевых запретов, существовали и другие ограничения. К примеру, замужняя калмычка не должна была перед родственниками мужа появляться с непокрытой головой, а также снимать свою шапку и сапоги в их кибитках. Женщина не должна была входить в кибитку родственников мужа без шапки и обуви. Если это случалось, она должна была извиниться и угостить родственников свежесваренным чаем [Душан 1976: 17]. В связи с переходом после замужества в род мужа для своих кровных родственников она становилась «чужим» человеком, что так же регламентировало ее поведение по отношению к кровным родственникам. Это положение определяло ее поведение после замужества до официального посещения своих родителей: «она не должна была входить в кибитку, а обязана была сидеть у двери снаружи до преподнесения ей свежесваренного мяса и чая. Она не могла входить в кибитку родителей после того, как кто-нибудь у них умирал» [Душан 1976: 17].

Существовали невербальные правила, которые должна была соблюдать невестка: она «не может сидеть, когда отец или старший из семьи мужа стоит, разве только в это время она занимается работой. Входя в кибитку старшего, она садится лишь по приглашению, а выходя, переступает порог, оборотившись лицом внутрь кибитки. Если ей приходится идти вместе со старшим, то она идет не рядом, а сзади него. Подобным требованиям обычая следуют все члены семьи, соблюдая во всем старшинство. Например, при старшем никто из младших, даже его жена, одновременно с ним не пьет чай, кумыс, а начинает пить, когда отведают старший, и пьют его по старшинству; при равных членах в семье могут пить разом все, кроме жены» [Житецкий 1893: 34].

Переход в статус замужней женщины менял не только поведение, лексикон калмычки, но и определял одежду, головной убор и прическу. Женщина должна была носить *хэрд һарсн*, *мордсн куүкд улсин хувцн* ‘одежду замужней женщины’ (*терлг* ‘платье без рукавов’, *цегдг* ‘женское платье без рукавов’, *берз* ‘верхнее женское платье’, *лавиг* ‘накидка’ и др.), *хажл* ‘четырёхугольная шапка калмычек’ и др. Замужняя женщина имела прическу в две косы, а девушка – одну, не случайно девушку называют *гигжтя куукн* ‘девушка с косой’. В свадебном обряде калмыков существует специальная церемония *ус хувалһн* ‘разделения волос’: делали на голове пробор и заплетали волосы в две косы, что символизировало окончательный

переход девушки в статус женщины. Косы перекидывали на грудь через плечи, при этом на них надевали длинные черные *шиврлг* ‘чехлы-накосники’ [Душан 1976: 50]. Процедура надевания чехов на косы невесты называется обрядом *мордэ ирсн куукнд шиврлг зүүлнэ йосн*.

Калмыки высоко оценивают женщину-хозяйку, считают, что от нее зависит благополучие семьи, ее мир и порядок. Придавая большое значение человеческим качествам женщины, наш народ особо выделяет ее коммуникативные способности и поведение. Так, калмыки говорят *Өрк-бул ямаран болхнь куукд улсас йир икэр медгддг. Куукд күн цецн ухата, гүн медрлтэ болхла, болх болиго үг келжэ, хээкрэж герин эзн залу кууг хуташиго, кишигинь хэрүлиго, хэрнь неринь оодлулад, өрк-бүлиннь сээг холд тархаад бээдг бээсмн. Гарнь өөтэ болхла, цуһаранинь хувцлад, гер дотркан сээхрүлад, хот хоолар дүүргэд оркдг бээсмн, тиим герт амтн ирхдэн дурта болдг* ‘О том, какая семья, можно определить по женщине. Если женщина умная, мудрая, не позорит мужа, говоря лишнее, повышая голос, то этим она не сокращает его счастье, имя мужа возвышает, славу семьи далеко распространяет. Если у нее руки мастеровые, всех оденет, все украсит, накормит разными яствами семью. В такой дом люди любят приходиться’ [Амулакова 2013: 8].

Поведение невестки в новой семье можно охарактеризовать как покорное, почтительное, послушное, вежливое. О важности такого поведения свидетельствует паремия: *келэРН тээлдг һоста бол, үгэРН болдг гергтэ бол* «заимей сапоги, которые снимались бы легко, заведи жену, которая была бы послушна». Как правило, недостойное поведение, нарушающее закреплённые традициями обычаи, было поводом для общественного осуждения. А поведение в соответствии с установленными правилами давало основание для гордости со стороны мужа и его родственников. Итак, модель поведения примерной калмычки – *ор гихлэ орад, һар гихлэ, һарад* «заходи, когда велят зайти, выходи, когда велят выйти». В наши дни калмычки стараются вести себя так, чтобы ими были довольны родственники мужа.

Таким образом, можно заключить, что в калмыцкой лингвокультуре гендерный фактор является ведущим среди социальных параметров человека. Он определяет нормы поведения, диктует определенный порядок размещения людей в пространстве жилища, определяет очередность коммуникации, последовательность коммуникативных актов и речь. Неравноправное с мужчинами положение калмычек в традиционном обществе закреплёно обычаем хадмлһн, ограничивающим поведение и речь замужних калмычек, предписывающий комплекс правил поведения.

Литература

- Амулакова Б. Э. Өөрд-хальмгин сойлын үндснн заңшл. Элиста, 2013. 121 с.
Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста, 1976. С. 5–89.
Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893. 73 с.
История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 3. 752 с.
Омакаева Э.У. Гендерная обусловленность языка и культуры калмыков // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докладов. М., 2001. С. 299.
Омакаева Э.У. Традиционная культура калмыков в свете гендерного подхода: проблемы маскулинности // Мужчина в традиционной культуре народов Поволжья: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Астрахань, 15–17 мая 2003 г. Астрахань, 2003. С. 117–119.
Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков. Элиста, 1982. 127 с.
Эрдниева У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста, 1985. 229 с.

Концепты *тыуган төйәк* ‘родной край’, *табиғәт* ‘природа’ в индивидуальной языковой картине мира (на материале художественных текстов Яныбая Хамматова)

В современном языкознании активно развивается антропоцентрическая лингвистика. Ученые-лингвисты рассматривают взаимосвязь таких понятий, как «язык, мышление и сознание», «язык и общество», «язык и культура», «язык и коммуникация», «язык и личность» и т.п. Изучение языковой личности тесно взаимосвязано с актуальной для лингвистики современного периода проблемой изучения языковой картины мира.

Понятие «картина мира» представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека», отмечает В. И. Постовалова. Человек фиксирует в слове результаты познания окружающей среды, которую он отражает в процессе своей деятельности. В самом общем виде под картиной мира понимается целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. <...> Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. ...Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека с ее деятельностно-преобразующими установками на переделывание мира и овладение им, и акты созерцания мира, его умопостижения и умопостижения в экстраординарных ситуациях [Постовалова 1988: 18].

В современной лингвистике для изучения языковой картины мира стали применять метод концептуального анализа. «Концепт, являясь ментальной сущностью, входит в когнитивную базу носителей языка. В этом смысле концепт соотносится с фреймом, сценарием. Понимание слова как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотношенного с отражением в человеческом опыте информационных структур» [Иванова 2002: 64-65].

«Культурные концепты, выявленные на материале художественных произведений, представляют интерес не только в структурно-семантическом плане, но и в лингвокультурологическом, так как художественный текст является носителем национально-культурной информации, – отмечает Л. Х. Самситова» [Самситова 2015: 6].

Выявление ключевых слов-концептов в художественных текстах позволяет воссоздать индивидуальную языковую картину мира автора. Концепты, выявленные на материале текстов, репрезентируют внутренний мир и внутреннее состояние автора, являются посредником между внутренним миром человека и его отношениями с миром внешним.

Яныбай Хамматов — известный башкирский писатель, внесший большой вклад в развитие и обогащение языка и литературы своего народа. Пенталогия «*Бөртөкләп йыйыла алтын*» (Золото собирается крупичками) занимает в его творчестве особое место. Это итог многолетнего творческого труда и глубоких раздумий о жизни, о времени. Индивидуальная картина мира писателя неразрывно связана с жизнью башкирского народа. Он впитал жизненную философию, психологию своего народа, накопил огромный жизненный опыт. Я. Хамматов предстает активной личностью, имеющей собственную точку зрения, свою позицию.

Судьба Яныбая Хамматова неразрывно связана с родным краем, родной природой, и в текстах автора большое значение придается концепту «*тыуган төйәк*» ‘родной край, родная сторона’. В башкирском языке к словам-репрезентантам понятия «родина» относятся *тыуган ил* ‘родная страна’, *тыуган ер* ‘родная земля’, *тыуган як* ‘родная сторона’, *тыуган төйәк* ‘родной край’. Произведения пронизаны чувством любви автора к природе, родной земле. Вот как автор описывает чувства, охватившие героя: «*Төйәгеңдән китеп озак йылдар буйы ситтә йәшәп кайтқас кына, уның кәзерен ныклабырак белергә өйрәнәһең. Ниндәй гүзәл һәм һөйкөмлө ул! Бына кайза һақланған яғымлы кояш йылыһы, ләйсән ямғыр һипкән болоттар, коштар тауышына күмелгән йәшел урман!*» [«Акман-тоқман», с. 358] ‘Когда возвращаешься после долгой разлуки с родным краем, только тогда начинаешь особенно ценить родную

землю. Какая она красивая, близкая, родная! Вот где сохранились ласковое солнечное тепло, легкие облака с первым весенним дождем, зеленый лес, наполненный многоголосым птичьим гомоном!

Концепт *тыуган тәйәк* 'родной край' автора тесно связан с концептом *тәбиғәт* 'природа'. Природа родного края вызывала у писателя восхищение. Поэтому в своих произведениях описаниям природы Яныбай Хамматов придает большое значение. В текстах удачно употреблены художественные средства изображения: авторские сравнения, метафоры и олицетворения, раскрывающие содержание концепта *тәбиғәт* 'природа'. Например, *тәбиғәт һулышы* 'дыхание природы', *тәбиғәт косагы* 'лоно природы', *тәбиғәттең уяныуы* 'пробуждение природы', *тәбиғәттең йәнләнеүе* 'оживление природы' и т.п.

Автор мастерски передает чувства, переживания, внутреннее состояние своих героев через концепт *тәбиғәт* 'природа'. К примеру, *Бына ул көн етте. Хәзер ул [Хисмәтулла] үз тәйәге, үз тәбиғәте косагында. Уның һәр һулышы якын һәм кәзерле* [«Акман-токман», с. 171] 'Вот и настал этот день! Теперь он [Хисмәтулла] в объятиях родного края, родной природы. Каждое дыхание его так близко и дорого'.

Индивидуальная картина мира Яныбая Хамматова неразрывно связана с жизнью башкирского народа. В текстах явно ощущается своеобразный внутренний мир писателя, его собственное мировосприятие. Изучение концептов *тыуган тәйәк* 'родной край', *тәбиғәт* 'природа' в текстах не только дает возможность оценить богатство языка писателя, его умение масштабно мыслить, но и помогают раскрыть идейное содержание произведения.

Литература

- Иванова С. В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа, 2002.
Самситова Л. Х. Концепты культуры в башкирской языковой картине мира: автореф. дисс. ... доктор филол. наук. Уфа, 2015.
Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8–60.
Хамматов Я. Акман-токман 'Акман-токман' (на башк. языке). Уфа, 1977.

Н. О. Кокшаева
(г. Элиста, Россия)

О книге монгольского ученого Б. Катуу «Монгол туульсын судалгаа»

Исследование ойратских, калмыцких и монгольских версий тууль-эпоса «Джангар» имеет свою историю. Этот героический эпос, как известно, всегда привлекал внимание учёных многих поколений и Запада, и Востока. Приоритет в этой области по праву принадлежит российской школе.

Эпос «Джангар» — это особое явление в системе культурного наследия монгольских народов. Монгольские народы в процессе кочевого образа жизни сумели создать настоящие шедевры устного народного творчества и тууль-эпосы «Гэсэр», «Джангар», которые имеют глубокие традиции и занимают особое место в литературном наследии монгольских народов.

Двухтомный монографический труд Балчигийн Катуу «Монгол туульсын судалгаа» «Исследования тууль-сказаний монголов» вышел в серии «BIBLIOTHECA OIRATICA». Исследования Балчигийн Катуу сосредоточены в двух томах XXXI-XXXII (Улаанбаатар, 2013). При этом второй том, как указано, является самостоятельным исследованием.

Монгольский учёный, академик Х. Сампиилдэндэв отмечает, что Балчигийн Катуу в процессе многократных фольклорных экспедиций путём опроса многих сказителей собрал огромную коллекцию произведений устного народного творчества, в том числе тууль-эпос «Джангар» монгольских племён дербетов, торгутов и других этнических групп Монголии. Затем, используя специальную обширную литературу, провёл анализа собранного фольклор-

ного материала, и по завершении, тексты многих произведений были изданы отдельными сборниками. Учёный также исследовал фольклорные материалы, собранные предыдущими поколениями, в том числе и разные варианты-версии тууль-эпоса «Джангар». В этом заключается особая заслуга учёного-исследователя [указ. серии, том I, с. 7].

Первый XXXI том состоит из предисловия, введения и пяти глав. В Предисловии приведены сведения о традициях и особенностях произведений тууль. Приведены биографические данные Балчигийн Катуу, учёный успешно окончил Монгольский государственный университет по специальности *монгольская филология*.

В первой главе учёный даёт обзор истории исследования произведений устного народного творчества и тууль-эпосов «Гэсэр» и «Джангар» монгольскими, российскими, бурятскими, калмыцкими, европейскими, китайскими, японскими учёными-ориенталистами в разные исторические периоды и приводит их имена. По утверждению академика Х. Сампилдэндэва, Балчигийн Катуу считает их своими учителями. Именно труды предшествующих исследователей помогли логически выстроить сюжетные линии эпоса ойратов в единое циклическое повествование, при этом Балчигийн Катуу выявляет и указывает особенности ойратской версии тууль-эпоса «Джангар». Учёный объясняет происхождения термина 'эпос'. И в своём исследовании, как принято в монголоведении, учёный использует термин 'баатарлаг тууль'. Учёный, сравнивая различные устные передачи вариантов сказаний о Джангаре, обратил особое внимание на общность содержания, особенности передачи рапсодами (речь, мелодию) различных вариантов и тем самым определяет поэтику тууль-эпоса «Джангар». В пяти главах исследуются разные варианты, версии тууль-эпоса «Джангар», особенности и своеобразие сюжетов эпоса ойратов.

Далее в главах первого тома представлен своеобразный анализ образов главных героев богатырей-баатара. Все это помогает учёному описать внешний вид, походку, оружие, речь, одежду, черты характера героев ойратского-монгольского тууль-эпоса. Отдельно рассмотрены образы самых почитаемых и мудрых представителей эпоса, для описания здесь использована особая лексика. Если сопоставить образ Джангара в динамике, представленный в монографии профессора А.Ш. Кичикова, то описание Балчигийн Катуу абсолютно идентично.

Особый интерес вызывает глава третья, где исследователь представил женские образы: красоту, высокую нравственность, традиции сватовства, поиска невесты, характерные черты невесты богатыря. Соблюдая национальные традиции, ярко, точно выводит автор монографии женские образы. Можно предположить, что Балчигийн Катуу впервые в монголоведении художественно в то же время, придав женским образам мифологические черты характера, вместе с тем реалистично представил не менее важных героинь тууль-эпоса.

Мифологически и в то же время научно представлены образы богатырей и их непременно близкий друг — конь. Четвёртая глава посвящена описанию коня, который своими качествами под стать своему наезднику-хозяину. По своему содержанию эта одна из самых интересных глав тууль-эпоса «Джангар», она отличается своим богатым лексическим составом в описании различных качеств коня богатыря-баатара. Такое описание нет ни в одном из опубликованных версий-вариантов эпоса. Балчигийн Катуу настолько скрупулезно точно, до мелочей раскрывает образ коня. Можно считать это открытием в истории изучения эпоса. Художественно тонко, настолько ярко раскрывается мужество, мудрость и преданность коня своему наезднику-богатырю, особенно в момент борьбы его с недругами-врагами, нечистой силой, например, в образе мангаса. В описании этой главы исследователь «ид шидийг үзүүлсэн». Конь выступает как главный герой в тууль-эпосе. Образ богатыря-баатара и коня учёный рассматривает как единое целое, неделимое.

Второй том исследования тууль-эпоса «Джангра» Балчигийн Катуу состоит из 4 глав и назван «Бэлгэдлийн судалгаа». Предисловие составлено Н. Сүхбаатаром, введение написано профессором Х. Сампилдэндэвом. Этот том посвящен исследованию истории мировоззрения, культуры, быта, традициям кочевой цивилизации монгольских народов. Для написания данного тома автор монографии Балчигийн Катуу использовал труды учёных-востоковедов Европы, России, Монголии, Китая и др., посвящённых истории, культуре, традициям монголь-

ских народов. Именно беря за основу исследования российских и монгольских учёных, посвященных национальным традициям, Балчигийн Катуу создаёт уникальный научный труд.

В исследовании использованы разные приёмы, свойственные принципам и традициям многих научных школ. В этом заключаются глубина знаний, оригинальность и новаторство исследования. Далее в главах первого тома представлены своеобразный анализ образов главных героев богатырей, женских образов. Сравнивая различные устные передачи вариантов сказаний о Джангаре, ученый обратил особое внимание на их отличие, особенности, при этом обязательно ссылаясь на труды известных исследователей. Рассматривая проблему структуры стиха, особенности передачи рапсодами речи, ученый определяет поэтику сказания-тууль, «Джангара», обращая внимание на те проблемы, которые характеризуют общность, специфику различных вариантов и версий тууль-сказания-эпоса «Джангар».

З. А. Кучукова
(г. Нальчик, Россия)

«Все познается в сравнении»: проект спецкурса по литературной компаративистике

Спецкурс «Современная литературная компаративистика» предусматривает выявление и научное осмысление типологически сходных культурологом через сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов. Структурируя «мегатекст» мировой литературы, мы выделили из него наиболее продуктивные векторы исследования.

1. Прототекст как генератор «дочерних» произведений. Диахронический анализ позволяет выявить в толще мировой литературы «произведения-бессмертники», ставшие предшественниками целого ряда художественных текстов. В рамках литературной компаративистики студентам предлагается изучение библейских мотивов в связке с романом П. Коэльо «Алхимик», коранических мотивов внутри романа А. де Сент-Экзюпери «Цитадель». Большую просветительскую ценность в плане расширения культурного кругозора имеет анализ фольклорного памятника «Калила и Димна» в совокупности с его множественными «дочерними» сказками «Лягушка-путешественница», «Лиса и мышонок», «Сказка про енота», баснями Лафонтена, И. Крылова, детскими рассказами Л. Н. Толстого и т. д. Такого рода сравнительно-сопоставительный анализ показывает наличие в древности неких духовно-эстетических центров, от которых учения тянутся к разным уголкам земного шара.

2. Преломление исторического материала в художественном тексте. Изучаемая нами дисциплина предполагает сравнение «правды факта» и «правды искусства». В качестве предмета исследования выбираются роман американского писателя Т. Уайлдера «Мартовские иды» и историография эпохи правления Юлия Цезаря. Проводится многоуровневая текстологическая сверка календарных дат, географических объектов, исторических лиц, других фактических данных на предмет их соответствия литературным аналогам. Компаративистика такого рода позволяет увидеть не только «из какого сора растут стихи» (А. Ахматова), но и детерминированность исторических уроков потребностями сегодняшнего дня. Пример такого динамического сравнительно-сопоставительного анализа можно провести и на региональном материале, к примеру, изучив романы А. Кешокова «Сломанная подкова» и З. Толгурова «Голубой типчак» с соответствующим историко-социальным фоном.

3. Этническая ментальность как сравнительная мера. В мировой литературе обнаруживается большое количество архифабул, которые по-своему реализуются в разных этнокультурных системах. Данное положение на занятиях иллюстрируется путем сравнения двух тематически сходных новелл: «Пока ждет автомобиль» О. Генри и «Мерседес» современного осетинского прозаика Олега Кочиева. Общей в этих произведениях является проблема одиночества, поиска спутника жизни. Американская самодостаточность (self-reliance), прагматизм, малоперсонажность противопоставляются кавказскому авантюризму, философии «тамадизма», культуре друзей.

4. Художественный перевод как часть компаративистики. Искусство художественного перевода, зародившееся еще в античную эпоху, изначально нацелено на установление культурных мостов между народами. При этом каждый переведенный текст является результатом национальной адаптации произведения к сознанию нового круга читателей. В рамках спецкурса магистрантам предлагается сравнить оригинал стихотворения Э. По «Ворона» с его русским переложением (К. Бальмонт) и кабардинским (Т. Шомахова). Балкароязычным исследователям-компаративистам предлагается провести сравнительно-сопоставительный анализ сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» и ее перевод на балкарский язык, выполненный М. Геккиевым. Конечная цель сравнения - определить степень сопротивляемости материала и его адаптивных свойств к иноязычной стихии.

5. Литературный текст и киноверсия. Подавляющее большинство произведений зарубежной и русской классики имеет свои экранные киноверсии. Среди них – «Великий Гэтсби» С. Фицджеральда, «Коллекционер» Дж. Фаулза, «Превращение» Ф. Кафки, «Возлюбленная» Т. Моррисон, «Полет над гнездом кукушки» К. Кизи, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Собачье сердце» М. Булгакова и другие. Спецкурс предполагает домашний просмотр соответствующего фильма, и его последующий структурно-содержательный анализ в сопоставлении с исходным художественным текстом. Такого рода сопоставления демонстрируют поликодовый характер литературного текста.

6. Гендерный фактор как сравнительная мера. Теория литературной компаративистики непредставима без гендерных соотношений, позволяющих осмыслить специфические особенности «фемининного» и «маскулинного» текстов. В магистерскую программу включено изучение произведений К. Эстес «Бегущая с волками», Ф. Саган «Немного солнца в холодной воде», Д. Дамиан «В вашем мире – я прохожий» и М. Хакушевой «Возвращение домой» с прицельным вниманием к особенностям женского мировосприятия и женского художественного самовыражения. Из теоретического материала рекомендуется ознакомление с монографией М.А. Текуевой «Женщина и мужчина в адыгской культуре: традиции и современность» (Нальчик, 2006). Ключевой идеей в «гендерных текстах» служит не реваншистская установка на «войну полов» или возрождение матриархата, а поиск путей к гендерному равновесию и межкультурному диалогу.

Все эти антиномические сечения при всей их разнонаправленности наглядно демонстрируют эстетическое единство и логическую целостность духовно-эстетических достижений человечества в целом, а также существование некоего ядра и приядерных этнокультурных зон.

В этом плане литературная компаративистика оказывает существенную методологическую помощь в осмыслении, классификации и упорядочении познаваемого и уже познанного художественного материала.

Б. Б. Манджиева
(г. Элиста, Россия)

Героический эпос «Джангар» и сказочная традиция калмыков в Своде калмыцкого фольклора

Калмыцкий фольклор, отличающийся яркой самобытностью, предстанет в новой серии «Свод калмыцкого фольклора» как богатая и неотъемлемая часть культурного наследия народов нашей страны.

В корпус пяти томов «‘Джангар’. Калмыцкий героический эпос» Свода калмыцкого фольклора включены тексты двадцати восьми песен эпоса в записях середины XIX века от неизвестных выдающихся рапсофов, а также тексты эпических песен из репертуара известных в Калмыкии джангарчи: Ээлян Овла, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова и Бадмы Обушинова в записях первой половины XX века [Басангова 2011, 2014].

Национальные тексты томов «‘Джангар’ . Калмыцкий героический эпос» воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка и сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Тексты оригинала и перевода в томах «Джангара» координируются посредством нумерации стихотворных строк. Оригиналы песен Малодербетовского и Багацохуровского цикла «Джангара» при подготовке к изданию были сличены с рукописями, хранящимися в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. Тексты оригинала тома публикуются с сохранением принципа расположения песен по версиям разработанного А. Ш. Кичиковым в издании «Джангара» 1978 года [Джангар 1978]. Во время составления и подготовки томов «Джангара» фольклористами КИГИ РАН были исследованы эпические песни, результаты проведенной работы опубликованы в разных изданиях [Селеева 2011а, 2011б].

Тексты трех больших по объему песен Малодербетовского цикла в записи 1862 года от неизвестных сказителей составили первый том Свода. Малодербетовский цикл (1862) является одним из значительных по объему циклов «Джангара», насчитывающим 5920 стихотворных строк.

Второй том представляют песни Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар», записанные в первой половине XIX в. Песни Багацохуровского цикла калмыцкого «Джангара» относятся к наиболее архаичным формам эпоса, о чем свидетельствует не только время их записи, но и их сюжетика. В них мы встречаем ранние формы мотивов, восходящих к мифу, которые в других героических песнях встречаются довольно редко [Овалов 2004; Селеева 2011а, 2013; Убушиева 2011а, 2014].

Эпический репертуар выдающегося джангарчи Ээлян Овла представляет третий том «Джангара», который состоит из пролога (вступления) и десяти песен, записанных в 1908 году в Малодербетовском улусе от Ээлян Овла студентом Санкт-Петербургского университета Номто Очировым.

Четвертый том «Джангара» включает шесть песен джангарчи Мукебюна Басангова, записанный в 1939-1940 годах. Сказитель Мукебюн Басангов создавал свои эпические песни, опираясь на опыт и традицию предшествующих ему певцов эпоса. Так, например, четвертая песня М. Басангова имеет сюжетную перекличку с песней «О победе Алого Хонгора над Свирепым Мангна-ханом» из репертуара джангарчи Ээлян Овла [Убушиева 2011б].

Пятый том «Джангара» представляют эпический цикл песен джангарчи Давы Шавалиева, а также песнь Бадмы Обушинова и песнь Насанки Балдырова. В отличие от предыдущих изданий, в пятый том «Джангара» Свода калмыцкого фольклора введены тексты и переводы еще двух песен джангарчи Давы Шавалиева: «Песнь о женитьбе богатыря Азыг Улан Хонгора» и «Песнь о том, как Азыг Улан Хонгор на дамбайском кюлюке Кеке Галзане победил Арал Манза хана, владеющего летающим пестрым конем», записанные в 1939 году от сказителя Давы Шавалиева А.В. Бурдуковым [Борджанова, Манджиева 2004].

Эпические песни Давы Шавалиева по способу повествования, по сюжетным и поэтико-стилевым особенностям близки, прежде всего, с песнями репертуара Мукебюна Басангова, что следует объяснить тем, что оба джангарчи относились к одной сказительской школе [Манджиева 2009]. Песня «Джангара» «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги-ханом» (1848 с.с.) была записана в 1901 году собирателем жанров калмыцкого фольклора среди донских калмыков И. И. Поповым от сказителя Бадмы Обушинова в балке Средняя Аюла.

Эпическая песня «О битве богатырей Славного Богдо Джангара с грозным ханом мангасов Мангна» была записана в 1966 году в Элисте от сказителя Насанки Балдырова сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ А. Ш. Кичиковым и Н. Б. Сангаджиевой. Текст песен впервые опубликован в 1978 году [Джангар 1978].

Изучение сказочной традиции калмыков является одной из важных задач фольклористики, которое требует комплексно-текстологического исследования, подготовки уникальных образцов калмыцких сказок о животных, волшебных, богатырских, бытовых, кумулятивных сказок и небылиц в серийном научном издании «Свод калмыцкого фольклора» [Горяева 2011].

Основным критерием при отборе и подготовке текстов томов Свода является художественное совершенство, глубина содержания и историко-познавательные ценности фольклорного произведения. Каждый том Свода должен обладать значительной степенью новизны, одним из элементов которого является широкое введение в научный оборот неизданных материалов. В томах представлены образцы сказок, хранящиеся в Научном архиве КИГИ РАН: Фонд № 3, ед. хр. 143; Фонд 5 Оп. 2, ед.хр. 136 (сказитель Адуда Лиж; запись Л.С. Сангаева); Фонд 5, Оп.2, ед.хр. 81 (сказитель Балдра Тааха; запись Л.С. Сангаева); Фонд 5 Оп. 2, ед.хр. 80 (сказитель Адуда Лиж; запись Л.С. Сангаева); Фонда № 16, ед.хр. № 135 – (сказитель Чимид Комаев; запись Э.Б. Овалова) и др. Наряду со сбором архивного материала проводится работа по выявлению и сбору текстов калмыцких богатырских сказок из опубликованных источников: сборников сказок Г. Рамстедта, И.И. Попова, Хальмг фольклор (Калмыцкий фольклор), Народное творчество Калмыкии, Хальмг туульс (Калмыцкие сказки) и др.

Материалом для томов явились также сказки, записанные у современных калмыцких сказителей. В 2008 году Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванная ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Серия открылась сказками талантливого сказителя Санджи Бутаева, записи которого производились в 1970-х годах прошлого столетия учеными КНИИЯЛИ (ныне КИГИ РАН). В томе «Калмыцкие богатырские сказки» представлены такие сказки Санджи Бутаева как, «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин хан Сөнэк» (О хане Хадар Хара Авга Сеняке, владеющим черно-пегим конем), «Буудя хан» (Будя хан), «Теңгэ байн Ижлэ байн хойр» (О богаче, живущем у моря и богаче живущем на Волге) [Буутан 2008]. В следующей книге серии представлена современная фольклорная традиция калмыков в записи от хранителя народной мудрости Шани Боктаева. Из этого сборника в данный том Свода вошли такие сказки как, («Долан үйднь дахн төрсн Эт Мергн Темнэ туск тууж» (О [богатыре] Эте Мерген Темне, родившемся в седьмом поколении), «Хальмгин хан хасгин хан хойрин туск тууж» (О калмыцком и казахском хане), «Сагсг саарл күлтгэ Хээрт Хар Күкл» (Хартин Хара Кюкюл на косматом буланом скакуне) [Алтн чеежтэ 2010: 72].

Тексты оригинала и перевода калмыцких сказок в томах координируются посредством нумерации смысловых блоков. Вступительная статья к каждому тому призвана раскрыть историко-культурную значимость публикуемых текстов, их художественную характеристику, специфику сказочного жанра. Научно-справочный аппарат томов составят: сведения о текстах, примечания к калмыцкому тексту, комментарии и примечания к русскому переводу, словарь непереведенных слов, список литературы и архивных материалов, библиография и резюме на английском языке.

Двуязычное научное издание героического эпоса «Джангар» и калмыцких народных сказок будет иметь большое научное и практическое значение, позволит фольклористам, эпосоведам глубже и масштабнее исследовать проблемы сказочной традиции и калмыцкого героического эпоса, проследить закономерности и особенности исторического развития, эволюции и трансформации эпоса во времени и пространстве.

Литература

Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Боктаев Шаня. Сост., вступит. статья, приложение Б.Б. Манджиевой. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус. яз. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Басангова Т. Г. Легенды и предания о получении сказительского дара у калмыков // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии. Материалы международной научной конференции. Редакторы: Манджиева Б. Б., Омакаева Э. У. Элиста, 2011. С. 53–54.

Басангова Т. Г. Фольклорная экспедиция, посвященная 100-летию героического эпоса калмыков «Джангар» // Научные экспедиции РГНФ. М.: Изд-во РГНФ, 2014. С. 292–294.

Борджанова Т. Г., Манджиева Б. Б. Эпический репертуар калмыцкого сказителя Дава Шавалиева // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 83–93.

Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг. В 2-х кн. Кн. 1. / Сост., подг. текстов и прилож. Б.Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.

Горяева Б. Б. Том «Калмыцкие народные сказки» Свода калмыцкого фольклора: к вопросу об отборе сюжетов // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Материалы Международной научной конференции (20–23 сентября 2011 года). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 66–69.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / Сост. А. Ш. Кичиков; Ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с.

Манджиева Б. Б. Шавалин Давап бөлгүдин урн-зокьямж // Материалы междунауч. конф. «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добров. вхожд. калм. народа в состав Российского гос-ва. Элиста, 13–18 сент. 2009 г. Элиста, 2009. Ч. 2. С. 113–118.

Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.

Селеева Ц. Б. Рудименты солярной мифологии в эпосе «Джангар» // Научная мысль Кавказа. 2011а. №1 (65). Ч.2. С. 13–18.

Селеева Ц. Б. Статические и динамические свойства пространства и времени в эпосе «Джангар» // Вестник КИГИ РАН. № 1. 2011б. С. 173–177.

Убушиева Д. В. Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение: сборник научных трудов. Вып. 5. Элиста: Учреждение Российской академии наук КИГИ РАН, 2011а. С. 362–369.

Убушиева Д. В. Текстологический анализ песен из репертуара сказителя Мукебюна Басангова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011б. № 2. С. 150–152.

Убушиева Д. В. Проблемы текстологии калмыцкого героического эпоса «Джангар» (багацохуровский цикл) // Якутский героический эпос — олонхо шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народа мира. Международная научная конференция, посвященная 120-летию П.А. Ойунского. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2014. С. 215–218.

Д. В. Маргушина
(г. Элиста, Россия)

Калмыцкая тема в лирике Ярослава Смелякова

Как известно, русский поэт Ярослав Смеляков, лауреат Государственной премии СССР, принимал участие в Неделе калмыцкой литературы в январе 1967 года в Москве, когда три дня проходило обсуждение произведений калмыцких писателей на заседании в правлении Союза писателей РСФСР. Он дал оценку лирике калмыцких поэтов, отметив стихи М. Хонинова, А. Джимбиева, Б. Сангаджиевой, А. Балакаева, С. Байдыева, Д. Кугультинова. «Очевидно это поэзия, которая находится на таком уровне, который является уровнем поэзии Советского Союза», — заключил поэт [Неделя калмыцкой литературы в Москве 1967: 50–52].

В мае 1968 года Ярослав Смеляков приехал в Калмыкию, где проходили Дни российской литературы, в составе делегации писателей, поэтов и критиков. Тогда и появились первые стихи поэта на калмыцкую тему, опубликованные на страницах журнала «Тегин герл». Сам автор не обозначил их как цикл, в подборке три произведения идут под общим названием (возможно, от редколлегии) «Калмыцкие стихи»: «Пиала», «Любезная калмычка», «Девятое мая» [Смеляков 1968: 9–10]. Тут же даны их переводы, сделанные народным поэтом Калмыкии Санджи Каляевым: «Шаазн», «Эңкрэ хальмг күүкн», «Майин йисн» [Смеляков 1968: 10]. Позднее к этим стихотворениям были присоединены новые произведения Смелякова: «Калмыцкая конница», «Калмык», «Еще вчера в степи полынной...», «Степное стихотворение» [«И друг степей калмык...» 2009: 290–296].

Следовательно, к «калмыцким стихам» русского поэта относятся семь произведений. Их названия отразили знакомство Смелякова с калмыцкой историей, культурой, бытом, народом, а также впечатления от поездки. Таким образом, калмыцкая тема в русской лирике XX века продолжила пушкинскую традицию.

Литература

- «И друг степей калмык...»: литературный дайджест. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 447 с.
Неделя калмыцкой литературы в Москве // Теегин герл. 1967. № 2. С. 46–67.
Смеляков Я. Пиала. Любезная калмычка. Девятое мая // Теегин герл. 1968. № 4. С. 9–10.
Смеляков Я. Шаазн. Эңкрэ хальмг күүкн. Майин йисн // Теегин герл. 1968. № 4. С. 10.

Б. В. Меняев
(г. Элиста, Россия)

Калмыцкая рукописная книга как сакральный объект и источник религиозных знаний

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-00281*

Как известно, культурное наследие, оставленное каждым поколением, подлежит сохранению, исследованию и приумножению. Особое место в структуре этого наследия занимает частная рукописная коллекция, которая должна сохраняться и использоваться в особых условиях. Частная рукописная коллекция является формой хранения рукописей, местом накопления знаний, источником культурной памяти общества.

Хорошо известно, что в старину на алтаре каждой калмыцкой семьи хранились буддийские рукописи на тибетском и ойратском языках [Омакаева 1995; 2010]. Раз в год хозяева приглашали буддийского монаха для декламации и объяснения содержания книги. Следует подчеркнуть, что отношение у людей к рукописям, а равно и ко всем религиозным книгам было особое, как к сакральным предметам. К ним можно прикасаться только чистыми руками и с чистыми помыслами. Сама рукописная книга формы «бодхи» воспринималась не просто как источник священного знания, но и, прежде всего, как сакральный предмет, обладающий магической силой. По мнению верующих, она служит защитой дома и членов семьи от различных жизненных невзгод и болезней [Музраева 2012].

Исторические события XX века (революции, войны, борьба с религией, ссылка в Сибирь) способствовали уничтожению и исчезновению культурного наследия. Однако, люди при любых обстоятельствах старались сберечь семейные реликвии. Примечателен тот факт, что при выселении калмыков в Сибирь, когда людям дали 15 минут на сборы, многие из них вместо продуктов питания взяли с собой религиозные книги.

В поселке Сарпа Кетченеровского района в семье Окчаева Бориса Боваевича хранятся рукописи, завернутые в ткань. Рукописи, лампадка (калм. *цөгц*) и четки (калм. *эркн*) передавались из поколения в поколение по мужской линии.

Тексты принадлежали дяде по отцовской линии (калм. *авһ*), астрологу Хошеутовского хурула (калм. *зурхач*) Камышу Окчаеву. К. Окчаев приходился старшим братом деду Окчаева Б. Б. В народе его называли Камыш-зурхачи. Он служил в аймачном хуруле Хошеутовского аймака астрологом. По словам пожилых информантов, он обладал магическими знаниями и мог предсказывать погоду, атмосферные явления. Он умер в 1918 г. После его смерти молитвенник, лампадка и четки перешли на хранение его брату — Окчаеву Йоте. Он в свою очередь бережно хранил реликвии, доставшиеся ему от брата. В конце 1930-х гг. после смерти Окчаева Йоты реликвии хранит его старшая дочь Куука. Она вывезла их в сибирскую ссылку. Куука Йотаевна отбывала ссылку в Алтайском крае. В 1948 г. женился ее младший брат Дорджи. По калмыцким обычаям семейные реликвии должны передаваться по мужской линии. Куука Йотаевна передала на хранение культовые принадлежности в семью брата Дорджи. После возвращения из сибирской ссылки на родину семья Окчаевых поселилась в поселке Шорв, который являлся фермой совхоза Сарпа. В конце 1980-х г. после смерти Дорджи Окчаева реликвии были отданы на хранение Окчаевой Делгер, матери Окчаева Бориса, жене младшего брата Дорджи Йотаева. По словам Окчаева Бориса, его мать не знала содержания молитвенника, не знала ойратской письменности. О содержании молитвенника ей говорила Куука Йотаевна,

приходившаяся ей золовкой (калм. *хадм эгч*). Предварительный анализ рукописей показал, что это рукописи на ойратском языке: «Хутуқта билігійін чінаду күрүқсен тасулуқчі оңір кемёкү судур» («Празднѣя-парамита-сутра»); «Ітегел кемёкү оросібоі» («Принятѣ Прибежища»); «Dara ekeyin хогін nigen маqtāl» («Двадцать одно восхваление Тарѣ»); «Хара келені хариулдақ судур» («Сутра отвращения чернаго языка»); «Хара келені хариулдақ судур» («Сутра отвращения чернаго языка»).

Первые два сочинения являются основополагающими текстами буддизма Махаяны. Они были переведены на ойратский язык Зая-пандитой в XVII в. Третий текст является также переводом Зая-пандиты. Он относится к культу Богини Тары. По мнению верующих, чтение «Двадцати одного восхваления Тары» способствует умиротворению душевных мук, устранению жизненных препятствий, исполняются заветные мечты. Культ Тары очень популярен среди калмыков. Частные рукописные коллекции как культурная ценность являются неким каналом трансляции во времени и пространстве наиболее ценной информации.

То небольшое количество религиозных книг, которое сохранилось у бывших духовных лиц и составляло их круг чтения, также служило источником знаний для простых верующих мало сведущих в буддизме. Например, среди верующих, большой популярностью пользовались «Наставления Джебцзун Дамба-хутухты» [Меняев 2015: 273]. В этом сочинении особый интерес мирян вызывали пророчества о будущем (калм. *элдхл*). По сообщению пожилых информантов, в 1960-70 гг. «Наставления Джебцзун Дамба-хутухты» верующим читал бывший буддийский священнослужитель Эрдни Леджинов, который обучался в Чееря-хуруле в Икицохуровском улусе в начале XX в. По воспоминаниям Боктаевой А.М., Эрдни Леджинов тайно оповещал жителей поселка Сарпа и приусадебных ферм о том, что в такой-то день и час в его доме будет читаться «*Элдхл*» (прим. авт. простонародное название «Наставления Джебцзун Дамба-хутухты»). К вечеру в доме Эрдни Леджинова собирались люди, большинство которых составляли пожилые мужчины и женщины, для слушания буддийских наставлений. По словам Боктаевой А. М., это делалось для того, чтобы поддержать дух верующих в непростые атеистические времена. Такого рода собрания верующих были единственным способом получения основ буддийского учения в то время [Бакаева 2012: 83–89]. Верующие собирались в домах бывших духовных лиц либо их родственников, где и слушали из их уст священные тексты, заучивали их наизусть, переписывали их. Таким образом миряне получали знания о религии, об основных постулатах буддизма, т. е. сохранялась духовная преемственность поколений.

Список информантов

Боктаева Александра Манджиевна, 1937 г.р., хошеутка, род чонахин.

Окчаев Борис Боваевич, 1954 г.р., хошеут, род савгармуд.

Литература

Бакаева Э. П. О традициях передачи знания у буддистов Калмыкии в 1950- 1980 гг. // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 3. С. 88–89.

Меняев Б. В. Поучение «Джебцзун Дамба хутухты»: интерпретация текста // Современные проблемы науки и образования. 2015 г. С. 273.

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 224 с.

Омакаева Э.У. Хальмг лит. Зурха. Элиста, 1995. 126 с.

Омакаева Э.У. Письменная традиция // Калмыки. Сер. «Народы и культуры». М., 2010. С. 382–387.

О передаче тибетских имен и эпитетов буддийских божеств в переводе Тугмюд-Гавджи

Переводческая деятельность калмыцких гелюнгов последнего поколения, одним из которых является Тугмюд-гавджи (О.М. Дорджиев) (1887–1980), еще не получила достаточного освещения. Его имя хорошо известно в Калмыкии в первую очередь благодаря собранной им коллекции буддийских книг, которая в настоящее время является ценным раритетом научного архива КИГИ РАН [Чуматов 1983; Орлова 2002].

О жизни и деятельности этого буддийского подвижника, годы жизни которого совпали с периодом антирелигиозной политики в стране, мы можем судить по воспоминаниям его близких и родственников, по публикациям в прессе последних десятилетий. Среди них не только очерки из заметки, но и научный сборник, подготовленный по материалам конференции, посвященной Тугмюд-гавджи [Буддийская традиция ... 2008]. В последнее время с именем этого просвещенного калмыцкого гелюнга связаны публикации, освещающие вопросы истории буддизма у калмыков [Бакаева 2014].

Тугмюд-гавджи хорошо известен как автор одного из последних переводов, выполненных на ойратской письменности калмыками Поволжья [Т.-Г.] с тибетского языка. В данной работе для сопоставления был использован также текст «Сутры о мудрости и глупости» на тибетском языке, который имеется в научном архиве КИГИ РАН (тиб. *'dzangsblunzhes-byabatheg-pa chen-po'imdo*) [Dzan].

Обращаясь к труду Тугмюд-гавджи, хотелось бы осветить такую сторону перевода, как передачу имен и эпитетов буддийских божеств, именованных персонажей в нем. В самом тексте «Моря притч» повсеместно, в 51 историях, составленных по образцу сочинений из разряда джатак и авадан, освещающих жизнь Будды Шакьямуни, встречаются имена божеств, упоминания представителей различных слоев древнеиндийского общества. Так, эпитет Будды *bcomldan-'das* (Бхагаван, «Ушедший с победой»), который приводится в тибетском тексте, Тугмюд-гавджи переводит как *burxan* [Т.-Г. I: л. 1а и др.]. В тексте его перевода встречается сочетание *šajiy čidiqče* (букв. «способный совершить / творить религию»), в котором вторая часть соответствует второй части эпитета Будды Шакьямуни (тиб. *shākya 'ithub-pa* «Могущественный из [рода] Шакьев»).

В тексте часто персонажи (цари, сановники, члены их семей и т.п.) упоминаются по именам. Тугмюд-гавджи передает тибетские имена в транскрипции, например, тиб. *kha-dogdam-pa* – ойр. *xaduq* (или *qadoq*) *dambo* [Т.-Г. I: л. 1а], тиб. *sems-canchen-po* – ойр. *SemjanJingbii* (или *SemjanJingbe*) [Т.-Г. I: л. 11б], тиб. *ganggā'idara* – ойр. *Gangya Dara* [Т.-Г. I: л. 22а], тиб. *gserdbyig* – ойр. *Seryig* [Т.-Г. I: л. 29а] и т. д. Примечательно, что в своем тексте Тугмюд-гавджи иногда приводит тибетские имена собственные в переводе, например, тиб. *lha'imetog* – ойр. *Tenggirinceceg* [Т.-Г. I: л. 30б] или тиб. *lha'irincen* – ойр. *Teggirinerdeni* [Т.-Г. I: л. 32б] ит.п.

Таким образом, сопоставительный анализ ойратского текста Тугмюд-гавджи и текста тибетского ксилографа позволяет говорить об определенной переводческой технике калмыцкого гелюнга с характерной манерой передачи тибетских имен в транскрипции. В то же время обращают на себя внимание отдельные случаи, когда автор-переводчик подбирает к тибетским именам эквиваленты на ойратском языке.

Все сказанное свидетельствует о высокой эрудиции калмыцких буддийских священнослужителей старшего поколения и требует дальнейшего изучения и публикации их переводов.

Источники

Dzan. — *'Dzangsblunzhesbyabathegpachenpo'imdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Опись 1, ед. хр. 20. 293 л.

Т.-Г.—*Oülgurundalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») — Научный архив КИГИ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Опись 1. Ед.хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Литература

Бакаева Э. П. Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 72–88.

Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 190 с.

Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: Институт востоковедения РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.

Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ// Монголоведные исследования. Элиста, 1983. С. 116–131.

В. В. Обоюкова
(г. Якутск, Россия)

Локальная специфика эпических песен

Актуальность изучения эпического наследия любого народа вполне очевидна и неоспорима. В данной работе внимание автора сосредоточено на песенном материале эпических песен якутского героического эпоса-олонхо, которые требуют тщательного научного изучения. В эпических песнях устойчиво закреплена специфика (идиолект, стиль, манера, ритм, мелодика, традиция, вариативность) исполнительского мастерства сказителя, который, безусловно, является одним из главных факторов возрождения, развития и сохранения эпического наследия якутов олонхо.

Локальные варианты и образцы эпических песен относятся к малоизученным аспектам эпосоведения. Первая попытка нотной записи эпической песни принадлежит А. Ф. Миддендорфу в работе «Путешествие на север и восток Сибири» [Миддендорф 1878: 107]. Политссыльный, поляк В. Л. Серошевский в фундаментальном труде «Якуты. Опыт этнографического исследования» Серошевский 1896:592] привел в нотный стан вариант якутской песни в стиле дэгэрэнг. До и после революционные исследователи-музыковеды: Д. Р. Рогаль-Левицкий, А. В. Скрябин, В. М. Беляев, Ф. Г. Корнилов, Н. Пейко, И. Штейман и другие зафиксировали в основном якутские народные песни в стиле дэгэрэн.

Таким образом, изучение и исследование эпической песни якутского героического эпоса находится на начальной стадии разработки и выработки. Тем не менее, имеющие научную и практическую ценность отдельные труды ученых по музыкальному фольклору (стилевые разновидности, вербальные особенности, фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо) М. Н. Жиркова, Э. Е. Алексеева, Г. Г. Алексеевой, А. С. Ларионовой, Н. Н. Николаевой, А. П. Решетниковой, В. С. Никифоровой и др. являются основой в осмыслении музыкального аспекта олонхо.

Цель данной работы заключается в разработке и расшифровке локальных вариантов эпических песен олонхо, которые послужат основным источником сохранения и передачи классических примеров и особенностей специфики исполнительского искусства эпического наследия якутов подрастающему поколению. Также материалы войдут в научный оборот в изучении живой природы не только якутского эпоса олонхо, но и тюрко-монгольских и мировых эпосов в целом. В качестве материала использованы эпические песни следующих олонхо-сутов: Ядрихинский П. П. — Бэдьээлэ (1901–1979 гг.), Нохсоров У. Г. — Куутук (1907–1951 гг.), Попов В. Н. — Бочоох (1909–1985 гг.), Д. А. Томская — Чайка (1913–2008 гг.), Каратаев В. О. — Харатай Бабылай (1926–1990 гг.), Васильев А. С. — Олонхосут Охонообой, Хоохура (1929–1991 гг.), П. Е. Решетников — Кеьунэ Буетур (1929–2013 гг.), Никифоров К. Н. — Лекечен (1939 г.), Иванов В. И. — Чиллэ (1950 г.).

Для достижения цели работы выполнены следующие задачи:

Выявлены образцы локальных вариантов эпической песни из репертуара олонхосутов XIX–XX–XXI вв. вилюйского, северного, центрально-ленского региона по характерным образам персонажей олонхо (песни богатыря айыы — 7 ед., песня женщины айыы — 4 ед., песня шаманки — 6 ед., песня женщины нижнего мира — 6 ед., песня посыльного — 4 ед., песня богатыря абааы — 7 ед., песня коня — 4 ед.). Выполнена текстологическая расшифровка эпических песен. Сделан перевод на русский язык текстов эпических песен. Проведена нотировка образцов эпических песен. Переведены образцы эпических песен в цифровой формат. Составлен научный комментарий к текстам эпических песен, создан глоссарий незафиксированных в лексико-графических источниках, заимствованным словам мифологических и эпических персонажей, архаичным словам, персоналии олонхосутов.

Методологической базой исследования послужили разработанные в отечественной науке теоретические положения по изучению музыкального песенного фольклора (К. В. Квитка, И. И. Земцовский, Э. Е. Алексеев, Н. Н. Николаева, А. С. Ларионова, Г. Г. Алексеева, А. П. Решетникова, В. С. Никифорова и др).

Данная работа представляет собой первую попытку междисциплинарной (филология, музыковедение) разработки ценного фактического материала по сохранению и изучению исполнительского искусства эпического наследия олонхо, предназначенного для школьников, студентов, преподавателей ССУЗ и ВУЗ РС (Якутия), Северо-Востока Российской Федерации, а также для фольклористов, энтузиастов и руководителей творческих коллективов.

Практическая значимость данной работы заключается в том что выполненный и изданный готовый материал послужит практическим образцом в понимании живой природы песенной культуры якутов, его локальной специфики в исполнительском искусстве, который является основой сохранения и развития культурного многообразия России.

Литература

Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно- историческом отношении. СПб: Типография Императорской Академии наук. Ч. 2. отд. 6 Коренные жители Сибири. 1878.

Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования / В.Л. Серошевский; Изд. ИРГО на средства А. И. Громовой; под ред. Н. И. Веселовского. СПб: Тип. гл. упр. уделов, 1896. Т. 1. XII, 720 с.: порт, [168] рис., карт. Из содерж.: XIV. Народное словестное творчество. С.587–613.

Э. У. Омакаева
(г. Элиста, Россия)

Актуальные проблемы изучения аутентичного искусства монгольских кочевников

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-24-03005 а(м)*

В настоящее время носителями традиционной музыкальной культуры монгольских кочевников являются несколько родственных этносов, проживающие в пределах различных государств, в том числе калмыки России, ойраты Монголии и Китая. Особый интерес представляет сравнительное изучение песенно-танцевального фольклора и музыкального инструментария калмыков и ойратов Монголии.

Можно выделить несколько самостоятельных, различающихся по системе жанров и стилю локальных традиций. Своеобразие и особенность каждой из них во многом обусловлены историческими факторами - условиями расселения и контактами с иноэтнической средой, способствующей консервации традиционных форм духовной (песни и танцы) и материальной (музыкальные инструменты) культуры.

Особенности исторического развития российских калмыков формировались на протяжении 400-летней истории, отделившей их от остального монголоязычного мира. Принципи-

ально новая географическая, социокультурная среда, иноязыковое и иноконфессиональное окружение способствовали сохранению их этнокультурной самобытности.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют как опубликованные, так и еще не введенные в научный оборот архивные и полевые материалы (аудио- и видеозаписи), собранные среди различных групп ойратов Монголии, родственных российским калмыкам и ойратам Китая, в ходе целой серии экспедиций в данный регион в течение последнего десятилетия (2007, 2008, 2013-2015 гг.) [Омакаева, Алимаа 2009]. Собран достаточно обширный материал о песенном и танцевальном фольклоре западных монголов (захчинов, дербетов, торгутов, баитов, урянхайцев, мянгатом, олетов) по состоянию на начало XXI в. Его особая ценность – в аутентичности и жанровом многообразии (в частности, удалось записать свадебные народные песни в контексте самого обряда).

Традиционное музыкальное искусство монгольских народов сформировалось и выросло из недр обрядовой культуры древних кочевников Евразии, во многом определившей его основные жанры и стилевые черты. Важной составляющей обрядового комплекса является музыка в различных ее жанровых проявлениях — пении, танце, инструментальном музицировании, вокально интонируемых молитвах и т. д.

К числу актуальных проблем изучения аутентичного искусства монгольских кочевников мы относим вопросы типологии жанров песни и танца, музыкальных инструментов, степени общности и идентичности песенных текстов монгольских народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов [Омакаева 2009], модификации, трансформации и характера адаптации традиционного искусства кочевников к современным социокультурным условиям.

Танцевально-вокальное искусство ойратов Западной Монголии в сравнении с калмыцким как отражение реальной, исторически конкретной системы кочевой хореографии и песенности, представленной совокупностью функциональных, вербальных, кинетических, стилистических и исполнительских составляющих, обусловленных эстетическим хореографическим и песенным мышлением народа, является одним из важных источников изучения духовного наследия родственных этносов.

Интерес к традиционной культуре, искусству, фольклору древних кочевников Евразии наблюдается сегодня и со стороны ЮНЕСКО, которая предприняла важный шаг, направленный на поддержку народного искусства танца, включив ойратский танец «биелгэ» в Список нематериального культурного наследия человечества. Ойратский биелгэ, который называют «танцем тела», является прообразом как калмыцкого танца би, так и монгольского бужиг [Бадмаева 1982; Омакаева 2010].

Интересно отметить сходство в номинации ойратского и калмыцкого танца (одна и та же лексема би/бий или однокоренная производная лексема биелгэ), но в биелгэ, в отличие от калмыцкого танца, доминируют движения всего корпуса и рук, движения же ног почти отсутствуют (его называют иногда «сидячим» танцем). Поскольку ойратская традиция кочевого искусства является неоднородной, многосоставной, обладающей регионально-локальными географическими и субэтническими особенностями, к тому же практически не изученными, особое внимание необходимо обращать на своеобразие языка вокала и хореографии, музыкального инструментария в разных локальных традициях.

Суть поставленной проблемы заключается в целостной характеристике песенно-танцевальной и инструментальной традиции российских калмыков и ойратов Монголии на уровне системы жанров, поэтики, исполнительского контекста, музыкального стиля путем изучения традиционных звуковых и кинетических представлений и их реализации в кочевой культуре и искусстве степных nomadов, а также в осмыслении процессов модификации песенно-танцевального жанра и аутентичных музыкальных инструментов. Под модификацией понимается комплекс трансформаций и изменений музыкального искусства в силу различных факторов: ландшафтно-географических, культурно-исторических, психологических.

Важность комплексного исследования эволюции песенно-танцевальной традиции конкретного этноса, проявляющейся в синкретическом единстве с обрядом, игрой, песней, ин-

струментальной музыкой, словесным и изобразительным фольклором, заключается еще и в том, что, вскрывая истоки происхождения и общую логику их развития, совместное исследование позволит сделать обобщения, касающиеся специфики бытования музыкального фольклора у калмыков, ойратов Монголии и Китая и художественной культуры монгольских народов в целом.

Литература

Бадмаева Т. Б. Танцевальный фольклор калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 99 с.

Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность. Proceedings of the Second International Conference "Past and Present of the Mongolic peoples". Tokyo, 2009. Pp. 342–352.

Омакаева Э. У. Калмыцкий танец би как феномен духовной культуры монголоязычных народов в контексте ойратской танцевальной традиции бий-биэлгэ // Танцевальный фольклор народов России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова, г. Элиста, 17-18 дек. 2008 г. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 63–77.

Омакаева Э. У., Алимаа А. Песенный фольклор монгольских народов: наследие и современность (по материалам полевых исследований 2007 г.) // Фольклор в контексте культур: мат-лы Всерос. науч. конф., г. Махачкала, 12 марта 2009 г. Махачкала, 2009. С. 44–47.

Очирова Н. Ч.
(г. Элиста, Россия)

Национально-художественные традиции в калмыцкой поэзии (на материале произведений Б. Басангова)

В современных условиях развития калмыцкого литературоведения особое значение имеет изучение проблем национально-художественных традиций в литературе и взаимодействия устного народного творчества с письменной поэзией.

В 2016 году исполняется 105 лет со дня рождения Баатра Бадмаевича Басангова (1911-1944) — поэта, прозаика, драматурга, переводчика, одного из самых ярких представителей и основоположников советской калмыцкой литературы.

Литературная деятельность Б. Басангова началась в конце 1920-х годов с появлением его первых произведений на страницах газеты «Таңһчин зэнг» и журнала «Мана келн». В 1931 г. вышел в свет его первый сборник рассказов «Һашута үнн» («Правда минувших лет»).

Жизненный и творческий путь Баатра Бадмаевича являются особенным этапом в истории становления калмыцкой литературы и искусства. Из под его пера вышло немало произведений различных художественных жанров — стихотворения, пьесы, проза, литературно-критические и публицистические статьи, очерки и т. д., которые внесли неоценимый вклад в становление и развитие советской калмыцкой литературы. Художественная индивидуальность Баатра Басангова основана на творческом освоении и использовании лучших традиций калмыцкого устного народного поэтического творчества и русской классической литературы.

Характерным явлением зарождающейся советской литературы было обращение к историческому прошлому, эпическому творчеству, воссозданию славных героических традиций народа. Обработка Б. Басанговым фольклорных сюжетов имеет глубокое принципиальное значение, он очень трепетно относился к сокровищнице устного народного творчества и традициям национальной культуры, используя их в своем богатейшем арсенале образов и ярких словесно-изобразительных средств [Пюрвеев 1971: 23].

Целью настоящей работы является осмысление поэтического творчества Баатра Басангова наряду с основными закономерностями развития калмыцкой советской литературы, а также выявление в его творчестве национально-художественных черт, наиболее соответствующих традиционным воззрениям калмыков.

Свидетельством творческой преемственности народной художественной традиции в творчестве Б. Басангова является использование калмыцких народных загадок-триад с сохра-

нением специфической формы вопросов и ответов (например, в песне «Дөөгд дун» («Насмешливая песня»). Использование народных песен в произведениях Б. Басангова помогает выразительно очертить круг социальных слоев общества. В тексте «Күмн өврж ханшго йовдл» («Случай, достойный удивления») одним из сюжетных звеньев является сатирическая песня, обличающая ленивых людей.

Обращение Б. Басангова к фольклорным традициям существенно повлияло на художественный уровень его литературных произведений. В своих произведениях писатель и поэт стремился показать свободолюбие и патриотизм калмыцкого народа. Кроме того, персонажи в произведениях Б. Басангова обладают знаниями народного этикета и в определенных ситуациях поступают согласно национальным обычаям и традициям [Биткеев 1984: 161].

Сохранение и развитие национальной культуры, своих корней — это важнейшая задача, которая требует бережного отношения к традиционной художественной литературе, фольклору и историческим памятникам. Фольклор является бесценным национальным богатством, заслуживающим особого изучения. Это огромный пласт духовной культуры калмыков, который складывался на протяжении многих столетий [Очирова 2010: 118].

Жанры устного народного творчества калмыков (поговорки и загадки, триады, песни, шаваша, сказки, приметы и др.) тесно связаны с жизнью народа, его историей, бытом, культурой, повседневной трудовой деятельностью. В них нашли широкое отражение свойственные калмыцкому народу характерные черты, жизненный уклад, обычаи, обряды. Обобщающий характер фольклорно-поэтических элементов, открывает перед писателем большой простор для их использования. Б. Басангов внес в советскую калмыцкую литературу фольклорные мотивы калмыцкого героического эпоса «Джангар», сказок, в частности «Далн хойр худл» («72 небылицы»), народных песен, благопожеланий, магталов, загадок, триад, поговорок и пр.

В его творчестве сочетается мастерство импровизации с глубоким историческим смыслом, характерное для художника народного слова. Все это говорит о тематическом разнообразии рассматриваемых жанров, открывающих перед писателями большой простор для их применения. Так, например, в стихотворении «Социализмин орн» («Страна социализма») писатель обращается к калмыцкому народному эпосу «Джангар», используя для своих образов героические черты, присущие эпическим персонажам. В стихотворениях «Хальмг мөртэ цергин авшг» («Клятва калмыцкой кавалерии»), «Жаңһрин баатрмудин дун» («Песня богатырей Джангара»), «Хальмг мөртэ цергчнрин дун» («Песня калмыцкой кавалерии»), «Хальмг мөртэ цергчнрин марш» («Марш калмыцкой кавалерии») калмыцкие воины, как и эпические богатыри из «Джангара», дают клятву «Быть едиными на всю жизнь», посвятив ей «страсти и радость свои»:

Жилв бах хойрас

Жирглиннь төлэ гетли-я,

Насн наснаннь туршарт

Ни-негн йови-я [Басангов 1961: 27].

Что касается монументальных образов богатырей в калмыцком героическом эпосе «Джангар», глубины идейного содержания его песен, совершенной художественной формы, то они привлекали и привлекают внимание мастеров художественного слова и ученых. Это нетленное творение духовной культуры калмыцкого народа дошло до наших дней, бережно передаваясь из поколения в поколение благодаря его носителям — исполнителям-джангарчи [Биткеев 1987: 8-9].

Таким образом, на примере поэтического творчества Б. Басангова можно говорить о национально-художественных традициях в советской калмыцкой литературе и тесном взаимодействии устного народного творчества с письменной поэзией.

Литература

Басңа Баатр. Мөңк зөөр. Шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 64 х.

Биткеев Н. Ц. Фольклорные традиции в творчестве Б. Басангова // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Респ. типография ГК Калм. АССР, 1984. С. 157–164.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1987. 141 с.

Очирова Н. Ч. Этнокультурные ценности фольклора в творчестве калмыцких писателей (на материале творчества К. Эрендженова, А. Бадмаева, А. Балакаева) // Мат-лы межрегион. науч. конф. «Этнопедагогическая коннотация содержания непрерывного образования». Элиста: КалмГУ, 2010. С. 118–122.

Пюрвеев В. Д. Драматургия Баатра Басангова. Вологоград: Обл. бл. тип. управлен. По печати, 1971. С. 47.

*Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А.,
Шамсутдинова Г.Г., Ишмухаметова А.Ш.,
Каримова Р.Н.
(г. Уфа, Россия)*

О корпусе башкирского фольклора

Корпусная лингвистика является сегодня динамично развивающимся направлением современной филологии. Все крупные языки разработали свои национальные корпуса и с каждым днем наращивают их объемы. Начаты корпусные разработки и по языкам народов России [Бадмаева, Бадагаров, Цыдыпов 2008; Салчак 2012; Сулейманов, Хакимов, Гильмуллин 2011; Куканова 2011]. Среди разрабатываемых национальных корпусов по разнообразию охватываемого материала выделяется корпус калмыцкого языка, включающий в себя параллельный, устный, диалектный и старокалмыцкий подкорпусы [Куканова 2012; Куканова 2013а; Куканова 2013б; Куканова, Бембеев, Убушаев, Манджиева 2013].

Башкирскими лингвистами созданы публицистический, прозаический и поэтический корпуса, ведется работа по наращиванию объемов баз данных [Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова, 2013; Орехов, 2014]. С 2015 г. лаборатория лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН начала работу над корпусом башкирского фольклора. Данный корпус создается на единой программно-интерфейсной основе с публицистическим и прозаическим корпусами. Для функционирования корпусов в сети Интернет на базе СУБД ОРАКЛ разработана интегрированная система, позволяющая создавать корпуса, осуществлять широкий круг поисковых задач и обслуживать базу данных (редакторская работа) [Сиразитдинов, Полянин 2014].

Система экстралингвистических и лингвистических разметок фольклорных текстов разработана в русле общих идей разметки корпусов башкирского языка [Бускунбаева, Сиразитдинов 2011], но есть и некоторые различия.

Экстралингвистическая разметка текстов фольклорного корпуса включает в себя название материала, вид жанра, жанровую разновидность, источник, дополнительную информацию. Первоначально планировалось указывать тематику текстов, но в ходе работы разработчики отказались от этого, поскольку в одном фольклорном тексте возможны несколько тематик.

Название включает само название фольклорной единицы и через точку варианты, например: Заятүләк менән Ыуһылыу. Вариант 1. Варианта может и не быть, но встречаются фольклорные произведения с числом вариантов до 30. Отметим, что у загадок, пословиц, коротких песен названия отсутствуют.

Всего нами выделяются 4 жанра со следующими разновидностями:

I. Эпический жанр: исторический эпос, мифологический эпос, бытовой эпос, волшебные сказки, богатырские сказки, бытовые сказки, сказки о животных, мифологические легенды, этнонимические легенды, бытовые предания, исторические предания.

II. Лирический жанр: исторические песни, лирические песни, такмаки.

III. Лиро-эпический жанр: исторические байты, бытовые байты, мунажаты, обрядовый фольклор.

IV. Афористический жанр: поговорки, пословицы, загадки, поверья, скороговорки, приметы, заклятья, проклятья, клятвы.

Источник содержит библиографическое описание книги для изданных текстов, для неизданных — место хранения и архивный шифр. На сегодняшний день нами обрабатываются только изданные тексты.

Дополнительная информация содержит сведения об информаторе, о годе и месте записи фольклорного текста.

Система морфологической разметки башкирских корпусов ориентирована на представление всех регулярных словоизменяемых грамматических форм. Морфологическая информация башкирской словоформы в корпусе включает: а) частеречную характеристику; б) совокупность морфологических признаков по типу агглютинативных аффиксов словоизменения, которые подразделяются на именные и глагольные формы. Именные морфологические признаки включают показатели 15 категорий, глагольные морфологические признаки — показатели 11 категорий [Сиразитдинов 2013].

На сегодня корпус фольклора содержит 502 фольклорных текста общим объемом в 689403 словоформы. Распределение существующих текстов корпуса по жанрам и разновидностям представлено в Таблице 1.

Таблица 1.

Распределение текстов корпуса по жанрам и разновидностям

№	Жанр	Количество текстов	Объем в словоформах
1	исторический эпос	73	188486
2	мифологический эпос	22	56756
3	бытовой эпос	39	172398
4	волшебные сказки	113	115097
5	бытовые сказки	154	121476
6	сказки о животных	101	35190
Итого		502	689403

Материалы корпуса башкирского фольклора активно используются языковедами ИИЯЛ в составлении большого академического словаря башкирского языка.

Литература

Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б., Цыдыпов Б. З. Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008» (6–10 октября 2008 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург, 2008. С. 24–30.

Бускунбаева Л., Сиразитдинов З. А. Система разметок в национальном корпусе башкирского языка // Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы. Йошкар-Ола, 2011. С. 45–51.

Куканова В. В. Архитектура метаописания в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 139–145.

Куканова В. В. Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 192–197.

Куканова В. В. Параллельные тексты на калмыцком языке в лингвокультурологическом аспекте: принципы построения и перспективы развития // Вестник Бурятского научного центра РАН. 2013а. № 4. С. 138–148.

Куканова В. В. Корпус «ранних» текстов на старокалмыцком языке // Материалы XLII Международной филологической конференции (11–17 марта 2013 г., Санкт-Петербург). Вып. 24: Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов России / отв. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2013б.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Убушаев Н. Н., Манджиева Б. Б. Устные тексты на калмыцком языке: запись и расшифровка // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2013. № 3. С. 56–64.

Орехов Б. В. Проблемы лингвистической разметки башкирских текстов // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. Казань: Фэн, 2014. С.135–140.

Сиразитдинов З. А. Корпусные проекты лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН // Известия Уфимского научного центра РАН. 2013, № 4. С. 104–111.

Сиразитдинов З. А., Полянин А. И. Об опыте разработки интегрированной корпусной системы на базе СУДБ Оракл // Труды казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. Казань, 2014. С. 85–88.

Сулейманов Д. Ш., Хакимов Б. Э., Гильмуллин Р. А. Корпус татарского языка: концептуальные и лингвистические аспекты // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 4 (26), 2011. С. 211–216.

Ц. Б. Селеева
(г. Элиста, Россия)

Роль сохранения культурного наследия в самоидентификации личности и этноса

В современных динамично развивающихся социальных условиях, вызванных эпохой глобализации, все большую значимость приобретают вопросы этнической самоидентификации. Обращение к национальному культурному наследию и приобщение к его ценностям и идеям позволяют человеку идентифицировать себя в современном социуме. В этой связи особо актуальными являются проблемы сохранения и изучения традиционной культуры. В рассматриваемом случае речь идет о сохранении калмыцким этносом своей языковой и культурной самобытности.

Современный кризис, вызванный культурными потерями и, прежде всего, утратой родного языка, своими корнями уходит в прошлое столетие и обусловлен рядом причин, его породивших: процессом аккультурации — переходом с кочевого на оседлый образ жизни, повлекшим коренные изменения в социальной и хозяйственной структурах калмыцкого общества, что привело к исчезновению многих аспектов традиционного кочевого образа жизни; индустриализацией в советский период, которая была отмечена атеистической политикой, уничтожением традиционных религиозных институтов и повсеместным утверждением государственной советской идеологии, секуляризацией и коллективизацией общества. Наибольший урон культурной идентичности калмыков был нанесен в период депортации калмыцкого народа (1943—1957 гг.). Возвращение народа из ссылки и восстановление государственности в рамках калмыцкой автономной республики знаменуются подъемом национального самосознания. В этот период большой созидательный вклад в дело возрождения национальной культуры, науки и образования был внесен ярчайшими представителями калмыцкой интеллигенции — С. К. Каляевым, Д. Н. Кугультиновым, К. Э. Эрендженевым, А. И. Сусеевым, Х. Б. Сян-Белгином, Б. Б. Дорджиевым, А. Б. Бадмаевым, А. Г. Балакаевым, Ц. Д. Номинхановым, И. К. Илишкиным, Н. Ш. Ташниновым, А. Ш. Кичиковым, Б. Д. Муниевым, У. Э. Эрдниевым, Б. Б. Бадмаевым и мн. др.

Между тем в 1980-х годах становится явным, что образовательные и культурные приоритеты периода советской социалистической системы оказались губительными для языков и культур, национальной политики малых народов, в том числе и для калмыков: «...к 1983 году калмыцкий язык, становой хребет культуры народа, оказался в состоянии глубокого кризиса: костяк нации, люди среднего возраста (30–40 лет) в быту пользовались в основном русским языком, а большинство детей (до 95 % в городах и крупных населенных пунктах республики) окончательно утратило родной язык как средство общения» [Бадмаев, Кичикова 2008: 211].

Признаками и попытками национального возрождения отмечен постсоветский период с начала 1990-х годов, когда наблюдается тенденция обращения к языку и народной культуре. В республике открываются национальные классы, центры народного творчества, организуются и проводятся фестивали этнических культур, широко отмечаются национальные праздники (Джангариада, Цаган Сар). В это время активно возрождается буддизм, а вместе с ним и религиозная культура (традиции, медицина, астрология, обряды, ритуалы и практики) и буддийские институты, имеющие тесные связи с зарубежными буддийскими центрами,

способствующие развитию буддологии в ведущих научных востоковедных и монголоведных центрах [Омакаева 2000; Бакаева 2014].

В настоящее время отмечается повышение интереса к этнической культуре у среднего и молодого поколения калмыков. Важную роль в поддержании повседневной жизни калмыцкого общества играют традиционные родственные связи — семейные родословные и генеалогии, родовая обрядность, обряды и ритуалы, связанные с жизненными циклами (родинные, свадебные и др.), народные верования, национальные и религиозные праздники.

В то же время одной из острых и важнейших проблем современности является утрата преемственности в передаче традиционной культуры и, как следствие, ее непонимание, недооценка, а зачастую отторжение и потеря. Это относится к традиционному калмыцкому фольклору, важнейшая роль в котором отводится процессу воспроизведения и восприятия. Без живого воспроизводства традиционный фольклор перестает быть носителем смыслов, ценностей, установок, становясь лишь рудиментом культуры. Отмечается утрата бытования сказочной и эпической сказительской традиции, исполнения протяжных песен «ут дун» в их обрядовой и ритуальной обусловленности, потеряна традиция исполнения протяжных гимнических песнопений религиозного содержания «частр дун». Народные игры и загадки, легенды, устные предания, верования, считающиеся неотъемлемой частью традиционных систем знаний, теряют свою образовательную и воспитательную этнопедагогическую значимость. Под угрозой исчезновения объекты материальной культуры, являющиеся ее вещественным свидетельством, отражающие менталитет, традиции, представления о мире и образе жизни калмыков (семейные реликвии, объекты традиционного кочевого быта — утварь, костюмы, украшения, упряжь и мн. др.).

Следует отметить, что учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН ведется активная работа, направленная на сохранение, научное осмысление и популяризацию историко-культурного наследия калмыков [Омакаева 2003; 2006; Манджиева 2015]. Проводятся комплексные научные фольклорно-этнографические, археологические экспедиции с привлечением специалистов из разных российских и зарубежных исследовательских центров¹. Ведется обработка и серийное издание материалов полевых исследований, поскольку научное и культурное значение полевого материала с каждым годом возрастает, в связи со стремительным исчезновением традиционного фольклора, уходом из жизни людей, владеющих сокровищами народного творчества. В 2008 году в КИГИ РАН основана серия «Сокровища предков», которая знакомит читателей с фольклорным репертуаром лучших сказителей и знатоков [Буутан Санжин туульс 2008; Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня 2010; Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс 2011; Герлтсн сувсн 2014]. Ученые-фольклористы работают над созданием фундаментального проекта «Свода калмыцкого фольклора», в котором отобраны к изданию лучшие образцы жанров устного народного творчества калмыцкого народа. Особенное внимание посвящено исследованию героического эпоса «Джангар». В русле современных тенденций ведется оцифровка архивных материалов и создается банк данных по текстам устной культуры калмыцкого народа.

Несмотря на то, что в настоящее время направляются всемерные усилия со стороны федеральных и республиканских властей, научно-образовательного и культурного сообщества калмыки на сохранение и возрождение национального историко-культурного наследия, назрела необходимость создания и внедрения комплексной государственной программы «Со-

¹ «Фольклор и язык западных монголов (ойратов) в контексте центрально-азиатских устно-поэтических и письменных традиций» 2007 г., «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции» 2008 г., «Поселения в степи. Изучение образа жизни и хозяйства древнего населения волго-маньчжеских степей» 2011 г., «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР» 2012 г., «Топонимический ландшафт Калмыкии в зеркале языка, фольклора и исторической географии» 2013 г., «Западномонгольский и калмыцкий песенно-танцевальный фольклор во времени и пространстве: взгляд через столетие (по следам экспедиций ученых-монголоведов Г. Рамстедта, А. Руднева и А. Бурдукова в Монголию и Калмыкию в 1900-1930-е гг.)» 2014 г. и мн. др.

хранение национального историко-культурного наследия», координирующей взаимодействие всех уровней государственных структур и профильных учреждений по выработке соответствующих стратегий и разнообразных подходов, которые бы позволили сохранить богатство национальной культуры и передать будущим поколениям во всем ее многообразии. Каковы же пути актуализации, сохранения и возрождения культурного наследия для приобщения последующих поколений к истокам культуры?

Очевидна необходимость создания фонда — всеобъемлющей базы данных по находящимся под угрозой исчезновения материалам традиционного культурного наследия, а также мониторинг и анализ учеными-специалистами культурных изменений в динамике. Материалы, размещенные в свободном доступе на специальном вебсайте, можно будет использовать в качестве источника информации в образовательных, исследовательских и популяризаторских целях.

Республика Калмыкия имеет богатейшее историко-культурное наследие. На наш взгляд, оно должно стать одним из главных ресурсов социально-экономического развития региона. В Калмыкии уникальные памятники природы, заповедные места, богатая растительность и редкая орнитофауна. Здесь пролегал Великий Шелковый путь, обитали хазары, строила города Золотая Орда. Именно здесь находится великий исторический перекресток, географический центр евро-азиатского материка.

Одним из перспективных направлений в разработке стратегий продвижения территорий является обращение к комплексу историко-культурного наследия, осмысление которого лежит в основе формирования социальной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития территорий. Имея четкую историко-географическую локализацию, данное наследие создает базу для местной идеологии и территориальной идентичности, предоставляя ресурсы для реализации культурных и образовательных программ, формирования брендов, развития туризма и связанных с ним секторов экономики. При этом очевидно, что при формировании направления территориального развития не учитывать при разработке соответствующей стратегии историко-культурные ресурсы невозможно. Действительно, если рассматривать культурное наследие с точки зрения его роли и места в жизни современного поселения, то можно говорить о том, что оно представляет собой сложную социокультурную систему, активно взаимодействующую со средой и временем и несущую определенную, меняющуюся во времени и пространстве информацию. Именно наследие лежит в основе информационных кодов, которые обеспечивают «производство», накопление и передачу информации в человеческой цивилизации. Таким образом, образуется система взаимосвязей между культурой, наследием и информацией, функционирование которой и позволяет воспроизводить достижения культуры для новых поколений.

Литература

Алти чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной Боктаев Шаня) / сост., вступит. ст., прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Бадмаев А. В., Кичикова Б. А. Возрождение языка — работа общая. Памяти профессора А.Ш. Кичикова (вместо предисловия) // Учитель, ученый, просветитель. Профессор А.Ш. Кичиков: проект Калмыцкого университета / Федеральное агентство по образованию, Калм. гос. ун-т, [отв. ред. Г. М. Борликов]. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. С. 211–226. 304 с.

Бакаева Э. П. Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №3. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 72–88

Буутан Санжун туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн.1. / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б.Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.

Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрнэгс). Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой). Собиратель Санджиева Б. М. Записи 1972–1974 гг. / Вступ. ст., сост. предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 230 с.

Манджиева Б. Б. Фольклорное наследие калмыков: сохранение, изучение, популяризация на современном этапе // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4(13). С. 100–104.

Омакаева Э. У. Традиционная культура и буддизм в Калмыкии: прошлое и современность // Этнография народов Монголии и Сибири. Улан-Батор–Улан-Удэ, 2000. С. 94–99.

Омакаева Э. У. Проблема сохранения языка и культуры в Республике Калмыкия // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: традиции, обретения, освоение: мат-лы Всерос. науч. конф., г. Махачкала, 11–16 окт. 2000 г. Махачкала, 2003. С. 509–515.

Омакаева Э. У. Проблемы сохранения и популяризации культурного и эпического наследия монголоязычных народов в условиях глобализации XXI в. (на примере калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Устойчивое развитие стран Арктики и северных регионов РФ в контексте образования, науки и культуры. Якутск, 2006. С. 16–18.

Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс (Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой) / сост., прил. Горяевой Б. Б. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.

Д. Ю. Топалова
(г. Элиста, Россия)

К вопросу изучения литературной деятельности калмыцкой эмиграции

Калмыцкое национальное литературное зарубежье, история которой берет начало в конце 1920-х гг. нач. 1930-х гг., как проблема актуальна и предопределяет многоаспектность исследовательского внимания. До этого периода тема, связанная с литературной деятельностью калмыцкой эмиграции, была, как известно, полностью закрыта. Однако время вынужденного молчания миновало. Настал период, когда мы можем начать изучать деятельность калмыцких литераторов-эмигрантов, ибо, несмотря на многие исторические, идеологические принципы и обстоятельства, это неисследованная часть является достоянием калмыцкой культуры.

Одной из первых попыток научного анализа формирования калмыцкой диаспоры является совместная монография А. Т. Горяева и И. В. Борисенко «Очерки истории калмыцкой эмиграции» (1998), в которой собраны и изучены ранее неизвестные калмыцкому читателю источники и сведения о жизни калмыцких эмигрантов за рубежом, при этом хронологические рамки указанной работы охватывают 1917–конец 1930-х гг. На основе ранее закрытых архивных документов, исследовательских материалов отечественных и зарубежных ученых, а также публицистики того периода авторами подробно рассматривается исторический аспект проблемы: причины перевода волжских, астраханских калмыков в казачество, противостояние истории «красных» и «белых», трагедия новороссийского исхода летом 1920 г., врангелевский поход Зюнгарского полка, прибытие эмигрантов в Турцию, довоенные годы европейского периода калмыцкой эмиграции, пребывание людей на Балканах и берегах Влтавы. Немаловажное место в работе занимают описание и исследование культурно-общественной, просветительской и издательской деятельности эмигрантов.

В книге «О людях и времени» (2010), автором которой является П. Э. Алексеева, старший библиограф научной библиотеки КИГИ РАН, жизни и деятельности калмыцкой эмиграции 1920—1990 гг. посвящены шесть интересных статей: «К истории калмыцкой диаспоры за рубежом», «Журнал пражских студентов «Ойрат», «Просветительская деятельность калмыков в эмиграции», «Санджи Балыков и его переписка» [Алексеева 2010]. Последняя представляет особый интерес. В ней приведены уникальные материалы: более 20 писем (в 1990-е гг. в Калмыкию их привезла племянница писателя), знакомящих читателя с перепиской конца 1920-х гг. писателя Санджи Балыкова.

Еще один источник, освещающий жизнь и деятельность калмыцкой эмиграции, — книга Э.-Б. Гучиновой «Улица Kalmuk road» [Гучинова 2004]. Автором поэтапно анализируется жизнь калмыцких общин в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), в Польше, Чехословакии и в Бельгии. История возникновения калмыцких общин в эмиграции, а именно — в странах Западной Европы и Америки, также стало предметом внимания в статье Д. А. Шарманджиева «Из истории калмыцкой эмиграции XX в. в европейских странах и США» [Шарманджиев 2013]. Автор справедливо отмечает, что «изучение

темы калмыцкой эмиграции актуально в контексте кризиса и поиска национальной идентичности...». Рассматривая историю появления калмыцкой эмиграции двух волн в Югославии, Чехословакии, Сербии, Франции, Германии, США, исследователь делает вывод о достаточной адаптивности и мобильности калмыцких общин в странах Европы и США в преодолении первоначальных трудностей экономического и психологического характера [Шарманджиев 2013:124].

А. Т. Баяновой, заведующей научной библиотекой КИГИ РАН, в статьях «“Хонхо” как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья», «Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков», «Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков» подробно рассматривается издательская деятельность калмыцкого зарубежья, занимает в книжной культуре немаловажное место. Так, например, «в 1926 году Калмыцкая Комиссия Культурных работников приняла участие в Международном съезде библиотекарей и друзей книг, где демонстрировались книги (хрестоматии) «Хонхо», отличавшиеся от другого массового издания улучшенным оформительским решением [<http://cyberleninka.ru>]. В статье автор обращает внимание и на еще один немаловажный факт — стесненное материальное положение эмигрантской книжной печати. Ввиду того, что денежных средств на издание журналов не хватало (а издавались они за счет авторов или за счет подписки на периодическое издание), к концу двадцатых годов тиражирование калмыцкой периодики было прекращено [<http://cyberleninka.ru>]. В целом же, автор приходит к справедливому выводу о том, что феномен этого издания заключается в том, что «немногочисленной калмыцкой интеллигенции в эмиграции удалось издать за небольшой срок пребывания на чужбине (десять лет) столько, сколько не удавалось калмыкам за трехсотлетнее пребывание (к началу XX в.) в составе Российской империи» [<http://cyberleninka.ru>].

Все вышеперечисленные научные работы можно условно отнести к исследованиям социально-исторического характера, прослеживающим пути возникновения, становления и развития калмыцкого зарубежья, а также общественно-публицистическую и издательскую деятельность его представителей. Другая же группа исследований посвящена изучению жизни и творчества писателя-эмигранта Санджи Басанговича Балыкова — писателя, поэта, драматурга, публициста, общественно-политического деятеля, творчество которого представляет существенный научный интерес, однако, ввиду многих причин, остается на сегодня малоисследованным. Первые материалы о нем были представлены Арашем Борманжиновым, американским профессором, академиком, доктором филологических наук. Уникальность его кратких очерков и статей заключается в том, что исследователь ввел в научный оборот немаловажные сведения не только биографического, но и литературоведческого характера.

Проблеме научного изучения литературной деятельности калмыцкого зарубежья посвящена диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20-30 гг.)» (1991), в частности, глава третья «Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20-30 гг.)», а также статьи Р. А. Джамбиновой [1991, 1993, 2003], А. А. Бурыкина [2006], Т. Г. Басанговой [2015], Э. А. Эльдышева [2014], Д. Ю. Топаловой [2015, 2016].

В целом, анализ показывает, что указанная тема разработана в научной литературе, однако необходимо обобщить и систематизировать имеющийся материал (в пределах Калмыкии), накопленные предшественниками факты и информацию. Кроме того, несомненно, требуется комплексное и целостное исследование культурной и литературной деятельности калмыцкой эмиграции, ее идеологических и эстетических особенностей, в том числе выявление национальной идентичности (в ее конкретных проявлениях и составляющих), одной из существенных проблем в условиях изгнания. В этом смысле речь идет о «перечтении, переосмыслении», «системном анализе и объективной оценке» [Барабаш 2000: 3] всего имеющегося материала, как из литературного наследия, так и из историко-документального фонда. Все эти и другие вопросы несут в себе некую загадку, оставаясь не до конца познанными и малоизученными.

Литература

- Алексеева П. Э.* Люди и судьбы. Сборник статей. Элиста: АПП «Джангар», 2010. С. 141–167 с.
- Барабаш Ю. Я.* Вступительные заметки // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. I. М.: Наследие, 2000. С. 3–7.
- Басангова Т. Г.* Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова «Девичья честь» // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. III Международный форум, посв. 90-летию доктора филологических наук, профессора С. С. Суразакова (14-15 июля 2015 г., Горноалтайск). Горноалтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 170–171.
- Баянова А. Т.* «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // URL: <http://sibac.info/conf/philolog/xxxix/39044> [дата обращения: 30.08.2016 г.].
- Баянова А. Т.* Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков // URL: <http://didacts.ru/dictionary/1013/word/bukvar>. [дата обращения: 30.08.2016 г.].
- Баянова А. Т.* Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 8. С. 15–19.
- Бичеев Б. А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20-30 гг.) автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007 // URL: <http://cheloveknauka.com/vliyanie-pismennyh-amyatnikov-i-folklor-na-razvitie-kalmytskoj-literatury-2030-gg/> [дата обращения: 30.08.2016 г.].
- Борманжисов А.* Санжи Балыков // Теегин герл. 2004. № 4. С. 65–69.
- Борманжисов А.* Санжи Балыков. Краткий очерк жизни и литературной деятельности // Балыков С. Б. Девичья честь: Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 270–278.
- Борманжисов А.* Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1998. № 6. С. 65–69.
- Бурыкин А. А.* Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова // Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р. П. Кудрявцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ. Библио. «Перемена», 2006. С. 52–62.
- Бурыкин А. А.* Калмыцкие слова, южно-русская лексика и калмыцко-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита с русскоязычной калмыцкой литературы (на материале творчества С. Балыкова) // Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. III. С. 109–130.
- Гучинова Э. Б.* // Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Джамбинова Р. А.* Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.
- Джамбинова Р. А.* Критерий исследования — научная этика // Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 150–161.
- Джамбинова Р. А.* Возвращение // Теегин герл. 1991. № 6. С. 117–121.
- Топалова Д. Ю.* Рассказ С. Балыкова «Растоптанный тюльпан в свете национальных традиций» // Мат-лы Международной. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Б. Х. Тодаевой (23–26 апреля 2015 г. Элиста). Элиста: КИГИ РАН. С. 98–102.
- Топалова Д. Ю.* Литература калмыцкой эмиграции: рассказ С. Балыкова «У незримой стены» в аспекте национальной самобытности // Мат-лы Международной науч.-практ. конф. «Проблемы изучения национальных литератур» (25-27 июня 2015 г. Махачкала). Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы. С. 342–349.
- Топалова Д. Ю.* «Национальное своеобразие рассказов С. Балыкова «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены» // Вестник КИГИ РАН, 2015. № 4.
- Шарманджиев Д. А.* «Из истории калмыцкой эмиграции XX в. в европейские страны и США» // URL: <http://> [дата обращения: 30.08.2016 г.].
- Шарманджиев Д. А.* Об изучении участия калмыцкой молодежи в эмигрантском движении XX в. // Шестые Ковалевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф. (11 – 12 ноября 2011 г. Санкт-Петербург). Ответ. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб: Скифия-принт, 2011. С. 1087–1089.
- Шарманджиев Д. А.* Калмыцкая молодежь в эмигрантском движении XX в. Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Международной науч.-практ. конф. (20-23 сентября 2011 г. Элиста). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2011. Ч. 1. С. 155–159.

Археографическое описание текстов песен багацохуровского цикла XIX века

Багацохуровский цикл песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» представляет собой одну из наиболее ранних записей. В цикл входят три песни: «Дуут богд Жанһр догши Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг» / «О победе Славного богдо Джангара над Свирепым Хара Кинесом», «Аср Улан Хонһр догши Шар Манһс хааг эмдэр кел бэржавч иргсн бөлг» / «О том, как Исполин Алый Хонгор взял в плен и доставил живым Свирепого Шара Мангас хана» и «Догши Замбл хаана һалзу долан боднгиг Эср Улан Хонһр Күнд һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» / «О победе Исполина Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью грозными богатырями Свирепого Замбал хана». Тексты были зафиксированы разными людьми и размещены в различных архивах.

Рукописи песен о «О победе Славного богдо Джангара над Свирепым Хара Кинесом» и «О том, как Исполин Алый Хонгор взял в плен и доставил живым Свирепого Шара Мангас хана» на ойратском языке хранятся в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета под шифром 908 Incipit: (f. 1a) Olonbumburxanüdedumduñiüdelegse n: ... Calm. C. 17, inventoryNo. 1770. Old call number Xyl. F 63. GolstunskyCollection (1857), No. 2. [Библиотека...]. Широкая тетрадь в твердой обложке, черно-коричневого цвета. На титуле указаны шифр и единственное название в данной рукописи «Джангара» на кириллице. С третьей страницы (нумерация страниц в рукописи начинается непосредственно с начала песни) начинается текст песни «О победе Славного богдо Джангара над Свирепым Хара Кинесом» на ясном письме, данная страница обрамлена рамкой с четырех сторон. В левой нижней части повреждение в виде дырочки, в правом верхнем углу — пятно от чернил. Листы желтые, края мятые, поврежденные. На отдельной строке (отчерчено от остального текста), написано «один» / «неге», текст песни начинается без названия. На данной странице — 24 строки, выведенные красивым, очень ровным, убористым почерком. На второй странице текста — 29 строк, 3—30, 4—31 с середины 12 строки почерк более размашист, не аккуратен. Цвет чернил в данном месте светлее и тоньше, с 5—9 страницы имеют по 30 строк, 10—31, 11—30, 12—31 (эти страницы написаны иным почерком), с 13—20 страницу по 34 строки, 21—30, 22—24 страницы — по 31 строке, 25—29 страницы — по 30 строк (на 27 странице с 10 строки и до конца страницы замечен третий почерк в данном тексте, очень размашистый), 30—1, с 31—35 страницу по 30 строк, с 36—40 страницу по 31 строке. На 38 странице с 9 строки (также без названия) начинается текст песни «О том, как Исполин Алый Хонгор взял в плен и доставил живым Свирепого Шара Мангас хана», почерк тот же. 40—31, 41—30, 42—31, 43—30, 44—31, 45—30, 46—31, 47—49 страницы по 30 строк, 50—31, 51—53 страницу по 30 строк, 54—31, 55—28 строк, на этом тексты песен заканчиваются. Далее идут две страницы, форзац и обложка. Всего в тетради вместе с обложкой 59 страниц, непосредственно текст — на 55 страницах. Рукопись носит следы работы с текстом, имеются исправления, подчеркивания, пометы, но этого, чтобы сказать, что мы имеем дело с «полевой записью», как отмечает Т. Г. Иванова: «После полевой записи в жизни каждого текста, как правило, следовал следующий этап превращений: перебеливание» [Иванова 1991: 11]. По тексту рукописи нет каких-либо больших исправлений, вставок, сокращений слов, перестановок «это четко и ясно переписанные тексты», оформленные каллиграфическим почерком, что говорит о «беловой рукописи».

Оригинал песни «О победе исполина Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью грозными богатырями Свирепого Замбал хана», известной больше как «Песня Бобровникова», в составе рукописи под названием «Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуровского улуса» хранится в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге под шифром «Опись 1 архивного материала. Ученый архив географического общества. Разряд 53 (А V). Рукописи трудов членов Географического общества и другие документы о народностях Европейской России. Дело № 15» [Архив РГО]. Формат больше, чем А4, А3, сложено пополам и сшито нитью. Листы желтые, расчерчены линиями и поделены пополам. Тексты — на одной половине листа. На первых двух листах записаны

песни «Л. 1. Хальмгин ду бичдг дегтр» / «Тетрадь для записей калмыцких песен». С третьей страницы начинается текст песни эпоса «Л. 3. Хальмгин тууль бич дегтр. Деед богд хан Жаңһрин йовдлын тууль» / «Тетрадь для записей калмыцких сказок. Сказание о походе верховного богдо Джангар-хана».

Таким образом, тексты песен Багацохуровского цикла «Джангара» представляют собой уникальный материал для дальнейшего текстологического анализа и всестороннего комплексного изучения эпической традиции калмыков.

Литература

Архив Русского Географического общества. Опись Архивного материала. Ученый архив Географического общества. Разряд 53 (А V). Рукописи трудов членов Географического общества и другие документы о народностях Европейской России. Дело № 15.

Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр 908 Incipit: (f. 1a) Olon bum burхан üde dumduni üdelegsen:... Calm. С. 17, inventory No. 1770. Old call number Xyl. F 63. Golstunsky Collection (1857), No. 2.

Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии / Т. Г. Иванова // Проблемы текстологии фольклора. Русский фольклор XXVI. Л.: Наука, 1991. С. 5–21.

Р. М. Ханинова
(г. Элиста, Россия)

Военное детство в рассказе Михаила Хонинова «На берегу Ухлясти»

В рассказе Михаила Хонинова «Ухлястин көвэд» [Хоньна М. 1966: 169–174] мотив военного детства представлен в биографическом ракурсе: партизанская борьба в Белоруссии во время Великой Отечественной войны.

На русский язык рассказ «На берегу Ухлясти» переведен В. Тростянским в 1967 г., на белорусский — А. Карлюкевичем в 2015 г. Главный герой — мальчик-белорус из сожженной немцами деревни Городец в Быховском районе на Могилевщине. Время основных событий — лето 1943 года. Бои в немецком окружении 15-й партизанский полк А. С. Демидова, в состав которого входила хониновская рота, вел в октябре-ноябре 1943 г., когда находился в Хачинском лесу, рядом с указанным в рассказе местом.

В рассказе о судьбе мальчика партизаны узнали от уцелевших жителей деревни: отец ушел на фронт, а мать погибла во время пожара. Сам ребенок после ранений потерял память, поэтому командир роты дал ему имя Пюрвя (в русском переводе — имя Хонгор, в честь богатыря из калмыцкого эпоса «Джангар»).

В рассказе Пюрвя ходил в разведку, воевал, как все. Мальчику двенадцать лет, но он рано повзрослел на войне. Очередной бой закончился выходом партизан из семнадцатидневного окружения в Хачинском лесу. В рассказе Хонинова мальчика, погибшего в последнем бою, похоронили на берегу Ухлясти.

Рассказ в русском переводе завершался мотивом исторической памяти: «С тех пор прошло много лет, но Хонгор всегда как живой в моей памяти. И когда я смотрю на хорошие дела подрастающих ребят, я говорю:

– Нет, не погиб богатырь Хонгор. Он жив и сейчас в делах своих сверстников» [Хонинов 1967: 3].

Таким образом, тема военного детства в рассказе Михаила Хонинова «На берегу Ухлясти» связана с мотивом усыновления командиром партизанской роты, с героической гибелью мальчика-белоруса с калмыцким именем, с воспоминаниями названного отца Миши Черного о партизанской юности.

Литература

Хонинов М. На берегу Ухлясти // Социалистическая Якутия. 1967. 25 июня. С. 3.

Хоньна М. Ухлястин көвэд // Хоньна М. Ээлтэ улс: келврумд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1966. С. 169–174.

Сведения об авторах

Авджаева Ирина Саналовна — младший научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Айтберов Темирлан Магомедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Андреева Арья Александровна — ассистент кафедры (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Ануфриева Евгения Владимировна — доцент, кандидат философских наук (Волгоградский государственный технический университет)

Асаналиева Кыял Асаналиевна — студент (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Астафурова Татьяна Николаевна — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный университет)

Ахмадов Явус Зайндиевич — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник (Комплексный научно-исследовательский институт РАН)

Ачинова Гиляна Анатольевна — студент (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Ашкаев Михаил Сергеевич — аспирант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Бадгаева Дарина Николаевна — магистрант (Московский государственный университет)

Бадмаева Екатерина Николаевна — доцент, профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Бадмаева Ноган Вячеславовна — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Байтенов Эскандер Муслимович — ассоциированный профессор, доктор архитектуры (Казахская головная архитектурно-строительная академия)

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Баранова Влада Вячеславовна — доцент, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт лингвистических исследований РАН)

Басангова Тамара Горяевна — доцент, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, заведующая музеем традиционной культуры (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий отделом (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Бачаева Саглар Егоровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Баширов Сархан Эхтирам оглы — аспирант (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Баянова Александра Тагировна — заведующий научной библиотекой (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Белозёрова Марина Витальевна — доцент, доктор исторических наук, главный научный сотрудник (Сочинский научно-исследовательский центр РАН)

Белоусов Сергей Степанович — доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, заместитель директора (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Берберов Бурхан Абуясуфович — доктор филологических наук, и. о. заведующего отделом (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований РАН)

Боваева Галина Манджиевна — доцент, кандидат филологических наук, (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Болдырева Инджир Месиновна — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Буратаев Евгений Гаврилович — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Бурлыков Данзан Арашаевич — младший научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Бурыкин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт лингвистических исследований РАН)

Бускунбаева Лилия Айсовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Валиева Мадина Раилевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Ван Е — аспирант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Власкина Нина Алексеевна — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН)

Галимеева Марина Владимировна — ассистент кафедры (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Гарсаев Лейчий Магомедович — профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики)

Голубева Евгения Владимировна — доцент, кандидат филологических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Горяева Баира Басанговна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Горяева Виктория Валерьевна — студент (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Дамбуева Полина Петровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник (Институт языкознания РАН)

Данакари Ричард Арами — доцент, профессор, доктор философских наук, (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Джамирзаев Салман Мирзакаевич — профессор Чеченского государственного университета, доктор исторических наук, заведующий лабораторией этнологии и археологии (Комплексный научно-исследовательский институт РАН)

Джунджузов Степан Викторович — доцент, доктор исторических наук, (Оренбургский государственный педагогический университет)

Дулина Надежда Васильевна — профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный технический университет)

Дулина Надежда Васильевна — профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный технический университет)

Дыбо Анна Владимировна — профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом (Институт языкознания РАН)

Дякиева Раиса Батнасуновна — доцент, доктор педагогических наук профессор кафедры (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Екеев Николай Васильевич — кандидат исторических наук, директор (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова)

Енчинов Эркин Валериевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова)

Есенова Галина Борисовна — магистрант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Есенова Тамара Саранговна — профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Икингрин Елена Николаевна — доцент, кандидат социологических наук, Вице-президент Российского общества социологов (Нижевартовское отделение РОС)

Иноземцева Елена Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Иноуэ Такэхико — научный сотрудник Японского общества продвижения науки (JSPS Research Fellow) (Центр исследований Северо-Восточной Азии, Университет Тохоку)

Ишегулова Алсыу Минифариевна — младший научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Ишмухаметова Анита Шаукатовна — младший научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Кадаева Александра Григорьевна — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Карасик Владимир Ильич — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Каргаполова Екатерина Владимировна — доцент, профессор, доктор социологических наук (Астраханский государственный архитектурно-строительный университет)

Каргаполова Екатерина Владимировна — доцент, профессор, доктор социологических наук (Астраханский государственный архитектурно-строительный университет)

Каримова Рамиля Нигматьяновна — научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Кекеев Эрдни Анатольевич — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Ким Ильгиза Анваровна — кандидат социологических наук

Китинов Баатр Учаевич — доцент, кандидат исторических наук (Российский университет дружбы народов)

Кокшаева Нина Овшиновна — кандидат филологических наук

Колесников Вячеслав Александрович — доцент, профессор, доктор политических наук (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Кольцов Петр Михайлович — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Команджаев Александр Нармаевич — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Команджаев Нарма Арслангович — студент (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова), лаборант (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Комаров Сергей Геннадьевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь (Институт этнологии и антропологии РАН)

Корнеев Геннадий Батыревич — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Костин Максим Валериевич — кандидат сельскохозяйственных наук, научный сотрудник (Институт лесоведения РАН)

Красавский Николай Алексеевич — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Крылов Сергей Александрович — профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник (Институт востоковедения РАН)

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, директор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Кулик Константин Николаевич — академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, директор (Федеральный научный центр агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения РАН)

Кулманов Сарсен Куантайулы — доцент, кандидат филологических наук (Институт языкознания им. А. Байтурсынова)

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии (Институт восточных рукописей РАН)

Кучукова Зухра Ахметовна — профессор, доктор филологических наук (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова)

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора (Институт фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета)

Лиджи-Горяева Софья Эрдниевна — кандидат социологических наук, заведующий отделом (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Лиджиев Александр Борлаевич — доцент, кандидат филологических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Лиджиева Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, заместитель директора (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Лиджиева Людмила Алексеевна — доцент, кандидат филологических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Магомедов Даниял Магомедович — научный сотрудник (Институт языка, литературы и искусства им. г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН)

Магомедов Магомед Ибрагимович — профессор, доктор филологических наук, директор (Институт языка, литературы и искусства им. г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН)

Магомедова Мадина Зайнудиновна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник (Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН)

Максимов Константин Николаевич — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Манджиева Байрта Барбаевна — кандидат филологических наук, заведующий отделом (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Манджиева Елена Куприяновна — учитель (МБОУ «Элистинский лицей»)

Маргушина Дина Викторовна — аспирант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Марзаева Марина Борисовна — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Маштыков Кирилл Владимирович — научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Менглинова Даля — ученик (МБОУ «Элистинский лицей»)

Меняев Бадма Викторович — младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Мининков Николай Александрович — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой (Южный федеральный университет)

Мошуддаев Баатр Викторович — главный архитектор проекта (Открытое акционерное общество «Проектный институт Калмыкии»)

Музраева Деляш Николаевна — доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Мулаева Нина Михайловна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Муратова Римма Талгатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Мушаев Владимир Наранович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Наднеева Кермен Анджукаевна — профессор, доктор философских наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Намуева Людмила Васильевна — доцент, кандидат социологических наук, заведующий отделом (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Наранжаргал Норовсамбуу — аспирант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Нацагдорж Б. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии АН Монголии

Нусхаева Байрта Басанговна — научный сотрудник, кандидат социологических наук (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Обоюкова Варвара Валерьевна — заведующий сектором (Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного Федерального университета)

Овчар Надежда Андреевна — доцент, кандидат социологических наук (Волгоградский государственный технический университет)

Огнева Елена Дмитриевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт востоковедения им. А. Крымского Национальной Академии Наук Украины)

Оконов Баатр Андреевич — научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Оконова Людмила Вячеславовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Олянич Андрей Владимирович — профессор, доктор филологических наук, (Волгоградский государственный аграрный университет)

Омакаева Эллага Уляевна — доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научного отдела (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова); ученый секретарь (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Орлова Кемя Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт востоковедения РАН)

Осинский Иван Иосифович — профессор, доктор философских наук, заведующий лабораторией (Бурятский государственный университет)

Осмаев Аббаз Догиевич — доктор исторических наук, заместитель директора (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН)

Очир-Горяева Мария Александровна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан)

Очиров Улюмджи Владимирович — бакалавр (Российский государственный университет правосудия)

Очиров Уташ Борисович — доцент, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Очирова Виктория Сергеевна — старший преподаватель (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Очирова Нюдля Четыровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Пахолова Ирина Викторовна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева)

Петрунева Раиса Маратовна — проректор по учебной работе (Волгоградский государственный технический университет)

Подковыров Игорь Юрьевич — доцент, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой (Волгоградский государственный аграрный университет)

Попова Ирина Федоровна — профессор, доктор исторических наук, директор (Институт восточных рукописей РАН)

Псянчин Юлай Валиевич — профессор, доктор филологических наук (Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России)

Раемгузина Зилия Мухаметьяновна — профессор, доктор филологических наук (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Рыкин Павел Олегович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт лингвистических исследований РАН)

Ряжев Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (Поволжский православный институт)

Садовой Александр Николаевич — профессор, доктор исторических наук, чл. корр. РАН и САН ВШ, заведующий кафедрой (Сочинский научно-исследовательский центр РАН)

Салыкова Валерия Васильевна — доцент, кандидат филологических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Сангаева Любовь Николаевна — младший научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Саряева Райма Григорьевна — старший преподаватель (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Селеева Цаган Бадмаевна — научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Семенова Екатерина Сергеевна — доцент, кандидат сельскохозяйственных наук (Волгоградский государственный аграрный университет)

Сивков Сергей Михайлович — доцент, кандидат исторических наук (Частное образовательное учреждение высшего образования Южный институт менеджмента)

Сиразитдинов Зиннур Амирович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Спиридонова Людмила Юрьевна — научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Сувданцэцэг Дашчулуун — аспирант (Томский государственный университет)

Сулейманова Резида Ахметьяновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Тапкина Анна Очирована — Заслуженный работник культуры Республики калмыкия

Таркова Радмила Анатольевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь (ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»)

Ташнинова Анна Анатольевна — старший научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Ташнинова Людмила Николаевна — кандидат биологических наук, заведующая лабораторией экологических проблем (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Тензин Чодураа Мочак-Хаевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований)

Тихонов Андрей Константинович — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой (Владимирский государственный университет)

Топалова Делгир Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Трегубова Динара Дмитриевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь (Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Трофимова Светлана Менкеновна — профессор, доктор филологических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Тюхтенева Светлана Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Убушаев Николай Надбитович — доктор филологических наук, старший научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Убушиева Данара Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Уланова Светлана Сергеевна — кандидат географических наук, заведующий отделом (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Ункуров Эдуард Юрьевич — младший научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Ушницкий Василий Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН)

Хакимьянова Айгуль Мужавировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Ханинова Римма Михайловна — доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Хашаева Анастасия Борисовна — научный сотрудник (Институт комплексных исследований аридных территорий)

Хлыщева Елена Владиславовна — профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой (Астраханский государственный университет)

Хныкин Александр Сергеевич — младший научный сотрудник (Федеральный научный центр агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения РАН)

Хонинов Вячеслав Николаевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник (Институт языкознания РАН)

Церенов Санчир Васильевич — кандидат экономических наук

Цуцулаева Сапият Сайпудиновна — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой (Чеченский государственный университет)

Четырова Любовь Борисовна — профессор, доктор философских наук (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева)

Шалак Максим Евгеньевич — доцент, кандидат исторических наук (Южный федеральный университет)

Шамсутдинова Гульгина Газзавиевна — младший научный сотрудник (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)

Шараева Татьяна Исаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Шарманджиев Дорджи Адьянович — кандидат педагогических наук, научный сотрудник (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Эльтеева Герел Викторовна — магистрант (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова)

Эмген Санал Николаевич — учитель истории (лицей-интернат «Подмосковный»)

Юсупова Гурия Ислангараевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник (Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН)

Яхонтова Наталия Сергеевна — доцент, кандидат филологических наук старший научный сотрудник (Институт восточных рукописей РАН)

Научное издание

**ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА ЮГА РОССИИ: МЕЖДУНАРОДНОЕ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.**

Материалы II Международной научной конференции,
посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
(г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.)

Верстка Д. В. Татнинов

Подписано в печать 02.09.2016.
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,5. Тираж 300 экз.
Заказ 09-16.